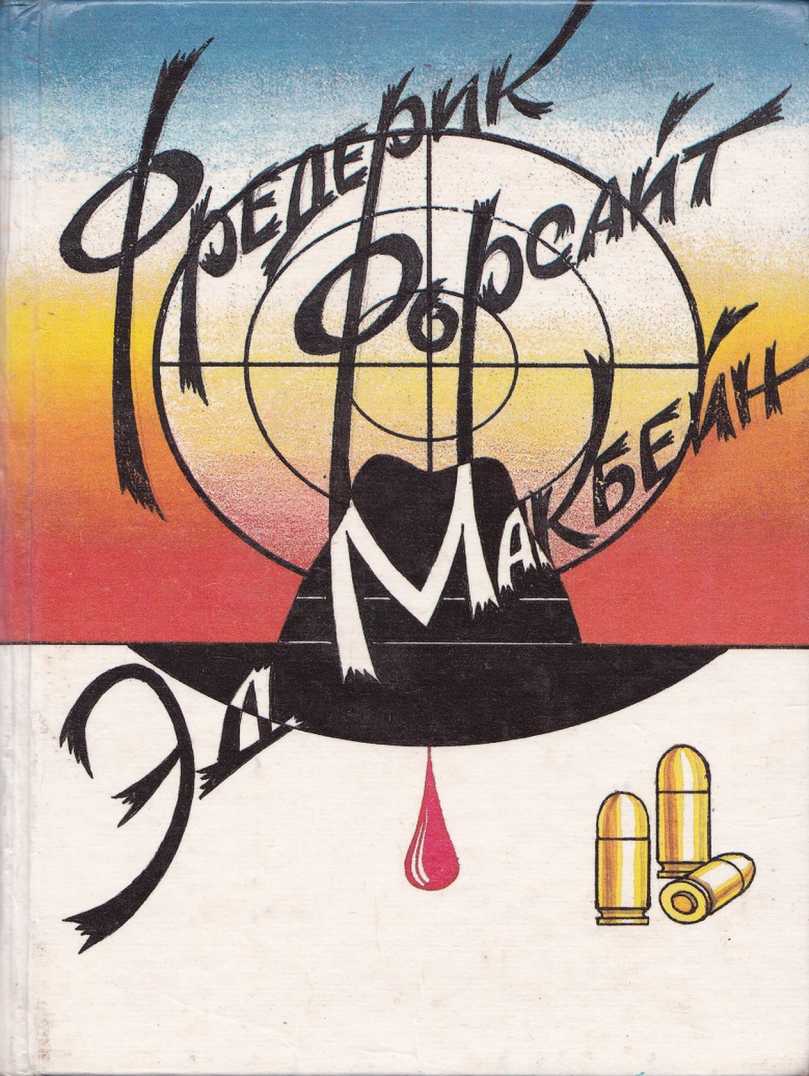
Фредерик Форсайт
Эд МакБейн

День Шакала
Фредерик Форсайт

Аннотация
Фредерик Форсайт. ДЕНЬ ШАКАЛА
Часть первая. АНАТОМИЯ ЗАГОВОРА
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Часть вторая. АНАТОМИЯ ОХОТЫ
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18

Часть третья. АНАТОМИЯ УБИЙСТВА
Глава 19
Глава 20
Глава 21

Аннотация

Весной 1963 года, после провала очередного покушения на жизнь Президента Шарля де Голля, шефом оперативного отдела ОАС полковником Марком Роденом был разработан так называемый «план Шакала».

Шакал — кодовое имя профессионального наемного убийцы, чья личность до сих пор остается загадкой, по который как никто другой был близок к тому, чтобы совершить убийство де Голля и, возможно, изменить тем самым весь ход мировой истории.

В романе-исследовании Ф. Форсайта в блестящей манере описаны все подробности этого преступления: вербовка убийцы, его гонорар, хитроумный замысел покушения, перед которым оказались бессильны международные силы безопасности, захватывающая погоня за убийцей по всему континенту, в ходе которой ему лишь на шаг удавалось опережать своих преследователей, и, наконец, беспрецедентные меры, предпринявшие Францией для того, чтобы защитить Президента от самого безжалостного убийцы

нашего времени.

Фредерик Форсайт. ДЕНЬ ШАКАЛА

Фредерик ФОРСАЙТ

ДЕНЬ ШАКАЛА

Часть первая. АНАТОМИЯ ЗАГОВОРА

Глава 1

Париж, 6 часов 40 минут. Прохладно. Мартовское утро кажется еще холоднее, когда стоишь перед взводом солдат в ожидании расстрела.

Именно в этот час, 11 марта 1963 года, на главном внутреннем плацу форта де Иври подполковник французских ВВС Жан-Мари Бастьен-Тери стоял у вбитого в промерзший гравий столба со связанными руками, удивленно взирая на выстроенных в двадцати метрах от него солдат, постепенно осознавая всю серьезность происходящего.

Когда черная повязка навсегда скрыла от него солнце и по ногам прошла нервная судорога, как ни странно, он испытал некоторое облегчение. Никчемное бормотание священника было прервано лязгом затворов и солдаты вскинули карабины.

Тяжелый грузовик громко просигналил за стенами форта, заглушая команду "Товсь!". Выстрелы, слившиеся в один короткий звук, подняли в небо стаю голубей и потонули, в нарастающем грохоте пробуждающегося города.

Казнь этого офицера, главаря убийц из ОАС, Секретной Армейской Организации,[1] поставившей своей целью уничтожение Президента Франции, должна была положить конец всем последующим попыткам покушения на жизнь главы правительства. Но по прихоти судьбы она означала только начало. И для того чтобы понять это, необходимо проследить весь путь, приведший к тому, что бездыханное тело этого человека оказалось на внутреннем плацу военной тюрьмы в пригороде Парижа...

* * *

Наконец солнце закатилось за дворцовую стену, и через весь внутренний двор протянулись длинные тени, принося долгожданную прохладу. В семь часов вечера на термометре все еще было 23 градуса. Стоял, несомненно, самый жаркий день в этом году. По всему городу изнемогающие от жары парижане усаживали своих ворчливых жен и хнычущих детей в автомобили и поезда, чтобы провести эти выходные за городом. И в этот день, 22 августа 1962 года, группа заговорщиков

---

[1] Примечания: 1

ОАС - ультраправая неофашистская организация, созданная в Алжире в 1961 году.

должна была привести в исполнение смертный приговор, вынесенный ими Президенту Франции, генералу Шарлю де Голлю.

В то время, когда горожане спасались от зноя в прохладе лесов, рек и озер, за богато украшенным фасадом Елисейского Дворца вот уже несколько часов продолжалось совещание Кабинета. На посыпанном гравием внутреннем дворе, погруженном в желанную тень, друг за другом были припаркованы шестнадцать черных "Ситроенов"-DS. Спрятавшись от солнца у западной стены, водители, привыкшие большую часть своего рабочего времени проводить в ожидании прихотей своих хозяев, вяло перебрасывались шутками. Совещание продолжалось дольше обычного, и они уже начали было тихонько ворчать про себя, когда около половины восьмого за зеркальными дверями, венчающими дворцовую лестницу, возник раззолоченный швейцар и сделал знак страже. Водители сразу же побросали недокуренные сигареты, охранники и стража вытянулись в струнку, и массивная чугунная решетка мягко отползла в сторону.

При появлении первой группы министров водители уже сидели в своих лимузинах. Швейцар распахнул двери, и члены Кабинета двинулись

вниз по лестнице, на ходу обмениваясь шутками по поводу предстоящего "спокойного" уик-энда. По порядку лимузины подкатывали к крыльцу, и швейцар с поклоном открывал заднюю дверь. Министры усаживались в машины и выезжали из ворот мимо застывших по стойке "смирно" гвардейцев в предместье Сан-Оноре.

Через десять минут двор почти опустел. Два оставшихся черных "Ситроена" медленно подкатили к лестнице. Водителем первой машины, с флажком Президента Французской Республики, был Франсуа Маро, полицейский из Управления Национальной Жандармерии в Сатори. Он был не очень-то разговорчив и обычно держался в стороне от других.

Хладнокровие и умение водить машину быстро, но, вместе с тем, безопасно, помогли ему стать персональным шофером де Голля.

В машине не было никого, кроме Маро. За рулем второго лимузина сидел тоже жандарм из Сатори.

В 19.45 за стеклянными дверями появилась еще одна группа, и во дворе все снова застыли в напряженном ожидании. На этот раз, одетый в повседневный темно-серый костюм, за стеклом появился сам Шарль де Голль. С галантностью,

присущей жителям Старого Света, он пропустил мадам Ивон де Голль вперед, затем взял ее под руку, и они вдвоем спустились вниз к ожидавшему их "Ситроену", заняв места на заднем сиденье. Мадам де Голль устроилась с левой стороны, генерал сел справа от нее.

Их зять, полковник Алан де Бюсси, начальник штаба бронетанковых и мотопехотных соединений Французской Армии, проверил, хорошо ли закрыты обе задние двери машины, и уселся рядом с Маро.

Двое других, вышедших вместе с четой де Голль, заняли места во втором лимузине. Анри де Жудер, огромный алжирец, исполнявший в тот день обязанности телохранителя, забрался на переднее сиденье и, поправив под мышкой тяжелый револьвер, откинулся назад. С этого момента глаза его будут непрерывно следить за тротуарами и углами улиц, мимо которых будет проезжать кортеж.

Бросив несколько слов остающемуся во Дворце дежурному охраннику, на заднее сиденье этого же автомобиля сел еще один человек. Это был комиссар Жан Дюкре, начальник службы безопасности Президента. Два мотоциклиста в белых шлемах отъехали от западной стены и на-

правились к воротам. За пять метров от входа они притормозили и оглянулись. Маро тоже подъехал к воротам и остановился за мотоциклистами. За Маро последовала вторая машина. Было 19.50.

Снова отползла в сторону чугунная решетка, и кортеж двинулся мимо застывшей стражи в предместье Сан-Оноре. Миновав его, колонна выскочила на авеню де Марини. Здесь, за растущими вдоль дороги каштанами, сидя на мотороллере, ее поджидал молодой человек в защитном шлеме. Проследив за промчавшимся мимо кортежем, он съехал с обочины и двинулся следом.

Движение было не слишком интенсивным, и поэтому никаких предупреждений о выезде Президента не было дано заранее. Лишь вой сирен подсказывал постовым о приближении колонны, и только отчаянными усилиями им все же удавалось вовремя освободить дорогу. Прибавив скорость, колонна стремительно ворвалась на залитую солнцем площадь Клемансо и пересекла ее в направлении моста Александра III.

Двигаясь в потоке служебных автомобилей, молодой человек на мотороллере старался не отставать от кортежа. Миновав мост, Маро выехал на авеню Генерала Гальени, а оттуда — на

широкий бульвар Инвалидов. Здесь, на пересечении бульвара Инвалидов и улицы Рю де Варан, мотороллер сбавил скорость и свернул к угловому кафе. Зайдя внутрь, молодой человек достал из кармана небольшой металлический жетон, подошел к стоящему в глубине зала телефону и набрал номер.

* * *

Подполковник Жан-Мари Бастьен-Тери ожидал в кафе в пригороде Медон. Ему было тридцать пять лет, он был женат, имел троих детей и работал в Министерстве Авиации. За обычным фасадом своей профессиональной и семейной жизни он скрывал глубокую ненависть к Шарлю де Голлю. Он был убежден, что, уступив Алжир местным националистам, Президент предал не только Францию, но и тех людей, которые в 1958 году восстановили его у власти.

С потерей Алжира сам подполковник не потерял ничего, но его соображения основывались не на личных мотивах. В своих собственных глазах он был патриотом, уверенным, что послужит на благо своей любимой родины, уничтожив человека, который, по его мнению, предал ее. В то время тысячи людей разделяли его взгляды,

но лишь немногие из них были фанатичными членами Секретной Армейской Организации, поклявшимися во что бы то ни стало убить де Голля и свергнуть его правительство. Бастьен-Тери был одним из них.

Потягивая пиво, он услышал, как в кафе зазвонил телефон. Бармен передал ему трубку и отошел в другой конец зала, чтобы настроить барахливший телевизор. Несколько секунд Бастьен-Тери молча слушал, затем произнес:

- Очень хорошо, спасибо, - и положил трубку на рычаг.

Заплатив за пиво, он не спеша вышел из кафе. Оказавшись на тротуаре, достал из кармана газету и дважды свернул и развернул ее.

На втором этаже в доме напротив молодая женщина задернула кружевные занавески на окнах квартиры и, обращаясь к собравшимся в комнате, произнесла:

- Маршрут номер два.

Пятеро молодых людей, не искушенных в организации покушений, перестали нервно ломать руки и вскочили. Остальные семеро были постарше и нервничали гораздо меньше. Командиром этой группы и вторым человеком после Бастьен-Тери был лейтенант Алан Бугрене де ля Токне,

правый экстремист из семьи поместных дворян. Ему было тридцать пять лет, он был женат и имел двоих детей.

Самым опасным из всех собравшихся в этой комнате был Жорж Ватен. Тридцати девяти лет, широкоплечий, с квадратной челюстью, он был настоящим фанатиком ОАС. Будучи в прошлом агрономом в Алжире, Ватен за два года зарекомендовал себя как наиболее опасный убийца в организации. Из-за старого ранения в ногу он был известен под кличкой Хромой.

Услышав сообщение, все двенадцать спустились вниз и через заднюю дверь вышли на боковую улочку к шести ожидавшим у входа автомобилям, которые были либо украдены, либо взяты напрокат. Было 19.55.

Много дней Бастьен-Тери лично занимался подготовкой места покушения, измеряя угол стрельбы, скорость и расстояние до движущихся автомобилей и необходимую для их остановки плотность огня. Местом для акции он выбрал длинную прямую дорогу под названием авеню де ля Либерасьон, на пути к главному перекрестку Пти-Кламар. Согласно разработанному плану, первая группа стрелков должна была открыть огонь по машине Президента за полкилометра до

перекрестка, укрывшись за стоящим на обочине фургоном. Начав вести огонь с острого угла и продолжая стрелять до того момента, пока президентская машина не поравняется с фургоном, стрелки, по подсчетам Бастьен-Тери, смогут произвести по автомобилю более полутора сотен выстрелов. Когда машину удастся остановить, с боковой дороги должна выскочить вторая группа, которая с близкого расстояния взорвет автомобиль охраны. За несколько секунд обе группы расправятся с остатками президентского кортежа и скроются на другой боковой улице, где их уже будут ждать три автомобиля.

Сам Бастьен-Тери, тринадцатый в отряде, отвел себе роль наблюдателя.

В 20.05 обе группы заняли исходные позиции. В ста метрах от места засады в направлении Парижа, на автобусной остановке Бастьен-Тери спокойно просматривал газету. Взмах газетой послужит сигналом Сержу Бернье, командиру первой группы, ожидающему у фургона. Он и отдаст приказ стрелкам, притаившимся поблизости в траве. Бугрене де ля Токне с Хромым Ватеном поведет машину на перехват полицейской охраны.

* * *

Пока террористы занимали свои места, колонна генерала де Голля расчистила себе дорогу на забитых автомобилями центральных Парижских улицах и достигла окраины города. Здесь движение было менее интенсивным и скорость кортежа возросла почти до 95 километров в час.

Выехав на свободную трассу, Франсуа Маро бросил взгляд на часы и, ощутив раздраженное беспокойство сидящего за его спиной генерала, еще больше прибавил газу. Сопровождающие мотоциклисты чуть отстали и теперь замыкали колонну. Вообще-то де Голлю никогда не нравились эскорты, и по возможности он старался обходиться без них. В таком порядке кортеж выехал по авеню де ля Дивизион Леклер на перекресток Пти-Кламар. Было 20.17.

В миле от них Бастьен-Тери уже начинал ощущать результаты допущенной им ошибки. Хотя о самой ошибке он не подозревал до тех пор, пока ему не рассказали о ней полицейские в камере смертников, куда он попал несколько месяцев спустя. Дело в том, что, рассчитывая график покушения на Президента Франции по календарю, он выяснил, что сумерки 22 августа наступают лишь

в 20.35, то есть гораздо позже, чем колонна де Голля приблизится к месту засады. Но календарь, по которому делал свои расчеты подполковник, был прошлогодним, и он не предполагал, что, согласно календарю 1962 года, сумерки наступают в 20.10. Эти двадцать пять минут и изменили историю Франции.

Ровно в 20.18 Бастьен-Тери разглядел колонну, мчащуюся в его сторону по авеню де ля Либерасьон со скоростью 110 километров в час, и неистово замахал газетой.

В ста метрах от него Бернье сквозь надвигающуюся темноту вглядывался в смутную фигуру на автобусной остановке.

- По-моему, он все же махнул газетой, - ни к кому не обращаясь, задумчиво произнес он. Но не успели последние слова слететь с его губ, как он заметил акулий нос президентского автомобиля, который в одно мгновенье пересек автобусную остановку. И вот уже из темноты за ним вынырнула вся колонна.

- Огонь! - что было сил заорал он притаившимся у его ног стрелкам.

Те открыли огонь, лишь когда колонна уже почти поравнялась с ними, пытаясь поразить цель, проносящуюся мимо них, под прямым углом.

Всего 12 пуль попало в президентский автомобиль, да и то благодаря лишь исключительной меткости стреляющих. Большая их часть поразила "Ситроен" сзади. Под огнем лопнули две шины, и, несмотря на самоподкачивающую систему, из-за внезапной потери давления машину повело юзом. Вот тогда жизнь генерала де Голля спас Франсуа Маро.

Пока бывший легионер Варга пытался меткими выстрелами попасть в скаты, все остальные разряжали магазины автоматов в заднее окно быстро исчезающего из виду президентского автомобиля. Несколько пуль угодили в кузов, а одна, вдребезги разбив заднее стекло, просвистела в сантиметре от генерала.

- Вниз! - закричал полковник де Бюсси, повернувшись к Президенту и его супруге.

Мадам де Голль пригнулась и положила голову на колени мужа.

- Что опять? - бесстрастно произнес Президент и обернулся, чтобы посмотреть в заднее окно.

Сжимая прыгающий в руках руль, Маро мягко отпустил педаль тормоза, с силой надавливая на акселератор. Потерявший было скорость "Ситроен" рванулся вперед к перекрестку с авеню дю Буа, как раз той боковой дорогой, где их под-

жидала еще одна группа террористов. За ним следовала вторая машина, по счастливой случайности не задетая еще ни одной пулей.

Скорость стремительно приближающихся автомобилей поставила ожидающего в машине де ля Токне перед выбором. Он мог выехать на перехват и остановить колонну, совершив самоубийство, либо отпустить сцепление на секунду позже, чем нужно. Он выбрал второе. Вырулив с обочины, он оказался рядом не с машиной де Голля, а с автомобилем де Жудера и комиссара Дюкре.

По пояс высунувшись из правого окна, Ватен разрядил автомат в хвост переднего автомобиля, сквозь разбитое заднее окно которого выделялся надменный профиль Президента.

- Почему же эти идиоты не отстреливаются? - с горечью произнес де Голль.

Де Жудер попытался стрелять по машине террористов, но водитель заслонял ему обзор. Тогда Дюкре приказал шоферу следовать за президентским лимузином, и уже спустя секунду нападающие остались позади. Один из мотоциклистов сопровождения едва не был сбит выскочившей с боковой дороги машиной де ля Токне, но сумел выровнять мотоцикл и устремился вслед за

колонной. Кортеж миновал перекресток и направился в сторону Виллакубле.

У террористов, находящихся в засаде, не было времени для взаимных упреков. Оставив задействованные в операции автомобили, они бросились к ожидающим их машинам и растворились в сгустившихся сумерках.

По рации комиссар Дюкре вызвал Виллакубле и кратко сообщил о случившемся. Спустя 10 минут, когда колонна прибыла на место, генерал де Голль настоял на том, чтобы его подвезли прямо к ожидавшему вертолету. Остановившуюся машину плотной стеной окружили чиновники и военные; открыв двери, они помогли потрясенной мадам де Голль выбраться наружу. С другой стороны появился генерал,

отряхивая с пиджака осколки разбитого стекла. Не обращая внимания на суетящихся вокруг него офицеров, он обошел машину и взял жену под руку.

- Пойдем, дорогая, - сказал он ей, - мы едем домой.

И обратившись наконец к окружающим его офицерам ВВС, вынес свой приговор оасовцам:

- Они не умеют метко стрелять.

С этими словами он подвел жену к вертолету

и занял место рядом с ней. В сопровождении де Жудера они отправились за город на уик-энд.

Смертельно бледный Франсуа Маро сидел за рулем своего "Ситроена".

Обе правые шины в конце концов лопнули, и последнюю часть пути лимузин преодолел на ободах. Подошедший Дюкре пробормотал водителю несколько теплых слов и отравился к себе, чтобы, не теряя времени, начать расследование этого дела.

* * *

Пока журналисты со всего света размышляли по поводу недавнего покушения и, за неимением ничего лучшего, заполняли газетные колонки собственными версиями и догадками, французская полиция под руководством Сюрете Националь[2] при поддержке Секретной Службы и Жандармерии начала проведение крупнейшей операции в истории Франции. Вскоре она должна была превратиться в крупнейшую охоту на человека, которую когда-либо знала эта страна и которую позже превзошла лишь охота на другого убийцу; чья судьба до сих пор остается загадкой

---

[2] Примечания: 2
Французская сыскная полиция.

и который по сей день значится в картотеках под кодовым именем "Шакал".

Только 3 сентября полиции удалось напасть на верный след, и, как это часто бывает в ее работе, к желаемому результату привела обычная проверка документов. Вблизи Валенсии, городка, лежащего к югу от Лиона, на главной магистрали Париж-Марсель, полицейский патруль задержал частную машину, в которой находились четверо мужчин. В тот день они остановили для проверки документов уже сотни автомобилей, но в этом случае у одного из пассажиров документов не оказалось. Он утверждал, что потерял их. Все четверо были доставлены в Валенсию для обычной в таких случаях беседы, где было установлено, что трое не имели ничего общего с четвертым, кроме того, что согласились подбросить его по дороге. Их отпустили. У четвертого же взяли отпечатки пальцев, которые и были отправлены в Париж для того, чтобы установить, тот ли он, за кого себя выдает. Ответ пришел через 12 часов. Отпечатки принадлежали Пьеру Дени Магаде, двадцати двух лет, дезертировавшему из Иностранного Легиона и которому предъявлялись обвинения в нарушении военных Уставов.

Магаде был доставлен в Управление Региональ-

ной Судебной Полиции Лиона. Перед допросом один из полицейских в шутку спросил его:

- Ну и как насчет Пти-Кламар?

Магаде беспомощно пожал плечами.

- Хорошо, - произнес он, - что вы хотите знать?

Восемь часов ошеломленные офицеры слушали сбивчивую "исповедь" Магаде. Один за другим заполнялись блокноты стенографиста. К концу своего рассказа Магаде назвал имена не только всех главных действующих лиц акции Пти-Кламар, но и девяти второстепенных участников покушения, обеспечивших террористов ^оружием, боеприпасами и снаряжением. Всего 22 человека. Охота возобновилась с новой силой, но на этот раз полиция знала, кого искать.

В результате операции лишь одному из участников покушения удалось скрыться. Жорж Ватен и по сей день находится на свободе. По слухам, он вместе с другими бывшими руководителями ОАС живет в Испании среди гражданских поселенцев Алжира.

Следствие по делу Бастьен-Тери, Бугрене де ля Токне и других руководителей заговора было закончено к декабрю, и уже в январе 1963 года вся группа предстала перед судом.

Пока длилось разбирательство, ОАС, испытывая

яростное сопротивление со стороны Французской Секретной Службы, собирала новые силы для решительного наступления на правительство де Голля. За фасадом добропорядочной жизни Парижа, за видимостью цивилизации и культуры разворачивалась одна из самых ожесточенных и беспощадных тайных войн в современной истории.

* * *

В обязанности Французской Секретной Службы с кратким названием SDECE[3] входит как внешняя разведывательная деятельность, так и контрразведка, хотя грань между ними порой трудноразличима.

Служба Один, занимающаяся исключительно разведкой, подразделяется на отделы, известные по начальной букве "R" слова Renseignement (Информация): R1 - анализ разведданных; R2 - Восточная Европа, R3 - Западная Европа, R4 - Африка, R5 - Ближний Восток, R6 - Дальний Восток, R7 - Америка (западное полушарие).

Служба Два занимается контрразведкой, Три и

---

[3] Примечания: 3

SDECE - Service de Djcumentation Exterieure et de Contre-Espionage - Служба Сбора Внешней Информации и Контрразведки.

Четыре - коммунистический отдел, Шесть - финансы и Семь - администрация.

Служба Пять, так называемая Служба "Действие", представляла собой центр борьбы с ОАС. От Управления, располагающегося в комплексе неброского вида зданий на бульваре Мортье до самого порта де Лила, грязного северо-восточного пригорода Парижа, сотня молодчиков из Службы "Действие" объявила войну Секретной Армейской Организации. Эти люди, большей частью корсиканцы, являли собой образ настоящих "крутых парней", словно сошедших со страниц боевиков. После курса усиленной физической подготовки они направлялись на базу в Сатори, где по специальной секретной программе их обучали всем известным на сегодняшний день способам уничтожения. По окончании они становились профессионалами в стрельбе, мастерами всех видов рукопашного боя, включая каратэ и дзюдо, овладевали навыками радиокоммуникации, подрывной работы и саботажа, всех видов допроса и пыток, похищения людей, поджогов и террористических актов.

Некоторые из них говорили только по-французски, другие свободно владели несколькими языками, чувствуя себя как дома в любой стране

мира. Имея разрешение на убийство при исполнении служебных обязанностей, они часто пользовались им.

По мере того, как деятельность ОАС становилась все более яростной и ожесточенной, шеф SDECE генерал Ожен Жебо снял все ограничения и предоставил своим людям полную свободу действий. Некоторые из них внедрились в ОАС и проникли в ее высшие органы Управления. С тех пор Секретная Служба располагала достаточно объемными сведениями и именно благодаря информации изнутри Организаций были схвачены многие агенты ОАС, действующие во Франции или в той стране, где они оставались уязвимыми для французской полиции. Те, кого не удавалось заманить во Францию, безжалостно истреблялись за ее пределами. И лишь спустя много лет родственники бесследно исчезнувших членов ОАС узнавали, что те были ликвидированы Службой "Действие".

Но и оасовцы не нуждались в уроках жестокости. Больше всех на свете они ненавидели молодчиков Службы "Действие", окрестив их Бородатыми из-за невозможности распознать их истинное лицо. В последние дни борьбы за власть между ОАС и сторонниками де Голля в Ал-

жире Секретной Организации удалось захватить живьем семерых Бородатых. Спустя некоторое время их изуродованные тела были подвешены на фонарях и балконах зданий. Так велась эта тайная война, и невозможно составить полный список ее жертв.

Те из Бородатых, которые не были внедрены в ОАС, оставались в полном распоряжении SDECE. Некоторые, будучи в прошлом профессиональными убийцами, восстановили свои старые связи и для выполнения различных, не совсем чистоплотных поручений правительства часто пользовались услугами своих дружков из преступного мира. Именно это и послужило поводом для возникновения слухов о так называемой "параллельной" (неофициальной) полиции, якобы действующей согласно распоряжениям М. Жак Фокара, правой руки президента де Голля. В действительности никакой "параллельной" полиции, конечно, не существовало, а все приписываемое ей выполнялось на самом деле Службой "Действие" либо временно набранными гангстерами.

Корсиканцы, преобладающие как в преступном мире Парижа и Марселя, так и в Службе "Действие", кое-что слышали про то, что называется

"вендетта", и после расправы над семерыми Бородатыми во время Миссии С в Алжире оасовцам была объявлена кровавая месть. Так же, как и в 1944 году преступный мир Корсики помог Союзникам во время высадки на юге Франции (кстати, преследуя собственные цели, позже они, как бы в награду за это, подчинили себе весь черный рынок вдоль Лазурного Берега), так и в начале шестидесятых, корсиканцы вновь сражались за Францию, на этот раз против Секретной Армейской Организации. Оасовцы, многие из которых были французами, вышедшими из Алжира, имели много общего со своими врагами-корсиканцами, поэтому война временами становилась чуть ли не братоубийственной.

Пока над Бастьен-Тери и другими участниками покушения шел судебный процесс, ОАС продолжала борьбу с новыми силами. На этот раз ее путеводной звездой стал полковник Антуан Арго, идейный вдохновитель заговора Пти-Кламар. Окончив Политехнический Университет, одно из лучших учебных заведений Франции, Арго отличался умом и кипучей энергией. Будучи лейтенантом Армии де Голля, он сражался за освобождение Франции от нацистов. Позже командовал мотопехотным полком в Алжире.

Невысокого роста, жилистый и крепкий, он был великолепным, хотя и безжалостным, солдатом, а к 1962 году, находясь за пределами Франции, был назначен шефом оперативного отдела ОАС.

Спец по ведению психологической войны, Арго осознавал, что борьба против Президента де Голля должна вестись на всех уровнях путем террора, дипломатии и воздействия на общественное мнение.

Как часть своей кампании, он привлек Жоржа Бидо, бывшего Министра Иностранных Дел Франции, а ныне руководителя Совета Национального Сопротивления, политического крыла ОАС, для организации серии интервью в газетах и на телевидении по всей Западной Европе с целью объяснения своей оппозиции генералу де Голлю в "приличных" тонах.

Высокий интеллект Арго, однажды уже сделавший его самым молодым полковником Франции, сейчас снискал ему лавры самого опасного лидера ОАС.

Он организовал для Бидо интервью с корреспондентами ведущих теле- и радиокомпаний, в которых опытный политик сумел аргументированно мотивировать неприглядную деятельность оасовских головорезов. Успех этого

пропагандистского трюка встревожил французское правительство не меньше, чем вся тактика террора и волна взрывов пластиковых бомб в кинотеатрах и кафе по всей стране.

Затем 14 февраля был раскрыт еще один заговор покушения на жизнь генерала де Голля, которое должно было состояться на следующий день, когда Президент собирался читать лекцию в Военной Академии на Марсовом поле. По плану он должен был быть убит выстрелом в спину с крыши прилегающего здания, при входе в Академию.

Позже по обвинению в заговоре предстали перед судом Жан Бишо, капитан артиллерии Робер Пуанар и преподаватель английского языка Военной Академии мадам Паул Руссел де Лифак. Жоржу Ватену, которому отводилась роль непосредственного исполнителя, и на сей раз удалось скрыться. Винтовка с оптическим прицелом была обнаружена в квартире Пуанара, и все трое были арестованы. На суде выяснилось, что, размышляя над тем, как Ватену с оружием проникнуть в здание Академии, заговорщики обратились за помощью к уорент-офицеру Мариусу То, который тут же прямиком направился в полицию. Генерал де Голль все же посетил военную церемонию в

назначенное время 15 числа, но, к своему огромному неудовольствию, ему пришлось прибыть в Академию в бронированной машине.

Но даже этот до предела непрофессиональный заговор вывел де Голля из себя. Вызвав на следующий день Министра Внутренних Дел Фея, отвечающего за национальную безопасность, Президент стучал кулаком по столу:

- Пора, наконец, покончить с этим!

Чтобы положить конец дальнейшим покушениям, было решено жестоко расправиться с захваченными лидерами ОАС. Но были необходимы еще более решительные меры.

22 февраля на стол шефа Службы "Действие" легла копия докладной записки, посланной руководителям Службы Два SDECE (контрразведка, внутренняя безопасность) Министру Внутренних Дел. Далее следует выдержка из нее:

"Нами получены сведения о местонахождении одного из главарей подрывного движения, а именно, бывшего полковника французской армии Антуана Арго, Он скрывается в Германии и, по данным разведки, намеревается пробыть там несколько дней...

Если полученные сведения верны, то представляется возможным выйти на Арго и захватить

его.

Официальный запрос немецким службам безопасности был отклонен, т. к. им известно, что наши агенты следуют по пятам за Арго и другими руководителями ОАС.

В силу вышеизложенного, операция должна быть проведена с максимальной осторожностью и в кратчайший срок".

Выполнение было возложено на Службу "Действие".

В середине дня 25 февраля Арго возвратился в Мюнхен из Рима, где встречался с другими лидерами ОАС. Вместо того, чтобы отправиться прямо на Унертштрассе, он взял такси до отеля "Эденвульф", где для проведения совещания был заказан номер. Но встрече не суждено было состояться. В холле к Арго подошли два человека и заговорили с ним на безупречном немецком. Предположив, что это местная полиция, он полез во внутренний карман, чтобы достать паспорт.

Вдруг он почувствовал, что его схватили сзади мертвой хваткой за обе руки, ноги оторвались от пола и его поволокли в поджидавший у дверей закрытый фургон. Арго попытался вырваться, но в ответ услышал потоки французской брани. Чей-то увесистый кулак двинул ему по носу,

следующий удар пришелся по животу. Кто-то пальцем ткнул в нервный узел у него под ухом и Арго отключился.

Спустя 24 часа в Управлении Криминальной Полиции Парижа зазвонил телефон. Хриплый голос от лица ОАС сообщил дежурному сержанту, что "аккуратно" упакованный Антуан Арго находится в фургоне за зданием полиции. Несколькими минутами позже, распахнув дверь фургона, ошеломленные полицейские вытащили оттуда беспомощного полковника.

После суток нахождения в темном фургоне его глаза долго не могли привыкнуть к солнечному свету. Он не мог стоять без посторонней помощи, лицо было покрыто запекшейся кровью, рот болел от только что вытащенного кляпа. На вопрос: "Так вы действительно Антуан Арго?" он утвердительно кивнул головой. Каким-то образом Служба "Действие" за одну ночь ухитрилась переправить его через границу, а анонимный телефонный звонок в полицию, сообщивший о "посылке", был проявлением чувства юмора в работе. До июля 1968 года Антуан Арго находился в заключении.

Но одного не учли люди Службы "Действие". Устранив Арго и внеся смятение в ряды ОАС,

они вместе с тем проложили дорогу к власти находящемуся до этого в тени его заместителю, малоизвестному, но такому же хитрому подполковнику Марку Родену, принявшему на себя руководство по уничтожению де Голля. Во многом это была невыгодная сделка.

4 марта Верховный Трибунал вынес приговор Жану-Мари Бастьен-Тери. Он и двое других заговорщиков были приговорены к смертной казни, как и еще трое, находящиеся пока на свободе, включая Хромого - Ватена. 8 марта генерал де Голль в течение трех часов слушал адвокатов приговоренных с прошениями о помиловании. Он смягчил наказание двоим, заменив казнь пожизненным тюремным заключением, но приговор Бастьена-Тери остался в силе.

Ночью адвокат объявил полковнику ВВС о решении суда.

- Назначено на одиннадцатое, - сообщил он своему клиенту и, заметив его недоверчивую улыбку, не выдержал:

- Вас же расстреляют!

Продолжая улыбаться, Бастьен-Тери покачал головой.

- Вы не понимаете, - возразил он адвокату, - ни один французский солдат не осмелится поднять

на меня оружие.

Но он ошибся. Сообщение о казни, переданное в утренних новостях, было услышано во всех уголках Западной Европы.

В Австрии, в небольшом гостиничном номере, новость вызвала вихрь мыслей, а в последующем и действий, как никогда приблизивших генерала де Голля к смерти.

В этом номере жил полковник Марк Роден, новый шеф оперативного отдела ОАС.

Глава 2

Марк Роден выключил приемник и, почти не притронувшись к завтраку, поднялся из-за стола. Подойдя к. окну, закурил очередную сигарету и выглянул на улицу. Весна еще не вступила в свои права, и вся земля была покрыта белым, не потревоженным теплым солнцем снегом.

- Сволочи, - злобно прошипел Роден. И вдруг разразился нёскончаемым потоком ругательств, вкладывая в них всю свою ненависть к Президенту Франции, его правительству и Службе "Действие".

Роден был почти полной противоположностью своего предшественника. Высокий и худощавый, с бледным лицом и притаившейся в глубине глаз скрытой злобой, он старался прятать свои чувства под маской холодного безразличия.

Отнюдь не Политехнический Университет стал отправной точкой его карьеры. Сын простого сапожника, Марк был еще подростком, когда немецкие войска оккупировали Францию. На рыбачьей лодке Роден вынужден был бежать в Англию, где завербовался в Армию и рядовым

солдатом начал службу под флагом Лотарингского Креста.[4]

После кровавых сражений в Северной Африке, а затем в Нормандии под командованием Леклера Родену было присвоено звание сержанта, а позже - уорент-офицера. Во время обороны Парижа, несмотря на отсутствие образования и соответствующего воспитания, он был произведен в офицеры и по окончании войны встал перед выбором: либо продолжать службу в Армии, либо возвращаться к мирной гражданской жизни.

Но что ждало его в этой жизни? Кроме унаследованной от отца профессии сапожника, Роден не имел никакой специальности. К тому же, он считал, что над французским рабочим классом довлеют коммунисты, уже укрепившиеся в руководстве Сопротивления и в Движении "Свободная Франция".

Итак, Роден остался в Армии. Но служба не приносила ему радости. Пройдя путь от рядового до офицера, он не мог подавить в себе чувства горечи, глядя на молодое пополнение выпускни-

---

[4] Примечания: 4

Лотарингский Крест - герб независимость средневековой провинции Лотарингии, ставший в 1942 году эмблемой антифашистского движения "Сражающаяся Франция" (позже - "Свободная Франция"), основанного Шарлем де Голлем.

ков военных училищ, которые, сидя на лекциях и теоретических занятиях, получали те же нашивки, за которые он проливал кровь в сражениях. А наблюдая, как они обгоняли его в званиях, Роден переполнялся настоящей обидой.

Оставался единственный выход: возвратиться в один из колониальных полков и вновь занять свое место среди тех настоящих стойких солдат, которые действительно воевали в то время, когда призывники маршировали на плацах.

Ему удалось перевестись в Индокитай, и спустя год Роден был уже командиром роты, чувствуя себя счастливым среди людей, которые думали и говорили так же, Как и он. К тому же только война открывала молодому сыну сапожника перспективы, о которых он не мог и мечтать в гражданской жизни. По окончании Индокитайской кампании Родену было присвоено звание майора, и, после года разочарований, проведенного во Франции, он был направлен в Алжир.

Вывод французских войск из Индокитая и год жизни во Франции превратили скрытую обиду Родена во всепоглощающую ненависть ко всем чиновникам и коммунистам, которые были для него одним и тем же. Только военная власть, считал он, сможет уберечь Францию от того пре-

дательства и лести, которые насквозь пропитали все ее общество. Только Армия сможет истребить эти пороки.

Как и многие другие боевые офицеры, которым доводилось видеть смерть своих людей и хоронить изуродованные трупы тех, кто был захвачен в плен, Роден преклонялся перед солдатами, видя в них настоящих мужчин, бойцов, жертвующих своей жизнью ради того, чтобы в далекой родной стране буржуазия могла жить в мире и спокойствии. И когда после восьми лет кровавых боев в лесах Индокитая он узнавал о недовольстве гражданского населения Франции действиями Армии и об упреках в ее адрес со стороны левых интеллектуалов в таких мелочах, как применение пыток, это вызывало у него гнев и возмущение. А отсутствие возможностей изменить сложившееся общественное мнение доводило Родена до слепой ярости. Он был убежден, что при достаточной поддержке гражданских властей на местах, правительства и всего французского народа Армия все же смогла бы одержать победу во Вьетнаме.

Вывод войск из Индокитая был массовым предательством тех тысяч прекрасных парней, которые погибли на этой войне, очевидно, ни

за что. Роден просто не мог себе представить большего предательства. Позже, в Алжире, он столкнется с еще более преступными, на его взгляд, действиями французского правительства. Но тогда, весной 1956 года, Роден покидал берега Марселя с чувством радости и надежды, убежденный в том, что в далеких алжирских горах осуществится, наконец, мечта всей его жизни - апофеоз французской Армии в глазах всего мира.

Два года ожесточенных смертельных боев несколько поколебали его уверенность. В действительности сломить мятежников оказалось сложнее, чем Роден предполагал вначале. Сколько бы врагов ни погибало от рук солдат, сколько бы деревень ни сжигали дотла, как бы много террористов ни умирало под пытками, восстание не только продолжалось, но и нарастало, охватив всю территорию страны. Для того чтобы подавить мятеж, требовалась, конечно, гораздо большая поддержка Метрополии. Ведь хотя война велась и не на территории Франции, Алжир, населенный тремя миллионами французов, тем не менее, являлся ее неотъемлемой частью, сражаться за которую необходимо было так же, как и за Нормандию или Бретань.

Получив звание подполковника, Марк Роден

покинул эту горячую точку и был направлен в город, сначала в Боне, затем в Константине.

На поле боя он сражался против бойцов ALN[5] конечно, это были солдаты не регулярной Армии, но все же бойцы. И ненависть к ним была ничто по сравнению с тем чувством, которое охватило его после того, как он столкнулся с городской войной, войной тайной, подлой и грязной, войной пластиковых бомб, подкладываемых террористами во французские кафе, супермаркеты и парки отдыха. Из-за действий, предпринятых им по очистке Константине от мерзости, подсовывающей бомбы в места скопления французов, Роден был прозван в Казбахе Палачом.

Но всех его усилий было недостаточно, чтобы окончательно расправиться с FLN[6] и ее армией, ALN. Необходима была еще большая поддержка Парижа. И, уповая на нее, Роден, как большинство военных фанатов, в своем стремлении к победе любой ценой упрямо закрывал глаза на реальное положение дел. Растущие военные расходы, пошатнувшаяся под тяжелым бременем войны экономика Франции, снижение боевого и

---

[5] Примечания: 5
ALN - Алжирская Освободительная Армия

[6] Примечания: 6
FLN - Фронт Национального Освобождения Алжира

морального духа армейских подразделенийэти факты, все больше ставящие под сомнение исход борьбы, казались Родену просто пустяками.

В 1958 году генерал де Голль, став премьер-министром Франции, снова пришел к власти. Умело избавившись от продажности и шаткости Четвертой республики, он создал Пятую. Услышав его слова "Algérie Francaes"[7], благодаря которым он возвратился в Матиньон, а позже, в январе 1959 года, и в Елисейский Дворец, Роден плакал от счастья, закрывшись у себя в комнате. А когда де Голль посетил Алжир, он стал для Родена ни кем иным, как Зевсом, спустившимся с Олимпа. "Пришла новая политика", - торжествовал он. Наконец-то коммунистов вышвырнут из их контор, а Жан-Поль Сартра поставят к стенке за предательство. Наконец-то найдется управа на продажные профсоюзы. Наконец-то Франция начнет проявлять хоть какую-то заботу о своих гражданах в Алжире и о своей Армии, на поле боя защищающей завоевания французской цивилизации.

Роден был уверен в этом так же, как в том, что Земля круглая, а Солнце восходит на Востоке. И

---

[7] Примечания: 7
"Французский Алжир" *(фр.)*

поэтому, когда де Голль принялся возрождать Францию совсем не так, как ожидал Роден, он подумал, что здесь просто какая-то ошибка. "Нужно дать человеку время", - успокаивал он себя.

Когда просочились первые слухи о предварительных переговорах с FLN Роден просто не хотел в это верить. Следя за восстанием под руководством Джо Ортиза, он, несмотря на свое восхищение мужеством гражданского населения, все же видел, что действия по подавлению мятежа явно недостаточны. И снова Роден говорил себе: ничего, "старина" знает, что делает. Разве не он произнес эти замечательные слова: "Algérie Francaes"?

Но когда, наконец, были получены окончательные и бесспорные доказательства, что идея де Голля о возрождении Франции не подразумевает французского Алжира, мир Родена рассыпался в прах. От веры и надежды не осталось ничего. Ничего, кроме ненависти. Ненависти к системе, к чиновникам, к интеллигенции, ненависти к алжирцам, профсоюзам, журналистам и иностранцам. Но больше всего была ненависть к Этому Человеку. И в апреле 1961 года Марк Роден поднял батальоны на мятеж.

Он проиграл. Одним простым умным движени-

ем де Голль подавил мятеж в самом зародыше. За несколько недель до окончания переговоров с FLN в воинских частях были установлены тысячи радиоприемников, по которым регулярно сообщалось о ходе переговоров. Новости и сменяющая их популярная музыка приятно отвлекали солдат от жары, комаров и скуки, превращая радио в предмет развлечения и своего рода комфорта.

Но в решающую минуту, когда Армии необходимо было сделать, наконец, свой выбор, голос де Голля стал жестким и властным: "Наступило время, когда нужна определить, кому вы будете верны. Я призываю вас следовать за мной. Я — Франция..."

На следующее утро почти все офицеры и сержанты мятежных батальонов оставили своих командиров и бежали. Мятеж испарился, как иллюзия, как мираж — благодаря лишь радио...

Всего 120 офицеров остались с Роденом, да и то только потому, что большинство в его батальоне составляли соратники по Индокитаю и Алжиру. Вместе они и образовали Секретную Армейскую Организацию, поклявшись вышвырнуть Иуду из Елисейского Дворца.

Находясь за пределами Франции, зимой 1961 года, Роден был назначен заместителем Арго и

шефом оперативного отдела ОАС. У Арго было чутье, талант и влияние, у Родена - хитрость, проницательность и трезвый расчет. Будучи просто упрямым фанатом, он уже мог бы быть опасен. Но не более того. Это качество еще отнюдь не делало его исключением. В начале шестидесятых ОАС насчитывала сотни боевиков такого сорта. У Родена было нечто большее. Он унаследовал от старого сапожника пытливый ум и логическое мышление, которые развивал самостоятельно своими собственными путями. И если его понимание Франции и чести Армии и было фанатичным, то в решении практических проблем он мог мыслить четко, последовательно и проявлять такую собранность, которая была гораздо важнее и эффективнее, чем весь быстро испаряющийся энтузиазм и слепая, бессмысленная жестокость.

С этим багажом он и подошел в то мрачное утро 11 марта к вопросу убийства генерала де Голая. Роден был не так наивен, чтобы считать организацию очередного покушения простым и легким делом. Тем более, неудачи Пти-Кламар и Военной Академии чрезвычайно усложняли его задачу. Нет, подыскать убийцу было нетрудно. Проблема заключалась в том, чтобы подобрать такого человека и составить такой план, чтобы разрушить,

наконец, ту стену мер безопасности, которая плотным кольцом окружала сейчас Президента Франции. Стоя у окна, Роден погрузился в глубокие и мучительные размышления. Через два часа от бесчисленного количества выкуренных сигарет комната утонула в голубоватом тумане. Мысленно определив для себя требующие решения вопросы, он не спеша расставил все на свои, места и, наконец, в его голове созрел план, который показался Родену вполне осуществимым. После тщательного критического анализа каждой детали лишь один пункт все еще оставался непреодолимым. Это был вопрос собственной безопасности.

Со времени покушения Пти-Кламар многое изменилось. До критического уровня увеличилось проникновение внутрь ОАС агентов Службы "Действие". А недавнее похищение самого Арго говорило о готовности этой службы к тому, чтобы добраться до всех руководителей Секретной Организации. Даже разгоревшийся скандал с немецким правительством не мог остановить их.

Вот уже пятнадцать дней Арго находился под следствием. Руководству ОАС пришлось бежать. Бидо как-то внезапно утратил интерес к пуб-

личным выступлениям, а все остальные члены Совета Национального Сопротивления в панике гонялись за фальшивыми документами и билетами в дальние страны.

Наблюдая за действиями руководства, члены Организации, занимающие должности пониже, начали постепенно утрачивать боевой дух и выходить из подчинения. Те французы, которые раньше были готовы оказывать ОАС любую поддержку, способные не только укрыть у себя преследуемых членов Организации, но и переправлять оружие, посылать сообщения и даже предоставлять необходимую информацию, сейчас бормотали слова извинения или просто молча вешали телефонные трубки.

После провала Пти-Кламар и начала допроса захваченных пленных были вынуждены закрыться три подпольные сети внутри Франции. Обладая информацией, французская полиция начала проводить облавы, один за другим вскрывая склады продовольствия, оружия и боеприпасов. Еще два заговора против де Голля были раскрыты. Все эти факты заставили конспираторов срочно собраться для проведения второго совещания.

И в то самое время, когда члены СНС произносили долгие речи и пространно распространялись о

восстановлении французской демократии, Роден уныло перебирал в памяти факты действительного положения дел. Снижение фондов, потеря внутренней и международной поддержки, сокращение членов Организации - все это делало ОАС беззащитной перед натиском полиции и французской Секретной Службы.

Казнь Бастьен-Тери еще больше подорвала моральный дух оасовских бойцов. В таком положении трудно даже просто подобрать людей для проведения операции, так как каждый, кто обладает достаточным опытом и готовностью выполнить задание, был известен не только любому французскому полицейскому, но и почти всем гражданам страны. Понятно, что в сложившейся ситуации любой, даже самый хитроумный замысел, с множеством ходов и скоординированными действиями нескольких групп, лопнет, когда убийца будет еще за сотню миль до де Голля...

Внезапно Родена осенило. Решение пришло так неожиданно, что заставило его улыбнуться. "Ну, конечно... Человек, которого никто не знает... - прошептал он. - Если бы только удалось найти такого человека. Если только такой человек вообще существует..."

Медленно, томительно в мозгу у Родена рож-

дался совершенно новый план, в центре которого стоял этот человек. В конце концов, взвесив все "за" и "против", он пришел к выводу, что, действуя по такому плану, можно преодолеть все преграды и решить главную проблему - проблему собственной безопасности.

Не дожидаясь ленча, Марк Роден надел пальто и спустился, вниз. На улице сильный порыв ветра ударил ему в лицо, он вздрогнул, но головная боль после бесчисленного множества выкуренных утром сигарет мгновенно прошла. Роден свернул налево и зашел на почту. Там он отправил несколько коротких телеграмм, в которых сообщал своим разбросанным по Европе коллегам, что на ближайшие несколько недель вынужден уехать из города с особо важным заданием.

Вернувшись в свою убогую гостиницу, Роден вдруг представил себе, что кое-кто, без сомнения, сочтет его отъезд паническим бегством и отказом от дальнейшей борьбы. "Что ж, - подумал он, -пусть думают, что хотят. Сейчас нет времени для подробных объяснений".

Была уже середина дня, и решив, наконец, пообедать, Роден попросил принести меню. Несмотря на то, что годы, проведенные в африканских джунглях и диких горах Алжира, почти

совсем отбили у него вкус к хорошей пище, он с трудом смог запихать в себя принесенные официантом куриные ножки с лапшой.

К вечеру Роден уже упаковал чемодан, оплатил счет и был готов отправиться в дорогу на поиски человека, вернее, даже типа человека, в самом существовании которого он не был уверен.

* * *

В то самое время, когда Марк Роден садился в поезд, в Лондонском аэропорту совершил посадку самолет, прибывший рейсом из Бейрута. Среди пассажиров, проходящих паспортный контроль, ничем не выделялся высокий светловолосый англичанин, лицо которого было покрыто легким загаром, привезенным с Ближнего Востока. После двух месяцев, проведенных в Ливане, он чувствовал себя отдохнувшим и посвежевшим. За это время он успел не только вдоволь насладиться восточными прелестями, но и перевести из Бейрутского в Швейцарский банк довольно значительную сумму, что доставляло ему сейчас еще большую радость.

Далеко позади, в горячих песках Египта, наскоро похороненные взбешенной и сбитой с толку местной полицией, остались тела двух немецких

ракетных инженеров с аккуратными пулевыми отверстиями в груди.

Смерть этих людей должна была надолго задержать разработку нового вида ракетного оружия Нассера "Аль Зафер". Миллионер из Нью-Йорка остался доволен работой. Он знал, что вложил деньги в выгодное дело.

Легко пройдя паспортный контроль и таможенный досмотр, молодой англичанин взял напрокат автомобиль и направился домой, в Мэйфэр.[8]

* * *

Прошло три месяца, прежде чем Роден закончил поиски, в результате которых он стал обладателем трех тонких досье, аккуратно уложенных на дно дорожного чемодана. Лишь в середине июня Роден возвратился в Австрию, остановившись в Вене, в небольшой скромной гостинице "Пеншин Кляйст".

Сразу после приезда он зашел на почту и отправил две телеграммы, однув Рим, другуюв городок Болзано на севере Италии, срочно вызывая своих первых заместителей в Вену на экстренное совещание. Через 24 часа они уже были на месте. Рене

---

[8] Примечания: 8
Мэйфэр - фешенебельный район лондонского Уэст-Энда.

Монклер приехал на взятой напрокат машине из Болзано, Андре Кассой прилетел из Рима. Оба пользовались вымышленными именами и фальшивыми документами, поскольку Служба SDECE уже успела завести на каждого из них досье и теперь тратила много времени и средств на вербовку агентов и информаторов как в аэропортах, так и на всех приграничных контрольно-пропускных пунктах Италии и Австрии.

Первым, за семь минут до назначенного времени, в "Пеншин Кляйст" прибыл Андре Кассон. Попросив таксиста высадить его на углу Брукнераллеи, он остановился у цветочной витрины и несколько минут тщательно перевязывал галстук, незаметно оглядывая улицу, затем быстро проскользнул в отель.

Роден был зарегистрирован там под одним из двадцати используемых им вымышленных имен, известных только его самым ближайшим коллегам.

На этот раз заместители получили телеграммы с подписью Шульц. Эго было имя Родена на ближайшие 20 дней.

- Герр Шульц, битте? - справился Кассон у молодого человека за гостиничной стойкой.

Служащий заглянул в журнал регистрации

посетителей.

- Номер 64. Вас ожидают?

- Да, конечно, - ответил Кассон и, поднявшись на второй этаж, зашагал по длинному коридору.

Дойдя до середины, он обнаружил нужную ему дверь с левой стороны и уже собрался было постучать, как вдруг сзади его схватила чья-то железная рука. Обернувшись, заместитель увидел мрачное лицо с выбритым до синевы подбородком, Глаза под копной черных, спадающих на самые брови волос, смотрели на него без всякого выражения. Оказывается, этот человек метров десять шел по коридору следом за ним, но мягкая ковровая дорожка скрывала от Кассона звуки его шагов.

- Что нужно? - рявкнул великан, продолжая сжимать правую руку Кассона.

В одно мгновенье в памяти заместителя всплыло загадочное похищение Арго из отеля "Эдинвульф", и он похолодел, приготовившись к самому худшему. Но уже в следующую секунду Кассой внимательно всмотрелся в лицо гиганта и узнал в этом человеке Виктора Ковальского, поляка из Иностранного Легиона, служившего в роте Родена во Вьетнаме и Индокитае. Он вспомнил, что Роден иногда использовал этого поляка

для выполнения специальных, заданий.

- У меня встреча с полковником Роденом, Виктор, - мягко произнес Кассон.

Услышав не только имя своего хозяина, но и свое собственное, Ковальский еще сильнее сдвинул и без того хмурые брови.

- Я Андре Кассон, - добавил заместитель.

Это не произвело на Ковальского никакого впечатления. Он обошел Кассона и левой рукой тихо постучал в дверь номера.

- Да, - донесся голос изнутри.

Ковальский приблизил лицо к замочной скважине.

- Здесь посетитель, - прорычал он. Дверь немного приоткрылась. Роден выглянул в коридор и, увидев Кассона, распахнул ее настежь.

- Мой дорогой Андре, ради бога, извини за все это, - он указал на Ковальского. - Все в порядке, капрал. Я жду этого человека.

Поляк отпустил руку Кассона, и тот смог, наконец, войти в номер. Роден задержался на пороге, что-то тихо сказал Виктору и закрыл дверь. Телохранитель остался в коридоре, заняв свой пост в небольшой едва заметной нише.

Коллеги пожали друг другу руки, и Роден усадил своего заместителя в одно из двух стоящих у

газового камина кресел. Несмотря на то, что была уже середина июня, на улице моросил прохладный мелкий дождь, и оба с тоской вспомнили о теплом североафриканском солнце. Но камин хорошо согревал комнату. Кассой снял плащ и устроился у огня.

- Обычно ты не принимаешь таких мер предосторожности, Марк, - заметил он.

- Он охраняет не меня, - улыбнулся Роден. - Если что случится, я сам смогу постоять за себя. Но мне понадобится несколько минут, чтобы уничтожить бумаги, - он указал на письменный стол, где лежало несколько папок.

- Вот из-за чего я взял Виктора. В случае нападения он даст мне хотя бы 60 секунд, чтобы ликвидировать документы.

- Должно быть, что-то важное.

- Может быть, может быть. - В голосе Родена звучали нотки удовлетворения. - Но подождем Рене. Я велел ему прийти в 11.15, на четверть часа позже тебя, чтобы вы не встретились в коридоре и не слишком беспокоили Виктора. Бедняга слишком нервничает, видя чересчур много незнакомых людей.

Роден хитро улыбнулся, представив, как может нервничать гигант Виктор, имея под мышкой

тяжелый кольт.

В дверь постучали. Роден пересек комнату, вышел в коридор и прислушался.

- Да?

На этот раз из-за двери раздался голос Рене Монклера, неестественно нервный и напряженный.

- Ради бога, Марк...

Роден распахнул дверь. Монклер казался карликом по сравнению с возвышающимся за его спиной поляком. Левой рукой Виктор так обхватил его, что он не мог даже пошевелиться.

- Все нормально, Виктор, - успокоил телохранителя Роден, и Монклер был освобожден.

Поблагодарив, он вошел в комнату и кивнул улыбающемуся из своего кресла Кассону. Роден закрыл дверь и вошел следом, принося свои извинения. Они пожали друг другу руки, Монклер снял плащ и оказался в мятом темно-сером костюме, ужасно скроенном и сидящем на нем просто отвратительно. Как большинство бывших военных, ни он, ни Роден никак не могли привыкнуть к гражданской одежде.

Усадив и второго гостя в кресло, Роден вынес из соседней комнаты бутылку французского бренди, уселся на стул у письменного стола и вопросительно взглянул на своих заместителей.

Оба кивнули. Роден плеснул по большой порции в три стоящих на столе стакана и протянул два из них Монклеру и Кассону. Они выпили. Жидкость приятно обожгла внутренности.

Рене Монклер откинулся в кресле. Это был крепкий, невысокого роста мужчина. Его армейская биография была схожа с карьерой Родена, хотя он никогда не участвовал в боевых действиях, проведя большую часть службы на административной работе, а последние 10 лет - в финансовом отделе Иностранного Легиона. Весной 1963 года Монклер был назначен казначеем Секретной Армейской Организации.

Что касается Андре Кассона, то он вообще никогда не был военным. Щуплый и педантичный, он до сих пор одевался так же, как в те времена, когда работал управляющим банком в Алжире. Сейчас Кассон был координатором действий подполья ОАС и СНС во Франции.

Как и сам Роден, оба его заместителя были всем сердцем преданы Организации, хотя и по разным причинам. У Монклера был 19-летний сын, выполнявший свой национальный долг в Алжире, в то время как отец руководил финансовым Отделом на базе Иностранного Легиона далеко за пределами Марселя. Майор Монклер так никогда

и не увцдел тела своего сына. Оно было похоронено парнями из разведроты Легиона, когда те, наконец, захватили деревню, где молодой солдат находился в плену у партизан. Но позже он все же узнал подробности его смерти. Ведь в Легионе ничего нельзя скрыть надолго. Люди есть люди.

Судьба Андре Кассона была еще более запутанной и сложной. Он родился в Алжире и всю свою жизнь посвятил работе, дому и семье. Банком, в котором он работал, управляли из Парижа, поэтому даже с потерей Алжира он не остался бы без работы. Но когда в 1960 году все поселенцы поднялись на восстание, Кассон присоединился к ним и даже стал одним из лидеров движения в своем родном Константине. Но и после этого он не потерял своего места в банке. Но видя, как закрываются один за другим счета и бизнесмены, распродавая все что можно, возвращаются во Францию, Кассон понял, что расцвет французского присутствия в Алжире подошел к концу.

Вскоре после армейского бунта, сытый по горло новой политикой де Голля и нищетой переехавших в Алжир мелких фермеров и торговцев, он помог подразделению ОАС ограбить свой собственный банк на сумму 30 миллионов старых франков. Но его участие в этом деле было замече-

но младшим кассиром, он поставил в известность руководство, и на этом карьера Кассона была закончена. Отправив жену и детей к родителям в Перлигнан, он присоединился к Секретной Армейской Организации. И сейчас, зная несколько тысяч сочувствующих во Франции, был очень полезен ОАС.

Марк Роден уселся на стул и окинул взглядом гостей. Те смотрели на него с ожиданием, но вопросов не задавали.

Осторожно и неторопливо Роден начал совещание, перечислив все поражения и неудачи ОАС, которые она потерпела от рук Секретной Службы за последние несколько месяцев. Заместители молча слушали, хмуро разглядывая свои стаканы.

- Обратимся к фактам. За последние четыре месяца нам было нанесено три жестоких удара. Неудачная попытка освободить Францию от диктатора в Военной Академии является последней в длинном списке таких покушений, каждое из которых провалилось, еще не успев начаться. Лишь в двух случаях нашим людям удалось хотя бы приблизиться к Президенту, но и эти попытки потерпели неудачу из-за ошибок в планировании и исполнении. Впрочем, не буду вдаваться в

подробности, вы знаете их не хуже меня.

Похищение Антуана Арго лишило нашу организацию одного из самых проницательных лидеров и, независимо от того, предстанет он перед судом или нет, применяемые к нему современные методы допроса, включающие, может быть, даже использование наркотических средств, бесспорно, ставят под угрозу всю нашу организацию. Антуану известно все, что вообще можно знать, поэтому сейчас нам придется начинать борьбу с самого начала. Именно поэтому мы и сидим сегодня в этом мрачном отеле, а не в Управлении в Мюнхене.

Но и в том, чтобы начать все сначала, не было бы ничего страшного, если бы это было хотя бы год назад. Тогда мы могли бы найти тысячи добровольцев, полных энтузиазма и патриотизма. Теперь это не так-то легко. Даже казнь Жан- Мари Бастьен-Тери не ставит нас в более выгодное положение. И я ни в чем не могу обвинить тех, кто перестает симпатизировать нам. Мы обещали им конкретные результаты, но их до сих пор нет. А они имеют право ждать от нас конкретных результатов, а не просто пустую болтовню.

- Хорошо, хорошо. Но к чему ты все это говоришь? - спросил Монклер.

Оба заместителя понимали, что Роден прав. Монклер лучше кого бы то ни было знал, что фонды, накопленные после ограбления алжирских банков, были потрачены на то, чтобы помочь скрыться членам организации, да и пожертвования правых промышленников тоже начинали иссякать. Еще недавно такой подход к делу был бы встречен с нескрываемым презрением. Но сейчас Кассон видел, что его связь с французским подпольем ослабевает с каждой неделей, на конспиративных квартирах постоянно проводятся облавы, а после того, как был схвачен Арго, на многих из них ему было вообще отказано в поддержке. И казнь Бастъен-Терн может только ускорить этот процесс. Резюме, подведенное Роденом, бесспорно, соответствовало действительности, но какая радость обсуждать все это?

Сделав вид, что не услышал замечания, Роден продолжал:

- Мы поставлены сейчас в такое положение, что нашу главную задачу по освобождению Франции, а именно, избавление ее от нынешнего Президента, задачу, без решения которой мы просто не сможем осуществить наши дальнейшие планы, сейчас нельзя выполнить обычными, традиционными способами. Что касается меня, господа,

то сегодня я просто опасаюсь вводить в курс дела новых молодых патриотов, чтобы оставить нашим планам хоть небольшой шанс не быть через несколько дней разоблаченными французским гестапо. Кратко это звучит так: слишком много доносчиков, слишком много предателей, слишком много анархистов.

Пользуясь этим, Тайная Полиция так глубоко проникла в наше движение, что, несмотря на всю осторожность и осмотрительность, ей становятся известными не только все наши планы, но даже обсуждения, проходящие в высшем руководстве организации. Они знают все: наши намерения, замыслы, сроки и даже, наверное, личный состав. Я, конечно, понимаю, что оказаться в такой ситуации не очень приятно, но лучше прямо смотреть правде в глаза, чем продолжать видеть все в розовом свете.

Я считаю, что остался только один-единственный способ достижения нашей первой главной цели, а именно убийства диктатора. Действуя этим способом, можно пройти всю сеть агентов и шпионов, лишить Тайную Полицию всех преимуществ перед нами и сделать так, что она не только ничего не узнает о наших планах, но даже узнав, вряд ли сможет помешать их осуществлению.

Монклер и Кассон удивленно подняли брови. В комнатё воцарилась тишина, изредка прерываемая лишь звуками случайных капель дождя, падающих на подоконник.

- Если мы признаем, что данная мною оценка сложившейся ситуации, как это ни печально, верна, - продолжал Роден, - то мы должны признать также, что любой известный нам человек, способный и достаточно подготовленный к тому, чтобы устранить Президента, хорошо известен Секретной Службе. Ни один из них не может проникнуть во Францию иначе, чем в роли дикого зверя, на которого будет охотиться не только обычная полиция, но и Бородатые со всей своей гвардией осведомителей. Я убежден, господа, что единственный оставшийся у нас выход - это воспользоваться услугами совершенно постороннего человека.

По мере того, как Роден говорил, недоумение в глазах Монклера и Кассона постепенно сменялось пониманием.

- В каком смысле постороннего? - наконец, решился спросить Кассон.

- Во-первых, кто бы ни был этот человек, необходимо, чтобы он был иностранец. Он не должен быть членом ни ОАС, ни СНС. Он также не дол-

жен быть известен не только французской полиции, но и вообще не значиться ни в одной картотеке мира. Слабое место любой диктатуры - бюрократия. Тот, кто не значится в списках, не существует. Убийца был бы для них неизвестной, а значит, и несуществующей величиной. Он смог бы приехать во Францию по иностранному паспорту, выполнить свою работу и спокойно уехать обратно, в то время как французский народ поднимался бы, чтобы уничтожить остатки предательской своры де Голля. Но даже если он и не успеет скрыться, это будет уже не так уж важно, поскольку мы всегда сможем освободить его, применив силу.

Самым важным является то, что он сможет незаметно проникнуть в страну, оставаясь вне всяких подозрений. Это как раз то, что не может сделать в настоящее время ни один из нас.

Оба слушателя молчали, погруженные в свои мысли. План Родена приобретал в их глазах все более четкие очертания.

- Профессиональный убийца, наемник, вот кто нам нужен, - выдохнул Монклер.

- Совершенно верно, - согласился Роден, - было бы безосновательно предполагать, что посторонний человек захочет сделать все это ради любви

к нам, из чувства патриотизма или из еще черт знает каких побуждений. Чтобы выполнить такую работу, нужны такие нервы и такой уровень подготовки, которыми может обладать только настоящий профессионал. А такой человек будет работать исключительно за деньги. И за большие деньги, - добавил он, бросив быстрый взгляд на Монклера.

- Да, но как мы найдем такого человека? - начал Кассон, но Роден жестом прервал его.

- Сначала о сути, господа. Здесь, несомненно, еще масса различных деталей, которые нам предстоит обсудить. Но сначала я хотел бы знать, согласны ли вы с такой идеей вообще?

Монклер и Кассон переглянулись. Затем повернулись к Родену и задумчиво кивнули.

- Хорошо, - Роден откинулся на стуле. - Итак, достигнуто соглашение по первому вопросу - идея одобрена в общем. Второй вопрос касается безопасности и является основой всего замысла. Я считаю, что лишь ничтожно малое количество, всего несколько человек, могут быть абсолютно вне подозрений, как возможный источник утечки информации. Это совсем не значит, что ко всем нашим коллегам из ОАС и СНС я отношусь как к потенциальным предателям. Но существу-

ет старая истина, что чем больше людей знают тайну, тем меньше уверенности в том, что она сохранится. Суть идеи такова: абсолютная секретность. Следовательно, чем меньше народу будет участвовать в этом деле, тем лучше.

Даже в самой ОАС есть информаторы, занимающие уже достаточно высокие посты, но до сих пор продолжающие докладывать Тайной Полиций о наших планах. Конечно, когда-нибудь мы доберемся до них, но в настоящий момент они представляют для нас серьезную опасность. Среди политиков СНС тоже есть такие, которые по своей слабости и безволию не смогут в полной мере понять проект, который им предстоит реализовать. Я бы не хотел подвергать жизнь любого человека опасности, без всякой причины и необходимости сообщая им о его существовании.

Я вызвал сюда тебя, Рене, и тебя, Андре, потому что абсолютно уверен в вашей преданности делу и способности сохранить все в строжайшей тайне. Кроме того, я предполагаю активное взаимодействие с тобой, Рене, как казначеем и кассиром, когда придет время выплачивать гонорар, который убийца обязательно запросит. Взаимодействие с тобой, Андре, будет необходимо, если потребуется с группой преданных людей

оказать ему помощь во Франции.

Я не вижу никакой необходимости в том, чтобы, кроме нас троих, посвящать в этот замысел еще кого-то. Поэтому предлагаю вам создать вместе с вами комитет, который возьмет на себя всю ответственность за это дело, включая планирование, исполнение и финансирование.

Снова воцарилось молчание. Наконец, Монклер произнес:

- Ты имеешь в виду, что мы выключим из игры и Совет ОАС, и весь СНС? Думаю, им это не очень понравится.

- Начнем с того, что они вообще не будут ничего знать, - спокойно возразил Роден. - Для того чтобы ввести их в курс дела, нам нужно будет созвать пленарное заседание. Один этот факт уже привлечет к себе внимание, и Бородатые сделают все возможное, чтобы узнать причину такого форума. Можно, конечно, созвать только один из Советов. Но даже в этом случае потребуются недели, чтобы обойти по очереди всех его членов и получить всего лишь одобрение идеи в целом. А потом, каждый из них захочет лично ознакомиться со всеми подробностями и деталями этого плана. Вы же знаете, что собой представляют эти чертовы политиканы и члены комитета. Они

хотят быть в курсе всех дел, чтобы удовлетворить свое любопытство, и хотя сами не сделают абсолютно ничего, но зато каждый из них может одним пьяным или неосторожным словом поставить всю операцию под угрозу срыва.

Если в конце концов и будет достигнуто соглашение между членами Совета ОАС и СНС, мы уже не будем считаться лидерами в этом деле. С другой стороны, если мы сейчас возьмем всю ответственность на себя, шагнем вперед и потерпим неудачу, то хуже от этого нам не будет. Конечно, будут обвинения, но не больше. Зато, если план удастся, мы окажемся на коне, и тогда никто не станет вступать в споры и обсуждения. Ответ на главный вопрос: каким именно способом уничтожить диктатора, будет найден. Короче, согласны ли вы вместе со мной стать единственными, кто будет воплощать в жизнь предложенную мной идею?

Снова Монклер и Кассон посмотрели друг на другу и утвердительно кивнули. После того как три месяца назад был схвачен Арго, они впервые встретились с Роденом. Раньше он всегда был в тени и тихо оставался на заднем плане. Теперь же Роден был лидером даже в собственных глазах. Руководитель подполья и казначей были просто

поражены такой внезапной переменой.

Роден посмотрел на них, медленно вздохнул и улыбнулся.

- Хорошо, - сказал он, - тогда перейдем к деталям. Идея использования профессионального наемного убийцы впервые пришла мне в голову, когда я услышал по радио о том, что бедный Бастьен-Тери расстрелян. С этого времени я занимался поисками подходящего человека. Найти его, разумеется, было нелегко. Такие люди не рекламируют свои услуги в воскресных газетах. Я начал поиски еще в середине марта и хочу ознакомить вас с результатами проделанной работы.

Он взял документы, лежащие на столе.

Монклер и Кассон снова переглянулись, но не проронили ни слова, взирая на Родена широко раскрытыми глазами.

Он продолжал:

- Думаю, будет лучше, если вы сначала изучите эти краткие досье, а затем мы все обсудим и выберем лучшую кандидатуру. Я бы расставил их в списке с точки зрения преимуществ, в случае, если первый не сможет или не захочет участвовать в деле. У меня только одна копия каждого досье, поэтому вам придется меняться друг с другом.

Он отдал одну из трех папок Монклеру, другую

вручил Кассону. Третье досье Роден держал в руках, он даже не раскрыл его. Он подробно знал содержание всех трех папок.

Много времени для чтения не понадобилось. Роден был драв, говоря о "кратких" досье. Кассой закончил первым, посмотрел на Родена и поморщился.

- И это все?

- Такие люди особо не распространяются о подробностях своей биографии, - улыбнулся Роден. - Возьмите вот эту.

Он передал Кассону папку, которую держал в руках.

Через несколько минут Монклер тоже закрыл свою папку и вернул Родену, тот отдал ему дело, которое уже изучил Кассой. Оба снова углубились в чтение. На этот раз первым закончил Монклер. Он взглянул на Родена и пожал плечами.

- Ну что ж, немного, конечно. Но у нас наверняка есть человек пятьдесят таких же, как он. Такие боевики по центу за десяток...

Но Кассон не дал ему закончить.

- Минутку, подожди, пока не посмотришь эту.

Он перевернул страницу и пробежал глазами три последних абзаца, потом захлопнул папку и вопросительно посмотрел на Родена. Но шеф

ОАС, видимо, не хотел раньше времени высказывать своего мнения. Он молча взял у Кассона папку и отдал Монклеру. Кассону же протянул оставшееся досье. Спустя четыре минуты оба закончили чтение.

Роден собрал документы и аккуратно сложил их на письменном столе. Подвинув свой стул к камину, он развернул его и уселся верхом, сложив руки на спинке и с этого насеста окидывая взглядом своих гостей.

- Что ж, я предупреждал, что рынок не богат. Возможно, есть еще люди, способные на такие дела, но, честное слово, чертовски трудно отыскать их, не заглянув в картотеку нашей любимой Секретной Службы. И, кроме того, вполне возможно, что на лучших их них вообще не заведено никаких досье. Итак, вы просмотрели все три дела. Давайте назовем их немец, африканец и англичанин. Твое мнение, Андре?

Кассон пожал плечами.

- Для меня здесь все ясно. Если верить тому, что там написано, англичанин опережает их всех на целую милю.

- Рене?

- Согласен. Немец уже слишком стар для такого рода работы. Да и, кроме спасения нацистов от

преследования израильских агентов, он, по-моему, больше и не участвовал в политических акциях. Кроме того, у него есть свои личные причины ненавидеть евреев. Поэтому он не совсем профессионал. Африканец, может, и подошел бы, но только для того, чтобы изрубить какого-нибудь негритянского политика, вроде Лумумбы. А это совсем не то, что пустить пулю в Президента Франции. Плюс ко всему, англичанин свободно говорит по-французски.

Роден неторопливо кивнул.

- Я был уверен, что у нас не возникнет особых споров. Лично я сделал выбор еще до того, как закончил собирать все эти сведения.

- А вы уверены в этом англосаксе? - спросил Кассой. - Он что, действительно проделал все, что здесь написано?

- Да я и сам был удивлен не меньше вашего, - ответил Роден. -Поэтому потратил на него немного больше времени, чем на всех остальных. Что касается абсолютных доказательств, то их, конечно, нет. А если бы я смог их найти, то это был бы дурной знак. Эго значило бы, что он уже значится во всех странах как persona non grata. Но, кроме слухов, никто толком ничего не может сказать о нем. Формально он чист, как стеклышко. Если

даже он и числится в британской картотеке, то только с вопросительным знаком напротив своей фамилии. А это еще не повод для внесения его в картотеку Интерпола. А вероятность того, что англичане будут информировать о нем SDECE, вообще ничтожно мала. Вы же знаете, как они ненавидят друг друга. Они молчали, даже когда Жорж Бидо скрывался в январе прошлого года в Лондоне. Нет, для нашего дела англичанин, конечно, имеет все преимущества. Кроме одного...

- Какого? - встрепенулся Монклер.

- Можно не сомневаться, что это дело влетит нам в копеечку. Такой человек, как он, должен запросить огромные деньги. Как там у нас с финансами, Рене?

Монклер пожал плечами.

- Не особенно. Правда, расходы в последнее время снизились. После случая с Арго все эти герои из СНС прячутся теперь в отелях подешевле. По-моему, они потеряли вкус к пятизвездочным дворцам и телеинтервью. С другой стороны, доходы тоже сократились. Как ты сказал, нужны результаты, иначе все дело может прогореть из-за нехватки фондов. Никто не станет давать нам деньги за красивые глаза.

Роден мрачно кивнул.

- Я так и думал. Но нам просто необходимо где-то достать деньги. Хотя, если разобраться, нет никакого смысла их искать, пока мы не знаем, какая сумма нам потребуется...

- Из чего следует, - спокойно продолжил Кассой, - что следующий шаг нашей операции будет такой: нам необходимо вступить в контакт с англичанином и выяснить, согласен ли он выполнить эту работу и какую сумму хочет получить за услуги?

- Так, хорошо, все согласны с этим? - Роден по очереди оглядел своих гостей.

Оба кивнули. Роден бросил взгляд на часы.

- Начало второго. Я прямо сейчас позвоню своему агенту в Лондон, чтобы он попросил его приехать. Если он будет готов вылететь в Вену вечерним самолетом, то мы сможем встретиться с ним здесь уже после обеда. Но в любом случае агент перезвонит мне и сообщит результаты. Я позволил себе снять вам комнаты в соседних номерах. Думаю, будет безопаснее держаться вместе под защитой Виктора, чем жить отдельно и без всякой охраны. Мало ли что может случиться, правильно?

- Несомненно. Очень любезно с вашей стороны, - съязвил Кассон. Его несколько раздражала такая

предупредительность.

Роден пожал плечами.

- Потребовалась уйма времени, чтобы собрать все эти сведения. А сейчас чем меньше мы будем копаться, тем лучше. Если хотим вырваться вперед, то надо шевелиться побыстрее.

Он встал со стула, за ним поднялись остальные. Позвав Виктора, Роден велел ему спуститься в холл и принести ключи от номеров 65 и 66. Ожидая его, он обратился к Монклеру и Кассону:

- Я пойду звонить с Главпочтамта и возьму с собой Виктора. Пока нас не будет, я попросил бы вас собраться в одном номере и закрыть дверь. Я постучу условным стуком, три раза, пауза, затем еще два раза. Очень просто. Помните, как ритм песенки "Algérie Française", которую парижские водители гудели своими клаксонами, выражая недоверие де Голлю?

- Да, кстати, - вдруг вспомнил Роден, - у вас есть при себе оружие?

Заместители отрицательно покачали головами. Роден открыл секретер и вынул оттуда увесистый девятимиллиметровый МАВ, который на всякий случай всегда держал при себе. Он проверил магазин, вставил его на место и, взведя затвор, протянул пистолет Монклеру.

- Умеете обращаться с этой штукой?

- Приходилось, - кивнул тот, принимая оружие.

Виктор принес ключи и проводил обоих в номер Монклера.

Когда он вернулся, Роден застегивал пальто.

- Пойдем, капрал, есть кое-какая работа.

* * *

Уже стемнело, когда самолет Британской Авиакомпании, следующий рейсом Лондон-Вена, совершил посадку в аэропорту Швехат. В задней части салона светловолосый англичанин наблюдал, откинувшись в кресле, за мерцающими огнями посадочной полосы. Они приближались все ближе и ближе, через несколько мгновений он смог уже различить освещенную тусклым светом траву по обеим сторонам блестящей ленты темного бетона, и в следующую секунду шасси коснулись поверхности земли. Точность исполнения этого маневра понравилась англичанину. Он вообще любил точность.

Со своего места за блондином нервно следил молодой француз из французского Туристического Агентства на Пикадилли. После того как сегодня во время ленча его пригласили к телефону, он находился в постоянном напряжении. Около года

назад, во время отпуска, который он проводил в Париже, этот молодой человек предложил свои услуги Секретной Армейской Организации и получил распоряжение постоянно находиться в Лондоне на своем рабочем месте и ждать. Телефонному звонку или письму, в котором фамилию его назовут правильно, но обратятся "Дорогой Пьер", он должен повиноваться четко и сразу. Но с тех пор никто не писал и не звонил молодому человеку. До сегодняшнего дня, 15 июня.

Телефонистка сообщила, что он вызывается на конфиденциальные переговоры с Веной. Он с удивлением ждал, пока их соединят, и когда голос в трубке произнес "Дорогой Пьер", молодой человек несколько секунд не мог вспомнить свою собственную кличку.

После разговора, справившись с внезапным приступом мигрени, француз отправился на поиски переданного ему адреса и сообщил открывшему дверь англичанину, что его просят ничему не удивляться и через три часа вылететь в Вену. Англичанин спокойно собрал чемодан, и, взяв такси, они оба отправились в аэропорт Хитроу. У билетной кассы англичанин вытащил из бумажника пачку банкнот и, услышав объяснения француза, что тот взял с собой лишь

паспорт и чековую книжку, купил два билета в оба конца.

С этого, момента они не перемолвились ни словом. Англичанин не задавал никаких вопросов. Казалось, ему было совершенно безразлично и то, кто с такой поспешностью вызывает его в Вену, и то, по какому поводу намечается встреча. По правде говоря, француз и сам этого не знал. Ему были даны инструкции перезвонить из Лондонского аэропорта по указанному номеру и сообщить, каким рейсом они вылетают, а по прибытии в Швехат обратиться к Главному Информатору. Осознавая всю ответственность возложенного на него поручения, француз не мог скрыть своего волнения, а видя железное спокойствие сидящего рядом с ним англичанина, нервничал и переживал еще сильнее.

У окошка информатора в главном зале аэропорта он сообщил свое имя симпатичной молодой австрийке, и та, улыбнувшись, передала ему короткую записку, которая гласила: "Позвонить 61-44-03, спросить Щульца".

Молодой человек повернулся и поискал глазами телефон-автомат, но англичанин похлопал его по плечу и указал на киоск в центре зала.

- Даже если австрийцы и отличаются щедро-

стью, вам все равно не мешало бы для начала обменять деньги, - произнес он на безупречном французском.

Молодой человек покраснел и отправился к киоску, англичанин же удобно устроился на одном из стоящих вдоль стен стеганых диванов и, вытащив из кармана пачку дорогих английских сигарет, с удовольствием закурил. Через минуту его провожатый вернулся, неся в руках несколько австрийских банкнот и целую горсть мелочи. Направившись в другой конец зала, он отыскал свободную телефонную кабину и набрал номер. Герр Шульц в течение нескольких секунд дал ему четкие краткие указания, после чего сразу же положил трубку.

Француз возвратился к диванам.

- Ну что, пошли? - подняв глаза, тихо спросил блондин.

- Пойдемте.

Англичанин поднялся и последовал за молодым человеком. Тот нервно скомкал записку с номером телефона и бросил на пол. Заметив это, блондин поднял ее и достал зажигалку. Записка вспыхнула, и через секунду черный комок был раздавлен в пыль носком элегантного башмака. Они молча вышли из здания аэропорта и напра-

вились к стоянке такси.

Сверкающий огнями центр австрийской столицы был настолько переполнен автомобилями, что только через сорок минут машина доставила пассажиров в "Пеншин Кляйст".

- Здесь мы расстанемся. Мне приказано доставить вас в отель и отправляться в другое место. Вам нужно идти прямо в номер 64. Вас ждут.

Англичанин кивнул и выбрался из такси. Водитель вопросительно посмотрел на молодого человека.

- Поехали, - сказал тот, машина тронулась и исчезла за поворотом.

Англичанин поднял голову, разглядывая написанное старым готическим шрифтом название отеля, затем перевел взгляд на печатные римские буквы над входом и, наконец, выбросив недокуренную сигарету, вошел внутрь.

Дежурный администратор сидел спиной к двери, но, услышав скрип, повернул голову. Не обращая на него никакого внимания, посетитель миновал стойку и направился прямо к лестнице. Затем вдруг обернулся, небрежно кивнул и решительно произнес:

- Гутен абенд.

- Гутен абенд, майн герр, - механически пробор-

мотал администратор, но блондин уже скрылся наверху, уверенно шагая через две ступеньки.

Поднявшись на второй этаж, он остановился и заглянул в глубь коридора. В дальнем конце виднелась дверь с номером 68. Прикинув, где должен был находиться номер 64, англичанин заметил на пути к нему небольшую нишу, занавешенную красной бархатной шторой. Из-под шторы выглядывал носок черного мужского ботинка. Блондин круто развернулся и спустился обратно в фойе.

На этот раз администратор был наготове. Но не успел он еще открыть рот, как англичанин первым обратился к нему:

- Нельзя ли позвонить в номер 64? - спросил он.

Несколько секунд администратор внимательно вглядывался в лицо посетителя, затем молча набрал номер и передал ему трубку.

- Если через пятнадцать секунд вы не уберете своего гориллу из ниши, я возвращаюсь домой, - спокойно проговорил англичанин и снова направился к лестнице.

Поднявшись наверх, он остановился в начале коридора. Дверь номера 64 открылась, и на пороге показался полковник Роден. С минуту он пристально рассматривал гостя, затем тихо позвал:

- Виктор.

Телохранитель вышел из засады и уставился на них, переводя взгляд с одного на другого.

- Все в порядке, - успокоил его Роден. - Мы его ждем.

Сопровождаемый хмурым взглядом Ковальского, англичанин прошел к двери.

Роден проводил его в спальню, напоминающую контору по вербовке наемников. Письменным столом служил секретер, на котором в беспорядке были разбросаны бумаги. За ним стоял стул, единственный в спальном гарнитуре. Но из соседней комнаты были принесены еще два, сидя на которых, Монклер и Кассон подозрительно взирали на посетителя.

Англичанин окинул взглядом помещение, подошел к одному из двух мягких кресел, и пока Роден давал указания Виктору и закрывал дверь, бесцеремонно развернул кресло и удобно уселся лицом к секретеру.

С порога Роден некоторое время изучал своего гостя. То, что он увидел, не разочаровало его, а уж Роден умел разбираться в людях. Посетитель был высокого, выше 180 сантиметров, роста, примерно лет тридцати с небольшим, худого атлетического сложения. Он казался довольно сильным и был, видимо, в хорошей форме. В слег-

ка загоревшем, с правильными чертами лице не было ничего примечательного. Руки спокойно лежали на подлокотниках кресла.

"Этот человек умеет владеть собой", - подумал Роден.

Войдя в комнату, шеф ОАС еще раз взглянул на англичанина, и глаза убийцы поразили его. В жизни ему уже приходилось видеть и мягкие, влажные глаза слабовольных людей, и тупые, подернутые пеленой глаза психопатов, и осторожные, бдительные глаза солдат. Широко раскрытые глаза англичанина смотрели с откровенной прямотой. Кроме зрачков, размыто-серых, как густой туман зимнего утра. Родену потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что они не выражают абсолютно ничего. Какие бы мысли ни возникали за этой дымовой завесой, ни одна из них не могла быть замечена снаружи.

Шеф ОАС ощутил смутную тревогу. Как и всем людям, созданным системой, Родену не нравилась такая непредсказуемость.

- Мы знаем, кто вы, - с ходу начал он. - Нам же лучше представиться. Меня зовут Марк Роден...

- Знаю, - перебил англичанин. - Вы шеф оперативного отдела ОАС. Вы - майор Рене Монклер, казначей, а вы - моншер Андре Кассон, руководи-

тель подполья в Метрополии.

- Что ж, вам известно достаточно много, - вставил Кассон, в то время как все трое с изумлением взирали на посетителя. Англичанин откинулся в кресле и выпустил струйку дыма.

- Будем откровенны, джентльмены. Я знаю, кто вы, а вы знаете, кто я. У всех нас несколько необычная работа. Но за вами охотятся, тогда как я могу свободно передвигаться куда угодно, без всякой слежки. Я работаю за деньги, вы - за идеалы. Но что касается практических деталей, все мы профессионалы в своем деле. Поэтому отбросим предварительную обработку. Вы наводили обо мне справки. Но невозможно сделать все так, чтобы человек, которым интересуются, очень скоро не узнал об этом. Естественно, я захотел выяснить, кому и зачем я понадобился. Это мог быть либо кто-то, желающий отомстить, либо предложить мне работу, ведь между этим есть кое-какая разница. И как только я узнал название организации, которая интересуется моей персоной, то нужно было всего пару дней полистать французские газеты в Британском Музее, чтобы достаточно подробно познакомиться и с вами, и со всей вашей деятельностью. Поэтому посещение вашего курьера сегодня утром не было для

меня неожиданностью. Так что я знаю, кто вы и кого представляете. И что мне хотелось бы теперь узнать, так это, что вам нужно.

На несколько минут в комнате воцарилась мертвая тишина. Кассон и Монклер с надеждой смотрели на Родена, ища поддержки. Полковник десантных войск и наемный убийца смотрели друг на друга. Роден достаточно хорошо знал сильных людей, чтобы понять, что человек, сидящий перед ним, как раз тот, которого он искал. С этой минуты Монклер и Кассон значили для него не больше, чем часть интерьера.

- Раз вы читали газеты, то мне не стоит пересказывать вам движущие нашей организацией политические мотивы, которые вы так точно окрестили идеалами.

Мы видим, что Францией сейчас управляет диктатор, который осквернил нашу страну и предал ее достоинство. И мы убеждены, что его режим может рухнуть лишь после его смерти. Из шести осуществленных нашими сторонниками попыток уничтожить Президента три были раскрыты еще на уровне подготовки, одна сорвана за день до покушения. Две попытки все же были совершены, но, к сожалению, неудачно. И мы решили, что в создавшейся обстановке нам нужно

воспользоваться услугами профессионала. Тем не менее, нам не хотелось бы бросать деньги на ветер. Поэтому первое, что мы хотели бы знать, это то, возможно ли наше предприятие вообще.

Роден знал, как вести игру. Задав вопрос, ответ на который был ему заранее известен, он увидел хотя бы проблеск выражения в серых глазах.

- В мире нет ни одного человека, абсолютно защищенного от пули убийцы, - отвечал англичанин. - К тому же степень риска у де Голля очень высока. Убить его, конечно, возможно. Вопрос в том, что после убийства будет не так уж много шансов скрыться. А вообще, наилучший способ убрать диктатора, часто выставляющего себя напоказ, - это фанатик, готовый погибнуть ради идеи. Но я заметил, - добавил он с едва заметной насмешкой, - что, несмотря на весь ваш идеализм, вы до сих пор не смогли воспитать такого человека. И Пти-Кламар, и другие покушения провалились только потому, что никто не был готов рискнуть своей жизнью, чтобы наверняка завершить дело.

- Да во Франции есть патриоты, готовые хоть сейчас... - горячо начал Кассон, но Роден жестом остановил его. Англичанин же даже не взглянул на руководителя подполья.

- А что же профессионал? - спросил Роден.

- Профессионал работает бесстрастно, поэтому он действует спокойно и не допускает элементарных ошибок. Не будучи идеалистом, в последний момент его не пробивают такие мысли, как, например, пострадает ли кто-нибудь еще во время взрыва, и он просчитает все до последней случайности. Поэтому его шансы на успех гораздо больше, чем у всех остальных. Но он никогда не пойдет на операцию, не составив такой план, который гарантирует ему не только выполнение задания, но и возможность благополучно скрыться.

- Ну, и как вы считаете, возможно ли составить такой план?

Несколько минут англичанин молча курил, глядя в окно.

- В принципе, да, - ответил он наконец. - В принципе. Это всегда возможно, если есть достаточно времени, чтобы все хорошо продумать. Хотя в этом случае это будет исключительно сложно. Намного сложнее, чем в большинстве таких дел.

- Почему же сложнее? - спросил Монклер.

- Потому что де Голль предупрежден. Не о каком-то конкретном покушении, а вообще о намерении его убить. Все большие люди име-

ют телохранителей и службу безопасности, но если за много лет не было случаев покушения, контроль становится формальным, обязанности выполняются механически и бдительность притупляется. И единственная пуля, которая поражает цель, застает их врасплох и порождает панику. А под шумок убийца скрывается. В вашем же случае бдительность далеко не снижена, обязанности выполняются отнюдь не механически, и если пуля все же достигнет цели, то они не будут паниковать, а бросятся в погоню за убийцей. Так что это сделать можно, но это будет самое сложное дело из всех имеющихся на сегодняшний день. Они сделают все, чтобы предотвратить убийство и оставить в дураках не только вас, но и любого другого, кто осмелится поднять руку на Президента.

- Но если, допустим, мы решим нанять для этого дела профессионального убийцу... - начал Роден.

- Вам придется нанять профессионала, - перебил англичанин.

- Ну почему же. У нас есть еще многие, кого можно бы было подготовить к совершению такого убийства из чисто патриотических побуждений.

- Конечно, у вас есть еще Ватен и Куруте, - возразил блондин, - и можно не сомневаться, что

вокруг еще много Дегуильде и Бастьенов-Тери. Но я думаю, вы вызвали меня сюда не для того, чтобы обменяться мнениями по основным вопросам теории политических убийств, и не потому, что вы стали вдруг испытывать недостаток в непосредственных исполнителях. А пригласили вы меня потому, что, хоть и поздно, но все же пришли к заключению, что ваша организация уже так напичкана агентами Секретной Службы, что ни один ваш план невозможно сохранить в тайне, и еще потому, что все ваши физиономии известны любому французскому полицейскому. Поэтому вам нужен человек со стороны. И в этом вы правы. Если это убийство все же должно совершиться, то это может сделать только человек, не принадлежащий к вашей организации. Остаются только два вопроса: кто и за какие деньги? Что ж, джентльмены, я думаю, у вас было достаточно времени, чтобы выбрать кандидата.

Краем глаза Роден взглянул на Монклера и вопросительно поднял брови. Монклер кивнул. Кассон последовал его примеру. Англичанин смотрел в окно, не проявляя ни малейшего интереса к этому немому диалогу.

- Вы согласны убить де Голля? - наконец спросил Роден. Голос его звучал спокойно, но вопрос повис

в напряженной тишине. Англичанин посмотрел на полковника. Глаза его снова были пустыми и безразличными.

- Да. Но стоить это будет очень дорого.

- Сколько? - спросил Монклер.

- Сначала я хотел бы вам объяснить, что эта работа делается только один раз в жизни. Тот, кто выполнит ее, больше никогда не возьмется за такие дела. Шансы на то, чтобы остаться не только не пойманным, но и незамеченным, ничтожно малы. И тот, кто справится с этой задачей, должен получить за работу столько, чтобы хватило не только на безбедную жизнь до конца своих дней, но и на то, чтобы защитить себя от мести голлистов.

- Когда у нас будет Франция, - начал Кассон, - у вас не будет недостатка в...

- Наличные, - перебил англичанин, - половина сразу, остальные - по завершении дела.

- Сколько? - спросил Роден.

- Полмиллиона.

Роден бросил взгляд на Монклера, тот поморщился.

- Полмиллиона новых франков - это большие деньги.

- Долларов, - поправил англичанин.

- Полмиллиона долларов? - вскричал Монклер, вскакивая со стула. - Да вы с ума сошли!

- Нет, - спокойно ответил англичанин, - просто я лучший, поэтому самый дорогой.

- Мы бы, конечно, могли найти и подешевле, - усмехнулся Кассон.

- Не спорю, - бесстрастно ответил англичанин. - Можно найти людей и дешевле, таких, которые, взяв 50%. аванса, исчезнут в неизвестном направлении или потом начнут объяснять, почему не могут справиться с работой.

Если же вы имеете дело с лучшим, вы просто платите. Цена - полмиллиона долларов. Если учесть, что вы рассчитываете приобрести взамен всю Францию, вы цените свою страну не очень-то высоко.

Роден, молча взиравший на этот торг, наконец, взял слово.

- Все ясно. Дело в том, мсье, что у нас нет таких наличных денег.

- Не сомневаюсь. Но если вы действительно хотите, чтобы дело удалось, вы должны найти эту сумму. Как вы понимаете, я не нуждаюсь в вашей работе. За последнее дело я получил достаточно, чтобы пожить несколько лет в свое удовольствие. Но возможность заработать столько, чтобы во-

обще не брать в руки оружие, очень заманчива. Поэтому за эти деньги я и готов пойти на такой исключительно высокий риск. Ваши друзья здесь хотят еще большую цену - целую Францию. И тем не менее, риск путает их. Ну что ж, прошу прощения. Если вы не хотите достать нужную сумму, можете возвращаться обратно и наблюдать, как власти один за другим будут крушить все ваши дальнейшие заговоры.

Он встал из кресла и погасил окурок. Роден поднялся вслед за ним.

- Присядьте, мсье. Мы найдем деньги.

Они вновь сели.

- Хорошо, - сказал англичанин, - но есть еще условия.

- Какие же?

- Главная причина того, что вы вынуждены обращаться за помощью к профессиональному убийце, это постоянная утечка информации из вашей организации. Позвольте узнать, сколько членов ОАС осведомлены о вашем намерении прибегнуть к услугам наемника вообще и меня в частности?

- Только те, кто сидит перед вами в этой комнате. Эта идея пришла мне в голову на следующий день после казни Бастьен-Тери. Поиски были

проведены мной лично. Кроме нас троих, никто ничего не знает.

- Так должно быть и в дальнейшем. Все записи бесед, картотеки и досье необходимо уничтожать. Ни капли информации не должно просочиться за наш узкий круг. Принимая во внимание то, что произошло в феврале с Арго, я оставляю за собой право на расторжение нашего договора в случае, если кто-либо из вас троих будет схвачен. Поэтому до того момента, пока работа не будет выполнена, вам следовало бы найти безопасное место и оставаться там с хорошей охраной. Согласны?

- Хорошо. Что еще?

- Планирование и выполнение операции я буду осуществлять лично. Этого не будет знать никто, даже вы. Короче, я исчезну. Вы не услышите обо мне больше никогда. У вас есть мой адрес и телефон в Лондоне, но как только я буду готов действовать, я уеду с этой квартиры. Но в любом случае, в этом месте вы можете связаться со мной лишь в случае крайней необходимости. Все остальное время никакой связи не будет вообще. Я дам вам координаты моего Швейцарского банка. Когда я узнаю, что на мой счет поступило 250 тысяч долларов, и полностью подготовлюсь, что

будет позже, я начну действовать. Вы не должны ни торопить меня, ни вмешиваться в мои дела. Нет возражений?

- Нет. Но группа наших тайных агентов во Франции имеет возможность оказать вам значительную помощь в плане информации. Некоторые из них занимают довольно высокие посты.

Несколько минут англичанин обдумывал предложение.

- Хорошо, вышлите мне по почте номер телефона, желательно в Париже, чтобы можно было позвонить по автомату из Франции. Я никому не буду сообщать своего местонахождения, просто узнаю по этому телефону последнюю информацию об изменениях в охране Президента. Но человек, с которым я буду разговаривать, не должен знать, что я делаю во Франции. Скажите ему, что я выполняю для вас определенное задание и нуждаюсь в помощи. Чем меньше он будет знать, тем лучше.

Пусть он играет роль банка информации. Но он должен иметь источники, которые позволят ему предоставить мне действительно ценную секретную информацию, а не тот хлам, который я могу прочитать в газетах. Согласны?

- Очень хорошо. Значит, вы желаете действо-

вать в одиночку? Ну, что ж, как вам будет угодно. А как насчет фальшивых документов? У нас есть два отличных специалиста.

- Спасибо, об этом я позабочусь сам.

В разговор вмешался Кассон.

- У меня есть довольно совершенная организация внутри Франции, чем-то похожая на Сопротивление во время немецкой оккупации. Я могу предоставить ее в ваше распоряжение с целью оказания необходимой поддержки.

- Нет, спасибо. Я предпочитаю полагаться на свою полную анонимность. Это лучшее оружие, которым я располагаю.

- Но предположим, что-то случится и вам нужно будет скрыться...

- Ничего не случится, если с вашей стороны все будет в порядке. Я буду действовать без каких-либо контактов с вашей организацией, мсье Кассон, все по той же причине: потому что организация кишит агентами и осведомителями.

Было видно, что Кассон уже готов взорваться. Монклер угрюмо уставился в окно, соображая, где можно быстро раздобыть полмиллиона долларов. Роден задумчиво посмотрел на сидящего напротив англичанина.

- Спокойно, Андре. Мсье желает работать один.

Пусть будет так. Это его дело. Мы не будем платить полмиллиона долларов человеку, с которым нужно возиться столько же, сколько с нашими собственными стрелками.

- Что мне все же хотелось бы знать, - пробормотал Монклер, - так это то, как мы сможем быстро достать такие большие деньги.

- Пусть ваша организация ограбит пару банков, - непринужденно предложил англичанин.

- Ладно. В конце концов это наши проблемы, - сказал Роден.

- Есть еще вопросы, которые надо выяснить перед тем, как наш гость вернется в Лондон?

- А что мешает вам взять первые четверть миллиона и исчезнуть, как вы сказали, в неизвестном направлении? - поинтересовался Кассон.

- Я уже говорил вам, моншер, это дело будет для меня последним, и мне не хочется, чтобы потом ваши боевики охотились за мной. Вашей четверти миллиона мне не хватит даже на собственную оборону. Согласитесь, это бессмысленно.

- А что, - настаивал Кассон, - мешает нам подождать, пока вы справитесь со своей задачей, и не выплатить вам оставшуюся сумму?

- Та же причина, - спокойно ответил англичанин, - вы прекрасно понимаете, что в этом случае

я сам выступлю в роли и работодателя, и исполнителя. А мишенью станете уже вы. Но не думаю, что это произойдет, не так ли?

Роден встал.

- Хорошо, если это все, я думаю, мы не будем больше задерживать нашего гостя. Да, кстати... Еще один, последний вопрос. Как вас зовут? Если вы желаете остаться абсолютным инкогнито, давайте выберем хотя бы кодовое имя.

На секунду англичанин задумался.

- Поскольку речь идет об охоте, как насчет имени "Шакал"? Подойдет?

Роден кивнул.

- Да, отлично. Мне нравится.

Он проводил англичанина к выходу и открыл дверь. Виктор покинул нишу и подошел к ним. Шеф ОАС растянул губы в улыбке и протянул руку убийце.

- Ну что ж, будем действовать, как договорились. Но пока мы будем искать деньги, я попросил бы вас... Не могли бы вы начать разработку плана операции уже сейчас, чтобы не терять времени? Хорошо? Тогда бонжур, мистер Шакал.

Англичанин исчез так же тихо и незаметно, как и появился. Он переночевал в отеле аэропорта и первым утренним рейсом вылетел в Лондон.

А в отеле "Пеншин Кляйст" еще долго продолжались бурные дебаты. Все трое были просто шокированы состоявшимися переговорами.

- Полмиллиона долларов?! - продолжал причитать Монклер. - Где же мы возьмем такие деньги?

- Мы можем воспользоваться советом Шакала и, в самом деле, ограбить несколько банков, - отвечал Роден.

- Что касается меня, - ворчал Кассон, - то мне вообще не нравится этот тип. Он работает в одиночку. Такие люди опасны. Их невозможно контролировать.

Наконец, шеф ОАС решил поставить конечную точку в этом споре.

- Послушайте, мы составили план, нашли человека, готового за деньги уничтожить Президента Франции и способного сделать это. Я знаю таких людей. Если кто-то и сможет совершить убийство нашего старого генерала, так это он. Мы сделали выбор. Так давайте же делать свое дело, а он пусть займется своим.

Глава 3

В течение второй половины июня и всего июля 1963 года Францию сотрясала небывалая волна ограблений банков, ювелирных магазинов и почтовых отделений, беспрецедентная для того времени и не имевшая аналогов впоследствии.

Во всех концах страны буквально среди бела дня банки подвергались нападению грабителей, вооруженных пистолетами, обрезами и автоматами. Налеты на ювелирные магазины превратились в такое обычное явление, что местная полиция едва успевала снимать показания с одного дрожащего, а часто и окровавленного ювелира, как по телефону уже сообщали о другом подобном случае на этом же участке.

В разных городах двое банковских служащих были застрелены при попытке оказать сопротивление грабителям. К концу июля положение достигло критической точки, и власти были вынуждены призвать на помощь войска по охране порядка Республиканского Корпуса Безопасности (Corps Republication de Sécurité), известного каждому парижанину просто как CRS. Впервые все

солдаты корпуса были вооружены автоматами. Вскоре уже ни у кого не вызывали удивление прохаживающиеся у входа в банки военные в голубой форме с автоматическими карабинами в руках. В ответ на давление со стороны ювелиров и банкиров, постоянно обращавшихся к правительству с жалобами о нарастающей волне грабежей, полиция вынуждена была участить ночное патрулирование банков и ювелирных магазинов, впрочем, без особого результата, поскольку преступники не являлись профессиональными взломщиками, способными проникнуть в подвал банка под покровом ночи, а были наглыми бандитами в масках, готовыми открыть стрельбу в случае малейшей опасности.

Самыми опасными являлись как раз дневные часы, когда в помещение банка или ювелирного магазина в любую минуту могли ворваться несколько головорезов в масках и, угрожая оружием, властно скомандовать: "Haut les mains!".[9]

В конце июля в результате многочисленных облав полиции удалось ранить и захватить трех грабителей. Все они оказались либо мелкими жуликами, используемыми ОАС с целью созда-

---

[9] Примечания: 9
Руки вверх! *(фр.)*

ния видимости взрыва всеобщей преступности, либо дезертирами колониальных полков, вскоре также подтвердившими свою причастность к Секретной Армейской Организации. Но, несмотря на всю тщательность допросов, в полицейском управлении ни один из преступников не смог пролить свет на причину внезапного взрыва преступности по всей стране. Все их показания сводились к тому, что задания на ограбление банка или ювелирного магазина были получены ими от "патрона" (главаря шайки). В конце концов, полиция пришла к выводу, что задержанные действительно ничего не знают о целях всех этих наглых налетов. Задержанные были мелкими сошками и исполняли приказ за ничтожный процент от награбленного.

Но не составляло труда понять, что за всеми этими преступлениями стоит ОАС, которой вдруг срочно понадобилась крупная сумма. Хотя цель, для осуществления которой собирались все эти деньги, удалось узнать лишь позже, в первой половине августа, и совсем другим способом.

В последние же две недели июня волна преступлений в банках и других местах скопления денег и драгоценностей достигла своего апогея, и дело было передано Морису Бувье - Бригадному

Комиссару Криминального Управления Судебной Полиции. В небольшой и на удивление скромной конторе Управления была составлена таблица, в которую методично заносились либо суммы похищенных денег, либо, в случаях с ювелирными магазинами, приблизительная цена, по которой можно было быстро перепродать драгоценности. К середине июля общая сумма составляла уже более двух миллионов новых франков, или четыреста тысяч долларов. Даже за вычетом оплаты участникам налетов и расходов по организации ограблений оставшаяся сумма, по подсчетам комиссара, была более чем значительной.

В конце июня на стол генерала Жибо, шефа SDECE, легло донесение начальника отдела Секретной Службы в Риме. В нем сообщалось, что трое лидеров Секретной Армейской Организации, а именно Марк Роден, Рене Монклер и Андре Кассон - поселились на верхнем этаже одного из отелей на виа Кондотти в центре итальянской столицы. Несмотря на весьма высокие цены в этой гостинице, они сняли целиком два верхних этажа, последний - для себя и предпоследний - для своих телохранителей. Сменяя друг друга, днем и ночью их охраняют не менее восьми головорезов - бывших бойцов Иностранного Легиона.

И руководители ОАС, и их охрана постоянно находятся в отеле и ни на минуту не покидают своего убежища. Вначале предполагалось, что верхушка организации собралась на очередное совещание, но по прошествии нескольких дней SDECE пришла к выводу, что такие чрезвычайные меры предосторожности применяются лишь для того, чтобы уберечь себя от следующих после случая с Антуаном Арго возможных похищений.

Генерал Жибо криво усмехнулся, представив себе руководителей террористической организации, трясущихся от страха в римском отеле, и отправил донесение на регистрацию. Несмотря на все еще продолжающийся скандал между Министерствами Иностранных дел Франции и Германии по поводу нарушения в феврале прошлого года суверенитета немецкой территории, Жибо имел все основания быть довольным своими людьми из Службы "Действие", проведшими операцию, наградой за которую сейчас стало паническое бегство верхушки ОАС.

Но, просмотрев досье Марка Родена, генерал со смутным предчувствием все же задал себе вопрос: "Что же могло так испугать видавшего виды шефа оперативного отдела Секретной Армейской Организации?" Как человек, имеющий

значительный опыт работы и искушенный в делах политики и дипломатии, Жибо не мог не заметить в странных действиях оасовских лидеров возможность организации очередного тайного заговора. Но лишь намного позже ему станет ясен реальный смысл мер предосторожности, предпринимаемых этими людьми.

* * *

Последнюю половину июня и две недели июля Шакал провел в Лондоне, осторожно приступив к планированию предстоящей операции.

По возвращении из Австрии он, кроме всего прочего, успел прочесть абсолютно все, что было возможно, о Президенте Франции генерале Шарле де Голле.

Для начала он зашел в ближайшую библиотеку и отыскал статью о Президенте в Британской Энциклопедии. В конце ее приводился список литературы, тем или иным образом касающейся предмета его изучения. Выписав названия, он, пользуясь вымышленным именем и адресом своей запасной квартиры в Паддингтоне, разослал их по нескольким крупным магазинам с просьбой выслать указанные книги по почте. Через несколько дней Шакал перевез их домой

и в утренние часы занимался чтением, пытаясь мысленно составить себе наиболее детальный портрет хозяина Елисейского Дворца. Пропуская через себя горы ненужной и бесполезной информации, время от времени натыкался и на ценные сведения, которые тут же выписывал в небольшой блокнот. Характер Президента наиболее полно раскрывался в мемуарах самого генерала под названием "Острие меча", где Шарль де Голль выражал свое личное отношение к жизни, стране и своей собственной судьбе.

Используя все свободное время, Шакал перевернул горы книг, тщательно выбирая из них мельчайшие подробности и детали, чтобы, располагая как можно большим количеством информации, иметь возможность использовать в свою пользу самый ничтожный факт.

Но, несмотря на то, что, прочитав работы де Голля и книги, написанные о Президенте Франции хорошо знающими его людьми, он смог нарисовать для себя законченный портрет надменного и презрительного генерала, вся эта литература не пролила свет на решение главной проблемы, которая встала перед Шакалом с тех пор, как 15 июня он принял предложение Родена. К концу первой недели июля он все еще не смог ответить

на вопрос: когда, где и каким образом будет нанесен удар. С последней надеждой он отправился в читальный зал Британского Музея и, как обычно, заполнив формуляр для получения разрешения на исследования вымышленным именем, с головой зарылся в старые номера центральной французской ежедневной газеты "Фигаро".

Нельзя точно сказать, когда именно пришел к Шакалу ответ на мучавший его вопрос. Но примерно в конце первой недели, просмотрев все подшивки с 1945 по 1962 год, он вычислил, в какой день, независимо от погоды, состояния здоровья и грозящей ему опасности, Шарль де Голль обязательно появится на людях. С этого момента предварительная работа заканчивалась, и подготовка переходила в новую стадию - разработки практического плана.

Но понадобились еще долгие, томительные часы глубоких размышлений и бесконечное число выкуренных сигарет, прежде чем последняя деталь стала на свое место.

Десятки идей были рассмотрены и отвергнуты, пока, наконец, не был составлен такой план, который полностью удовлетворял убийцу. К ответам на вопросы "когда" и "где" добавился ответ на вопрос "как".

Шакал прекрасно представлял себе, что к 1963 году Шарль де Голль был не просто Президентом Французской Республики. Он превратился также и в наилучшим образом охраняемую политическую фигуру во всем западном мире. И убить его, как выяснилось позже, было гораздо сложнее, чем пустить пулю в Президента Джона Ф. Кеннеди в Соединенных Штатах. Англичанин не знал, что благодаря любезности американских властей французским специалистам по проблемам безопасности была предоставлена возможность подробно ознакомиться с теми мерами, которые предпринимали США по охране Президента Кеннеди. А Американская Секретная Служба проинформировала своих французских коллег обо всех слабых местах этих мер. Правильность неприятия французами американских методов охраны Президента была доказана 6 ноября 1963 года, когда Джон Кеннеди был убит в Далласе полоумным маньяком, в то время как Шарль де Голль оставался целым и невредимым и продолжал жить, чтобы, в конце концов, спокойно умереть своей смертью у себя дома.

Но вот что Шакал действительно знал наверняка, так это то, что охрана, которой он бросил вызов, была, по крайней мере, одной из лучших в

мире; что аппарат безопасности вокруг де Голля находится в постоянной готовности предотвратить любое покушение; равно как и то, что организация, на которую он работает, буквально пронизана шпионами Службы безопасности. Противопоставить этому он мог лишь собственную анонимность, да еще высокомерный отказ его жертвы от сотрудничества со своими собственными силами безопасности. В назначенный день чрезмерная гордость, упрямство и презрение к опасности обязательно заставят Президента открыться на несколько секунд, невзирая ни на какой риск.

Сделав круг над зданием лондонского аэропорта, самолет авиакомпании САС, выполняющий рейс из Копенгагена, наконец, приземлился и, прокатившись несколько сот метров по посадочной полосе, замер. Смолк шум моторов, и уже через несколько секунд к самолету подкатил трап, и пассажиры по очереди стали спускаться вниз, кивая на прощание улыбающейся стюардессе. На верхней террасе здания аэропорта, сдвинув на лоб темные очки, высокий блондин приложил к глазам бинокль. Начиная с сегодняшнего утра он встречал таким образом уже шестой рейс, но терраса была заполнена встречающими,

пытающимися разглядеть пассажиров при выходе из самолета, поэтому никому не было дела до широкоплечего англичанина с биноклем.

Когда на трапе показался восьмой по счету пассажир, англичанин внутренне напрягся и проводил его долгим, внимательным взглядом. Этот пассажир из Дании был каким-то священником в сером пасторском костюме и белой рубашке с высоким жестким воротником. Глядя на седые, зачесанные назад волосы, ему можно было дать лет 50, хотя лицо выглядело гораздо моложе. Высокий и широкоплечий, он обладал примерно таким же сложением, как и человек, наблюдающий за ним с верхней террасы.

Пока пассажиры проходили паспортный контроль и таможенный досмотр, Шакал спрятал бинокль в кожаный атташе-кейс и спустился в главный зал аэропорта. Спустя 15 минут датский пастор прошел все связанные с прибытием формальности и с саквояжем и чемоданом в руках тоже вышел в зал, заняв очередь в кассу по обмену денег.

Когда шесть недель спустя этого пассажира будет допрашивать датская полиция, он не сможет вспомнить молодого светловолосого англичанина, стоящего за ним в очереди и внимательно

рассматривающего его сквозь стекла темных очков. Датчанин даже не заметил такого человека. Тем не менее, когда, покинув аэропорт, он сел на поезд, следующий в Лондон, блондин с атташекейсом в руке ехал с ним в одном вагоне.

На конечной станции датчанин подождал, когда из багажного отделения доставят его чемодан, и, миновав кассовый зал, направился к остановке такси. Шакал, в свою очередь, заспешил к стоянке, на которой оставил свой открытый спортивный автомобиль. Обогнув здание вокзала, он остановился невдалеке от очереди, выстроившейся в ожидании такси под навесом в виде сводчатой галереи.

Наконец датчанин забрался в машину. Такси выехало на Кромвел Роуд и направилось в сторону моста Найтс-бридж. Спортивный автомобиль двинулся следом.

На улице Хаф Мун такси остановилось возле небольшого, но комфортабельного отеля. Спортивная машина пронеслась мимо входа, но уже через несколько минут была припаркована на дальней стороне улицы Курсон. Шакал запер кейс в багажник, купил в газетном киоске дневной выпуск “Ивнинк Стандарт" и спустя 5 минут появился в фойе отеля. Через полчаса датчанин

спустился вниз и отдал ключи от номера портье. В тот момент, когда он протягивал ключи, молодой человек с развернутой газетой в руках, очевидно, ожидавший друга в одном из кресел, совершенно случайно заметил на бирке номер 47. Взглядом проводив датчанина до дверей в ресторан, Шакал, наконец, опустил газету. Спустя несколько минут, когда портье отошел к киоску в глубине фойе, человек в темных очках тихо поднялся с кресла и никем не замеченный проскользнул наверх.

Замок оказался слишком тугим для тонкой полоски эластичной слюды, но он усилил ее упругим лезвием мастихина[10], раздался тихий щелчок, и дверь номера 47 открылась. Паспорт священника оказался на прикроватном столике, и уже через полминуты Шакал снова вышел в коридор, оставив нетронутой книжку дорожных чеков в надежде, что, не обнаружив признаков кражи, власти постараются убедить датчанина, что он просто потерял паспорт где-то в другом месте. Так оно и произошло. Еще задолго до того, как пастор допил свой кофе, англичанин уже покинул отель, и лишь к вечеру, озадаченно перерыв

[10] Примечания: 10

Мастихин - нож для наложения или смешения красок на палитре или картине.

весь номер в поисках паспорта, датчанин заявил о пропаже директору отеля. Тот лично еще раз обыскал Номер и, заметив, что все остальные вещи, включая бумажник и дорожные чеки, были на месте, сумел доказать растерянному гостю, что не стоит беспокоить полицию, поскольку очевидно, что паспорт утерян где-то по дороге. Датчанин был добрым человеком, к тому же, находясь в чужой стране, он чувствовал себя не очень уверенно, поэтому вопреки собственному мнению, согласился с директором. На следующий день он заявил о потере паспорта в Датское Генеральное Консульство, где его снабдили необходимыми дорожными документами. После двухнедельного пребывания в Лондоне пастор вернулся в Копенгаген и вскоре совсем забыл об инциденте. Служащий Консульства, выдавший датчанину документы, зарегистрировал потерю паспорта на имя пастора Пера Йенсена из костела Святого Къелдскирке в Копенгагене и тоже больше ни разу не вспомнил о происшествии, случившемся 14 июля.

Спустя два дня при подобных обстоятельствах был утерян паспорт американского студента Марти Шульберга из города Сиракузы штата Нью-Йорк. По прибытии в лондонский аэропорт

при обмене дорожных чеков он предъявил паспорт кассиру, затем спрятал полученные деньги во внутренний карман пиджака, паспорт же сложил в портмоне и, застегнув молнию, сунул портмоне в небольшой кожаный саквояж. Когда спустя несколько минут студент замахал руками, подзывая носильщика, саквояж все еще находился у его ног. Но не прошло и трех секунд, как его увели. Носильщик подвел американца к окошку справочного бюро компании Пан-Американ, где бедный студент был передан в руки дежурного полицейского. Последний же проводил его в участок, где американец дал подробнейшие показания по поводу случившегося.

После проверки первой версии, сводившейся к тому, что саквояж мог быть взят кем-то по ошибке, был составлен рапорт, классифицирующий происшествие как умышленную кражу.

Рослому, атлетического сложения американскому студенту были принесены извинения и высказано глубочайшее сожаление по поводу случившейся кражи. Он был проинформирован о тех мерах, которые предпринимаются руководством аэропорта по пресечению деятельности местных воров и воришек и по опеке прибывающих иностранцев с целью уберечь их от рук

преступного элемента. Ради приличия студент вспомнил, как его друга однажды почти таким же образом обокрали на Центральном Вокзале Нью-Йорка.

В конечном итоге во все отделения лондонской полиции был направлен рапорт с описанием пропавшего саквояжа, его содержимого, а также с перечнем всех документов, находившихся в портмоне. Все это было должным образом зарегистрировано, но шли недели, а следы саквояжа и его содержимого так и не были найдены, и вскоре все забыли о происшествии.

Американец заявил о пропаже паспорта в консульство на площади Гросвенор и был снабжен дорожными документами, позволяющими ему после месяца отпуска, проведенного с любовницей в горах Шотландии, вернуться в Соединенные Штаты. В консульстве его заявление было зарегистрировано и передано в Госдепартамент США в Вашингтоне. И на этот раз событие не привлекло внимания ни того, ни другого учреждения.

Никогда не будет точно известно, сколько пассажиров, прибывающих в лондонский аэропорт из-за рубежа, стали предметом пристального наблюдения сквозь стекла бинокля во время выхода из самолета. Несмотря на разницу в возрастё,

двое потерявших паспорта имели и общие черты. Оба были выше 180 см ростом, широкоплечие, стройные и голубоглазые. И странным образом их лица были удивительно похожи на лицо одного скромного англичанина, который провожал их из аэропорта. С другой стороны, пастору Йенсену было 48 лет, он был седоволосый и носил очки для чтения в золотой оправе. У двадцатипятилетнего Марти Шульберга были каштановые волосы и очки в толстой роговой оправе, которые он носил постоянно.

Эти лица и изучал Шакал, разложив оба паспорта на бюро в своей квартире. Затем целый день он бродил по городу, нанося визиты театральным костюмерам, оптикам, а также в Вест Энд, в салон мужской одежды американского типа, произведенной преимущественно в Нью-Йорке. Он приобрел голубые контактные линзы из простого стекла, две пары очков, тоже с обычными стеклами, в позолоченной и роговой оправе, полный комплект американской одежды, состоящий из пары черных кожаных туфель, белья, светлых, почти белых брюк и голубой нейлоновой куртки на "молнии" с манжетами и воротником из красной шерсти, все нью-йоркского производства. Затем он купил белую рубашку священника, жест-

кий высокий воротничок и черную манишку. С последних трех вещей торговые знаки фирм-производителей были им аккуратно срезаны.

Последним в тот день было посещение магазина мужских париков в Несли, принадлежащего двум гомосексуалистам. Здесь Шакал купил два красителя для окраски волос в седой и каштановый цвета, получив вдобавок точные инструкции по использованию и достижению наилучшего эффекта, а также несколько небольших щеток для нанесения красителя. Кроме комплекта американской одежды, он сделал не более одной покупки в каждом магазине.

На следующий день, 18 июля, газета "Фигаро" напечатала, небольшую заметку. В ней сообщалось, что в середине рабочего дня у заместителя начальника Криминальной бригады судебной полиции, комиссара Ипполита Дюпуа случился сердечный приступ, и он скончался по дороге в больницу. На его место был назначен комиссар Клод Лебель, начальник отдела убийств. В связи с огромным количеством работы во всех отделах бригады он приступил к исполнению своих, обязанностей немедленно.

Шакал, ежедневно просматривающий все продававшиеся в Лондоне французские газеты,

конечно, прочел заметку, привлеченный словом "криминальный", но не сделал для себя никаких выводов.

Перед тем как приступить к ежедневному наблюдению в лондонском аэропорту, англичанин принял решение во время предстоящей операции постоянно действовать под чужими именами. Нет ничего проще, чем достать фальшивый британский паспорт. Шакал последовал тактике большинства наемников, контрабандистов и им подобных, пользующихся вымышленными именами для пересечения государственной границы. Объехав все английские графства, расположенные в долине Темзы, на третьем из попавшихся ему по дороге кладбищ он разыскал подходящую для его цели могилу. Она принадлежала некоему Александру Даггану, умершему в возрасте двух с половиной лет в 1931 году. Если бы он был жив, то сейчас, в июле 1963 года, был бы на несколько месяцев старше Шакала. Представившись ученым, изучающим следы генеалогического древа фамилии Дагган, посетитель кладбища сразу же расположил к себе старика-викария, и когда тот рассказал ему, что много лет назад в деревне действительно жила семья с такой фамилией, молодой человек поинтересовался, не смогут

ли записи в церковных книгах пролить свет на предмет его исследования.

Викарий был просто сама доброта, а комплименты в адрес здания церкви и небольшое пожертвование на ее реставрацию еще больше улучшили атмосферу. Из записей становилось ясно, что родители Даггана умерли семь лет назад, а Александр, единственный ребенок в семье, о боже, был похоронен на церковном кладбище тридцать с лишним лет назад. Лениво перелистывая страницы церковной книги, Шакал остановил свой взгляд на одной из записей, сделанных в 1929 году. Она гласила: Александр Джеймс Квентин Дагган родился ,3 апреля 1929 года в церкви Святого Марка, Самборн Фишли.

Молодой ученый сделал необходимые выписки, тепло поблагодарил викария и покинул церковь.

По возвращении в Лондон Шакал обратился в Центральное Бюро Регистрации Браков, Рождений и Смертей, где передал приветливому и услужливому служащему визитную карточку, представляющую его членом фирмы адвокатов в Маркет Дрейтоне, Шропшир, и объяснил, что занят поисками внуков одного из клиентов фирмы, который недавно скончался и завещал им

все свое имущество. Один из внуков - Александр Джеймс Квентин Дагган, родившийся 3 апреля 1929 года в Самборн Фишли в церкви Святого Марка.

Большинство государственных служащих Британии стараются сделать все возможное, чтобы помочь человеку, обращающемуся к ним за помощью, и в этом случае служащий не был исключением. Поиски в журнале показали, что человек, р котором наводил справки адвокат, действительно был зарегистрирован в соответствии с предоставленными посетителем данными. Но 8 ноября 1931 года он погиб в результате автомобильной катастрофы. За несколько шиллингов Шакалу были выписаны копии свидетельств о рождении и смерти. Перед тем как возвратиться домой он зашел в одно из отделений Министерства труда и вышел оттуда, имея на руках бланк анкеты на получение паспорта. В магазине детских игрушек он приобрел детский печатный набор, а на почте взял бланк почтового перевода.

Дома Шакал заполнил анкету на имя Даггана, указав его возраст, дату и место рождения, но свое собственное описание личности - рост, цвет волос и глаз, а в графе профессия поставил просто: бизнесмен. В анкету были внесены также полные

имена родителей Даггана, взятые из копии свидетельства о рождении. Третейским судьей был записан Преподобный Джеймс Элдели, викарий церкви Святого Марка, Самборн Фишли, сегодняшний собеседник Шакала, чье полное имя и ученая степень доктора права были так кстати указаны на табличке, прикрепленной к воротам церкви. Подпись викария была подделана и казалась написанной немощной, дрожащей рукой. С помощью детского печатного набора Шакал изготовил печать "Приходская церковь Святого Марка, Самборн Фишли" и четко поставил ее рядом с подписью викария. Приложив к анкете копию свидетельства о рождении, он отправил документы вместе с почтовым переводом на 1 фунт в Паспортный отдел на Петти Франс. Копия свидетельства о смерти была уничтожена. Новый, с иголочки, паспорт пришел по почте через четыре дня, как раз в то время, когда Шакал просматривал после ленча очередной выпуск "Фигаро".

Этим же вечером он отправился в лондонский аэропорт, где купил билет на рейс до Копенгагена, снова расплатившись наличными. В тонком, толщиной с обыкновенный журнал, потайном отделении его чемодана лежало 2000 фунтов,

взятые им днем раньше из своего личного сёйфа в Холборне.

Поездка в Копенгаген была спешной и сугубо деловой. В аэропорту Каструп Шакал сразу же по прилету заказал билет на завтрашний рейс до Брюсселя. Поскольку было уже поздно ходить по магазинам, он снял номер в отеле д'Англетер на улице Конге Ни Торв и устроил себе королевский ужин в ресторане "Семь наций". Выйдя оттуда поздно вечером, он погулял по Триволи Гардене, немного пофлиртовал с двумя хорошенькими датчанками и в час ночи был уже в постели.

На следующий день он отправился за покупками. В центре Копенгагена, в одном из лучших магазинов мужской одежды, он купил серый клерикальный костюм, пару черных неброских туфель, носки, комплект нижнего белья и три белые рубашки с отстегивающимися воротничками. На каждой из покупок стояло название датской фирмы-производителя. Белые рубашки ему совеем не были нужны, но смысл покупки был в том, чтобы получить возможность быстро переставить воротник с купленной в Лондоне рубашки священника, если будет нужно срочно превратиться в студента-теолога накануне посвящения в духовный сан. Последней покупкой

была книга о наиболее известных соборах и церквах Франции на датском языке. В ресторане на Триволи Гардене с видом на озеро Шакал заказал солидную порцию холодной закуски и в 15.15 уже сидел в самолете, отлетающем в Брюссель.

Глава 4

Почему такой, несомненно, талантливый человек, как Поль Госсенс, мог свернуть в зрелые годы с праведного пути, являлось загадкой не только для бельгийской полиции, но даже для его немногочисленных друзей и клиентов, коих было несравненно больше. За время своей тридцатилетней службы на Fabrique Nationale в Льеже он зарекомендовал себя в высшей степени аккуратным человеком, работая в той области, где без этого качества и делать нечего. А уж в его честности и сомневаться не приходилось. За эти тридцать лет он стал ведущим экспертом по оружию этой незаурядной компании, производящей все, начиная от маленького дамского пистолета и заканчивая тяжелыми пулеметами.

Военное прошлое Поля Госсенса было удивительным. Хотя он и не оставил работу на оружейном заводе, перешедшем после оккупации в руки нацистов, последующее расследование, несомненно, установило его подпольную связь с Сопротивлением и личное участие в спасении подбитых летчиков союзных армий. На работе

же мсье Госсенс,осуществлял руководство саботажем, в результате которого значительная часть оружия, выпускаемая в Льеже, либо не отличалась точностью попадания, либо взрывалась после пятидесятого выстрела, унося с собой жизни немецких солдат. Все это выведали позже у .этого скромного, бесхитростного человека адвокаты и торжественно представили суду. Приговор был смягчен, а присяжные были буквально потрясены застенчивым признанием Поля Госсенса, что он никогда не распространялся по поводу своей деятельности во время войны, так как послевоенные почести и медали смущали его.

К тому времени, когда в начале пятидесятых в результате выгодной сделки по продаже оружия кем-то была присвоена большая сумма денег иностранного заказчика и подозрение пало на мсье Госсенса, тот был уже шефом одного из отделов фирмы. Руководство резко заявило полиции, что ее подозрения касательно заслуживающего всяческого доверия мсье Госсенса были по меньшей мере смехотворными. Даже на суде сам управляющий выступил в его защиту. Но председательствующий нашел такое злоупотребление доверием фирмы еще более предосудительным и

приговорил обвиняемого к десяти годам тюрьмы. После подачи апелляции срок был сокращен до пяти лет. За хорошее поведение Поль Госсенс был освобожден через три с половиной года. Жена с детьми ушла от него. Позади осталась и жизнь в опрятном, окруженном цветами домике на одной из живописнейших окраин Льежа. С карьерой на Fabrique Nationale было также покончено. Он приобрел небольшую квартирку в Брюсселе, а позже, по мере того, как его состояние увеличивалось в результате процветающего бизнеса от незаконной продажи оружия чуть ли не половине преступного мира Западной Европы, и дом за городом.

К началу шестидесятых он уже был известен под прозвищем L'armurier - "Оружейник". По закону любой гражданин страны имеет право приобрести боевое оружие, будь то револьвер, пистолет или винтовка, в спортивном или оружейном магазине по предъявлении документов, подтверждающих его бельгийское подданство. Мсье Госсенс же никогда не пользовался своими, так как при любой покупке оружия и боеприпасов фиксировались фамилия и номер удостоверения личности покупателя в книге регистрации. Он всегда предъявлял чужие документы, краденые

либо подделанные, установив тесную связь с одним из лучших карманников города, человеком, который, если не томился в тюрьме, находясь на иждивении у государства, мог с необычайной легкостью вытащить бумажник из любого кармана. Это и скупалось у вора. Поль Госсенс также пользовался услугами мастера по подделке документов, который в конце сороковых "залетел" с изготовлением большого количества французских франков, по невнимательности пропуская букву "u" в "Banque de France" (он был тогда молод), и в конце концов с гораздо большим успехом занялся подделкой паспортов.

Наконец, когда его клиентам требовалось оружие, то покупателем, предъявляющим фальшивые документы в оружейном магазине, являлся не сам Поль Госсенс, а какой-нибудь вышедший на свободу мелкий жулик или актер, отдыхающий в промежутках между очередным "покорением" сцены.

В его "штате" только карманник и специалист по подделке документов знали его настоящее имя. Ну и еще некоторые из клиентов, особенно верхушка преступного мира Бельгии, которые не только не вмешивались в дела Оружейника, но и предлагали тому свое покровительство,

отказываясь при поимке выдать источник приобретения оружия. Просто Поль Госсенс был им очень нужен.

Хотя все это и не мешало бельгийской полиции догадываться о темных делах Оружейника, им никак не удавалось поймать того с товаром или получить свидетельские показания против него. Они были почти наверняка уверены, что его гараж представляет собой маленькую, но первоклассно оборудованную кузницу и мастерскую, но в результате своих настойчивых визитов обнаруживали лишь принадлежности для производства кованых медальонов и сувениров с изображением статуй Брюсселя. Во время последнего посещения он торжественно преподнес старшему инспектору статуэтку богини Правосудия как дань уважения силам законности и правопорядка.

Без тени беспокойства утром 21 июля 1963 года ожидал Поль Госсенс англичанина, о котором ему сообщил по телефону один из его лучших клиентов, бывший наемник в Катанге, а ныне тайный покровитель всех публичных домов бельгийской столицы.

Гость появился, в полдень, как и договаривались. Мсье Госсенс провел его в небольшой

кабинет рядом с гостиной.

- Не могли бы вы снять очки, - попросил он, когда гость уселся, и, заметив, что высокий англичанин колеблется, добавил: - Видите ли, мне кажется, мы должны доверять друг другу, пока нас связывает общее дело. Может, выпьете чего- нибудь?

Человек с паспортом на имя Александра Даггана снял темные очки и вопросительно уставился на торговца оружием, разливающего пиво.

Мсье Госсенс расположился за столом и, отпив из своего стакана, спросил:

- Чем могу быть полезен, мсье?

- Надеюсь, Луи звонил вам сегодня утром по поводу меня?

- Конечно, - кивнул Оружейник, - иначе бы вы здесь не сидели.

- Он говорил о моем деле?

- Нет, просто сказал, что знал вас в Катанге и готов поручиться за вас. Вам нужно оружие, и платить вы будете наличными, английскими фунтами.

Англичанин медленно кивнул.

- Ну, что ж, так как я знаю, чем вы занимаетесь, не вижу смысла утаивать причины, приведшие меня к вам. Кроме того, оружие, которое мне по-

требуется, должно быть особенным, с определенными приспособлениями. Моя специализация... ммм... скажем так, устранение тех, у кого есть богатые и могущественные враги. Вполне очевидно, что они сами являются могущественными и богатыми людьми, что, естественно, осложняет выполнение моей работы. Потому как охраняют их тоже мастера своего дела. Для такой работы потребуется точный расчет и верно подобранное оружие. Сейчас я как раз и занимаюсь решением этих вопросов. Мне нужна винтовка.

Мсье Госсенс опять отпил пиво и учтиво кивнул гостю.

- Ну что ж, превосходно, просто замечательно. Вы обратились как раз по адресу. Такой специалист, как я, думаю, вам и нужен. Ну и какую же винтовку вы имеете в виду?

- Как раз-таки тип винтовки не так уж важен. Вопрос, скорее, заключается в том, чтобы она не подвела и отвечала требованиям, налагаемым спецификой выполняемой работы.

В глазах Оружейника появился радостный блеск.

- Значит, это будет единичный экземпляр, - восторженно прошептал он. - Оружие, изготовленное по специальному заказу, для выполнения

специального задания и только при определенных обстоятельствах. Да, вы попали как раз по адресу. Дорогой мой, я чувствую, это вызов мне. Уж я покажу, на что способен. Как я рад, что вы пришли.

Англичанин позволил себе улыбнуться, профессиональный восторг бельгийца стоил того.

- Я тоже рад, мсье.

- Теперь я жду ваших разъяснений по поводу требований к оружию.

- Прежде всего - размеры. И требования не столько к длине, сколько к объему рабочих частей. Патронник и затворная рама не должны быть больше, чем... - Он выставил правую руку, соединив большой и средний пальцы в форме буквы "О", менее чем пять сантиметров в диаметре. - Значит, винтовка с магазином отпадает, потому как газовая камера будет больше, чем я показал. По тем же причинам отпадает и винтовка с громоздким возвратным механизмом. Мне кажется, это должно быть оружие с передергиваемым вручную затвором.

Оружейник кивал, задумчиво уставившись в потолок и впитывая все подробности, на которые указывал гость. А в голове уже проносились чертежи необычайно изящной винтовки.

- Да, да, продолжайте, - еле слышно произнес он.

- С другой стороны, ручка затвора не должна торчать сбоку, как у "Маузера 7.92" или "Ли Энфилд 303". Затвор должен оттягиваться назад большим и указательным пальцами. Не нужен также и предохранитель. А спусковой крючок должен быть съемным, так, чтобы его можно было устанавливать прямо перед стрельбой.

- Зачем? - спросил бельгиец.

- Для того, чтобы весь механизм можно было спрятать для безопасной переноски в трубке, а сам тайник не привлекал внимания. Потому-то все рабочие части и не должны быть больше показанного мной размера. Так, можно сделать спусковой крючок съемным?

- Конечно. Можно сделать все, что угодно. Можно было бы продумать конструкцию винтовки, которая заряжалась бы, как охотничье ружье. Тогда обошлись бы полностью без затвора, но пришлось бы подумать о шарнире. А это не выход. К тому же, необходимо было бы самому сконструировать и полностью выточить весь патронник. Непростая задача для маленькой мастерской, но выполнимая.

- Сколько времени это займет?

Бельгиец развел руками.

- Боюсь, что несколько месяцев.

- Столько времени у меня нет.

- В таком случае нужно будет купить подходящую винтовку в магазине и переделать ее. Да-да, я слушаю, продолжайте.

- Так, винтовка должна быть легкой, не обязательно крупного калибра. Пуля сделает свое дело. Ствол должен быть коротким, наверное, не больше 25 сантиметров.

- А с какого расстояния вы собираетесь стрелять?

- Это еще не ясно, но не более, чем со 130 метров.

- В голову или грудь?

- Скорее всего в голову. Можно было бы и в грудь, но в голову надежнее.

- При точном попадании в голову убьешь наверняка. Но в грудь попасть легче. По крайней мере, если стреляешь из легкого оружия с коротким стволом на 130 метров, учитывая, что могут быть помехи. Я полагаю, - добавил бельгиец, - кто-то может оказаться на пути выстрела и прикрыть цель, раз вы не уверены, куда стрелять.

- В общем-то, да.

- А будет ли у вас возможность сделать еще один

выстрел, принимая во внимание, что понадобится несколько секунд, чтобы вытащить стреляную гильзу, вставить новый патрон, закрыть затвор и снова прицелиться?

- Наверняка, нет. Если винтовка будет с глушителем и первый раз я промахнусь так, что никто не заметит, может, у меня и будет возможность выстрелить второй раз. Но даже если первая пуля придется прямо в висок, обязательно нужен будет глушитель для того, чтобы я мог скрыться. Мне потребуется несколько минут, прежде чем догадаются, откуда был произведен выстрел.

Бельгиец продолжал кивать, но сейчас его взгляд был устреми лен в блокнот, лежащий на столе.

- В таком случае у вас должны быть разрывные пули. Об этом я позабочусь. Надеюсь, вы понимаете, о каких пулях идет речь?

Англичанин кивнул.

- С глицерином или ртутью?

- Думаю, лучше с ртутью. Гораздо аккуратнее. Полагаю, с винтовкой мы уже разобрались?

- Боюсь, что нет. Принимая во внимание те же ограничения по размерам, ствольная деревянная рукоятка должна быть снята. Приклад тоже. Вместо него должен быть установленный, как

на винтовке "Стен", в виде рамы, собираемой из трех стержней. И последнее. Оптический прицел и глушитель должны быть безупречными и тоже съемными.

Бельгиец молчал, задумчиво потягивая пиво. Когда все было выпито, англичанин не выдержал:

- Ну, что, так вы готовы взяться за работу?

Мсье Госсенс, казалось, очнулся от грез и виновато улыбнулся:

- Простите меня великодушно. Это действительно очень сложный заказ. Но я берусь за него. И обещаю, что все сделаю так, как вы просили. То, что вы рассказали, уж больно походит на охоту, оружие для которой должно быть доставлено незаметно, не вызывая подозрений при проверках. Ну, а для охоты нужна настоящая охотничья винтовка. Как раз такая у вас и будет. Нет, не маленькая, двадцать второго калибра, которая разве что подходит для охоты на зайцев и кроликов. Да и не такая крупная, как "Ремингтон 300". У меня есть кое-что на примете. С приобретением в магазине не будет никаких сложностей. Дорогое оружие, высокоточное, прекрасно выполненное, вместе с тем легкое и изящное. Для охоты на серн и небольших оленей, но с разрывными пулями,

- превосходное оружие для дичи покрупней. А скажите, будет ли... ээ... джентльмен двигаться или стоять?

- Цель будет неподвижной.

- Ну, тогда я не вижу никаких проблем. Разве что придется самому изготовить раму приклада из трех стальных стержней и съемный спусковой крючок. Да, и еще укоротить ствол на двадцать сантиметров и сделать нарезку для глушителя. Но, теряя двадцать сантиметров ствола, теряется и точность. Жаль, очень жаль. Скажите, а вы метко стреляете?

Англичанин утвердительно кивнул.

- Ну, тогда, думаю, вам не будет трудно попасть в живую неподвижную мишень со ста тридцати метров из ружья с оптическим прицелом. А глушитель я изготовлю сам. Это не сложно, гораздо труднее достать готовый, особенно такой длинный, как для винтовок. На охоте-то ими не пользуются. Итак, мсье, ранее вы упоминали о тайнике из трубок для переноски винтовки в разобранном виде. У вас уже есть идеи?

Англичанин поднялся, пересек комнату и подошел к столу, возвышаясь, как башня, над сидящим бельгийцем. Он сунул руку во внутренний карман пиджака, и мгновенно в глазах

маленького человека промелькнул страх. Только сейчас он заметил, что истинное выражение глаз англичанина скрывается за пеленой отчужденности ко всему происходящему. Но гость достал лишь серебристый автоматический карандаш.

Развернув блокнот мсье Госсенса, он быстро набросал чертеж.

- Узнаете? - он вернул блокнот на прежнее место.

- Ну, конечно, - взглянув на аккуратно выполненный рисунок, ответил бельгиец.

- Хорошо. Итак, вся конструкция состоит из полых алюминиевых трубок, которые привинчиваются друг к другу. В этой, - постукивая кончиком карандаша, произнес англичанин, - находится одна стойка приклада. А в этой - другая. Обе образуют секцию. Упор приклада целиком вот здесь. Таким образом, это единственная деталь винтовки, которую не нужно прятать.

- А здесь, - он постучал в другом месте, и глаза бельгийца поползли на лоб от удивления, - в самой широкой трубке находится ствольная коробка с затвором. Эта трубка сужается к концу ствола. Очевидно, что при использовании оптического прицела отпадает необходимость в мушке. Так что все это легко вытаскивается из

трубки, когда тайник разбирается. Так, последние две секции... Здесь и здесь... в них находятся глушитель и оптический прицел. Ну и, наконец, патроны. Их можно спрятать в углублении снизу. В собранном виде никто не догадается, что это тайник. Если же его разобрать, то перед нами предстанут глушитель, оптический прицел, винтовка с патронами и три стойки, образующие приклад. В общем, оружие, которое можно быстро собрать и использовать по назначению. О'кей?

Еще несколько секунд маленький бельгиец не мог отвести глаз от чертежа. Потом медленно поднялся.

- Мсье, - почтительно обратился он, - это гениальный замысел. Невозможно обнаружить и вместе с тем так просто. Все будет сделано.

Англичанин был невозмутим.

- Хорошо, - ответил он. - Теперь о сроках. Винтовка мне нужна через четырнадцать дней. Это выполнимо?

- Да. Винтовка будет у меня уже через три дня. Неделя уйдет на переделку. Приобретение оптического прицела не вызовет никаких затруднений. В выборе прицела прошу положиться на меня, я знаю, что нужно для стрельбы со ста тридцати метров. А уж вы сами откалибруете его

и сделаете установки для стрельбы. Что касается изготовления глушителя, тайника и переделки патронов... Что ж, я смогу уложиться в отведенное время, если, как говорится, "подожгу свечу с двух сторон". Однако, мне кажется, будет лучше, если вы подойдете за один-два дня до срока, на случай, если возникнут вопросы по каким-нибудь мелочам. Вы сможете вернуться через 12 дней?

- Да, я смогу зайти в любой день через неделю. Но учтите, две недели - это крайний срок. К четвертому августа я должен быть в Лондоне.

- Если вы сможете зайти первого августа, чтобы утрясти последние детали, то четвертого у вас уже будет готово оружие, полностью отвечающее всем вашим требованиям.

- Хорошо, теперь поговорим о ваших расходах и оплате. Прикиньте, во сколько все обойдется?

Бельгиец ненадолго задумался.

- За все, включая работу, оборудование, которое вы здесь видите, мои, скажем, неординарные знания, я прошу тысячу фунтов. Конечно же, это превосходит таксу за обычную винтовку. Но в том-то и дело, что это будет произведение искусства. Считаю, что я единственный человек в Европе, который сможет выполнить эту работу, причем безупречно. Как и вы, мсье, в своем деле

я самый лучший. А за все лучшее платят. Ну и плюс, конечно же, расходы на покупку оружия, патронов, прицела и прочих железок... скажем, еще двести фунтов.

- Договорились, - ответил англичанин, не торгуясь. Он достал пачку пятифунтовых банкнот и отсчитал пятьсот фунтов. - Чтобы вы уверились в моей добросовестности, предлагаю выплатить вам задаток для покрытия расходов. Оставшиеся семьсот фунтов я отдам вам через 11 дней, когда вернусь. Согласны?

- Мсье, - бельгиец ловко спрятал деньги в карман, - вдвойне приятно иметь дело с профессионалом и джентльменом.

- Да, и еще, - продолжал гость, словно его и не прерывали. - Вы не будете делать никаких попыток вновь связаться с Луи. Ни спрашивать ни его, ни кого-либо другого, кто я такой, ни узнавать мое настоящее имя. А также не будете пытаться установить, ни на кого, ни против кого я работаю. В случае, если же вы попытаетесь это сделать, а я об этом узнаю обязательно, вы умрете. Если вы попытаетесь связаться с полицией и устроить мне здесь засаду, вы опять же умрете. Вам все ясно?

Мсье Госсенс нервничал. Стоя в проходе, он

смотрел на англичанина, а внутри все переворачивалось от страха. За свою жизнь Оружейник сталкивался со многими крутыми парнями из преступного мира Бельгии, когда те обращались к нему за каким-нибудь особенным оружием или простеньким тупорылым кольтом. Но в этом незнакомце с другого берега Ла-Манша, собиравшемся убить важную и хорошо оберегаемую фигуру, было что-то неумолимо холодное. Нет, это был не очередной главарь шайки, а большой человек, возможно, даже политик. Сначала Поль Госсенс хотел шумно протестовать, спорить, но потом передумал.

- Мсье, - сказал он спокойно, - меня абсолютно не интересует, кто вы. На винтовке, которую вы получите, не будет серийного номера. Видите ли, меня гораздо больше беспокоит то, чтобы никакие следы не привели от вас ко мне, чем пытаться что-то узнать про вас. До свидания, мсье.

Шакал вышел на залитую солнцем улицу и, пройдя несколько кварталов, поймал такси, чтобы добраться до отеля "Амиго". Он не сомневался, что у Госсенса был свой человек, который подделывал документы для приобретения оружия. Но все же решил сам найти и прибегнуть к услугам такого специалиста. Снова помог Луи,

знакомый по Катанге. Хотя, в общем, это не представляло особых трудностей. Брюссель с давних пор славился как центр индустрии подделки документов. И многие ценили ту легкость, с какой здесь можно было получить помощь в этой области.

К началу шестидесятых Брюссель стал к тому же и центром вербовки "солдат Фортуны", так как еще не произошли события в Конго, после чего эта "гвардия" стала пополняться бывшими бойцами французских, южноафриканских , и английских подразделений. С падением режима Чомбе в Катанге более трех сотен этих "военных советников" остались без работы и околачивались в барах квартала с красными фонарями. У многих из них были целые наборы документов на различные имена.

С помощью Луи Шакал встретился со "своим" человеком в баре неподалеку от улицы Рю Нуве. Он представился, и они удалились в угловую кабину. Англичанин показал права, выданные на его собственное имя Лондонским Муниципалитетом двумя годами раньше и действительные еще пару месяцев.

- Это принадлежало человеку, который уже мертв. А так как мне запрещено водить машину

в Великобритании, я хочу, чтобы на первой странице стояли мои данные. - Он выложил перед бельгийцем паспорт на имя Даггана. Мужчина напротив сначала взглянул на паспорт, обратив внимание на то, что он выдан всего три дня назад, а затем уставился на англичанина.

- В самом деле, - пробормотал бельгиец и открыл красную книжицу водительских прав. - Это не трудно, мсье. Английские чиновники - джентльмены. Им и в голову не придет, что документы могут быть фальшивыми. Поэтому они не предпринимают особых мер предосторожности. Эту бумагу... - он сорвал ногтем листик с номером и полным именем владельца, приклеенный на первую страницу прав. - Можно напечатать даже на детской машинке. Водяной знак простой, с ним проблем не будет. Эго и все, что вы хотели?

- Нет, еще пара других документов.

- Хм. Извините, но кажется странным, что вы решили обратиться ко мне по такому пустяку. У вас в Лондоне есть ребята, которые могли бы сделать это за пару часов. А какие другие документы?

Шакал в точности описал их, бельгиец задумчиво прищурился, достал пачку сигарет "Гастос" и предложил их англичанину. Но тот отказался, и бельгиец закурил сам.

- Но это не так просто. Французские документы? Что ж, выбор что надо. Хотя здесь их много ходит. Понимаете ли, чтобы получилось как можно лучше, нужно работать с оригиналом. А вот что касается других документов, не думаю, чтобы мне такие попадались. Очень необычное пожелание.

Он замолчал, когда Шакал подозвал проходящего официанта и заказал еще по стакану пива.

- И потом, фотография. Думаю, будет сложно, - продолжал бельгиец, когда официант ушел. - Говорите, что должна быть разница в цвете, длине волос и возрасте? Те, которым нужны фальшивые документы, просят изменить лишь свои данные, а не фотографию. Но наклеить новую фотографию, на которой вы даже не похожи на себя, - это гораздо сложнее.

Пристально вглядываясь в англичанина, он отпил полстакана.

- Для этого потребуется найти человека того же возраста, что будет указан на документах. К тому же, он должен быть похож на вас, хотя бы внешностью и прической. Только тогда можно будет наклеить его фотографию на документы. Поэтому, наверное, скорее лучше вам загримироваться под этого человека, чем наоборот. Понимаете?

- Да, - ответил Шакал.

- На это уйдет время. Сколько вы пробудете в Брюсселе?

- Недолго. Я должен скоро уехать, но вернусь первого августа и еще три дня буду здесь.

Бельгиец сидел, задумчиво уставившись на фотографию в лежащем перед ним паспорте. Наконец, закрыл его и передал англичанину, предварительно выписав на листке имя: АЛЕКСАНДР ДЖЕЙМС КВЕНТИН ДАГГАН. Потом спрятал в карман водительские права и бумажку с именем.

- Хорошо, сделаю. Но сначала мне нужно сфотографировать вас в фас и в профиль. А для этого понадобится время. И деньги. Да, будут еще и дополнительные расходы. Возможно, придется провернуть небольшую операцию во Франции, где у меня есть коллега, специалист-карманник, для того чтобы получить второй упомянутый вами документ. Но сначала, естественно, я поспрашиваю в Брюсселе. Хотя, повторяю, может, придется поработать и по полной программе.

- Сколько? - оборвал англичанин.

- Двадцать тысяч бельгийских франков.

Шакал на мгновение задумался.

- Около ста пятидесяти фунтов. Идет. Сто я заплачу сразу, а остаток - по получении доку-

ментов.

Бельгиец поднялся.

- Тогда нам нужно сделать фотографии. Поехали, у меня есть мастерская.

Они добрались на такси до небольшой квартирки, расположенной в подвале, в миле езды от бара, которая оказалась захудалой фотостудией. Вывеска гласила, что это коммерческое предприятие, специализирующееся в срочном изготовлении фотографий на паспорт, проявляемых тут же в присутствии клиента. Как водится, в витрине были выставлены фотографии, которые, очевидно, должны были являть прохожим лучшие творения владельца мастерской. Это были отвратительно отретушированные портреты двух жеманных девиц, свадебная фотография, удачно разносящая в пух и прах саму концепцию брака, и две фотографии детей. Бельгиец провел англичанина вниз по лестнице и пригласил гостя внутрь.

За два часа работы владелец продемонстрировал такой профессионализм, которым автор портретов в витрине явно не обладал. В большом стоящем в углу сундуке, который он открыл своим ключом, помимо набора дорогих фотоаппаратов и вспышек находилось множество

предметов театрального реквизита. Здесь были различные краски для волос, парики, коллекция очков и всевозможный грим. И тут во время работы бельгийцу пришла в голову одна мысль. Необходимость в поисках похожего на Шакала человека, фотография которого должна быть на документах, полностью отпала.

Через полчаса англичанин был загримирован. Окинув критическим взглядом результаты своего труда, бельгиец вдруг нырнул в сундук и достал оттуда парик.

- А как вам нравится это?

Парик был седовато-стального цвета, стрижки "ежик".

- Как вы думаете, если ваши волосы так же остричь и покрасить, будут ли они похожи на этот парик?

- Можно посмотреть, как я буду выглядеть в нем на фотографии.

Было сделано шесть снимков. Через полчаса бельгиец появился с пачкой готовых фотографий, и они вместе склонились над столом. Со снимков на них глядел старый, изможденный человек. Лицо его было землистого цвета с темными кругами под глазами, свидетельствующими о болезни или усталости. Ни усов, ни бороды не было, но

из-за седых волос создавалось впечатление, что этому человеку, по крайней мере, не меньше пятидесяти и здоровьем он явно не блещет.

- Мне кажется, сойдет, - нарушил тишину бельгиец.

- Загвоздка заключается в том, - ответил Шакал, - что вам пришлось потрудиться надо мной целых полчаса, чтобы я вышел таким. К тому же еще и парик. Сам я не смогу так загримироваться. И эти документы мне придется предъявлять без такого освещения, как на фотографии.

- Это не главное, - возразил мастер. - Ведь не столько вы не похожи на фотографию, сколько на фотографии вы не такой, как в жизни. Как обычно проверяют документы? Сначала проверяющий смотрит в лицо, на человека, а уж затем просит предъявить документы и вглядывается в фотографию. А в голове держит образ живого человека, стоящего перед ним. Это-то и влияете на его мнение. Он ищет сходство, а не различие. Во-вторых, эта фотография размером 25х20 сантиметров, а на документе будет три на четыре. В-третьих, следует категорически избегать точного сходства. Если документы выдавали несколько лет назад, просто не может быть, чтобы человек не изменился. Здесь, на фотографии, вы в полосатой

рубашке с расстегнутым воротом. Не носите эту рубашку или, например, попытайтесь вообще не надевать рубашки с открытым воротом. Носите галстук или платок, ну, или свитер под горло.

И последнее. Все, что делал я, очень легко проделать самому. Самое главное, конечно, волосы. Прежде всего вам следует сделать стрижку "ежик" и покрасить волосы в седой цвет, как на фотографии. Чтобы усугубить впечатление возраста и дряхлости, отпустите двух-, трехдневную щетину, а затем побрейтесь опасной бритвой. Но не гладко, а чтобы было пару порезов. Как и бывает обычно у пожилых людей. Очень важен и цвет лица. Чтобы вызвать жалость и сострадание, нужно, чтобы перед проверяющим предстал уставший, больной человек. Сможете достать несколько кусочков бездымного пороха?

- Можно, - осторожно ответил англичанин.

Оставаясь невозмутимым, Шакал с восхищением слушал мастера своего дела. Второй раз за день он встречал настоящего профессионала. Да, напомнил он себе, нужно обязательно поблагодарить Луи после выполнения задания.

- Если пожевать и проглотить несколько кусочков этого пороха, то через полчаса появится тошнота, лицо приобретет землисто-бледнова-

тый оттенок и покроется испариной. Бывало, в армии мы проделывали такой трюк, чтобы особо не перетруждаться.

- Спасибо, приму к сведению. Теперь об остальном. Так сможете вы изготовить документы в срок?

- Что касается технической стороны, то уж будьте уверены. Единственная загвоздка - достать оригинал второго французского документа. Придется оперативно поработать. Но если вы появитесь в первых числах августа, я думаю, все будет готово. Вы... э... упомянули о задатке на покрытие расходов...

Шакал вынул пачку из двадцати пятифунтовых купюр и передал ее бельгийцу.

- Как мне найти вас?

- Да так же, как и сегодня.

- Слишком рискованно. Человека, выведшего на вас, может не оказаться в городе. И тогда мы с вами не встретимся.

Бельгиец задумался.

- Тогда я буду ждать вас с шести до семи каждый вечер в течение первых трех дней августа в баре, где мы встретились сегодня. Если вы не появитесь, тогда будем считать, что сделка не состоялась.

Англичанин снял парик и вытер лицо полотенцем, смоченным в спирте. В тишине затянул галстук, застегнул пиджак и повернулся к бельгийцу.

- Я бы хотел остановиться на ряде моментов, - тихо произнес он. Дружеского тона как не бывало, и холодный, как туман над Ла-Маншем, взгляд устремился на бельгийца. - Когда мы встретимся в баре, вы возвратите мне новые права и первую страничку из тех, что я вам дал. А также все негативы и фотографии. Вы забудете как имя Дагган, так и фамилию настоящего владельца прав. Данные для двух французских документов вы можете подобрать сами, но это должна быть обычная французская фамилия, которую вы забудете в тот же час, как я получу их от вас. Вы никогда и никому не скажете об этой сделке. Нарушив хоть одно из условий, вы умрете.

Бельгиец ответил пристальным взглядом. За прошедшие три часа в него вселилась уверенность, что этот англичанин такой же, как и все его клиенты. Просто вздумал водить машину в Великобритании, а во Франции выдавать себя за человека средних лет. Наверное, контрабандист, занимающийся переправкой наркотиков или бриллиантов из одного из пустынных рыбных

портов Бретани в Англию. Но, в общем-то, неплохой парень. Теперь же он изменил свое мнение.

- Ясно, мсье.

Через несколько мгновений англичанин уже исчез в ночи. Пройдя пять кварталов и лишь потом поймав такси, он добрался до отеля "Амиго" только к полуночи. Уже в номере заказал холодного цыпленка и бутылку мозельского, принял ванну, смыв оставшийся на лице грим, и лег спать. На следующее утро, рассчитавшись, Шакал покинул отель и сел на "Брабан Экспресс", следующий в Париж. Было 22 июля.

* * *

Тем же утром руководитель службы "Действие" сидел за своим столом, внимательно изучая две лежащие перед ним записки. Это были обычные рапорты, поступившие от агентов других отделов. Сверху на каждом из них был указан список шефов служб, которые имели право ознакомиться с содержанием этих документов. Напротив его фамилии стояла маленькая птичка. Оба рапорта поступили этим утром, и полковник Роллан, тщательно впитав поступившую информацию, как обычно, подшил бы их в отдельные папки, если бы не одно "но", В каждом документе при-

сутствовало одно слово, которое заинтересовало его. Первой поступила межведомственная докладная записка Отдела R.3 (Западная Европа) из их постоянного офиса в Риме. В донесении говорилось, что Роден, Монклер и Кассон затаились в своем номере на верхнем этаже под охраной восьми телохранителей. Они не покидали здания с того момента, как обосновались там 18 июня. Для осуществления круглосуточного наблюдения за отелем Отделом R.3 был привлечен из Парижа дополнительный штат сотрудников. Инструкции из Центра остались прежними: не приближаться, в контакт не вступать, а просто вести наблюдение. Эти люди, обосновавшиеся в отеле, установили определенную процедуру связи с внешним миром еще три недели назад (См. рапорт R.3 из Рима от 30 июня), который неукоснительно выполняется и по сей день. Курьером остается Виктор Ковальский. Конец донесения.

Полковник Роллан приоткрыл темно-желтую папку, лежащую справа на столе рядом со спиленной 105 мм гильзой. Она служила безразмерной пепельницей, но и то уже наполовину была заполнена окурками. Пробежал глазами по рапорту R.3 из Рима от 30 июня, пока не нашел нужный ему абзац.

Каждый день, говорилось в нем, один из охраны выходил из отеля и направлялся на главпочтамт Рима. Здесь одна из ячеек "до востребования" была зарезервирована на имя некоего Пуатье, оасовцы не воспользовались абонентным ящиком со своим собственным ключом просто из-за боязни, что его могут взломать. Вся почта для руководства ОАС направлялась на имя Пуатье и выдавалась служащими почты. Попытка подкупить этого клерка, чтобы тот передал почту агенту R.3, провалилась. Причем, он сообщил об этом своему руководству и был сразу же заменен другим служащим. Возможно, корреспонденция для Пуатье и перлюстрируется итальянской службой безопасности, но R.3 не имеет указания обратиться к ним за помощью. Хотя попытка подкупа и провалилась, ее все же следовало сделать. Каждый день корреспонденция, поступившая за ночь, передается охраннику, которого опознали как Виктора Ковальского, бывшего капрала Иностранного Легиона из роты Родена в Индокитае. Очевидно, что у Ковальского имеются фальшивые документы на имя Пуатье, либо доверенность для получения почты, поступающей на это имя. Если же бывший капрал хотел отправить письма, он бросал их в почтовый ящик главного зала за

пять минут до выемки. И затем дожидался, пока всю вынутую корреспонденцию не унесут внутрь здания для сортировки. Все попытки вмешаться в процесс получения или отправки почты ОАС будут сопровождаться в той или иной мере насилием, что категорически запрещено Парижем. Иногда Ковальский заказывал международные телефонные переговоры от стойки "Международная Телефонная Связь", но и здесь все попытки узнать заказываемый номер абонента, либо подслушать разговор заканчивались провалом. Конец донесения.

Полковник Роллан захлопнул папку и обратился ко второму документу, поступившему этим утром. Это был рапорт от Судебной полиции в Метце, в котором сообщалось, что во время обычного рейда в баре один из присутствующих едва не убил двоих полицейских, завязав драку. Позже в полицейском участке по отпечаткам пальцев была установлена его личность. Им оказался дезертир из Иностранного Легиона Сандор Ковач, венгр по происхождению, бежавший из Будапешта в 1956 году. Ковач, как следовало из записки Судебной полиции Парижа, приложенной к информации из Метца, был отъявленный головорез ОАС, разыскиваемый долгое время за

причастность к серии убийств знатных лиц в Алжире в 1961 году. В то время он работал в паре с другим террористом, находящимся все еще на свободе, бывшим капралом Иностранного Легиона Виктором Ковальским. Конец донесения.

Роллан снова задумался о связи этих двух людей, хотя последний час эта мысль и не покидала его. Наконец, нажав кнопку вызова секретаря, он произнес:

- Принесите досье на Виктора Ковальского. Сейчас же.

Через 10 минут оно было доставлено из архива. Еще час ушел на тщательное изучение материалов, но несколько раз он возвращался к одному и тому же абзацу. В то время, когда другие парижане, посвятившие свою жизнь менее беспокойным профессиям, спешили на обед, полковник Роллан собрал небольшое совещание, на котором, помимо него, были его личный секретарь, графолог из отдела документации и два дюжих парня из его личной охраны.

- Господа, - обратился шеф Службы "Действие" к собравшимся. - Хоть и с неохотной, но неизбежной помощью человека, здесь не присутствующего, мы с вами составим и отправим одно письмо...

Глава 5

Шакал прибыл на поезде на Северный вокзал как раз перед обедом. Он взял такси и направился в маленький, но уютный отель по улице Рю де Сюрен, идущей от площади Мадельин. Хотя тот и отличался по классу от "д'Англетер" в Копенгагене или "Амиго" в Брюсселе, у Шакала были причины выбрать более скромное и менее известное место в Париже. Во-первых, его визит сюда был более продолжительным, а, во-вторых, вероятность встретить здесь какого-нибудь мимолетного знакомого по Лондону была намного выше, чем в Копенгагене или Брюсселе. В темных очках, которые Шакал обычно носил на улице, что было вполне естественным на залитых солнцем бульварах, его трудно было узнать. Но существовала реальная опасность, что где-нибудь в фойе или коридоре его могут весело окликнуть по имени при администраторе отеля, знавшем его как мистера Даггана. Это было бы самым нежелательным на данной стадии операции.

Его пребывание в Париже не должно было привлекать ничьего внимания. Он жил тихо,

заказывая на завтрак рогалики и кофе в номер. В кондитерской лавке напротив отеля он купил баночку английского мармелада и попросил, чтобы именно такой приносили ему с утра вместо черносмородинового джема.

Дагган был предельно вежлив с персоналом, употребляя всего несколько французских фраз с присущим англичанам ужасным произношением, и скромно улыбался, когда к нему обращались. На многочисленные вопросы со стороны администрации отеля, как ему нравится обслуживание, он неизменно с благодарностью отвечал, что все просто превосходно.

- Мсье Дагган, - сказал однажды владелец отеля администратору, - настоящий джентльмен.

Никто в отеле против этого не возражал.

Все дни он проводил как обычный турист. В первый день Шакал купил карту Парижа и выделил на ней, сверяясь со своей записной книжкой, все достопримечательности, которые больше всего хотел бы увидеть. Их-то он и посещал, с наслаждением изучая архитектурные красоты одних или историческую ценность других.

Три дня он бродил вокруг Триумфальной арки или сидел на террасе Елисейского кафе, пристально осматривая памятники и крыши высоких

зданий, обрамляющих площадь Этуаль. Кто бы ни наблюдал за ним в эти дни (следует отметить, таковых не было), подивился бы, что даже великолепная архитектура мсье Хаусманна не знала такого преданного поклонника. И, конечно же, никому бы и в голову не могло прийти, что тихий и элегантный английский турист, помешивая кофе и часами разглядывая здания, высчитывал в уме углы стрельбы и расстояния от верхних этажей до Вечного огня, мерцающего под аркой, а также шансы скрыться незамеченным по пожарным лестницам.

Через три дня он покинул Этуаль и посетил кладбище бойцов французского Сопротивления в Монтвалерьен. Сюда Шакал пришел с букетом цветов, и экскурсовод, сам в прошлом участник Сопротивления, тронутый этим жестом англичанина, провел тому изнурительную, с обширными комментариями, экскурсию по дорогим его сердцу святыням. Он и думать не мог, что взгляд посетителя устремлялся от входа на кладбище к высоким стенам тюрьмы, ограничивающим обзор внутреннего дворика с крыш окружающих домов. Спустя два часа, вежливо поблагодарив и оставив щедрые, но в разумных пределах, чаевые, англичанин ушел.

Он посетил также площадь Инвалидов, над которой с юга возвышался отель Инвалидов, усыпальница Наполеона и славных побед Французской Армии. Шакала больше всего интересовала западная сторона огромной площади, образуемая Рю Фабер, и он просидел все утро в кафе на углу, где эта улица примыкает к небольшой треугольной площади Сантьяго-де- Чили. С седьмого или восьмого этажа здания над его головой, номер 146 по улице Рю де Гренель, где эта улица смыкается с Рю Фабер под прямым углом, англичанин прикинул, что стрелок будет полностью обозревать выходящие к площади Инвалидов парки, большую часть самой площади, вход во внутренний дворик и плюс еще две-три улицы. Хороший наблюдательный пункт, но не место для покушения. Во-первых, расстояние от верхних окон до покрытой гравием дорожки* идущей от площади Инвалидов до того места, где у основания ступенек будут стоять машины, составляет более двухсот метров. Во-вторых, обзор, открывающийся сверху из окон дома 146, будет частично ограничен верхними ветками густых лип, растущих на площади Сантьяго, с которых голуби по-своему отдают дань уважения никак не выражающей своего недовольства статуе Во-

бена. С сожалением он заплатил за свой коктейль и ушел.

Еще один день был проведен в окрестностях собора Нотр- Дам. Здесь, среди лабиринта переходов, находилось множество задних ходов и лестниц, но расстояние от входа в собор до припаркованных у ступенек машин было всего несколько метров, а стрелять с крыш Площади Парви было слишком далеко. Что касается домов на прилегающей площади Шарлемань, то они находились довольно близко, и для сил безопасности не составляло большого труда смешаться с толпой зрителей.

Его последний визит был на площадь Рю де Ренне. Шакал появился там 28 июня. Когда-то, называвшись Пляс де Ренне, она была переименована в Площадь 18 Июня 1940 года, когда голлисты пришли к власти в правительстве. Взгляд Шакала устремился на новую сверкающую табличку на здании. Сразу пришло на ум то, о чем читал месяц назад. 18 июня 1940 года был как раз тем днем, когда одинокий, но величественный изгнанник в Лондоне обратился по радио ко всем французам, сказав, что проигранный бой не означает проигранную войну.

Было в этой площади, с припавшей с юга

громадой Вокзала Монпарнас, наполненной воспоминаниями парижан военного поколения, что-то, заставившее наемного убийцу остановиться. Он медленно окинул взглядом широкое шоссе, пересекаемое поворотом движения от бульвара Монпарнас, и сливавшееся с другими потоками от Рю д'Одесса и Рю де Ренне. Англичанин оглядел высокие с узким фасадом дома по обе стороны Рю де Ренне, которые также выходили на площадь, не спеша направился к ее южной оконечности и взглянул на внутренний двор станции. Там стоял гул нескончаемого множества поездов, привозящих и увозящих десятки тысяч пассажиров в день, одной из крупнейших пригородных станций Парижа. К зиме она превратится в тихое, громадное создание, погрузившееся в размышления об исторических судьбах и событиях, происшедших в ее задымленных, суровых стенах. Но станцию должны были снести.

Шакал повернулся спиной к ограждению и посмотрел вниз на транспортную артерию Рю де Ренне. Сейчас он стоял лицом к Площади 18 Июня 1940 года, уверенный, что именно сюда придет Президент Франции в назначенный день, последний день своей жизни. *Что* касается других мест, которые англичанин обошел за прошедшую

неделю, то их де Голль тоже мог посетить, но это, Шакал знал, он наверняка почтит своим присутствием. Очень скоро не будет больше Вокзала Монпарнас, и колонны, так много видавшие на своем веку, будут переплавлены на оградки для загородных домов, а внешний двор, переживший унижение Берлина и возрождение Парижа, превратится в обычный кафетерий. Но перед тем, как это произойдет, ОН, человек в военном кепи с двумя золотыми звездами, появится здесь еще раз.

Расстояние от верхнего этажа углового здания с западной стороны Рю де Ренне до середины внешнего дворика было около 130 метров.

Шакал оглядывал открывавшуюся перед ним картину профессиональным взглядом. Его выбор остановился на обоих угловых зданиях по Рю де Ренне, где она выходила на площадь. Возможно, также подошли бы и первые три дома по этой улице, открывая не очень узкий угол стрельбы на внешний дворик. Дальше же угол становился очень узким. Точно так же первые три здания, выходящие на бульвар Монпарнас, пересекающий площадь с востока на запад, тоже представляли возможную позицию для стрельбы. Дальше углы опять становились слишком узкими, а рассто-

яния большими. Кроме здания станции, домов, которые бы возвышались над внешним двориком, поблизости не было. Да и сама станция не подходила, так как в окнах контор на верхних этажах будут скрываться агенты охраны. Шакал решил изучить сначала три угловых дома с западной стороны Рю де Ренне и медленно подошел к кафе на углу с восточной стороны, кафе Герцогини Анны.

Здесь он сел на террасе в нескольких шагах от шумной проезжей части, заказал кофе и уставился на дома напротив. Так он просидел три часа. Позже англичанин пообедал в ресторане с другой стороны, изучая уже восточные фасады. После обеда он прогуливался по улице, оглядывая вблизи подъезды жилых домов, на которых остановил свой выбор.

Наконец, Шакал перешел к зданиям, выходившим на бульвар Монпарнас. Но это были конторы поновей и пооживленней.

На следующий день он снова вернулся сюда. Прогуливаясь вдоль фасадов, англичанин, перешел улицу и сел на лавочке под деревьями с газетой в руках, изучая верхние этажи. Пять или шесть этажей каменного дома с парапетом сверху, затем крутые скаты покрытых черной

черепицей крыш с чердаками, из которых выглядывали окна мансард. Когда-то это были комнаты слуг, а сейчас здесь жили бедные постояльцы. За крышами и, возможно, мансардами днем наверняка будут наблюдать. Но даже если на крышах среди труб и будут скрываться наблюдатели с полевыми биноклями, обозревая дома и окна с противоположной стороны, то самый верхний этаж будет достаточно высок, и в темноте комнаты можно будет спрятаться так, чтобы быть невидимым с противоположной стороны улицы. А открытое окно знойным парижским летом будет выглядеть вполне естественно.

Но чем дальше в глубь комнаты, тем уже становится угол стрельбы по внешнему дворику станции. Из-за этого Шакал и отбросил третий дом по обе стороны Рю де Ренне. Оттуда угол будет очень узким. Таким образом, для выбора оставалось четыре здания. Так как он планировал стрелять после полудня, когда солнце двигается на запад, но еще достаточно высоко в небе, чтобы ярко освещать крышу и верхние окна домов с восточной стороны улицы, англичанин остановился на двух домах по западной стороне. Чтобы убедиться в правоте своих рассуждений, 29 июля он дождался шестнадцати часов и заметил, что,

действительно, только косые лучи солнца попадали на верхние окна западной стороны, тогда как с восточной дома были ярко освещены.

На следующий день Шакал заметил консьержку. Вот уже третий день он сидел или в кафе на террасе или на скамейке. Сейчас англичанин выбрал лавочку в нескольких шагах от подъезда двух домов, которые его интересовали. Немного поодаль, отделенная тротуаром, по которому спешили бесконечной толпой прохожие, сидела в дверях консьержка и вязала. Вот из ближайшего кафе зашел поболтать официант. Он назвал консьержку "мадам Берте". Приятная сценка. Стоял теплый день, ярко светило солнце, слабо освещая проем двери.

Она была, по-видимому, добрая душа, похожая на бабушку. И по тому, как консьержка щебетала "бонжур, мсье" людям, которые изредка входили и выходили из подъезда, и как приветливо в ответ каждый раз звучало "бонжур, мадам Берте", наблюдатель на Лавочке в двадцати шагах поодаль определил, что ее любили. Добродушная, относящаяся с состраданием ко всем неудачникам. Сразу после двух появилась кошка, и через несколько минут, вынырнув из своего укромного уголка в глубине первого эта-

жа, показалась мадам Берте с блюдцем молока, предназначавшимся этому созданию, к которому она обратилась "моя маленькая Минна”.

Незадолго до четырех, спрятав вязание в широкий карман передника, она пошаркала через дорогу в кондитерскую лавку. Шакал быстро поднялся и зашел в подъезд. Он решил воспользоваться лестницей и бесшумно взбежал наверх. Лестница шла вокруг шахты лифта, и каждый пролет в направлении в глубь здания заканчивался небольшой площадкой. На каждой лестничной клетке через этаж, в задней стене подъезда была дверь, ведущая к стальной пожарной лестнице. На шестом и самом верхнем этаже, не считая чердака, он открыл заднюю дверь и посмотрел вниз. Пожарная лестница вела во внутренний двор, в котором виднелись запасные выходы из подъездов других домов, образующих угол площади, сейчас находящейся позади него. С дальней стороны двора проходила через здания узкая арка, ведущая на север.

Шакал тихо закрыл дверь на щеколду и поднялся на пол-последних пролета до шестого этажа, отсюда в конце коридора шла на чердак уже простая лестница. Две двери в коридоре вели в квартиры,выходящие окнами во внутренний

двор, а две другие в квартиры с окнами на внешнюю сторону здания. Интуиция подсказывала ему, что как раз-таки окна одной из этих квартир выходят на Рю де Ренне, или чуть в сторону от площади, за которой был виден двор станции. Это и были те окна, за которыми он так долго наблюдал снизу с улицы. На одной из табличек этих дверей стояло имя "мадмуазель Беранже". На другой - "мсье и мадам Шарье". Шакал на мгновение прислушался, но из обеих квартир не доносилось ни звука. Он осмотрел замки. Они были врезные и довольно крепкие, с запорами из твердой стали, пользующиеся особой популярностью у помешанных на безопасности своего жилища французов. К тому же, они закрывались на два оборота. Англичанин понял, что ему понадобятся ключи, которые должны быть наверняка и у мадам Берте, где-то в ее маленькой каморке. Через несколько мгновений он легко спустился тем же путем, что и поднялся, пробыв в подъезде менее пяти минут. Консьержка уже вернулась. Англичанин мельком увидел ее через матовое стекло ее уютного жилища, затем повернул и вышел через сводчатый вход. Он свернул налево по Рю де Ренне, прошел два других подъезда, а затем вдоль почты. На углу квартала начиналась

узкая улочка, Шакал и свернул в нее, идя вдоль стены почты. В конце здания был небольшой проход. Англичанин остановился прикурить сигарету, и в свете спички оглянулся по сторонам. Он увидел черный ход почты и коммутатора. В конце тоннеля был залитый солнцем двор. Вдалеке виднелись очертания последних ступенек пожарного выхода здания, которое он только что покинул Наемный убийца глубоко затянулся сигаретой и пошел дальше. Наконец-то был найден путь к отступлению. В конце улицы Рю Литер Шакал снова свернул налево на Рю Вожирар и пошел обратно туда, где она сливалась с бульваром Монпарнас. Он достиг угла и оглянулся по сторонам в поисках свободного такси, когда полицейский, выскочив на перекресток на мотоцикле, стал останавливать движение с улицы Рю Вожирар по направлению к бульвару. Машинам, следующим по бульвару из Дюро, властным движением руки было приказано сойти на обочину вправо. Едва движение замерло, как послышался отдаленный вой сирен со стороны Дюро. Стоя на углу, Шакал увидел вдали кавалькаду, направляющуюся в его сторону. Впереди были два мотоциклиста в черной кожаной форме и белых, сверкающих на солнце шлемах. Позади них появились два

следующих строго друг за другом "СитроенаДС-19". Полицейский на перекрестке вытянулся, левой рукой он указывал в направлении авеню Дю Мейн к югу от перекрестка, правая рука, согнутая вдоль груди ладонью вниз, обозначала преимущество проезда для приближающейся кавалькады. Кренясь вправо, на авеню Дю Мейн проскочили мотоциклисты, а вслед за ними и лимузины. На заднем сидении одного из них, прямо за водителем и телохранителем, глядя строго перед собой, сидел высокий человек в сером костюме. Перед тем, как кортеж исчез, Шакал успел заметить гордо вскинутую голову и нос, который нельзя было спутать ни с чьим другим. "В следующий раз, когда я увижу твое лицо, - мысленно обратился наемный убийца к человеку в лимузине, - я лучше рассмотрю тебя через оптический прицел". Затем англичанин нашел такси и вернулся в свой отель.

Чуть дальше, около выхода со станции метро Дюро, другой человек наблюдал за проездом Президента с неменьшим интересом. Девушка уже собиралась пересечь улицу, когда полицейский взмахом руки заставил ее вернуться. Через несколько секунд кортеж пронесся по бульвару Инвалидов, вымощенному булыжником, и

направился на бульвар Монпарнас. Она тоже видела отчетливый профиль человека, сидевшего на заднем сидении первого "Ситроена". И ее глаза запылали ненавистью. Машины уже скрылись, а девушка все еще смотрела им вслед, пока не заметила, что полицейский подозрительно уставился на нее. Она поспешно перешла улицу.

Жаклин Дюма было 26 лет. Она отличалась красотой, которую знала как преподнести в лучшем виде, так как работала косметологом в дорогом салоне за Елисейскими полями. Вечером 30 июля Жаклин спешила домой в свою маленькую квартирку неподалеку от Пляс де Бретиль, чтобы подготовиться к свиданию. Она знала, что через несколько часов окажется в объятиях ненавистного ей любовника, но хотела выглядеть как можно лучше.

Несколько лет она ждала этого свидания. Жаклин была из хорошей, дружной семьи, ее отец был уважаемым служащим в банке, а мать - типичной французской домохозяйкой среднего класса. В то время она оканчивала курсы косметологов, а Жан-Клод проходил военную службу. Они жили на далекой окраине Ле Вицине, хоть и не лучшем районе, но в прекрасном и уютном домике.

Однажды, в конце 1959 года, за завтраком пришла телеграмма из Министерства Вооруженных Сил. В ней говорилось, что министр вынужден с глубоким сожалением сообщить мсье и мадам Арман Дюма о смерти в Алжире их сына Жан-Клода, рядового первого колониального десантного полка. Его личные вещи будут возвращены семье, понесшей тяжелую утрату, как можно быстрее.

На некоторое время внутренний мир Жаклин распался. Все потеряло смысл: и неплохая обеспеченность семьи, и болтовня других девушек в салоне о шарме Ив Монтана, и последнее повальное увлечение роком, новым танцем, пришедшим из Америки. Единственная мысль, полностью завладевшая ее рассудком и постоянно повторяющаяся как магнитофонная запись, была о том, что ее маленький Жан-Клод, дорогой братишка, такой добрый и ранимый, ненавидящий войну и насилие, мечтавший лишь о том, чтобы уединиться со своими книгами, и которого в детстве она так любила баловать, был убит в бою в какой-то забытой богом пустыне Алжира. Она стала ненавидеть, и объектом ее ненависти были арабы, отвратительные, грязные, трусливые "дыни", сделавшие свое дело.

Потом появился Франсуа. Однажды зимним

воскресным утром он пришел в дом, когда родители гостили у родственников. Был декабрь, повсюду на улицах лежал снег. Все вокруг выглядели бледными, озябшими, а Франсуа, наоборот, загорелым и здоровым. Он спросил мадмуазель Жаклин.

- Я вас слушаю, - ответила та.

Франсуа объяснил, что командовал взводом, в котором служил и был убит рядовой Жан-Клод Дюма, чье письмо он должен был передать ей. Жаклин пригласила его в дом.

Письмо было написано за несколько недель до гибели Жан-Клода, которое тот хранил во внутреннем кармане во время поисков банды, зверски уничтожившей семью поселенца. Партизан они не нашли, но напоролись на батальон регулярных войск алжирского национального движения, произошла жестокая стычка. Тогда на заре и настигла Жан-Клода пуля в грудь. Перед тем как умереть, он отдал письмо своему взводному командиру.

Прочитав письмо, Жаклин всплакнула. В нем ничего не говорилось о последних неделях, просто болтовня о казармах в Константин, занятиях по высадке десанта и военной дисциплине. Остальное она узнала от Франсуа: четырех-миль-

ное отступление по кустарникам, обходящий с фланга противник, настойчивые вызовы по радио поддержки с воздуха и наконец прибывшие к восьми часам истребители-бомбардировщики. И как ее брат вызвался добровольцем пойти в один из самых опасных полков, чтобы доказать, что он настоящий мужчина. Да и смерть он принял как герой, харкая кровью на колени капрала, вытащившего его с поля боя.

Франсуа был нежен с ней. За четыре года войны он превратился в профессионального солдата, закаленного, как земля колониальной провинции. Но с сестрой своего товарища по взводу, он не мог быть грубым. И поэтому Франсуа ей понравился, и она согласилась пообедать с ним в центре Парижа. Кроме того, она боялась, что скоро вернутся ее родители. Жаклин не хотелось, чтобы они услышали, как умирал Жан- Клод. За эти два месяца они старались не упоминать о потере сына и брата и жить как будто ничего не случилось. За обедом она взяла с лейтенанта слово, что тот будет молчать, и он согласился.

Но вскоре в ней проснулся жадный интерес побольше узнать о войне в Алжире, понять, что там произошло на самом деле и какая политическая игра стояла за ней. В январе прошлого года,

сыграв на патриотических чувствах французов, де Голль стал Президентом, пообещав довести войну до конца и оставить Алжир французской колонией. Именно от Франсуа она узнала, что человек, которого боготворил ее отец, был изменником родины.

Она провела отпуск вместе с Франсуа. Каждый вечер после работы в салоне, в который она попала в январе 1960 года после окончания курсов, Жаклин спешила на свидание. Он рассказывал о предательстве французской армии, о тайных переговорах французского правительства с находящимся в тюрьме главарем FLN Ахмедом Бен Белла, о скорой передаче Алжира "дыням". Во второй половине января Франсуа снова отправился на войну. Лишь в августе им удалось встретиться в Марселе, когда тот получил недельный отпуск. Жаклин ждала его, видя в нем символ всего самого чистого, самого лучшего и мужественного, что есть у французской молодежи. Ожидая Франсуа всю осень и зиму 1960-го, она засыпала каждый вечер, глядя на его фотографию, стоящую на столике у кровати. В свой последний отпуск весной 1961-го, он снова приехал в Париж. Прогуливаясь по бульвару в своем самом красивом платье вместе с Франсуа, Жаклин казалось, что он был

самым сильным, самым красивым в городе. Одна из девушек с ее работы увидела их вместе, и на следующий день все только и обменивались новостями о том, какой у Жаки красивый возлюбленный. Она в это время была в отпуске, проводя все дни напролет только с ним.

Франсуа нервничал. Ветер, кажется, поменялся. Сведения о тайных переговорах с FLN стали широко известны. Он поклялся, что армия не будет больше мириться с этим. В то, что Алжир останется французским, свято верил и двадцатисемилетний закаленный в боях офицер, и его обожательница, будущая двадцатитрехлетняя мать.

Франсуа так и не узнал о ребенке. Он вернулся в Алжир в марте 1961-го, а 21 апреля несколько подразделений французской армии подняли мятеж против столичного правительства. Первый колониальный десантный полк выступил в полном составе. Только горстка призывников позорно бежала из казарм, старослужащие просто позволили им уйти. Через неделю разгорелась борьба между мятежниками и верными правительству войсками. В начале мая Франсуа был убит в схватке с голлистами.

Зная, что в апреле от него не будет писем, Жа-

клин ни о чем не подозревала, пока не узнала обо всем в июле. Она сняла квартирку в бедном пригороде Парижа и попыталась отравиться газом. Она осталась жива только потому, что в комнате было слишком много щелей, но ребенка спасти не удалось. В августе родители взяли Жаклин с собой в отпуск, и по возвращений, казалось, она нашла себя. В декабре Жаклин Дюма стала активисткой ОАС.

Мотивы были просты: Франсуа и Жан-Клод. Они должны быть отомщены, неважно как и чего бы то ни стоило ей или кому-нибудь еще. Кроме этой страсти, она была лишена каких- либо других амбиций. Недовольство вызывало только то, что ей поручали лишь сбегать куда-то, отнести записки да пронести в сумке пакет взрывчатки, спрятанной в хлебной булке. Жаклин была уверена, что способна на большее. Разве могли ищейки, обыскивающие прохожих на улицах после серии взрывов в кафе и кинотеатрах, не пропустить ее, увидев обиженные надутые губки.

После акции на Пти-Кламар один из нападавших скрывался у нее на квартире в течение трех дней. Это был ее звездный час. Но потом этот человек исчез. Через месяц, когда его поймали, он ничего не рассказал о Жаклин. Скорее всего,

просто забыл. Но из осторожности руководитель группы запретил ей участвовать в операциях ОАС в течение нескольких месяцев, пока не спало напряжение. Только в январе 1963 года Жаклин опять начала передавать записки.

Так продолжалось до июля месяца, пока не появился человек в сопровождении руководителя группы, которому последний всячески пытался угодить. У него не было имени. Готова ли она выполнить особое задание для организации? Конечно. Но оно может оказаться, и наверняка, не очень приятным? Неважно. Через три дня ей показали человека, выходящего из подъезда. Ей рассказали, кто он такой, чем занимается и что она должна делать.

В середине июля они "случайно" встретились, когда Жаклин, сидя рядом с этим человеком в ресторане, застенчиво попросила передать ей солонку. Он заговорил. Она отвечала ему скромно, сдержанно, правильно выбрав манеру своего поведения. Эта сдержанность и заинтересовала его, как бы нехотя завязался разговор, он все спрашивал, а она лишь послушно отвечала. Через пару недель у них начался роман.

Жаклин достаточно хорошо знала мужчин и легко ориентировалась в их слабостях. Ее новый

любовник привык к легким победам и опытным женщинам. Она изображала скромную, внимательную, но очень целомудренную девушку и, тем не менее, время от времени давала понять, что ее прекрасная плоть может однажды не устоять. Приманка сработала. И теперь для этого человека не осталось ничего важнее окончательной победы.

В конце июля руководитель группы сообщил ей, что скоро она должна лечь в постель с этим человеком. Загвоздка заключалась лишь в жене и двух детях. Но 29 июля они уезжали в свой загородный домик в долине Луар, тогда как муж должен был остаться по делам в Париже. Через несколько минут после их от>езда он сразу же позвонил в салон, уговаривая Жаклин пообедать с ним вечером вдвоем в его квартире.

Попав к себе домой, Жаклин Дюма взглянула на часы. У нее оставалась еще уйма времени. И хотя для себя она решила очень тщательно подготовиться к этой встрече, двух часов ей хватило бы за глаза. Она разделась, приняла душ и, вытираясь перед большим, в полный рост зеркалом с внутренней стороны дверцы шкафа, глядела отрешенно, как полотенце скользит по телу. Вскинув руки, Жаклин увидела, как поднялись

ее полные с розовыми сосками груди, но без того предвкушения восторга, которое возникало, когда она знала, что их будут ласкать нежные руки Франсуа. От одной только мысли о предстоящей ночи ее передернуло от отвращения. Но она поклялась, что вынесет все, чем бы ей ни пришлось заниматься с этим человеком. Из глубины стола она вытащила фотографию Франсуа, все так же иронично улыбающегося, как когда-то, видя, как она несется по платформе ему навстречу. Мягкие каштановые волосы, песочного цвета форма, скрывающая упругие мышцы груди, к которым она так давно прижималась лицом, и стальные эмблемы десантников на петлицах, такие прохладные на пылающей щеке. Ничто не изменилось на фотографии. Она легла на кровать, держа портрет над собой, и Франсуа глядел на нее сверху вниз, как в те далекие дни, когда они занимались любовью. Закрыв глаза, Жаклин снова почувствовала внутри себя его упругую, горячую и трепещущую силу и услышала его нежный шопот. Она открыла глаза и уставилась в потолок, прижав портрет к груди.

- Франсуа, помоги мне, пожалуйста, помоги сегодня вечером.

* * *

Последний день месяца Шакал был занят. Все утро он провел на "блошином" рынке, прогуливаясь от лотка к лотку с дешевой сумкой на плече. Англичанин купил себе засаленный черный берет, пару грязных туфель, не совсем чистые брюки и, после долгих поисков, длинное пальто, некогда военного образца. Ему бы больше подошла шинель из какого-нибудь другого более легкого материала, но, увы, во французской армии они шьются из шерстяного сукна. Шинель была достаточно длинная даже на нем, закрывая, что было очень важно, колени. Выходя, он заприметил лоток со ржавевшими от времени медалями. Англичанин купил набор вместе с книжицей, в которой были описаны все французские награды. Поблекшие цветные фотографии ленточек сопровождались надписями, рассказывающими читателю, за какие заслуги и битвы выдавались медали.

Перекусив в "Квинни" на улице Рю Рояль, он свернул за угол к отелю, оплатил там счет и пошел упаковывать вещи. Новые покупки были уложены на дно одного из двух дорогих чемоданов. Пользуясь книжицей, он сделал на-

градную планку из медалей "За мужество в бою", "Освобождение" и пяти других боевых наград, выдававшихся бойцам французской освободительной армии во время второй мировой войны. Это были медали за Бир Хакайм, Ливию, Тунис, за участие в высадке союзных войск в Европе, а также медаль Второй бронетанковой дивизии генерала Филиппа Леклера. Остальные награды и книжицу он выкинул в урну на бульваре Малесхербес. Администратор отеля сообщил ему об экспрессе "Этуаль-дю-Норд" до Брюсселя, отходящем от Северного Вокзала в семнадцать пятнадцать. Англичанин сел на этот поезд, хорошо пообедал и прибыл в Брюссель в последние часы июля.

Глава 6

Письмо для Виктора Ковальского было в Риме уже на следующее утро. После того, как огромный капрал получил на почте дневную корреспонденцию, в фойе гостиницы его вдруг окликнул посыльный:

- Signor, per favore...[11]

Как обычно, Ковальский хмуро повернулся. Итальяшку он не знал, но в этом не было ничего странного. На них он никогда не обращал внимания. Молодой темноглазый человек подошел к Ковальскому, держа в руке письмо.

- Er una Lettera, signor. Per un signor Kowalski... No cognosco questo signor... E forse un francese?[12]

Ковальский не понял ни слова из этого бормотания, но как-то, узнав собственное имя, хотя и ужасно исковерканное итальянцем, уловил смысл сказанного. Он выхватил письмо и уставился на небрежно написанное имя и адрес.

---

[11] Примечания: 11

Синьор, пожалуйста... *(ит.)*

[12] Примечания: 12

Письмо, синьор, для господина Ковальского. Такого я не знаю. Может, он француз? *(ит.)*

В отеле он значился под другой фамилией, но, не читая газет, знал, что пятью днями раньше одна из парижских газет опубликовала сенсационную новость о трех главарях ОАС, находящихся в настоящее время в гостиничном номере на верхнем этаже.

Ковальского беспокоило только то, что никто не должен был знать, где он находится. И все же письмо заинтересовало его. Он никогда не получал писем, и поэтому это было для него, как и для множества простых людей, знаменательным событием. Как капрал узнал от итальянца, сейчас преданно, по-собачьи глядевшего в глаза, Ковальский был единственным человеком, способным решить дилемму, возникшую перед персоналом отеля, что же делать с письмом на имя синьора, не являющегося постояльцем.

Ковальский надменно взглянул на посыльного.

- Bon, je vais domander.[13]

Итальянец и бровью не повел.

- Domander, domander, - повторил Ковальский, указывая пальцем наверх. И тут итальянец понял.

---

[13] Примечания: 13
Хорошо, я спрошу. *(фр.)*

- Ah, si. Domander. Prego. Signor tante grazie...".[14]

Ковальский ушел, а итальянец, все еще неистово жестикулируя руками, рассыпался в благодарностях. Поднявшись на лифте на восьмой этаж, бывший капрал был встречен вооруженным охранником. Таков был заведенный порядок в случае, когда лампочки над дверями лифта указывали, что тот поднимается выше седьмого этажа. Мгновение они смотрели друг на друга. Потом тот щелкнул предохранителем и спрятал пистолет в карман: в лифте, кроме Ковальского, никого не было.

Помимо этого охранника было еще двое. Один у пожарного выхода в другом конце коридора, другой - у лестничного пролета. Кстати, там же были установлены и мины-ловушки, хотя администрация отеля об этом не знала. Их можно было считать безобидными, но только тогда, когда ток, подведенный к детонаторам от стола коридорного, был отключен.

Четвертый охранник дневной смены находился на крыше здания, как раз над номером, где жили шефы. На случай нападения было еще трое охранников, сейчас спавших в своих комнатах

---

[14] Примечания: 14

А, да, да. Спросите, пожалуйста. Большое спасибо... *(ит.)*

после ночной смены и готовых в любой момент приступить к исполнению своих обязанностей. Двери лифта на восьмом этаже были заварены снаружи, но если лампочки указывали, что лифт поднимается на самый верх, моментально объявлялась тревога. Такое произошло однажды, да и то по чистой случайности. Посыльный с подносом напитков нажал кнопку девятого этажа. После этого у него отпала всякая охота поступать так опрометчиво.

Дежуривший на этаже охранник позвонил наверх, сообщив, что прибыла почта, а затем махнул Ковальскому, чтобы тот поднялся на этаж выше. Бывший капрал уже спрятал предназначенное ему письмо во внутренний карман. Корреспонденция для шефа находилась внутри стального чемоданчика, пристегнутого цепочкой к левому запястью. Ключи были только у Родена. Через несколько минут полковник ОАС снял чемоданчик с руки Ковальского, и тот отправился досыпать в свой номер, чтобы потом, вечером, сменить дежурившего на этаже охранника. У себя он и прочитал письмо, начав с изучения подписи под ним. Ковальский очень удивился, увидев, что оно было от Ковача, который едва умел писать, впрочем, так же, как и Ковальский

читать. Несмотря на то, что они не виделись уже целый год, письмо было кратким.

Ковач писал, что ему прочитали статью в газете, в которой говорилось, что Роден, Монклер и Кассон прячутся в римском отеле. И он подумал, что с ним, наверняка, должен быть его старый приятель Ковальский. Поэтому Ковач и писал это письмо, так просто, наудачу.

Далее он жаловался, что во Франции в эти дни нелегко. Повсюду эти ищейки проверяют документы. А им только и поступают приказы грабить ювелирные магазины. Сам Ковач участвовал уже в четырех налетах. А это не шуточки, особенно когда всю выручку приходится отдавать. В Будапеште в старые добрые времена, хоть и продолжались они всего две недели, было получше.

В конце сообщалось, что две недели назад Ковач встретил Мишеля и тот сказал ему, что виделся с Йойо. Так вот, Йойо сказал, что малютка Сильви заболела. Лейка у нее какая-то. Что-то с кровью, вроде. Но Ковач уверял, что скоро все будет в порядке, и пусть Виктор не волнуется.

Но Виктор очень обеспокоился. Одна только мысль, что Сильви, его крошка Сильви заболела, уже приводила его в отчаяние. За свои 36 лихих лет Виктор ничто не принимал так близко к

сердцу. Ему было 23, когда немцы оккупировали Польшу. А через год навсегда исчезли в черном фургоне родители. Он был достаточно взрослым, чтобы понять, чем занималась его сестра в захваченном немцами отеле за собором, куда не прекращался поток немецких офицеров. Это так огорчило родителей, что они пошли и высказали свое недовольство военному коменданту. Попав к партизанам, Ковальский убил своего первого немца в пятнадцать лет. Ему было 17, когда пришли русские. Но его родители, всегда ненавидевшие и боявшиеся их, когда-то рассказывали ему ужасы о том, что те делали с поляками. Поэтому он ушел и от партизан, которые, кстати, позже были расстреляны по приказу комиссаров. Как загнанный зверь, Виктор Ковальский направился на Запад в сторону Чехословакии. Потом была Австрия, где костлявый, долговязый юноша, шатающийся от голода и говорящий только по-польски, попал в лагерь для перемещенных лиц.

Там посчитали, что это еще один безобидный беженец, коих было много в то время по всей послевоенной Европе. На американских продуктах силы быстро восстановились. Однажды ночью, весной 1946 года, он бежал в Италию, а оттуда во Францию в компании с другим поляком из

лагеря, говорившим по-французски. В Марселе Ковальский забрался в магазин, убил владельца, вышедшего на шум, и снова кинулся в бега. Спутник бросил его, посоветовав податься в Иностранный Легион, единственное безопасное в этой ситуации место. На следующее утро Виктор записался туда и был направлен в Сиди-Белль-Аббе, а полицейское расследование в Марселе полностью зашло в тупик. Этот средиземноморский город был все еще крупнейшим портом, через который поставлялись американские продукты, и убийства, совершаемые из-за них, не были чем-то необычным. Поэтому дело по убийству, совершенному Ковальским, было закрыто через несколько дней, так как непосредственный преступник не был найден. Однако Виктор узнал об этом уже будучи легионером. Ему было всего 19 лет, и старослужащие окрестили его "Малютка". Но вскоре он показал им, на что способен, и его стали называть "Ковальский".

Шесть лет, проведенных в Индокитае, окончательно уничтожили все, что могло еще остаться в нем от нормального человека. Потом громадный капрал был направлен в Алжир. Но перед этим назначением Ковальский прошел полугодичный тренировочный курс в пригороде Марселя. Там

он встретился с Джулией, маленькой, новредной потаскушкой из бара в районе доков. Тогда у нее были проблемы с сутенером. Одним ударом Ковальский вырубил его, и тот, пролетев через весь бар, не приходил в себя в течение 10 часов. На многие годы сутенер потерял хорошую дикцию, так ужасно была разбита нижняя челюсть. Джулии понравился громила-легионер, и несколько месяцев он был ее "защитником", провожая ее домой после работы в неряшливую мансарду. Между ними не было любви, была лишь только страсть, особенно с ее стороны. Но, узнав, что забеременела, Джулия сразу остыла. Ребенок, с ее слов, был его. И так как он хотел иметь детей, то поверил этому. Джулия же заявила, что ребенок ей не нужен, и она знает бабку, которая сделает все, что надо. Ковальский дал ей затрещину и пообещал убить, если она это сделает. Через три месяца он должен был возвращаться в Алжир. Тогда же,Виктор подружился с другим поляком, бывшим легионером Йозефом Гржибовским, которого все звали "Поляк Йойо". Тот стал инвалидом после Индокитая и сошелся с веселой вдовой, продающей закуски с небольшой тележки на перроне железнодорожного вокзала. После женитьбы в 1953 году, они вместе стали катать

эту тележку. Йойо, прихрамывая за своей женой, рассчитывался с покупателями, пока та готовила бутерброды.

По вечерам, когда не было работы, Йойо любил посидеть в барах, где собирались легионеры из близлежащих казарм, и поболтать с ними о былом. Большинство из них были молоды. Когда Йойо уже служил в Индокитае, они были только новобранцами. Но однажды вечером он встретил Ковальского. Именно к Йойо обратился Ковальский за советом насчет ребенка. Бывший легионер во всем соглашался с ним, ведь оба были когда-то католиками.

- Она хочет избавиться от ребенка, - сказал Виктор.

- Сука, - ответил Йойо.

- Точно, корова, - согласился Виктор.

Они выпили еще, уныло уставившись на зеркало в глубине бара.

- Несправедливо по отношению к сосунку.

- Твоя правда, - согласился Йойо.

- Никогда не имел детишек, - подумав, промолвил Виктор.

- И я, хоть и женат, - ответил Йойо.

Ранним утром, уже порядком набравшись, они придумали план и торжественно выпили за него.

На следующий день Йойо вспомнил обещание, но не знал, как бы это получше преподнести своей мадам. На это ушло три дня. Несколько раз он намекал ей, ходя вокруг да около, и потом, уже в постели, выложил все напрямую. К его удивлению, жена была рада. На том и порешили.

Виктор вернулся в Алжир к майору Родену, командовавшему батальоном уже в новой войне. А в Марселе Йойо с женой угрозами и лестью охаживали беременную Джулию. К тому времени, когда Ковальский уехал из Марселя, она была на четвертом месяце. Об аборте не могло быть и речи, о чем Йойо угрожающе сообщил сутенеру с поломанной челюстью, вновь появившемуся на горизонте. Но этот тип начал уже с осторожностью относиться ко всем легионерам, даже старым и хромым ветеранам. Поэтому, грязно обругав свой бывший источник доходов, он надолго скрылся из виду.

В конце 1955 года Джулия произвела на свет голубоглазую, с золотистыми волосиками девочку. Супруги Гржибовские вместе с Джулией заполнили документы об удочерении. Последняя вернулась к своей прежней жизни, а чета Йойо заполучила дочку, назвав ее Сильвией, о чем было сообщено в письме Виктору. Тот, как ни

странно, был неимоверно счастлив, но никому об этом не рассказал. У него никогда не было ничего такого, по-настоящему личного, с чем бы ему пришлось расстаться, посвяти он кого-либо в свою тайну.

Однако три года спустя, перед опасным рейдом в горах Алжира, капеллан предложил ему написать завещание. Виктору это никогда не приходило в голову. У него не было ничего, что можно было бы оставить после смерти, так как весь свой заработок Ковальский спускал в барах и публичных домах во время редких отпусков. Но капеллан убедил его и помог тому составить завещание. Виктор Ковальский оставил все свое движимое и недвижимое имущество дочери некоего Йозефа Гржибовского, бывшего легионера, в данный момент проживающего в Марселе. Позже копия этого документа вместе со всем досье Виктора Ковальского была направлена в Министерство Вооруженных Сил Франции, в Париж. Когда его имя стало известно французским силам безопасности в связи с террористическими актами в Бонне и Константине в 1961 году, его личное дело, наряду с другими, было извлечено из архивов и легло перед сотрудниками Службы "Действие". Гржибовскому нанесли визит, и все

сразу прояснилось, но Ковальский так и не узнал об этом.

Он лишь дважды видел свою дочь. В 1957 году, после ранения в ногу, когда его послали на лечение в Марсель, и в 1960-м, когда он сопровождал подполковника Родена, который должен был выступить свидетелем на трибунале. В первый раз девочке было два, а во второй - четыре с половиной года. Ковальский приехал, нагруженный подарками для семьи Йойо и игрушками для Сильвии. Они подружились, ребенок и похожий на медведя дядя Виктор. Но он никогда и никому не говорил об этом, даже Родену. И сейчас, когда она заболела какой-то лейкой, Ковальский все утро не находил себе места. После обеда он снова поднялся наверх, где ему пристегнули к руке стальной чемоданчик. Роден ожидал важное письмо с указанием точной суммы денег, полученных в результате серии вооруженных налетов за предыдущий месяц. Поэтому он хотел, чтобы Ковальский второй раз сходил на почту после обеда.

- А что такое "лейка" ? - неожиданно выпалил капрал.

Роден, пристегивающий цепочку к его запястью, удивленно взглянул.

- Не знаю, - ответил он.

- Это заболевание крови, - объяснил Ковальский.

С другой стороны комнаты, где Кассон читал журнал, раздался смех.

- Лейкемия, ты хочешь сказать? - наконец произнес он.

- Ну и что же это такое, мсье?

- Это - рак, - пояснил Кассон. - Рак крови.

Ковальский взглянул на Родена, стоявшего перед ним. Он не доверял гражданским.

- А это излечимо, господин полковник?

- Нет, Ковальский, от нее умирают. А что такое?

- Да, так, - промямлил Ковальский, - вычитал.

Он ушел. Если и удивился Роден, а удивиться было чему: его телохранитель за всю свою жизнь не прочитал ничего, сложнее распорядка на день, - так не подал вида и вскорости выбросил это из головы. С послеобеденной почтой они получили долгожданное письмо, в котором говорилось, что на счету ОАС в Швейцарских банках было более 250 тысяч долларов.

Роден был доволен и сел писать письма в банки, поручая перевести эту сумму на счет некоего англичанина. За оставшуюся к выплате часть

денег он был спокоен. Когда Президент де Голль будет мертв, у правых промышленников и банкиров, которые и раньше финансировали ОАС, не будет задержки в оплате оставшихся 250 тысяч. Те люди, которые на все его предыдущие запросы о выделении новых субсидий отвечали неискренними оправданиями, что "отсутствие должного прогресса и инициативы у патриотических сил за последние месяцы" и без того сократило шансы получить назад свои уже вложенные деньги, будут считать за честь поддержать бойцов, которые немного погодя станут новыми правителями возрожденной Франции.

Лишь к вечеру Роден закончил писать письма в банки. Но, увидев поручения, согласно которым деньги должны быть переведены на счет Шакала, Кассон высказался против их немедленной отправки. Мотивируя своим обещаниём англичанину, что тот, в первую очередь, будет регулярно получать точную информацию от человека в Париже относительно любых движений Президента, а также изменениях в заведенном порядке обеспечения его охраны. Лишь это, может быть, да и является жизненно важным для наемного убийцы. И сообщить ему о переводе денег на данной стадии, как считал Кассон, означало

преждевременно подтолкнуть его на дело. Когда бы англичанин ни собирался исполнить свою миссию, а это зависело именно от его выбора, пара лишних дней погоды не делала. А вот закончится ли операция провалом или нет, зависело от того, будет ли убийца располагать нужной информацией.

Этим утром он, Кассон, получил известия, что его представитель в Париже внедрил своего агента в окружение одного из свиты де Голля. Потребуется всего несколько дней, чтобы этот человек смог получать информацию о нахождении генерала, возможных его передвижениях и появлениях на людях, о чем, кстати, никогда не сообщалось заранее. И поэтому не мог бы Роден обождать несколько дней, пока Кассон сможет предоставить наемному убийце номер телефона в Париже, по которому тот будет получать важную для выполнения операции информацию?

Роден долго размышлял над тем, что сказал Кассон. И в конце концов согласился с его рассуждениями. Никто не мог знать планов Шакала, и письмо в Лондон с парижским телефоном, посланное после поручений Швейцарским банком, не могло никак на них повлиять. Заговорщики в Риме и не подозревали, что наемный убийца уже

наметил свой день.

Жаркой римской ночью, сидя рядом с вентиляционной трубой, с кольтом в натренированной руке, Ковальский беспокоился о девочке в Марселе, лежащей в кроватке с какой-то лейкой в крови. Незадолго до рассвета ему пришла идея, он вспомнил, как при последней встрече в 1960 году бывший легионер сообщил ему, что установил у себя телефон.

* * *

В то утро, когда Ковальский получил письмо, Шакал, выйдя из отеля "Амиго" в Брюсселе, доехал на такси до угла улицы, где жил Госсенс. Он звонил Оружейнику после завтрака, представившись "мсье Дагган", и тот сразу же узнал его, назначив встречу на 11 часов утра. В 10.30 англичанин уже был на месте и в течение получаса следил за улицей, прикрывшись газетой, сидя на скамейке в небольшом скверике.

Как будто все было спокойно. Ровно в одиннадцать он стоял перед дверью. Госсенс впустил его и провел в маленький кабинет рядом с прихожей. После того, как Шакал прошел внутрь, Оружейник тщательно запер входную дверь и даже накинул цепочку. В кабинете англичанин

повернулся к бельгийцу:

- Ну, что, есть трудности?

Оружейник выглядел смущенным.

- Боюсь, что да.

Наемный убийца холодно окинул его взглядом.. Лицо его оставалось безучастным, глаза сузились и зловеще сверкнули.

- Не вы ли сказали, что, вернувшись первого августа, я получу готовое ружье четвертого числа?

- Совершенно верно, я уверяю вас, как раз с винтовкой проблем нет. Она уже готова. И, откровенно говоря, я считаю ее одним из своих шедевров, восхитительный экземпляр. Проблемы связаны с другим изделием. Вот смотрите.

Сверху на столе лежал плоский чемоданчик, чуть больше полуметра длиной, около сорока сантиметров шириной и десяти сантиметров высотой. Госсенс открыл его, и как только верхняя крышка упала на стол, Шакал увидел содержимое. Чемоданчик напоминал плоский поднос с аккуратными углублениями, которые в точности соответствовали форме частей винтовки, находящихся в них.

- Как вы понимаете, этот чемоданчик сделал я сам. Смотрите, все аккуратно подогнано. "Родной" же был слишком длинным. Действительно, все

было уложено компактно. Сверху лежал ствол с затворной камерой, все не более 40 сантиметров длиной. Шакал взял его в руки и осмотрел. Ствол был очень легким и, скорее, напоминал автоматный. Затвор, полностью находящийся в камере, оканчивался удобной ручкой. Взявшись за нее большим и указательным пальцами правой руки, англичанин резко повернул затвор против часовой стрелки. Раздался щелчок. Шакал потянул затвор назад и увидел сверкающий желоб для патрона и темное отверстие ствола.

Он вставил затвор обратно и развернул его по часовой стрелке. Затвор тихо щелкнул и встал на место. Как раз снизу затворной коробки был мастерски приварен дополнительный диск толщиной 1 сантиметр и в диаметре не менее двух. В верхней части этого диска был сделан полукруглый вырез, позволяющий затвору свободно отходить назад. В центре же было единственное отверстие с нарезкой около сантиметра в диаметре.

- Это для рамы приклада, - спокойно сказал бельгиец.

Шакал заметил, что следов когда-то стоявшего деревянного приклада и цевья почти не было. Лишь небольшие выступы в нижней части за-

творной камеры указывали, что здесь крепились деревянные детали. Два отверстия для шурупов, державших цевье, были мастерски заделаны и поворонены. Он развернул винтовку, чтобы разглядеть ее нижнюю часть. Снизу была узкая щель, через которую виднелась часть затвора и боек к нему. Оттуда торчал небольшой обрубок спускового крючка. Он был сточен вровень со стальной поверхностью затворной камеры. К обрубку прежнего спускового крючка был приварен небольшой кусочек металла, в котором было отверстие с нарезкой. Молча Госсенс передал англичанину маленький стальной стерженек около сантиметра длиной, слегка изогнутый, с резьбой на одном конце. Тот вставил его в отверстие и начал быстро ввинчивать новый спусковой крючок. Бельгиец полез в чемоданчик и вытащил узкий стальной прут с резьбой на одном конце.

- Первая часть приклада, - сказал он.

Наемный убийца вставил этот стальной стержень в отверстие позади затворной рамы и до упора закрутил его. Сбоку казалось, что он выходит из винтовки вниз под углом тридцать градусов. В пяти сантиметрах от конца с нарезкой, около самого механизма винтовки стальной стержень был слегка сплющен, и там, под углом к

нему, было просверлено отверстие. Госсенс взял второй короткий прут.

- Эго верхняя опора, - сказал он, установив и ее на место так, что два прута торчали назад, верхний под более острым углом к линии ствола. Таким образом, эти стержни были похожи на две стороны узкого треугольника без основания. Госсенс достал и эту недостающую часть приклада. Она была изогнута, около 10-12 сантиметров длиной и подбита черной кожей. В этом упоре приклада было два маленьких отверстия.

- Здесь прикручивать уже не надо, - сказал Оружейник.

Англичанин вставил стержни в отверстия и, ударив, посадил упор на место. Сейчас винтовка уже больше стала походить на нормальную, хотя приклад был не совсем обычным. Шакал приставил винтовку к плечу, левой рукой охватывая затворную камеру снизу, указательный палец правой руки на спусковом крючке, левый глаз прищурен. Прицелившись в заднюю стенку, он нажал на спусковой крючок. Внутри затвора раздался легкий щелчок.

Англичанин повернулся к бельгийцу, у которого в руках были какие-то длинные двадцати-сантиметровые трубки.

- Так, глушитель, - попросил Шакал. Он взял предложенную трубку и начал изучать конец ружейного ствола. Резьба была нанесена превосходно. Приставив широкую часть глушителя к стволу, он быстро закрутил его до упора. Госсенс подал ему прицел. Сверху, вдоль ствола была выточена пара бороздок. В них Шакал и закрепил упоры прицела так, что ствол и прицел были параллельны друг другу. Сверху, с правой стороны прицела были винтики для установки перекрестья. Англичанин опять приставил винтовку к плечу и прицелился. Его можно было принять за элегантного английского джентльмена в клетчатом костюме, проверяющего новую спортивную винтовку в оружейном магазине на Пиккадили. Но то, что еще несколько минут назад было набором странных деталей, уже нельзя было назвать спортивной винтовкой. Это было мощное, совершенное орудие убийства. Шакал опустил винтовку. Повернувшись к бельгийцу, он удовлетворенно кивнул.

- Хорошо, даже очень хорошо. Поздравляю вас. Прекрасная работа.

Госсенс засиял.

- Но еще надо будет выставить прицел и сделать несколько пробных выстрелов. У вас есть

патроны?

Бельгиец полез в ящик стола и вытащил оттуда коробку со ста патронами. Пачка была разорвана, и шести патронов не хватало.

- Вот, как раз для пристрелки, - сказал Оружейник, а из этих шести я сделал разрывные.

Шакал взял горсть патронов. Они показались ужасно маленькими для той работы, которую один из них должен был выполнить. Но он заметил, что они были немного длиннее, чем обычно используемые для этого калибра, и с дополнительным зарядом, придающим пуле скорость и, следовательно, более высокую точность и убойную мощь. Пули были заострены, тогда как для охоты использовались тупоконечные. К тому же, охотничьи были со свинцовой головкой, а эти - с медно-никелевой. Эти были патроны для спортивной винтовки того же самого калибра, что и "охотничье" ружье, которое он сейчас держал.

- А где патроны для дела?

Госсенс снова подошел к столу и достал скомканную промокашку.

- Обычно я их держу в очень надежном месте, - объяснил он, - но, зная, что вы придете, я достал их...

Бельгиец развернул бумажку. С первого взгляда

пули казались похожими на те, которые англичанин высыпал из руки обратно в коробку. Шакал взял один из патронов с промокашки и внимательно изучил его. Медно-никелевое покрытие было аккуратно сточено с кончика. Сам кончик был слегка затуплен.

В нем было просверлено небольшое отверстие в полсантиметра длиной. Туда была помещена капелька ртути, и дырка опять была аккуратно обработана надфилем и наждачной бумагой, пока кончик опять не принял первоначальную форму.

Шакал слышал о таких пулях, хотя использовать их случая не представлялось. Изготовление достаточно сложно, чтобы их можно было применять массово. А так как использование этих пуль запрещено Женевской конвенцией, промышленность их не выпускала. Ужаснее, чем простая "дум-дум", эта пуля, при попадании в тело разрывается, как небольшая граната. В момент выстрела капелька ртути прижимается к задней стенке полости вследствие ее стремительного движения вперед. Так же, как пассажир, вдавливаемый в сидение при значительном увеличении скорости. Как только пуля попадает в тело, происходит резкое торможение. Ртуть вследствие

этого перекатывается вперед к запаянному концу и разрывает его, выворачивая наружу свинец, как разжатые пальцы руки или лепестки распустившегося цветка. Этот свинцовый снаряд будет разрывать и кромсать плоть, оставляя повсюду осколки, поражая участок размером с чайное блюдце. При попадании в голову эта пуля не выходит навылет, но разрушает на мелкие осколки черепную коробку из-за ужасного давления энергии, высвобождаемой внутри.

Шакал осторожно положил патрон на промокашку. Рядом с ним стоял маленький человечек, придумавший все это, и вопросительно глядел на него.

- Все это мне подходит. А вы действительно мастер своего дела, мсье Госсенс. Так в чем же затруднения?

- Трубки, мсье. Сделать их оказалось труднее, чем я предполагал. Сначала я попытался работать с алюминием. Но поймите, прежде всего я приобрел и усовершенствовал винтовку, поэтому-то за все остальное принялся лишь несколько дней назад. Я думал, что для меня это будет довольно просто. Для того чтобы трубки были как можно уже, я купил тонкий металл, но он был слишком тонок, и при нанесении резьбы трубки

стали, как оберточная бумага. Из более толстого металла конструкция выглядела бы совершенно неестественно. Поэтому мой выбор пал на нержавеющую сталь. Она похожа на алюминий, но немного тяжелее его. И вместе с тем прочнее. На нее можно нанести резьбу, и гнуться она не будет. Конечно же, со сталью работать труднее, и на эту работу уйдет больше времени. Я начал вчера...

- Ладно, логично. Единственное, я хочу, чтобы работа была выполнена качественно. Так когда я получу эти трубки?

Бельгиец пожал плечами:

- Трудно сказать. Во всяком случае, все нужное для работы у меня есть. Да и трудности теперь вряд ли возникнут. Пять - шесть дней. Ну, неделя...

Англичанин не показывал никаких признаков раздражения. Лицо его оставалось невозмутимым, пока бельгиец объяснял сложившуюся ситуацию. Когда же тот умолк, Шакал все еще молчал, изучающе разглядывая Оружейника и обдумывая услышанное.

- Ну, ладно, - нарушил он, наконец, тишину. - Это значит, что мне придется изменить свои планы. Но это не так серьезно, как я думал раньше. В некоторой степени это будет зависеть от

телефонного звонка, который я должен сделать. В любом случае мне необходимо пристреляться, а это можно сделать и в Бельгии. Но мне понадобится винтовка, обычные патроны и один с "начинкой". Также мне бы хотелось знать, где здесь имеется укромное местечко, чтобы можно было бы попрактиковаться и опробовать новое оружие. Ну, сто пятьдесят метров открытого пространства.

Мсье Госсенс на секунду задумался.

- В Арденском лесу, - ответил он. - Там есть тихие места, где, гуляя часами, никого не встретишь. За день можно обернуться туда и обратно. Сегодня четверг. Завтра там может быть уже много людей, приехавших отдохнуть на выходные. Я предлагаю понедельник, пятое. Ко вторнику - среде, я думаю, все будет готово.

Англичанин, удовлетворенный ответом, кивнул.

- Хорошо. Винтовку и патроны, наверное, лучше взять сейчас. Я выйду на вас во вторник - среду.

Бельгиец хотел что-то сказать, но клиент опередил его;

- Кажется, я должен вам 700 фунтов. Вот, он бросил на стол несколько скрученных пачек, - 500 фунтов. Оставшиеся вы получите, когда мой

заказ будет выполнен полностью.

- Мерси, мсье! - радостно отозвался бельгиец, пряча в карман пачку пятифунтовых банкнот.

Он разобрал винтовку, укладывая все на свои места в чемоданчике. Один разрывной патрон был завернут отдельно, в оберточную бумагу и спрятан там же. С тряпками и щеточками. Закрыв чемоданчик, бельгиец передал его с коробкой патронов англичанину и вежливо проводил гостя до двери.

Шакал вернулся в отель к обеду. И первым делом спрятал чемоданчик с винтовкой в глубь шкафа, закрыл его, а ключ сунул в карман. После обеда он не спеша побрел на главпочтамт и заказал разговор с Цюрихом. Через полчаса ему дали Швейцарию, а еще через 5 минут трубку взял господин Майер. Англичанин представился, назвав свое имя и номер.

Господин Майер извинился и через 2 минуты вновь взял трубку. В его голосе уже не было той осторожной сдержанности. Клиенты, у которых счета в долларах и швейцарских франках росли постоянно, заслуживали обходительного обращения. Человек из Брюсселя задал всего лишь один вопрос, и опять швейцарский банкир отошел от телефона и через полминуты снова взял трубку.

Очевидно, он вытащил из сейфа папку клиента и внимательно изучал ее.

- Нет, майн герр, - потрескивал голос в телефонной трубке. - У нас есть ваше поручение, в котором говорится, что мы должны незамедлительно сообщить вам о новых поступлениях на ваш счет, но за указанный период таковых не было.

- Я звоню вам только потому, господин Майер, что меня не было две недели в Лондоне, и ваше письмо могло прийти в мое отсутствие.

- Нет, нет, ничего не было. А как только будут поступления, мы незамедлительно сообщим вам.

Шакал уже повесил трубку, а господин Майер все еще рассыпался в любезностях. Англичанин заплатил за разговор и вышел. В тот вечер в баре недалеко от улицы Рю Нуве в половине седьмого он встретился с фотографом, исполняющим его заказ. Тот уже сидел там, а англичанин, заприметив пустое местечко в углу, позвал его кивком головы. Через несколько секунд, закурив, он обратился к подошедшему бельгийцу:

- Ну, что, закончил? .

- Да, все готово, превосходная работа, только не подумайте, что я хвастаюсь.

Англичанин протянул руку:

- Покажи.

Бельгиец закурил и покачал головой:

- Мсье, поймите меня правильно, здесь очень людно. А кроме того, нужно хорошее освещение, чтобы рассмотреть их, особенно французские документы.

Шакал холодно, изучающе оглядел его и кивнул.

- Хорошо, пойдем посмотрим без свидетелей. Через несколько минут они вышли из бара и, взяв такси, доехали до угла улицы, где находилась студия. Был теплый солнечный вечер, и, как всегда, на Шакале были большие темные очки. Хозяин студии первым прошел по лестнице к двери. Внутри было темно, как будто на улице стояла ночь. Несколько ламп дневного света, установленных внутри витрин между отвратительными фотографиями, позволили англичанину различить стул со столом в глубине квартиры.

Фотограф прошел за бархатные занавеси и включил центральное освещение. Вытащив из кармана коричневый конверт, он открыл его и вывалил содержимое на маленький круглый столик из красного дерева, стоящий сбоку. Затем подтащил его в центр под лампу. Два светильника над небольшим подиумом в глубине студии

оставались невключенными.

- Пожалуйста, мсье.

Бельгиец широко улыбнулся и указал на документы, лежащие на столе. Англичанин взял первый и поднес его к свету.

Это были водительские права, на первой странице был вклеен новый листок. Права гласили, что "Мистер Александр Джеймс Квентин Дагган, проживающий в Лондоне, имеет право водить транспортные средства группы 1а, 1в, 2, 3, 11, 12 и 13 только в период с 10 дек. I960 по 9 дек. 1963 включительно". Сверху стоял номер, конечно, вымышленный, и слова: "Лондонский муниципалитет", "Акт о движении на дорогах I960". Далее "Водительские права" и "Плата в размере 15 фунтов получена". Насколько Шакал мог судить, это была безукоризненная подделка. Для дела как раз сойдет.

Следующим было французское удостоверение личности на имя Андре Мартена, 53 лет, уроженца Колмара, а ныне жителя Парижа, с фотографией англичанина, на которой он выглядел двадцатью годами старше, седой и слегка смущенный. Края были ободраны, настоящий документ рабочего человека.

Больше всего его интересовал третий экзем-

пляр. Фотография на нем слегка отличалась от той, предыдущей. Даты выдачи на удостоверениях расходились на несколько месяцев так, как если бы они не были фальшивыми. Ведь в действительности всегда так и было, эти даты не могли совпадать день в день. На этом удостоверении уже был другой портрет Шакала, сделанный двумя неделями раньше, но рубашка казалась темнее, да и на подбородке появилась щетина. Этот эффект был достигнут благодаря мастерской ретушировке, создавалось впечатление, что это были две разные фотографии одного и того же человека, сделанные в разное время. Шакал еще раз взглянул на документы и спрятал их в карман.

- Прекрасно. Как раз то, что я хотел. Поздравляю вас. Кажется, я должен вам еще 50 фунтов.

- Совершенно верно, мсье. Мерси.

Фотограф застыл в ожидании денег.

Англичанин вытащил из кармана пачку из десяти пятифунтовых банкнот и протянул их ему. Но перед тем, как отпустить зажатые большим и указательным пальцем деньги, он произнес:

- Но, кажется, вы мне еще кое-что должны?

Бельгиец неуверенно попытался выразить на лице удивление и непонимание.

- Что, мсье?

- Первую страничку из водительских прав. Я упоминал ранее, что хочу получить ее назад...

Сейчас уже не возникало никаких сомнений, что жулик ломал комедию. Как будто крайне изумленный, он высоко поднял брови, делая вид, что только вспомнил об этом, выпустил пачку денег и развернулся. Пройдя несколько шагов со склоненной головой, зажав руки за спиной, будто в глубокой задумчивости, бельгиец резко развернулся и пошел назад.

- Я думаю, об этом листке мы можем немного поболтать.

- Ну? - В голосе Шакала ничего не изменилось. Все тот же невыразительный тон, глаза прищурены, словно он вглядывался в глубь себя.

- Дело в том, мсье, что эта первая страничка прав с вашим настоящим, как мне кажется, именем находится сейчас не здесь. О, ради бога... - он сделал наигранный жест, как будто пытаясь успокоить человека, охваченного беспокойством, коим англичанин как раз не являлся...

- Она в очень надежном месте. В банке, в отдельном, принадлежащем мне сейфе, который, кроме меня, никто не может открыть. Видите ли, мсье, человек, занимающийся таким опасным бизнесом, как я, должен предпринимать опре-

деленные меры предосторожности, иметь, если позволите, кое-какие гарантии...

- Короче, что вы хотите?

- Итак, я надеюсь, что вы готовы заключить сделку по приобретению прав на владение этой бумагой за сумму, немного превышающую те 150 фунтов, упомянутые вами ранее.

Англичанин вздохнул, в очередной раз поразившись способности человека осложнять без лишней необходимости свое пребывание на этой земле. Ничто больше не выдавало его заинтересованности в предложении бельгийца.

- Ну, так как? - застенчиво спросил жулик. Он превосходно играл свою роль, как будто этому предшествовали длительные репетиции. Окольными путями, какими-то неясными намеками, ну, прямо как в плохом детективе.

- Да, раньше мне попадались шантажисты, - бесстрастно ответил англичанин, не обвиняя, а скорее констатируя факт. Бельгиец был шокирован.

- Помилуйте, мсье, я и шантажист? То, что я предлагаю, это просто сделка, в результате которой документ опять переходит в ваши руки, за определенную сумму. В конце концов, в моем сейфе находится оригинал ваших прав, проявленная

пленка, негативы ваших фотографий, и боюсь, что... - он как бы сделал испуганную паузу и еще одна ваша фотография, сделанная, когда вы стоите без грима. Я уверен, что эти документы, попав в руки британских или французских властей, могут причинить вам некоторые неудобства. А вы, очевидно, из тех, кто готов платить за то, чтобы избежать их.

- Сколько?

- Одна тысяча фунтов, мсье.

Англичанин молча кивал, вроде проявляя лишь академический интерес.

- Документы стоят таких денег, - согласился он.

Бельгиец ликующе ухмыльнулся.

- Я так рад слышать это, мсье.

- Но мой ответ - нет, - продолжал англичанин, как будто все еще напряженно раздумывая.

Глаза бельгийца сузились.

- Но почему? Я вас не понимаю. Вы же сами говорите, что документы стоят тысячи фунтов и хотели бы получить их назад. Это же нормальная сделка. Мы же знаем с вами, что за все надо платить.

- Существуют две причины, - мягко сказал англичанин. - Во-первых, у меня нет никаких доказательств, что с негативов не были сдела-

ны копии, и, следовательно, я не уверен, что не последуют дальнейшие вымогательства. У меня также нет доказательств, что вы не отдали документы другу, который, когда потребуется вернуть их, вдруг неожиданно заявит, что у него ничего нет, или захочет еще тысячу фунтов.

Бельгиец, казалось, успокоился:

- Если это и все, что вас беспокоит, то ваши страхи беспочвенны. Во-первых, в моих же интересах не доверять никакому партнеру документы, как раз - таки из-за того, что он может их не вернуть. Да и не думаю я, что вы расстанетесь с тысячей фунтов, не получив назад свои документы. Поэтому нет никаких оснований для меня отдавать кому-то документы. Повторяю, они находятся в банковском сейфе. А что касается повторного вымогательства денег... мне кажется, это бессмысленно. Фотокопия водительских прав не особенно-то всполошит британские власти. И даже в том случае, если вас поймают с фальшивкой, - это причинит вам лишь некоторые неудобства. Во всяком случае, не такие значительные, чтобы оправдать крупные денежные выплаты в мой адрес. В отношении французских документов я полагаю, что, получи французские власти известие о том, что некий англичанин выдает себя

за несуществующего француза по имени Андре Мартен, они и в самом деле могут арестовать вас. Но представьте, я начинаю требовать у вас деньги вновь и вновь. В этом случае вам будет проще выкинуть эти бумаги и заказать себе новые. Андре Мартену уже ничего не будет грозить во Франции. Он просто исчезнет.

- Так почему бы мне не сделать это прямо сейчас? - спросил англичанин. - Вы же понимаете, что новый обойдется мне не дороже полутора сотен фунтов.

В ответ бельгиец только развел руками.

- Для вас, полагаю, фактор времени важнее, чем деньги. Чтобы сделать другие бумаги, вы потратите еще пару недель, да и качество у них будет похуже. Насколько я понимаю, вам нужны документы и мое молчание. Все это вы хотите получить сейчас же. Бумаги у вас на руках. Мое молчание стоит тысячу фунтов. В конце концов, вы ничем не рискуете. И то, и другое вам потребуется лишь на короткий срок.

- Звучит убедительно. Но... откуда у вас такая уверенность, что я смогу прямо сейчас выложить тысячу фунтов?

Бельгиец сдержанно улыбнулся. У него был вид человека, знающего ответы на все вопросы, но

не способного сформулировать обоснованные возражения, которые могли бы удовлетворить неожиданные причуды его собеседника.

- Мсье, вы ведь английский джентльмен. Это очевидно. И тем не менее, пытаетесь выдать себя за французского работягу. Вы великолепно и почти без акцента говорите по-французски. Поэтому я указал местом вашего рождения, то есть, Андре Мартена - Колмар. Все алсатианцы говорят с акцентом, похожим на ваш. И вот вы, приняв облик Андре Мартена, путешествуете по Франции. Придумано великолепно, даже гениально. Никто не кинется на поиски старика Мартена. И, судя по всему, везете вы с собой нечто дорогое. Наркотики? Вполне вероятно. Они как раз входят в моду среди английской аристократии. А Марсель - один из главных центров их поставки. Или, может, бриллианты? Не знаю. Знаю только то, что вы занимаетесь очень прибыльным бизнесом. Ведь и дураку понятно, что английские милорды не специализируются на карманных кражах. Поэтому, мсье, было бы разумно прекратить эти детские игры. Вот телефон. Вы звоните вашим друзьям в Лондон и просите перевести тысячу фунтов на ваш счет в местном банке. И уже завтра мы сможем обменяться пакетами, и

алле-оп! - вы уже в пути. Ну, как?

Слушая собеседника, англичанин несколько раз кивнул. Со стороны могло показаться, что раскаявшийся грешник с горечью вспоминает сделанные на своем жизненном пути ошибки. Внезапно он поднял голову и ослепительно улыбнулся. Первый раз за все время. Бельгиец сразу же почувствовал облегчение. Ему импонировало спокойствие англичанина, хотя тот повертелся в начале беседы, как уж на сковородке. Теперь же все встало на места, и, похоже, не о чем было больше беспокоиться. Бельгиец физически ощутил схлынувшее с него напряжение.

- Ну, что ж, - сказал англичанин, - ваша взяла. Я добуду тысячу фунтов завтра к полудню. Но хотел бы поставить одно условие.

- Условие? - бельгиец снова насторожился.

- Я бы не хотел встречаться в вашем доме.

Делец был явно озадачен.

- Не понимаю, почему вам здесь не нравится... Тихо, приватно...

- Меня не устраивает абсолютно все. Вы только что обмолвились, что скрытно сделали мой снимок. А я бы не хотел, чтобы церемония передачи пакета прошла при свидетеле, да к тому же еще со взведенной камерой.

Не нужно было быть особо проницательным, чтобы заметить облегчение бельгийца. Он хохотнул.

- Оставьте свои страхи при себе, шер ами. Этот дом принадлежит мне, и никто не войдет сюда без моего разрешения. Мне приходится быть осторожным, поскольку я занимаюсь не совсем законным бизнесом. Снимаю забавные картинки. Пользуются спросом, знаете ли, хотя это не то, что делают на Гран Пляс.

Он поднял левую руку, указательный и большой пальцы слились в форме буквы О, а вытянутый указательный палец правой он несколько раз ввел в образовавшееся отверстие, что должно было означать половой акт.

Шакал широко осклабился, а затем разразился хохотом. Бельгиец присоединился. Продолжая смеяться, англичанин похлопал его по плечу, пальцы скользнули вниз и сжались на бицепсе. Делец все еще демонстрировал свой эротический жест, как вдруг, сквозь смех, почувствовал страшный удар, обрушившийся ему в пах.

Голова мотнулась вперед, руки обвисли и инстинктивно потянулись к гениталиям. Смех перешел в стон, затем в булькающий звук и, наконец, в рвотный спазм. Уже почти теряя сознание,

он опустился на колени и стал покачиваться, будто в трансе, пытаясь унять боль.

Шакал спокойно выждал некоторое время, затем обошел бельгийца, наклонился со стороны спины и правой рукой, будто удавкой, обвил его голову. Левая рука уперлась в затылок. Одним коротким, но мощным движением он сдвинул шею назад, вверх и вбок. Хруст при переломе шейных позвонков был, вероятно, не слишком громким, но в гулкой тишине комнаты он прозвучал, как выстрел дамского пистолета. Бельгиец последний раз судорожно дернулся и обмяк. Шакал выпустил тело из рук, и оно безжизненно повалилось на пол. Голова дельца была вывернута набок, руки все еще сжимали пах, прокусанный кончик языка слегка высовывался сквозь сжатые зубы, широко открытые глаза остановились на потускневшем узоре линолеума.

Англичанин быстро прошел через комнату к окну, убедился, что шторы плотно закрыты, и снова подошел к телу. Перевернув его, он вытряхнул карманы и обнаружил в брюках ключи. В дальнем углу студии стоял большой сундук с гримом и макияжем. Он отыскал нужный ключ, открыл крышку и стал вытряхивать содержимое на пол.

Затем англичанин взял тело под мышки, подво-

лок к сундуку и аккуратно уложил внутрь, легко придав нужную форму безжизненным членам. Через несколько часов должно было наступить окоченение. А пока парики, женское белье, фальшивые локоны, ночные рубашки, свитера разного фасона, джинсы, халат и несколько дар черных, в крупную клетку чулок были втиснуты между трупом и стенками сундука. Пришлось лишь нажать сверху, чтобы крышка закрылась.

Передвигая или перенося вещи, Шакал обвязывал руку тряпкой. Закончив, он вынул носовой платок и протер им замок и все внешние поверхности сундука. Затем сунул в карман пачку пятифунтовых банкнот и переставил стол на прежнее место, не забыв протереть крышку. Погасив свет, он уселся на стул и стал ждать наступления темноты. Он вытащил сигареты, высыпал их в карман и закурил, стряхивая пепел в пустую пачку. Через пару минут Шакал аккуратно вмял туда же окурок.

Он не питал иллюзий, что исчезновение бельгийца пройдет незамеченным, но было похоже, что и найдут его не скоро. По роду профессии тому время от времени приходилось путешествовать, а то и уходить в подполье. Вряд ли друзья поначалу сильно удивятся, если бельгийца не

будет видно в его излюбленных кабачках. Конечно, через некоторое время начнутся поиски, но, вероятно, не так скоро. Сначала будут искать среди людей, вращающихся в сфере подделки документов и порнобизнеса. Некоторые, конечно, слыхали об этой студии и могут через некоторое время наведаться. Они не остановятся перед тем, чтобы сломать замок и обыскать дом.

Если это будет кто-нибудь из коллег бельгийца, рассуждал Шакал, то парень вряд ли отправится в полицию, предположив, что тот пал жертвой гангстерской войны, поскольку ни один клиент-порноманьяк не станет так тщательно маскировать тело после убийства.

Рано или поздно полиция все же узнает о случившемся. Они, несомненно, опубликуют в газете фотографию, и бармен, конечно, вспомнит, как 1 августа фотограф покидал бар в компании высокого блондина в клетчатом костюме и темных очках.

Шакал вспомнил, что с барменом он не обменялся ни единым словом. Правда, две недели назад он заказывал официанту из того же бара пиво, но у того должна быть феноменальная память, чтобы вспомнить легкий иностранный акцент англичанина. Полиция станет искать вы-

сокого блондина, может, они даже выйдут на имя Александра Даггана, но бельгийцам придется как следует потрудиться, чтобы выследить самого Шакала. Пожалуй, месяц у него есть, а это как раз то, что нужно.

Убив человека, англичанин ощутил не больше эмоций, чем если бы наступил на таракана. Шакал расслабился, выкурил вторую сигарету и выглянул в окно. Глубокие сумерки окутали город. Была половина десятого. Шакал тихо вышел из студии и запер за собой входную дверь. Никто не встретился ему на улице. Через полмили он бросил ключи в канализационную решетку и услышал всплеск где-то глубоко под асфальтом, в трубе, по которой текли сточные воды.

Шакал вернулся в гостиницу и заказал себе ужин. На следующий день, в пятницу, он отправился делать покупки в один из рабочих районов Брюсселя. В магазине, специализирующемся на туристическом снаряжении, он купил пару специальных ботинок, длинные шерстяные носки, хлопковые брюки, клетчатую рубашку и рюкзак. Кроме этого, приобрел тонкий лист пенопласта, хозяйственную сумку, моток бечевки, охотничий нож, две тонкие кисти для рисования, банку розовой и банку коричневой краски. Шакал хо-

тел купить большую дыню-касабо в открытом ларьке, однако в последний момент передумал, рассудив, что дыня может испортиться за выходные.

Глава 7

Пока Шакал занимался покупками в Брюсселе, Виктор Ковальский постигал премудрости телефонной справочной службы на главпочтамте в Риме.

Не зная ни слова по-итальянски, ему пришлось прибегнуть к помощи одного из почтовых клерков, который немного владел французским. Тужась, поляк объяснил ему, что желает позвонить человеку в Марсель, но, к сожалению, не знает номера телефона. Да, у него есть и имя, и адрес. Человека зовут Гржибовский. Озадаченный клерк попросил Ковальского написать это имя. Ковальский написал, но итальянец, будучи не в состоянии поверить, что имя может начинаться с "Гржб...", выдал его оператору на междугородке как "Триб...", предположив, что "ж", написанная Ковальским, на самом деле еще одна, лишняя буква "и". Оператор французской междугородки сообщил, своему коллеге в Италии, что в марсельском телефонном справочнике Йозеф Грибовский не значится. Клерк передал это Ковальскому.

Только случайно клерк, будучи по природе

сознательным человеком, да к тому же желавшим угодить иностранцу, еще раз проговорил имя, чтобы подчеркнуть правильность своего восприятия:

- П n'existe pas, monsier. Voyons... jay, air, eee...

- Non, jay, air, zed.., - вставил поляк.

- У служащего на лице обозначилось недоумение.

- Excusez moi, monsier. Jay, air, zed?? Jay, air, zed, ygrec, bay?

- OuiG. R. Z. Y. B. O. W. S. K. I.

- Такого нет, мсье. Вот, пожалуйста: Г. Р. И. ...

- Нет, Г. Р. Ж.

- Извините меня, мсье. Г. Р. Ж.? Г. Р. Ж. И. Б.?

- Да, - Г. Р. Ж. И. Б. О. В. С. К. И.

Итальянец поморщился и снова обратился к оператору:

- Дайте мне международную справочную.

Через десять минут Ковальский уже знал телефон Йойо, а еще через полчаса его соединили. Сквозь потрескивание в трубке на том конце провода послышался голос экс-легионера. Ковальский почувствовал некоторую неуверенность Гржибовского, когда тот подтверждал плохие новости из письма Ковача. Да, он рад, что Ковальский позвонил, он сам пытался связать-

ся с ним уже три месяца. К сожалению, да, это правда насчет болезни маленькой Сильви. Она все больше худела и слабела, и когда, наконец, доктор поставил диагноз, ее уже пора было укладывать в постель. Квартира? Нет, это не та самая, они переехали в новую, более просторную. Что? Адрес? Йойо тщательно проговаривал его, пока Ковальский, высунув язык, медленно записывал.

- Что говорят эти знахари? Сколько она еще протянет? - проревел в трубку поляк.

Только с четвертого раза ему удалось донести смысл своих слов до Йойо. Последовала долгая пауза.

- Алло, алло, - закричал Ковальский, не услышав ответа.

Голос Йойо был сух и почти сливался с потрескиваниями в трубке.

- Может, неделю. Может, две или три.

Потрясенный Ковальский уставился на трубку. Не сказав ни слова, он повесил ее на место и вывалился из кабины, двигаясь почти вслепую. Оплатив разговор, он взял почту, защелкнул стальной наручник чемоданчика у себя на запястье и направился в отель. Первый раз за многие годы его мысли суматошно, метались в голове, и не было никого, к кому он мог бы обра-

титься за инструкцией или приказом.

* * *

В своей марсельской квартире, той же самой, где он всегда и жил, Йойо положил трубку. Он повернулся к парням из Службы "Действие", стоящих за его спиной с пистолетами в руках. Один был наставлен на Йойо, другой на жену, которая сидела с пепельно-серым лицом на краю дивана.

- Ублюдки, - сказал Йойо с чувством, - дерьмо собачье.

- Он приедет?

- Не знаю. Он бросил трубку, - ответил поляк.

Черные безжизненные глаза корсиканца впились в него.

- Должен приехать. Это приказ.

- Ну, вы же слышали, я сказал все, что вы хотели. Должно быть, это шокировало его. Он просто повесил трубку. Я не мог ничего сделать.

- Это в твоих интересах, Йойо, - повторил корсиканец.

- Он приедет, - сказал Йойо утомленно. - Если сможет, он приедет. Ради девочки.

- Хорошо. Твоя роль сыграна.

- Тогда убирайтесь отсюда, - закричал Йойо, - оставьте нас в покое.

Корсиканец поднялся. Другой продолжал сидеть, посматривая на женщину.

- Мы уйдем, - сказал корсиканец, - но и вы двое отправитесь с нами. Не можем же мы позволить, чтобы вы занимались болтовней или позванивали в Рим. Не так ли, Йойо?

- Куда вы нас забираете?

- На небольшие каникулы. Прекрасный уютный отель в горах. Бездна солнца и свежего воздуха. Тебе это подойдет, Йойо.

- Надолго? - мрачно спросил поляк.

- На столько, на сколько потребуется.

Гржибовский посмотрел в окно. Позади парадного, открыточного Старого порта сгрудились ларьки и рыбные лавки.

- Этот отъезд разорит нас. Сейчас пик туристического сезона. Поезда переполнены. В августе мы зарабатываем больше, чем за всю зиму.

Корсиканец засмеялся, Казалось, это его позабавило.

- По-моему, ты скорее найдешь, чем потеряешь, Йойо. В конце концов, это же все во имя Франции, твоей нареченной Родины.

Поляк резко повернулся:

- Мне нас... на вашу политику. Мне все равно, кто там у власти, какая партия собирается завари-

вать кашу. Но я знаю таких, как вы, я встречался с такими всю свою жизнь. Ваша порода служила бы даже Гитлеру. Или Муссолини, или ОАС, если бы вас это устроило. Кому угодно. Режимы меняются, но ублюдки типа вас - никогда!.. - кричал он, наскакивая на человека с пистолетом. Тот оставался невозмутимым.

- Йойо! - истерично завизжала женщина. - Прошу тебя, не надо!

Поляк замолчал и уставился на жену взглядом человека, будто бы и не подозревающего о ее существовании. Он оглядел всех присутствующих. Они тоже смотрели на него. Жена - умоляюще, двое из Секретной Службы - бесстрастно. Они привыкли к упрекам, абсолютно никак не влияющим на исход порученного им дела. Старший кивнул в сторону спальни:

- Собирайтесь. Сначала ты, потом она.

- А как же Сильви? В четыре она возвращается из школы. Кто же ее встретит? - спросила женщина.

Ее заберем, когда будем проезжать мимо школы. Все уже устроено. Мы сказали директору, что ее бабушка при смерти, и вся семья должна находиться у ее одра. Все продумано. Теперь поехали.

Йойо вздрогнул, взглянул на жену и вышел в

спальню, чтобы упаковать вещи. За ним последовал корсиканец. Женщина продолжала теребить платок. Потом она подняла глаза на второго агента, стоящего по другую сторону дивана. Он выглядел моложе корсиканца, по виду гасконец.

- Что они с ним сделают?

- С Ковальским?

- С Виктором.

- Кое-кто хочет побеседовать с ним. Это все.

Через полчаса семья сидела на заднем сиденье большого "Ситроена", впереди - двое агентов. Машина неслась по направлению к уединенному отелю в горах Веркора.

* * *

Шакал провел уик-энд у моря. Он купил пару плавок и субботу прозагорал на пляже в Зеебрюгге. Несколько раз искупался в Северном море, побродил по небольшому приморскому городку и прошелся вдоль мола, где когда-то сражались и погибали под пулями британские солдаты. Несколько усатых стариков сидели вдоль мола, закинув удочки на морского окуня. Спроси он, они могли бы вспомнить события сорокадвухлетней давности, но Шакал не спросил. На всем пляже было лишь несколько английских семей,

нежившихся на солнце и наблюдавших, как их дети играют в песке.

В воскресенье утром, Шакал упаковал чемоданы и неторопливо повел машину по фламандским пригородам, останавливаясь, чтобы прогуляться, в Генте и Брюгге. Он отведал превосходный бифштекс, поджаренный на дровах в ресторане Сифон в Дамме и пополудни повернул машину обратно к Брюсселю.

Перед тем как отправиться спать, он попросил горничную разбудить его пораньше, заказал завтрак в постель и ленч в дорогу, объяснив, что на следующий день собирается добраться до Арден и посетить могилу старшего брата, погибшего в битве при Балже между Бастонем и Малмеди. Горничная проявила значительное участие, пообещав разбудить англичанина в назначенное время. Мсье может не сомневаться, что начнет свое паломничество вовремя.

* * *

В Риме Виктор Ковальский провел гораздо менее беззаботные выходные. В назначенное время он регулярно появлялся для выполнения своей караульной службы. В часы дежурства он спал мало, в основном полеживал на койке в стороне

от главного прохода, курил и потягивал крепкое красное вино, которое специально для восьми состоявших в охране экс-легионеров доставляли из-за границы в огромных, четырехлитровых флягах.

Дешевое алжирское "пинар" не шло ни в какое сравнение с итальянским "россо", пузырящимся внутри жестяных легионерских кружек, подумал он, но это все же лучше, чем ничего.

Обычно Ковальский долго решался на какие-либо поступки, если ему на помощь не поступало указания сверху или же если он не руководствовался постоянно действующим приказом. Однако в понедельник утром он принял решение сам.

Он уедет ненадолго, возможно, всего на день или два, если нет прямой авиалинии. В любом случае, этим нужно заняться. Потом, по возвращении, он все объяснит патрону. Ковальский был уверен, что тот поймет, хоть и порядком рассердится. Он подумал, что, может быть, стоит все рассказать полковнику и попроситься в отпуск на 48 часов. И все-таки Роден, при всех своих хороших качествах боевого офицера и руководителя, мог запретить ему эту поездку. Он ничего не поймет о Сильви, а Ковальский знал, что объяснить все словами не сможет. Нет, ничего не сможет

объяснить. С тяжелыми мыслями он заступил в понедельник на утреннее дежурство. Его сильно беспокоило то, что в первый раз за всю службу легионером ему придется уйти в самоволку.

* * *

В это же самое время Шакал встал и тщательно подготовился к предстоящей поездке. Сначала он принял душ и побрился. Затем съел великолепный завтрак, оставленный на подносе у кровати. Достав из гардероба чемодан с винтовкой, он заботливо обложил каждый компонент раскладного оружия несколькими слоями пенопласта, скрепив куски шпагатом. Все это легло на дно рюкзака. Сверху бросил банки с краской, щетки, грубые коттоновые брюки, клетчатую рубашку, носки и ботинки. В один карман рюкзака засунул хозяйственную сетку, в другой - пачку с патронами.

Он надел обычную повседневную рубашку, из тех, что были в моде в 1963 году, легкий серый костюм, отказавшись от тяжелого шерстяного в клетку, и пару легких черных туфель от Гуччи. Черный шелковый галстук дополнил ансамбль. Шакал спустился к машине, припаркованной на стоянке у отеля, и запер рюкзак в багажнике.

Вернувшись в фойе, он взял свой упакованный ленч, кивнул в ответ на пожелание клерка приятного путешествия и к девяти уже выезжал из Брюсселя по старому шоссе Е-40 в направлении Намура. Загородная местность уже плескалась в лучах света, что предвещало жаркий день. По карте до Бастони было 94 мили, к которым англичанин добавил еще несколько, необходимых для поисков укромного местечка среди холмов и лесов к югу от небольшого городка. Он высчитал, что к полудню легко одолеет сотню миль, и гнал свою "Симку Аронд" вдоль плоской, прямой магистрали, рассекающей Валлунскую равнину.

Еще до того, как солнце достигло зенита, он проехал Намур и Марш и, следуя за дорожными указателями, направился в сторону Бастони. Миновав небольшой городок, который был разодран в клочья орудиями "королевских тигров" Хассо фон Мантойфеля зимой сорок четвертого, он свернул на южную дорогу, ведущую к холмам. Лес становился все гуще, извилистая дорога все чаще проходила в тени огромных вязов и буков, сквозь которые едва пробивались солнечные лучи.

В пяти милях за городом Шакал нашел узкую колею, уходящую в лес. Он свернул на нее и еще через милю увидел небольшую тропку, петляю-

щую в лесу. Он повернул машину, проехал вдоль тропки и остановился в гуще растительности. Шакал выкурил сигарету, прислушиваясь, как тикает, остывая, двигатель, шепчется ветер в кронах деревьев и воркуют в отдалении голуби.

Англичанин медленно выбрался из машины, отомкнул багажник и бросил рюкзак на капот. Не спеша переоделся, сложив на заднем сиденье свой безупречный серый костюм. Было достаточно тепло, чтобы обойтись без пиджака, поэтому он поменял свою наглухо застегнутую под галстук рубашку на фривольную ковбойку. Дорогие городские туфли уступили место туристическим ботинкам и шерстяным носкам, которые он натянул поверх брюк.

Затем он собрал винтовку. В один из карманов брюк положил глушитель, в другой - оптический прицел. Из пачки Шакал вытащил 20 обычных патронов и засунул их в нагрудный карман рубашки, в другой карман он положил единственную разрывную пулю, все еще завернутую в упаковочную бумагу. Положив винтовку на капот, англичанин снова вернулся к багажнику. Оттуда извлек медовую дыню, купленную накануне на базаре в Брюсселе и оставленную на ночь в багажнике. Он. бросил дыню в полупустой рюк-

зак, где уже лежали кисти, краска и охотничий нож. Затем замкнул машину и направился в лес. Было едва за полдень.

Через несколько минут Шакал отыскал небольшую полянку. Положив винтовку на траву, он прошел сто тридцать метров, затем нашел дерево, со стороны которого просматривалось место, где лежала оставленная винтовка. Шакал высыпал содержимое рюкзака на землю, вскрыл обе банки с краской и стал работать над дыней. Нижняя и верхняя части были быстро покрыты коричневой краской, нанесенной на темно-желтую кожуру. Центральная часть была выкрашена в розовый цвет. Пока краска еще не высохла, он набросал указательным пальцем пару глаз, нос, усы и рот. Воткнув в верхнюю часть дыни нож, чтобы не испортить рисунок пальцами, Шакал осторожно опустил ее в хозяйственную сетку, не скрывавшую ни контуров дыни, ни нанесенного на нее рисунка.

Наконец, англичанин глубоко воткнул нож в ствол дерева в двух метрах от земли, а на рукоятку повесил сетку. На фоне зеленой коры розовато-коричневая дыня напоминала гротескную живую голову.

Оставшись довольным своей работой, он за-

крыл обе банки с краской и забросил их далеко в лес. Щетки он воткнул в землю щетиной вверх и вдавливал до тех пор, пока они не скрылись в траве. Взяв рюкзак, он вернулся к тому месту, где лежала винтовка.

Установив глушитель и оптический прицел, Шакал оттянул затвор и вставил первый патрон. Он оперся о дерево, вскинул винтовку и нашел глазами мишень. В перекрестье оптического прицела она, казалось, находится совсем близко, не далее чем в 30 метрах. Англичанин мог легко различить следы своих пальцев, обозначивших на дыне основные черты "лица".

Две перекрещивающиеся линии внутри прицела были слегка "размыты", и Шакал немного подкрутил регулировочные винты. После этого, он тщательно прицелился и выстрелил

Отдача была слабее, чем он предполагал, а приглушенный хлопок выстрела был бы едва слышен даже на тихой улице. Взяв под мышку винтовку, Шакал прошел через поляну и осмотрел дыню. Пуля прошла в верхней правой части, срезала кожуру и ушла в ствол дерева.

Англичанин вернулся на исходную позицию и снова выстрелил, не меняя установки прицела.

Результат был тот же, с разницей в полдюйма.

Он выстрелил еще четыре раза, пока не убедился, что целится правильно, но центровка сбита вверх и вправо. И только тогда снова подкрутил винты.

После следующего выстрела пуля ушла влево и вниз. Чтобы убедиться в этом, Шакал подошел к дыне и увидел, что пуля прошла в левой половине "рта" чучела. Он выстрелил еще три раза с этим же прицелом, и все пули легли рядом. Шакал еще раз отрегулировал прицел.

Девятая пуля вошла прямо в лоб, именно туда, куда он и целился. Вытащив из кармана кусок мела, англичанин подошел к мишени и отметил все пулевые отверстия.

После этого он стал снова стрелять по дыне, последовательно метясь в "глаза", "нос", "верхнюю губу" и "подбородок". Повернув мишень в профиль, он потратил последние шесть пуль на "висок", "ухо", "шею", "щеку", "челюсть" и "череп", промахнувшись только раз.

Удовлетворенный результатами стрельбы, он вынул из кармана тюбик бальзо-цемента и выдавил тягучую жидкость на головки регулировочных винтов и на бакелитовую поверхность рядом с ними. Через полчаса цемент затвердел, и Шакал навел резкость для стрельбы со ста трид-

цати метров.

Наконец, он достал разрывную пулю, снова зарядил винтовку, прицелился и выстрелил.

Шакал прислонил оружие к дереву и пошел через поляну к сетке. Изрядно похудев, она висела на фоне иссеченного ствола. Дыня, уцелевшая после десяти обычных пуль, теперь исчезла без следа.

Струйка сока стекала по коре. Остатки дыни лежали на дне сетки, свисавшей с рукоятки ножа, как изможденная мошонка.

Шакал снял сетку и забросил в кусты. Мишень, еще недавно напоминавшая лицо, представляла собой жидкое месиво. Шакал вытащил из дерева нож и вложил его в ножны. Потом взял винтовку и зашагал обратно к машине.

Там он аккуратно упаковал части винтовки в пенопласт и положил в рюкзак вместе с ботинками, носками, рубашкой и брюками. Снова переодевшись в городскую одежду, англичанин сунул рюкзак в багажник и принялся за приготовленные сэндвичи.

Покончив с ними, Шакал сел в машину и выехал на главную дорогу, повернув в сторону Брюсселя. Он вернулся в отель вскоре после шести. Отнеся рюкзак к себе в номер, Шакал снова

спустился, чтобы расплатиться за прокат машины. Перед тем как принять ванну, он тщательно вычистил каждую деталь винтовки и смазал движущиеся части. Затем сложил все в переносной чемоданчик и запер его в гардеробе. Позже, ночью, рюкзак, бечевка и несколько кусков пенопласта были выброшены в мусоропровод, а двадцать одна гильза - в воду городского канала.

В тот же понедельник, утром 5 августа Виктор Ковальский был снова на главпочтамте в Риме. По его просьбе служащий позвонил в справочную авиакомпании "Алиталия" и выяснил расписание полетов Рим - Марсель. Самолет вылетал из аэропорта Фьюмичино через час, и не было никакого шанса успеть на него. Следующий прямой рейс был в среду. Других авиакомпаний, летающих Рим - Марсель, нет, сказали ему. А если с пересадкой, синьор? Нет? Рейс в среду? Да, конечно, вылет в 11.15 утра с посадкой в Марсельском аэропорту Маринан сразу пополудни. Обратный рейс - на следующий день. Один билет? Туда и обратно? Да, конечно, ваше имя... Ковальский достал удостоверение личности. После отмены паспортов внутри стран Общего рынка этого было вполне достаточно.

Его попросили быть в аэропорту у стойки "Али-

талии" за час до вылета самолета. Служащий повесил трубку, и Ковальский, забрав с почты корреспонденцию, отправился в отель.

* * *

На следующее утро Шакал в последний раз встретился с мсье Госсенсом. Он позвонил ему после завтрака, и Оружейник с удовольствием сообщил, что работа закончена. Сможет ли мсье Дагган зайти в 11, захватив все необходимое?

Англичанин приехал, имея в запасе полчаса. Небольшой атташе-кейс лежал внутри пустого фибрового чемодана, который он купил этим утром. Перед тем, как постучаться в дверь, тридцать минут Шакал наблюдал за улицей. Когда мсье Госсенс впустил его, англичанин сразу же уверенно направился в кабинет. Хозяин проследовал за гостем.

- Ну, что? - спросил англичанин.

- Думаю, в этот раз мы получили то, что хотели.

Из-за рабочего стола бельгиец извлек несколько рулонов гессенской мешковины. Развернув их, он выложил рядом одну за другой несколько прекрасно отполированных трубок. Мсье Госсенс взял протянутый Шакалом чемоданчик, достал

части винтовки и стал вкладывать их в трубки. Каждая из них идеально подходила к соответствующей ей части винтовки.

- Как постреляли? - спросил бельгиец, не отрываясь от своего занятия..

- Довольно неплохо.

Взяв оптический прицел, Госсенс заметил, что регулировочные винты зафиксированы бальзоцементом.

- Извините, что пришлось сделать эти штуки такими маленькими, - сказал он, - но прежние были слишком велики, поэтому их пришлось заменить.

Когда последние пять компонентов винтовки скрылись в трубках, он поднял маленький стальной курок и пять разрывных патронов.

- Это нужно было куда-нибудь пристроить, - объяснил Госсенс. Он взял приклад винтовки, обитый с торца кожей. В этом месте был сделан аккуратный разрез. Оружейник втиснул курок и заклеил разрез куском изоляционной ленты. Выглядело вполне натурально. Из ящика стола бельгиец вытащил продолговатый кусок черной резины диаметром полтора и длиной два дюйма, из которого торчал стальной штырь с нарезкой.

- Вот это прикручивается снизу к последней

трубке, - показал он.

В штыре было просверлено пять дырок. В каждую из них Госсенс вставил по патрону, остались видны только медные шляпки капсюлей.

- Когда резинка встанет на место, пуль не будет видно, а вся конструкция будет выглядеть вполне естественно, - продолжал объяснять он. Англичанин молчал.

- Ну, что вы об этом думаете? - спросил бельгиец с оттенком озабоченности в голосе.

Не говоря ни слова, англичанин взял трубки, встряхнул их, но ничего не услышал, поскольку внутри они были облицованы двумя слоями сукна, поглощавшего звуки. Самая длинная из трубок была 50 см и в нее входили ствол и затворная камера. Другие же были длиной около 30 см, и в них помещались нижняя и верхняя стойки приклада, глушитель и оптический прицел. Задняя часть приклада с находившимся в нем курком, а также резиновым наконечником с пулями лежали отдельно. Во всем этом уже невозможно было различить грозное орудие убийства.

- Отлично, - сказал Шакал, кивнув, - это именно то, что я хотел.

Бельгиец был доволен. Ему, как и любому другому крупному специалисту в своей области,

нравилось получать похвалы за свой труд. К тому же, он прекрасно понимал, что заказчик, находившийся сейчас перед ним, был докой в этих делах.

Шакал взял стальные трубки с лежащими в них частями винтовки и обернул каждую куском мешковины, а затем положил их в свой фибровый чемодан. Когда все было упаковано, он закрыл чемодан и передал оружейнику кейс, служивший ему для переноски винтовки.

- Мне это уже не нужно. Ружье будет лежать в чемодане до тех пор, пока мне не представится случай им воспользоваться.

Он вытащил из кармана двести фунтов, остаток общей суммы, и положил их на стол:

- Полагаю, мы в расчете, мсье Госсенс.

Бельгиец сунул деньги в карман.

- Благодарю, мсье, я всегда к вашим услугам.

Англичанин помедлил.

- Я бы только осмелился вам еще раз напомнить мою маленькую проповедь о мудрости молчания, прочитанную две недели назад.

- Я не забыл ее мсье, - тихо ответил бельгиец.

Его снова охватил страх. А вдруг этот интеллигентный убийца попытается заткнуть ему рот прямо сейчас? Хотя, вряд ли. Когда полиция

займется делом, то быстро узнает о визитах светловолосого англичанина в этот дом еще до того, как тому представится случай воспользоваться винтовкой, лежащей в чемодане. Казалось, Шакал читает его мысли. Он улыбнулся:

- Не беспокойтесь. Я не причиню вам вреда. Кроме того, я полагаю, вы далеко не глупы и приняли меры предосторожности, чтобы обезопасить себя от возможности быть убитым своим клиентом. Через час вам, вероятно, позвонит приятель, и, если вы не ответите, он прибудет забрать тело. Или письмо, оставленное у адвоката, которое вскроют в случае вашей смерти. Для меня убить вас - значит создать себе еще больше проблем.

Госсенс был явно озадачен. Он действительно хранил у адвоката письмо, которое должны вскрыть в случае его смерти. В нем указывалось место позади дома, в саду, где следует искать камень, под которым лежала коробка со списком клиентов Госсенса. Сегодня там значилось только одно имя - имя долговязого англичанина представительной наружности, называвшего себя Дагганом. Все это было своего рода страховкой.

Шакал посмотрел на Госсенса спокойным понимающим взглядом.

- Правильно? Я так и думал, - сказал он. - Пока

вы в безопасности. Но я убью вас без колебания, если вы хоть кому-нибудь обмолвитесь о моих визитах к вам и о сделанной мною покупке. Хоть кому-нибудь. Если вам дорога ваша жизнь, то забудьте обо мне сразу же после того, как я покину ваш дом.

- Мне все ясно, мсье. Моя работа обязывает к этому. Я бы только хотел сказать, что такого же благоразумия я ожидаю и от своих клиентов. Вот почему я вытравил кислотой номер со ствола вашей винтовки.

Англичанин улыбнулся:

- Тогда мы понимаем друг друга, мсье Госсенс.

Через минуту дверь за ним закрылась, и бельгиец, столько знавший об оружии и оружейниках, но так мало о Шакале, вздохнул с облегчением и пошел в кабинет пересчитать деньги.

Шакал не хотел, чтобы персонал отеля видел его дешевый фибровый чемодан и, несмотря на то, что опаздывал к обеду, сел в такси и отправился на вокзал. Там он оставил чемодан в камере хранения и лишь после этого вернулся в центр города. Не скупясь в средствах, англичанин пообедал в "Сине", желая отпраздновать окончание подготовительного периода во Франции и Бельгии, а затем вернулся в отель "Амиго",

чтобы упаковать вещи и заплатить по счету. Он переоделся и вышел из номера. На англичанине был прекрасно скроенный костюм в клетку и плотно прилегающие темные очки. За ним к такси спустился швейцар с двумя чемоданами фирмы "Вуито".

Шакал стал беднее на тысячу шестьсот фунтов, но при этом у него появилась винтовка, лежавшая в камере хранения на вокзале, и три прекрасно подделанных документа, находившихся во внутреннем кармане костюма.

Самолет вылетел из Брюсселя в четыре с небольшим, и хотя в лондонском аэропорту один из его чемоданов был тщательно осмотрен, ничего особенного найдено не было, и к семи он уже брился в своей собственной квартире перед тем, как отправиться на обед в Уест Энд.[15]

---

[15] Примечания: 15
Уэст Энд - фешенебельный район Лондона.

Глава 8

К несчастью для Ковальского, ему не пришлось звонить с почты в среду утром; в противном случае, если бы ему было дано такое задание, он бы опоздал на самолет. В окошечке его ждала почта для мсье Пуатье. Он забрал пять конвертов, запер их в стальной чемоданчик и поспешил в отель. К половине десятого он передал письма полковнику Родену и был отпущен в номер отсыпаться. Его следующее дежурство начиналось в семь вечера и должно было проходить на крыше.

Он задержался у себя только для того, чтобы взять свой кольт-45 (Роден никогда бы не разрешил вынести его на улицу) и засунул его в кобуру, висевшую на плече под пиджаком.

Поляк специально заказывал мешкоподобные костюмы, чтобы они скрывали не только его могучий торс, но и все другие дополнения к фигуре. Он взял также моток лейкопластыря и берет, купленный за день до этого, и положил в пиджак. Туда же Ковальский всунул свои шестимесячные сбережения во французских франках и итальянских лирах. После этого он вышел, закрыв за

собой дверь.

Сидевший на этаже дежурный посмотрел на него снизу вверх.

- Мне приказали позвонить, - сказал Ковальский, указав пальцем вверх в направлении девятого этажа.

Дежурный ничего не сказал, безучастно взирая на поляка. Ковальский вошел в лифт, и немного погодя он уже стоял на улице, надевая большие темные очки.

В кафе через дорогу сидел мужчина с номером "ОГГИ". Он на секунду опустил журнал и изучающе посмотрел в сторону Ковальского. Тот пытался поймать такси. Но машин не было, и поляк направился к углу квартала. Человек с журналом вышел из кафе и двинулся по тротуару. Небольшой "Фиат" вынырнул из линии припаркованных автомобилей в начале улицы и затормозил рядом с ним. Человек юркнул в машину, и она медленно двинулась за поляком. На углу Ковальский поймал такси и рявкнул водителю: "Фьюмичино".

В аэропорту Ковальский подошел к стойке "Алиталии", заплатил наличными за билет и заверил девушку за стойкой, что у него нет ни багажа, ни ручной клади. Ему сказали, что Посадка

на марсельский рейс на 11.15 начнется через час. Человек SDECE тихо следовал за ним.

Убивая время, экс-легионер расположился в кафетерии. Он купил чашку кофе и перенес ее за один из плексиглассовых столиков, откуда можно было наблюдать за взлетной полосой. Большую часть жизни звук авиадвигателей означал для Ковальского лишь немецкие "мессершмитты", русские "штурмовики", или американские "летающие крепости". Позднее этот звук уже означал воздушную поддержку Б-52 и "скайрайдерам" в Корее, "Мюстерн" или "Фуга" в Алжире. Но в гражданском аэропорту все было по-другому, Самолеты приближались к посадочной полосе, приглушив двигатели, и были похожи на гигантских серебряных птиц. Казалось, они подвешены к небу на нитях, и это ощущение не проходило, пока они не касались земли. Будучи нелюдимым человеком, Ковальский все же любил сутолоку аэропорта. Он даже подумал о том, что, сложись его жизнь по-другому, он пошел бы сюда работать. Но он стал тем, кем стал, и возврата не было.

Его мысли вернулись к Сильви, и он погрузился в глубокую задумчивость. Это несправедливо, подумал он, что она умрет, а все эти парижские ублюдки будут жить. Полковник Роден рассказал

ему о них и о том, как они предали Францию. Они обманули Армию и уничтожили Легион, бросив народы Индокитая и Алжира на произвол террористов. Полковник Роден никогда не ошибался.

Объявили посадку на марсельский рейс. Ковальский прошёл через стеклянные двери на пышущую жаром бетонную полосу, где в ста метрах от выхода стоял самолет.

Со смотровой площадки за посадкой наблюдали два агента полковника Роллана. Теперь на поляке был черный берет, а к щеке был прилеплен кусок лейкопластыря.

Когда лайнер взмыл в небо, агенты спустились в холл и остановились у телефонной будки. Один из них набрал местный римский номер. Когда на другом конце провода подняли трубку, он представился и медленно произнес: "Он отбыл. Рейс "Алиталия" четыре пять один, посадка в Маринань в 12.10. Чао".

Через 10 минут сообщение поступило в Париж, а еще через 10 минут оно уже было в Марселе.

Самолет "Вискаунт" перепорхнул через ослепительно-голубую воду залива и развернулся для захода на аэропорт Маринань. Миловидная римская стюардесса, улыбаясь, проверила, пристегнуты ли ремни безопасности, и затем села в

свое кресло позади салона. Она обратила внимание на пассажира в кресле перед собой, взгляд которого замер на сияющей белесой пустоте Роун Дельты. Это был большой неуклюжий мужчина. Он с акцентом говорил по-французски и совсем не понимал итальянский. Родом из Восточной Европы, если судить по акценту, подумала стюардесса. Увалень был в черном берете, зеленом мятом костюме и темных очках. Огромный кусок лейкопластыря скрывал половину его лица.

Самолет сел точно по расписанию и подрулил к зданию аэропорта. Пассажиры прошли в зал таможенного досмотра. Пока они проходили сквозь стеклянные двери, лысый человечек, стоявший рядом с одним из таможенников, незаметно тронул того за рукав.

- Большой парень, черный берет, лейкопластырь.

Такое же указание он дал другому таможеннику. Пассажиры разделились на два потока перед таможенным барьером. Позади решеток по бокам прохода друг против друга сидели двое полицейских и смотрели на пассажиров, заполняющих пространство между ними. Каждый пассажир предъявлял паспорт и посадочный талон. Офицеры были из секретной службы DST,

за государственною безопасность внутри страны. В их обязанности также входила проверка въезжающих иностранцев и возвращающихся из-за границы французов.

Когда появился Ковальский, человек в голубом мундире позади решетки едва ли обратил на него внимание. Он поставил печать в посадочный талон и, кивнув, разрешил Ковальскому двигаться дальше.

Почувствовав облегчение, тот прошел по направлению к таможенному барьеру. Несколько чиновников уже получили инструкции от маленького лысого человечка, который к этому времени уже растворился в офисе со стеклянным фасадом. Старший таможенник обратился к Ковальскому, показывая в сторону остальных пассажиров, ожидавших свои чемоданы у ленточного конвейера:

- Мсье, ваш багаж.

Ковальский нагнулся к таможеннику:

- У меня нет багажа.

Тот поднял брови.

- Нет багажа? А есть ли у вас что-либо для заявления в декларации?

- Нет, ничего, - ответил Ковальский.

Чиновник дружелюбно улыбнулся:

- Хорошо, проходите, мсье, - сказал он и показал в сторону стоянки автомобилей. Ковальский кивнул и направился к выходу.

Через некоторое время он уже ехал в автобусе по направлению к городу. Когда он исчез из виду, несколько таможенников собрались вокруг старшего.

- Интересно, что они хотят от него, - поинтересовался один.

- Он похож на мрачного педераста.

- Это сейчас. Я посмотрю на него, когда эти ублюдки им займутся, - вставил третий клерк, кивнув головой в сторону расположенного позади них офиса.

- Давайте, за работу! - оборвал их старший. - Сегодня мы уже послужили Франции.

- Ты имел в виду Большого Шарля[16], - бросил первый, когда они расходились, и добавил сквозь зубы: - Да сгноит его господь!

Был уже полдень, когда автобус остановился перед офисом авиакомпании "Эйр Франс" в самом центре города. Здесь было даже жарче, чем в Риме. Август в Марселе имеет свои особенности. Однако все они таковы, что лишь могут поверг-

---

[16] Примечания: 16
Шарль де Голль.

нуть человека в уныние.

Жара обволакивала город и была сравнима лишь с болезнью. Она закрадывалась в каждый орган, каждую клетку, отбирая силы, энергию, желание что-либо делать, разве что мечтать о прохладной комнате с закрытыми жалюзи и работающим на полную мощность вентилятором. Даже улица Каннабьер, обычно шумная и суматошная артерия Марселя, превращающаяся в море света и движения с наступлением темноты, теперь была пустынна. Полчаса Ковальский пытался поймать такси: большинство машин стояло в тенистых местах парка, а их водители наслаждались сиестой.

Дом, который указал в адресе Йойо, находился на главной дороге за городом в направлении Кассе. На Авеню де Либерасьон Ковальский попросил водителя высадить его, сославшись на желание пройти оставшееся расстояние пешком. Водительское "как угодно" в ответ было гораздо выразительнее, открытого текста по поводу того, что он думает об этих иностранцах, выражающих желание прогуливаться по такой жаре несколько сот метров, когда к их услугам имеется такси.

Ковальский проследил взглядом, как такси разворачивалось в сторону города, и двинулся в

нужном направлении лишь тогда, когда машина скрылась за горизонтом. Он нашел улицу, название которой было записано у него на клочке бумаги, справившись у официанта, трудившегося в придорожном кафе. Дома выглядели еще совсем новыми, и Ковальский подумал, что Йойо, должно быть, сделал хороший бизнес на своей тележке, торгуя продуктами на вокзале.

Может, у них сейчас даже целый киоск, на который мадам Йойо давно положила глаз. Дела, наверно, идут неплохо. К тому же, для Сильви было бы гораздо приятнее вырасти здесь, чем среди доков. При мысли о дочери Ковальский на мгновение остановился у ступеней многоквартирного дома. Что там Йойо говорил по телефону? Неделя... Может, две...

Он взбежал по лестнице, немного задержался перед двойным рядом почтовых ящиков на стене холла. "Гржибовский, квартира 23" - было написано на одном из них.

На 2-м этаже все двери были одинаковые. На двадцать третьей квартире, рядом со звонком, в специальное отверстие была вставлена карточка с напечатанной фамилией Гржибовского. Дверь находилась в конце коридора, между 22-й и 24-й квартирами. Ковальский позвонил. Дверь откры-

лась, и в образовавшееся отверстие на голову легионера вдруг обрушился страшной силы удар, нанесенный рукояткой ледоруба.

Удар рассек кожу, но отскочил от кости с глухим звуком. Двери соседних квартир распахнулись, и оттуда выскочили люди. Все это произошло меньше чем за полсекунды.

Ковальский взорвался. Хотя он и был тугодумом, однако одно дело он знал в совершенстве. Он умел драться.

В тесном пространстве коридора его рост и сила были бесполезны. Сквозь кровь, заливающую глаза, он определил, что впереди него было двое и еще четверо находились по сторонам. Ему нужно было пространство, чтобы драться, и он бросился напролом в квартиру 23.

Человек, стоявший перед ним, был отброшен назад. Двое бросились к Ковальскому сзади, пытаясь ухватить за воротник. Внутри комнаты он выхватил свой кольт, развернулся и выстрелил в сторону дверного прохода. В этот момент другой верзила, находившийся в комнате, навалился ему на руку, сбивая цель.

Пуля попала в коленную чашечку одного из противников. Тот слабо охнул и обмяк. Пистолет был выбит из руки Ковальского, когда ему был

нанесен второй удар по кисти. Секундой позже пятеро оставшихся бросились на поляка. Вся схватка длилась три минуты. Позже доктор скажет, что Ковальский отключился только после того, как ему было нанесено несколько ударов по голове свинцовой дубинкой, обтянутой кожей. Часть одного уха была оторвана тяжелым ударом, нос был сломан, а лицо было похоже на уродливую маску темно-красного цвета.

Большую часть схватки Ковальский провел механически. Дважды поляку почти удалось дотянуться до пистолета, но кто-то ногой отбросил его в дальний угол комнаты. Когда наконец бесчувственное тело рухнуло на пол, лишь трое из его противников оставались на ногах.

Они надели на поляка наручники и отступили, тяжело дыша. Огромное тело лежало без движения, и только струйка крови, вытекающая из раскроенного черепа, говорила о том, что он все еще жив. Человек с простреленным коленом скорчился у стены рядом с дверью, прижимая блестящие от крови руки к своей изуродованной ноге. Он был бледен, монотонные ругательства вырывались сквозь посеревшие от боли губы. Другой стоял на коленях, медленно раскачиваясь взад-вперед, обхватив руками изувеченный пах.

Еще один лежал недалеко от поляка, выразительный синяк красовался на его левом виске, куда угодил кулак Ковальского.

Главный в группе перекатил Ковальского на спину и оттянул ему веко. Затем подошел к телефону у окна, набрал местный номер, все еще тяжело дыша.

Когда взяли трубку, он сказал человеку на том конце: "Мы взяли его... Дрался? Конечно, дрался, черт его побери... Он выпустил одну пулю, Герини лишился коленной чашечки. Канетти получил по яйцам, а Виссар вырубился... Что? Да, поляк жив, таков ведь был приказ? Иначе он не натворил бы столько... Да, ему тоже досталось. Не знаю, он без сознания... Нет, подкрепление уже не нужно. Лучше пришлите пару машин скорой помощи. Да побыстрее", - и бросил трубку.

- Скоты, - пробормотал он ни к кому не обращаясь.

По всей комнате валялась разбросанная мебель, скорее сейчас похожая на дрова. Впрочем, она только для того и сгодится. Они считали, что поляк побежит назад по лестнице. Да и в соседней комнате не расставили мебели, а здесь мебель, черт ее побери, стала дополнительной трудностью. Ему самому в грудь угодило кресло,

брошенное Ковальским. Грудь ныла от боли. Чертов поляк, подумал он, эти педики в управлении ничего не сказали нам, что он из себя представляет.

Через пятнадцать минут два "Ситроена" скорой помощи подкатили к дому. Из одного вышел доктор и поднялся наверх. Он осматривал Ковальского пять минут. Наконец, задрав рукав его рубашки, он сделал инъекцию. Вошли двое санитаров, положили поляка на носилки и засеменили с ним к лифту. Доктор повернулся к раненому корсиканцу, который недобро смотрел в его сторону, лежа около стены в луже крови.

Доктор подошел к нему, убрал руки с колена, посмотрел на рану и присвистнул.

- Так. Морфий и госпиталь. Сейчас ты вырубишься. Здесь я больше ничем не могу тебе помочь. Но считай, малыш, твоя служба закончилась.

В вену вошла игла, и Герини разразился потоком ругательств.

Виссар сидел, прижав руки к голове, с безумным выражением в глазах. Канетти уже стоял, прислонившись к стене. Его тошнило. Двое коллег подхватили его под мышки и вывели из квартиры. Старший группы помог встать Виссару, а в

это время вторые носилки унесли безжизненное тело Герини.

Выйдя в коридор, старший последний раз оглянулся.

- Ну и бардак, - заметил доктор, стоящий рядом с ним.

- Местные власти позаботятся, - бросил старший. - Это их квартира.

С этими словами он закрыл дверь. Соседние квартиры были открыты, но там все было в нетронутом виде. Он закрыл обе двери.

- Соседей нет? - спросил доктор.

- Нет, - сказал корсиканец. - Мы заняли весь этаж.

В сопровождении доктора он помог Виссару, который все еще не мог прийти в себя, спуститься вниз по лестнице к ожидающим автомобилям.

Двенадцать часов спустя, после езды по дорогам Франции, Ковальский был доставлен в крепость в пригороде Парижа. Стены камеры были выкрашены в обычный белый цвет. Там и сям виднелись нацарапанные непристойности и молитвы. В камере было жарко и очень тесно, пахло карболкой, потом и мочой. Поляк лежал лицом вверх на узкой железной койке, намертво прикрученной к полу ножками. Кроме грязного

матраса и скатанного одеяла под головой, на койке ничего больше не было. Два тяжелых кожаных ремня обвивали ноги поляка, еще несколько - пояс, грудь и запястья. Ковальский был все еще без сознания, но дышал глубоко и неравномерно.

С лица была смыта вся кровь, на ухо и череп наложены швы. Полоска пластыря перекрывала нос, рот был приоткрыт, сквозь него со свистом пробивался воздух. Два передних зуба были сломаны. Все лицо было в кровавых потеках и синяках.

Сквозь густой покров черных волос на груди, плечах и животе были видны другие выразительные свидетельства драки, следы от кулаков, башмаков и дубинок. Тюремный врач закончил осмотр, выпрямился и положил стетоскоп в сумку. Он повернулся и кивнул человеку, стоящему позади него. Тот толкнул дверь, и они вдвоем вышли в коридор. Стражник захлопнул камеру и задвинул засов.

- Чем это вы его так стукнули... скорым поездом? - спросил доктор, когда они спускались по коридору.

- Понадобилось шесть человек, чтобы его взять, - ответил полковник Роллан.

- Неплохо поработали. Они чуть не убили его.

Если бы не его бычье здоровье, они бы его кончили.

- Да, это была драка! Все же, какие последствия для этого малого?

- Говоря обычным языком: возможен перелом правого запястья - мне не дали сделать рентген, если вы помните, плюс рассеченное левое ухо, череп и сломанный нос. Многочисленные порезы и кровоподтек, легкое внутреннее кровоизлияние, которое может дать осложнение и убить его или же разойдется само по себе. Он чертовски здоровый парень или, по крайней мере, был им. Меня больше всего беспокоит его голова. То, что у него сотрясение, - это без сомнения, а вот сильная или слабая форма - трудно сказать. Череп цел, хотя это и не заслуга ваших ребят. Просто у него башка как слоновая кость. Но у сотрясения могут быть очень серьезные последствия, если вы не оставите его в покое.

- Мне нужно задать ему некоторые вопросы, - заметил полковник, изучая кончик зажженной сигареты. Мужчины остановились. Кабинет доктора и выход находились в разных концах коридора. Врач с пренебрежением посмотрел на главу Службы "Действие".

- Это тюрьма, - сказал он тихо. - Да, она создана

для людей, угрожающих безопасности государства, но я все же доктор. И во всем, что касается здоровья заключенных, буду командовать я. Этот коридор,.. - он кивнул головой назад в направлении того места, откуда они пришли, - ваша вотчина. Мне ясно намекнули на то, что все это не мое дело и что у меня здесь нет права голоса. Но вот что я вам скажу: если вы начнете беседовать с ним, то этот человек, еще до выздоровления, учитывая ваши методы, может либо умереть, либо стать шизофреником.

Полковник Роллан выслушал горькие предсказания доктора, не поведя и бровью.

- Сколько ждать? - спросил он.

Доктор пожал плечами.

- Трудно сказать. Он может прийти в сознание завтра или через несколько дней. Но даже если он придет в сознание, он не готов к допросу в медицинском смысле недели две. По Крайней мере в том случае, если сотрясение легкое.

- Но есть же всякие лекарства, - пробормотал полковник.

- Да, есть. Но у меня нет желания прописывать их. Вы, вероятно, имеете доступ к ним, даже наверняка имеете. Но от меня вы их не получите. В любом случае, что бы он сейчас ни сказал, вряд

ли это будет представлять для вас интерес. Вероятнее всего, это будет бред. Его сознание сейчас скомкано. Оно может проясниться, а может и нет. Но если оно все-таки прояснится, это должно произойти само по себе. Лекарства, действующие на сознание, могут сделать из него идиота, который уже не понадобится ни вам, ни кому-нибудь другому. Скорее всего, он очнется через неделю. Вам нужно подождать.

После этих слов он повернулся на каблуках и отправился в свой кабинет.

Но доктор ошибся. Ковальский открыл глаза через три дня, 10 августа, и в этот день у него был первый и единственный допрос.

* * *

По возвращении из Брюсселя, Шакал еще три дня обдумывал последние детали своего предстоящего визита во Францию.

Имея в кармане водительские права на имя Александра Квентина Даггана, он отправился в Фанум Хаус, штаб-квартиру Автомобильной Ассоциации и приобрел международные водительские права на то же имя.

В комиссионном магазине, специализирующемся на товарах для путешествий, он купил

несколько кожаных чемоданов. В один из них он сложил одежду, которая в случае необходимости превратит его в пастора Пер Йенсена из Копенгагена. Он спорол этикетки с трех датских рубашек, купленных в Копенгагене, и пришил их на пасторскую одежду. Воротник наподобие собачьего ошейника и пасторскую манишку он купил в Лондоне, сняв с них английские этикетки. Эти вещи он уложил вместе с туфлями, носками, нижним бельем и темно-серым легким костюмом, который мог бы носить пастор Йенсен. В тот же чемодан вошли вещи американского студента Марти Шульберга: легкие туфли, носки, светлые брюки, теплые рубашки и нейлоновая куртка.

Подрезав с краю подкладку чемодана, он вставил между двумя слоями кожи, образующими жесткие стенки, паспорта двух пассажиров, одним из которых, возможно, он пожелает стать. Сверху легла датская книга по французским соборам, две пары очков, одна для пастора, другая для студента, два разных набора цветных контактных линз, тщательно завернутых в салфетку, и специальные препараты для окраски волос.

Во второй чемодан вошли: туфли, носки, рубашка и брюки французского производства, купленные им на парижском блошином рынке.

Там же разместились короткое пальто и черный берет. В подкладку этого чемодана он засунул фальшивые документы на имя Андре Мартена. Этот чемодан был частично пуст, поскольку сюда же Шакал планировал уложить набор стальных трубок, содержащих в себе полный снайперский комплект.

Третий чемодан, поменьше остальных, был наполнен вещами, принадлежащими Александру Даггану: туфли, носки, нижнее белье, рубашка, галстуки, платки и три элегантных костюма. Под подкладкой этого чемодана Шакал спрятал тысячу фунтов, которые он снял со своего счета по возвращении из Брюсселя.

Серый костюм был вычищен и наглажен, и теперь висел в стенном платяном шкафу. Во внутреннем кармане пиджака лежал его паспорт, английские и международные водительские права и бумажник со ста фунтами наличными.

В кейс он сложил принадлежности для бритья, пижаму, мочалку, полотенце, а также свои последние покупки - мешочек с гипсом, несколько мотков широкого бинта, полдюжины рулонов лейкопластыря, три упаковки обычного бинта, пару больших ножниц и тонкую тесьму. Кейс он не будет сдавать в багаж, решил Шакал, по своему

опыту зная, что во всех аэропортах мира ручная кладь обычно не досматривается.Подготовительная стадия была завершена. Костюмы пастора Йенсена и Марти Шульберга, он надеялся, были всего лишь мерой предосторожности, и к ней придется прибегнуть лишь в случае провала Александра Даггана. Документы же Андре Мартена были жизненно необходимы для реализации его плана, даже если другие ему и не понадобятся. В этом случае первый чемодан с вещами можно будет оставить в камере хранения после окончания работы. Андре Мартен и винтовка тоже, вероятно, будут оставлены после завершения дела. Въезжая во Францию с таким багажом, он рассудил, что обратно выедет с одним чемоданом и кейсом, не более того.

Итак, все было готово. Но прежде чем отправиться в путь, он должен был получить два письма. Одно - с телефонным номером в Париже, по которому он сможет получать необходимую информацию о последних изменениях в системе охраны Президента. Другим должно было быть письменное уведомление от господина Майера о том, что 250 тысяч долларов переведены на его номерной банковский счет в Цюрихе. В ожидании этих писем он проводил время, расхаживая

по квартире и пытаясь научиться естественно хромать. Через два дня англичанин был доволен результатами, достигнув такого уровня, что стороннему наблюдателю было бы трудно поверить в то, что на самом деле с ногой у него все в порядке.

Первое из писем прибыло утром 9 августа. Это был конверт с почтовым штемпелем Рима. В нем содержалось следующее сообщение: "Вы можете связаться с вашим другом по номеру МОЛИТОР 5901. Представьтесь словами "Это Шакал". Ответ - "Это Валми". Удачи".

Письмо из Цюриха пришло только утром одиннадцатого. Шакал широко ухмыльнулся, довольный тем, что, как бы ни повернулись дела, если, конечно, останется жив, - он уже разбогател на всю оставшуюся жизнь. Если же предстоящая операция закончится успехом, то он станет еще богаче. А в успехе у него не было сомнений. Шакал никогда не полагался на волю случая.

Остаток утра он провел у телефона, выбирая рейс, которым было бы предпочтительнее отправиться в Брюссель, и остановил свой выбор на самолете, вылетающем на следующее утро, 12 августа.

* * *

В подвале стояла тишина, нарушаемая лишь звуками тяжелого ритмичного дыхания пяти сидящих за столом мужчин. Перед столом стоял дубовый стул, к которому был привязан человек. При движении стул издавал металлический скрежет. Трудно было определить размеры помещения. В подвале находился единственный источник света, да и тот был сконцентрирован на человеке, сидящем на дубовом стуле. Это был стандартный светильник из тех, которые обычно используют для чтения. Однако в него была вставлена мощная лампа, от которой в изнурительной духоте комнаты становилось еще жарче. Подвижный колпак был установлен так, что свет падал прямо на стул, стоящий в трех метрах от стола.

Свет был так ярок, что большая часть подвала оставалась контрастно-черной. Лица сидящих за столом мужчин были неразличимы для узника. Чтобы увидеть допрашивающих, нужно было встать со стула и передвинуться в сторону так, чтобы рассеянный свет выхватил из тьмы их скрытые силуэты.

Но сделать этого узник не мог. Его лодыжки

охватывали широкие ремни, прижимая их к ножкам стула. Каждая из ножек имела крепления, с помощью которых тот наглухо привинчивался к полу. Руки были прихвачены ремнями к подлокотникам. Еще один ремень обвивал за пояс, а последний обхватывал волосатую грудь. В тех местах, где ремни соприкасались с телом, кожа была влажной от пота.

Поверхность стола была практически пуста. Единственным его украшением была узкая медная рукоятка, способная двигаться вперед-назад и вверх-вниз по небольшому вырезу на столе. Рядом находилась кнопка включения скрытого механизма. Правая рука человека, сидящего с краю, покоилась в непосредственной близости от пульта управления.

От стола отходило два провода - один от выключателя, другой - от контрольной панели по направлению к небольшому электрическому трансформатору на полу.

В правом дальнем углу подвала, за деревянным столом, лицом к стене сидел человек. Перед ним поблескивал слабый зеленый свет индикатора магнитофона, но катушки магнитофона не вращались.

Тишина подвала была ощутима почти физи-

чески. Все мужчины сидели в мокрых от пота рубашках. Стояла невыносимая вонь: ужасное сочетание запахов пота, металла, застоявшегося сигаретного дыма и блевотины. Но даже и этот, последний, запах, достаточно назойливый, перебивался еще одним, более сильным, безошибочно определяемый как запах страха и боли.

Человек, сидящий в центре, заговорил мягким, успокаивающим голосом:

- Послушай, мой маленький Виктор. Ты ведь все нам расскажешь. Возможно, не сейчас. Ты храбрый человек. Мы это знаем и отдаем должное твоему мужеству. Но даже ты не сможешь выдержать. Так почему же не рассказать нам? Ты думаешь, полковник Роден запретил бы тебе, будь он здесь? Нет, он приказал бы тебе все рассказать. Да он бы и сам все рассказал, чтобы мы не причиняли тебе неудобств. Ты же знаешь, здесь все в конце концов начинают говорить. Не так ли, Виктор? Знаешь, как они разговаривают? Никто не может держаться до бесконечности. Так почему же не сейчас? А потом - снова в постель. И спать, спать, спать... Никто тебе не помешает...

Человек, сидящий на дубовом стуле, поднял к свету избитое, блестящее от пота лицо. Глаза его были закрыты - то ли от света, то ли из-за

огромных темно-синих наплывов, оставшихся от ног корсиканцев. Некоторое время лицо было направлено на стол и на черноту перед ним. Наконец, рот открылся. Казалось, человек пытается что-то сказать. Изо рта отрыгнулся комочек непрожеванной пищи, и месиво по каплям стало стекать по матовой груди в лужицу блевотины, скопившуюся на коленях. Голова упала вниз и снова уперлась в грудь

Голос из-за стола начал снова:

- Виктор, послушай меня, ты стойкий человек. Мы все знаем эхо. Мы все уважаем это. Ты уже все доказал нам. Но даже ты не сможешь держаться дальше. А мы сможем, Виктор, мы сможем. Мы можем продержать тебя живым и в сознании много дней, недели. И никакого щадящего забвения. Имеются всякие лекарства, ты же понимаешь, надеюсь. С третьей степенью уже закончили. Надеюсь, пошло на пользу. Так почему бы тебе не поговорить? Мы же все понимаем. Мы понимаем, что значит боль. Но вот эти маленькие электродики - они не понимают, Виктор, просто не хотят понимать. Они только продолжают свое дело... Так будешь говорить, Виктор? Что они делают в этом римском отеле? Чего они ждут?

Крупная голова узника моталась из стороны в

сторону. Казалось, сквозь прикрытые ресницы глаза изучали два металлических зажима-крабика, сжимающие его соски, и один, более крупный, чьи зазубренные "челюсти" обхватывали головку пениса.

Тонкие белые руки говорящего лежали в круге света на столе и выглядели вполне миролюбиво. Он подождал еще немного. Наконец, одна из его холеных рук поднялась над столом - большой палец прижат к ладони, другие четыре широко расставлены.

Человек, сидящий рядом с электрической панелью, передвинул медную рукоятку вверх до цифры "4" и зажал выключатель между большим и указательным пальцами.

Холеная рука сжала пальцы - все, кроме указательного - и движением крайней фаланги изобразила нажатие курка. Во всем мире такой сигнал понимают без слов. Человек у пульта включил сеть.

С легким жужжанием маленькие металлические "крабы" с отходящими проводами ожили. Огромное тело сидящего в кресле выгнулось, подброшенное невидимой рукой. Ноги и запястья рванулись из сковывающих их ремней так, что показалось, будто ремни пройдут сейчас

сквозь тело. Глаза, ослепшие из-за раздувшейся плоти, восстали против природы, и стало видно, как мученически смотрят они в нависающий потолок. Рот открылся, будто в удивлении, и еще через секунду из него вырвался демонический рвотный поток...

Виктор Ковальский "сломался" в 16.10, и бобины магнитофона пришли, наконец, в движение.

Он начал говорить, или, скорее, бессвязно бормотать, а между всхлипываниями и вскриками раздавался тихий, монотонный голос человека, сидящего в центре стола:

- Почему они там, Виктор... в этом отеле?.. Роден, Монклер и Кассон... чего они боятся?., где они были, Виктор?., кого они видели?., почему они ни с кем не встречаются?.. Виктор... скажи нам, Виктор... почему Рим?., перед Римом... почему Вена, Виктор?., где в Вене?., какой отель?., почему они там были, Виктор?..

Наконец, Ковальский замолк. Его бессвязные звуки все еще записывались на магнитофон, пока он совсем не потерял сознание. Голос за столом некоторое время продолжал звучать еще более мягко, пока не стало ясно, что ответов больше не последует.

Человек в центре стола дал указание подчи-

ненным, и на этом допрос закончился.

Записанная пленка была снята с магнитофона и срочно отправлена на окраину Парижа, где находился офис Службы "Действие".

Ослепительный полдень, нагревший дружественно-притягательные парижские тротуары, сменился золотыми сумерками, а в девять на улицах зажглись огни. Вдоль берегов Сены, как обычно в такие летние ночи, прогуливались пары. Они шли, медленно потягивая вино вечернего света, смешанного с любовью и молодостью, вино, которое, как бы там ни было, никогда не будет одинаковым.

Кафе с открытыми террасами вдоль берегов Сены были полны шума и звона бокалов, приветствий и шутливых протестов, заигрывания и комплиментов, извинений и длинных признаний, то есть всего того, чем наполнены беседы французов и к чему примешивалось волшебство Сены в тот августовский вечер. Но в маленький офис рядом с Порт-де-Лила не проникала атмосфера уличной безмятежности. В кабинете находились трое. Они проработали все послеобеденное время и весь вечер. Один из них сидел рядом с магнитофоном, постоянно перематывая пленку в зависимости от приказов второго, на

голове которого были наушники. Брови человека в наушниках были сосредоточенно сведены к переносице, поскольку он пытался построить нечто связное из того бормотания, которое было записано на пленке. Между пальцами была зажата сигарета, от которой подымался едкий дым, разъедавший и без того слезящиеся глаза. Человек жестом показывал оператору те места, которые он бы хотел прослушать повторно, иногда по 6-7 раз прокручивая небольшой отрывок перед тем, как дать сигнал оператору перейти к следующему.

Третий, молодой светловолосый парень, сидел за пишущей машинкой, печатая под диктовку человека в наушниках. Вопросы, прозвучавшие в подвале крепости, можно было различить без труда. Ответы же доставляли гораздо больше хлопот. Запись разговора на печатной машинке велась в форме интервью, вопросы начинались буквой "В", ответы - с "О", причем последние были расчленены беспрерывным многоточием, где смысл произносимого терялся полностью.

Они закончили, когда стрелки часов приближались к двенадцати. Несмотря на открытое окно, воздух стал синеватым от клубов дыма.

Трое находившихся в кабинете утомленно

поднялись со своих мест и потянулись, чтобы размять ноющие, затекшие от долгого сидения члены. Один из них снял трубку телефона, попросил дать ему городскую линию и набрал номер. Человек в наушниках перемотал пленку. Сидевший за машинкой вынул последние листы, отделил их от копирки и стал складывать по экземплярам. Первый предназначался для полковника Роллана, второй будет отправлен в архив, а третий - на множительный аппарат для последующей раздачи начальникам отделов, если шеф сочтет это необходимым.

Звонок застал полковника Роллана в ресторане, где он ужинал с друзьями. Как обычно, он был элегантен, остроумен и галантен, а его холостяцкие комплименты в адрес присутствующих дам были высоко оценены уж если не мужчинами, то по крайней мере их супругами. Когда официант пригласил его к телефону, полковник извинился и вышел. Бросив в трубку только "Роллан", шеф Службы "Действие" подождал, пока его подчиненный на том конце провода назовет себя.

Затем полковник произнес пароль и узнал о том, что ремонт его машины закончен и она может быть доставлена хозяину в любое время. Роллан поблагодарил и возвратился за столик.

Через пять минут он вежливо извинился и откланялся, объяснив свой уход тем, что ему необходимо выспаться перед предстоящим тяжелым днем. Спустя десять минут он ехал в своей машине по шумным улицам города по направлению к тихому предместью рядом с Порт-де-Лила. В час он уже находился в своем кабинете и, сняв безукоризненный темный пиджак, заказал кофе и позвонил помощнику.

Первый экземпляр "исповеди" Ковальского он получил вместе с кофе. Первый раз он прочел 26 страниц досье быстро, пытаясь ухватить суть сказанного обезумевшим легионером. В процессе чтения нечто привлекло внимание полковника, он нахмурился, но продолжал читать не останавливаясь.

Второй раз он читал внимательнее, тщательно изучая каждый параграф. В третий раз он взял черный фломастер и стал читать еще медленнее, проводя толстые черные линии под словами и предложениями, относящимися к Сильвии, какой-то лейке, Индокитаю, Алжиру, Йойо, Ковачу, корсиканским ублюдкам, Легиону. Все это ему было понятно и совсем не интересно.

Многое из сказанного касалось Сильвии, часть - женщины по имени Джулия, ничего

не говорящему полковнику. Когда все это было подчеркнуто, признание, если бы оно было напечатано снова, не заняло бы больше шести страниц. Из этих оставшихся страниц он попытался выудить какой-нибудь смысл. Там был Рим. Три главаря жили в Риме. Ну, это он знал. Но почему? Этот вопрос задавался восемь раз. И все время, с небольшой разницей, ответ был один и тот же. Они не хотели быть похищенными, как это случилось с Арго в феврале. "Ну что ж, это понятно", - подумал Роллан. Получается, что он напрасно потерял время, затевая эту операцию с Ковальским? Одно слово легионер повторил дважды, вернее, пробормотал дважды при ответе на восемь раз повторенный вопрос. Это было слово "секрет". Была ли это часть прилагательного "секретный"? Но в их пребывании в Риме не было ничего секретного. Или же это существительное? Тогда какой секрет?

Роллан в десятый раз пробежал бумаги, затем вернулся к началу. Три человека из ОАС находятся в Риме. Они находятся там потому, что не хотят быть похищенными. Они не хотят быть похищенными потому, что владеют неким секретом.

Роллан иронично улыбнулся. В отличие от генерала Жибо он понимал, что Роден не скры-

вался бы в убежище только лишь из страха быть похищенным.

Итак, они владеют секретом. Каким секретом? Все это, вероятно, исходит из Вены. Три раза у Ковальского в речи встретилась Вена, хотя сначала Родену показалось, что это, вероятно, город Вьен, находящийся в двадцати милях к югу от Лиона. Но он не отвергал и предположения, что это именно австрийская столица, а не французский провинциальный городок.

У них состоялась встреча в Вене. Затем они уехали в Рим и спрятались там. Они боятся, что их похитят, поскольку они владеют неким секретом. Тогда этот секрет должен исходить из Вены.

Часы шли, чашка за чашкой он пил кофе. В пепельнице росла груда окурков. Еще до того как замызганные промышленные окраины Парижа, лежащие к востоку от бульвара Мортье, были подсвечены тонкой серой полоской рассвета, полковник Роллан уже знал, как он будет действовать.

Недоставало лишь некоторых деталей для воссоздания полной картины. Потеряны ли они безвозвратно, поскольку в три часа ночи ему сообщили о смерти Ковальского? Или же ответ был спрятан где-то в исковерканном тексте.

Роллан выписал обрывки некоторых фраз Ковальского, которые могли заключать в себе скрытый смысл.

Кляйст, человек по имени Кляйст. Будучи поляком, Ковальский произнес это имя правильно. У Роллана с войны сохранились кое-какие знания в немецком. Был ли это какой-то человек или название места? Он позвонил телефонистам и дал задание просмотреть венский телефонный справочник и определить, нет ли в нем лица или места под таким именем.

Ответ пришел через десять минут. В справочнике было две колонки Кляйстов, все - частные лица, а также два учреждения под этим именем: начальная школа для мальчиков Эвальда Кляйста и отель "'Пеншн Кляйст". Он продолжил чтение.

Было несколько упоминаний какого-то иностранца, к которому Ковальский, похоже, имел противоречивое отношение. Иногда он использовал слово bon, означавшее "хороший", в отношении этого человека; в других случаях он называл его facheur, то есть "вызывающий раздражение, досаждающий". Вскоре, после пяти часов утра, полковник приказал принести пленку и магнитофон и в течение часа прослушивал запись.

Выключив, наконец, магнитофон, он тихо, но выразительно выругался. Взяв ручку с тонким пером, он сделал несколько исправлений в записанном на бумаге тексте.

Ковальский не называл этого иностранца bon, он называл его blond, то есть не "хорошим", а всего-навсего лишь "блондином". А слово, сорвавшееся с изувеченных губ и записанное facheur, было на самом деле faucheur и означало "убийца".

С этого момента задача по составлению отдельных кусков упростилась. Слово "шакал", вычеркиваемое Ролланом при его упоминании в тексте и казавшееся ругательством, теперь приобретало новое значение. Это слово стало кодовым обозначением убийцы со светлыми волосами, который был иностранцем и с которым же трое из ОАС встретились в отеле "Пеншн Кляйст" в Вене за несколько дней до того, как залечь на дно в Риме.

Теперь Роллану становилось понятным, почему по Франции в течение последних восьми недель прокатилась волна ограблений банков и ювелирных магазинов. Блондину, кто бы он ни был, требовались деньги для того, чтобы выполнить работу для ОАС. Была только одна работа в мире,

которая требовала такого количества денег. И блондин вовсе не был призван для развязывания гангстерской войны.

В семь утра Роллан позвонил в отдел коммуникаций и приказал оператору передать срочное сообщение в офис французской секретной службы в Вене. Он делал это в нарушение инструкции, согласно которой Вена находилась в подчинении отдела R3 (Западная Европа). Затем запер в сейфе запись допроса Ковальского и сел составлять доклад, который был предназначен лишь для одного лица и был помечен грифом "совершенно секретно".

Он писал аккуратно, без сокращений, начав с подробного описания операции по захвату Ковальского, лично им разработанной, включая эпизод о возвращении бывшего легионера в Марсель, клюнувшего на подброшенную приманку, его захват агентами Службы "Действие", краткое упоминание о допросе, проведенном его людьми, и о сделанном Ковальским признании. Полковник счел необходимым включить сообщение о том, что при оказании сопротивления экс-легионер искалечил двух агентов, а также нанес серьезные ранения самому себе при попытке самоубийства и был впоследствии госпитализи-

рован. Именно там, лежа на госпитальной койке, он и сделал свое признание.

Остальную, главную, часть доклада Роллан посвятил собственно признанию и своим комментариям в связи с этим.

Наконец он закончил доклад; можно было немного расслабиться. Взгляд его упал на окно и скользнул по вызолоченным утренним светом крышам.

В управлении Роллан слыл человеком осторожным, не склонным к притягиванию фактов за уши. Он это знал и поэтому сочинил последний параграф доклада с особой тщательностью: "Расследование по установлению неопровержимых доказательств данного заговора продолжается. Однако в случае, если вышеизложенное найдет свое подтверждение в ходе расследования, описанный заговор, по моему мнению, является не чем иным, как наиболее опасным случаем подготовки террористов к покушению на жизнь Президента Франции. Если таковой заговор существует в реальности и если убийца, являющийся иностранным подданным и известный только условным именем "Шакал", в действительности привлечен для покушения на жизнь Президента и в настоящее время готовится к осуществлению

данной операции, мой долг состоит в том, чтобы предупредить Вас о чрезвычайном положении, которое, на мой взгляд, сложилось в этой связи к настоящему моменту".

Как обычно, полковник Роллан напечатал копию доклада сам, вложил в конверт скрепив личной печатью, надписал адрес и добавил: "передать лично в руки". В заключение он сжег написанные от руки листы, а пепел смыл в небольшом умывальнике, установленном в углу кабинета.

Закончив, он умылся. Вытирая лицо и руки, он взглянул в зеркало. На него смотрел человек, увы, уже немолодой. У него было узкое, неотразимое в юности и такое привлекательное для женщин в зрелости лицо. Теперь же оно начало терять свой прежний лоск, появился налет усталости и напряжения. Слишком много грустного опыта, слишком много двусмысленностей и тайной жизни, слишком много смертей, на которые ему же приходится посылать своих людей. Порой, даже оставшись в живых, они обречены на пытки в подвалах. На те самые пытки, без которых и его служба не обходится в своей практике. Всего этого у главы Службы "Действие" накопилось на гораздо более долгую жизнь, нежели на его

54 года. Под глазами обозначились и, кажется, надолго, два темных пятна, а элегантная седина на висках появилась словно снег в одночасье, без постепенного вкрадывания в волосы. Вдоль носа бороздами пролегли длинные морщины, закругляющиеся у углов рта.

"Еще немного, - подумал он, - и буду похож на вспаханное поле. Вот год закончится, и я выхожу из игры". Лицо изможденно глядело из зеркала. Усталость к недоверие? Возможно... Лицу виднее, чем рассудку. После стольких лет работы в этой системе у полковника уже не было пути назад. Человек остается самим собой до конца жизни. Сначала Сопротивление, затем тайная полиция, потом Секретная Служба и вот наконец Служба "Действие". Сколько людей кануло и сколько крови пролито за все эти годы? "Спросить бы свое отражение в зеркале", - подумал он. Все для Франции. А какое, спрашивается, Франции до этого дело? Лицо безмолвно смотрело из зеркала. Ответ был известен.

Полковник Роллан вызвал рассыльного и, ожидая его, заказал завтрак из яичницы, булочек с маслом, кофе с молоком и аспирин. У него нещадно болела голова. Явился рассыльный, он вручил ему пакет с печатью и дал указание.

Покончив с яичницей и булочками, он взял в руки чашечку кофе и подошел к окну, выходящему в город. Вдалеке он различил крыши и шпиль Нотр-Дам, а еще дальше, в горячем мареве, повисшем над Сеной, контуры Эйфелевой башни. Уже перевалило за девять утра, и, как обычно, в тот день город деловито принимался за работу, вполне вероятно, проклиная мотоциклиста в черной кожаной куртке, прорывающегося напролом с включенной сиреной сквозь транспортные пробки по направлению к Восьмому Парижскому округу.

От того, удастся ли предотвратить угрозу, описанную в послании, болтавшемся на боку мотоциклиста, зависело, будет ли у полковника работа, с которой он сможет к концу года спокойно уйти на пенсию.

Глава 9

Чуть позже Министр Внутренних дел сидел за столом в кабинете и мрачно смотрел из окна на внутренний двор своего ведомства. В дальнем конце находились кованые ворота, каждая половина которых была украшена гербом Французской Республики. За воротами простиралась площадь Бово, куда стекались потоки транспорта с авеню де Мариньи и пригорода Сан-Оноре, водоворотом вращаясь вокруг полицейского, стоящего в центре.

Площадь пересекали еще две дороги - Авеню де Миромесни и Рю де Сусэ. На них застыли выстроившиеся в ряд автомобили, ожидая команды полицейского. Казалось, он играет потоками машин, как матадор с быком, - спокойно, с достоинством, мастерством и неизменным апломбом, тем более эффектным в этом смертельно опасном заигрывании с парижским транспортом. Роже Фрей позавидовал упорядоченной простоте его работы и вызывающей уверенности, которая сопровождала все его движения.

Стоя у ворот министерства, двое жандармов

наблюдали за виртуозностью своего коллеги. За спиной у них болтались автоматы, и, глядя наружу сквозь двойные кованые ворота, защищавшие их от волнений внешнего мира, они ощущали некую эйфорическую уверенность в ежемесячном жаловании, продвижении по службе, да просто в месте под этим теплым августовским солнцем. Министр завидовал им, всей неусложненной простоте их жизни и амбиций.

Он услышал шорох бумаги за спиной и развернулся на вращающемся кресле к столу. Человек, стоявший перед ним, закрыл папку и положил ее на стол перед министром. Глаза их встретились. Тишину кабинета нарушало лишь тиканье позолоченных каминных часов и приглушенный шум с улицы Бово.

- Ну, что же вы думаете по этому поводу?

Комиссар Жан Дюкре, глава подразделения личной охраны Президента де Голля, был одним из ведущих специалистов страны по вопросам безопасности. В особенности, если это касалось безопасности первого человека страны. По этой причине он и занимал столь важный пост и, как оказалось, вполне заслуженно: шесть известных заговоров с целью убийства Президента де Голля были либо провалены в момент их исполнения,

либо раскрыты в ходе подготовки.

- Роллан прав, - сказал Дюкре, помедлив.

У него был ровный бесстрастный голос человека, подводящего черту под общими умозаключениями. Таким же голосом он мог сообщить свой прогноз об итоге предстоящего футбольного матча.

- Если его выводы подтвердятся, данный заговор может стать исключительно опасным. Архивы всех секретных служб безопасности Франции, вся сеть агентов и информаторов, внедренная в ОАС, - вся эта система будет работать на поиск иностранца, прибывшего в страну извне, работающего в одиночку, не поддерживающего контактов и не имеющего друзей. Этот человек - настоящий профессионал в своем деле. Как там у Роллана... - он склонился над последним листом донесения шефа Службы "Действие" и прочел вслух, - "...предупредить Вас о чрезвычайном положении, которое сложилось в этой связи к настоящему моменту".

Роже Фрей пробежал пальцами по коротко остриженным седым волосам и снова повернулся к окну. Его нелегко было вывести из равновесия, однако в это утро 11 августа он был явно озадачен. За многие годы преданного служения делу

Шарля де Голля он завоевал репутацию человека с твердым характером, скрывающегося под внешней светлостью и интеллигентностью, что помогло Роже Фрею занять министерское кресло. Ярко-голубые глаза его бывали то теплыми и приветливыми, то расчетливыми и холодными.

Все внешние достоинства министра - его мужественное лицо и прекрасная фигура - служили не только хорошим подспорьем в продвижении по служебной лестнице, но и являли собой неотразимый аргумент для женщин, ищущих покровительства облаченных властью мужчин.

В прежние времена, когда голлистам приходилось бороться за выживание против американской неприязни, британского безразличия, жирордистских амбиций и коммунистической свирепости, он научился достигать целей в упорной борьбе.

Сторонникам де Голля удалось-таки добиться своего, и дважды за восемнадцать лет этот человек возвращался из изгнания и забвения, чтобы занять главный пост во Франции. За последние два года борьба возобновилась, в этот раз, именно против тех, кто восстановил де Голля у власти - против армии. Еще несколько минут назад министр полагал, что подходило к концу заклю-

чительное сражение и враги ретируются, осознав бессилие и беспомощность своей ненависти.

Теперь он понимал, что ошибся. Тощий фанатичный полковник, находящийся в Риме, разработал план, который может разрушить, как карточный домик, с таким трудом возведенное здание. Есть страны, в которых общественные институты обладают достаточной долей стабильности, чтобы без разрушительных потрясений и трансформаций пережить смерть президента или отречение короля, как продемонстрировала Британия двадцать восемь лет назад и как продемонстрирует Америка еще до конца года. Во Франции шестьдесят третьего все строилось по-другому, и Роже Фрей не питал иллюзий относительно того, что смерть Президента не выльется в военный переворот, а впоследствии - в гражданскую войну.

- Я думаю, - сказал наконец он, все еще продолжая смотреть во двор, - мы должны сказать ему.

Полицейский не ответил. Одно из преимуществ его положения заключалось в том, что он исполнял работу, а стратегические решения оставлял за теми, кто получал за это деньги. К тому же ему совсем не хотелось записываться в ряды добровольцев, желающих сообщить эту новость

Президенту.

Министр повернулся:

- Хорошо. Спасибо, комиссар. Я постараюсь сегодня встретиться с ним. - Его голос был сух и решителен. Он понимал, что необходимо что-то предпринять. - Нет нужды напоминать, что все должно оставаться в тайне, пока Президент не примет решение о дальнейших действиях.

Комиссар Дюкре поднялся, спустился по лестнице и вышел из здания. Он пересек площадь и зашел в ворота Елисейского Дворца. Оставшись один, Министр Внутренних дел подвинул себе папку и снова углубился в чтение.

Он не сомневался, что предположения Роллана верны, да и Дюкре в своем молчаливом согласии не оставил ему места для маневра. Опасность - весьма серьезная - действительно существовала, от нее никуда не деться, и Президент должен знать об этом.

Неохотно он пробежал пальцами по клавишам внутренней телефонной связи и проговорил в переговорное устройство:

- Соедините меня с главным секретарем Елисейского Дворца.

Через минуту звякнул красный телефон рядом с переговорным устройством. Министр поднял

трубку, помедлив секунду.

- Месье Фокар к вашим услугам, - услышал он голос секретарши.

Еще одна небольшая пауза, и в трубке зазвучал обманчиво мягкий голос одного из самых могущественных людей Франции. Роже Фрей вкратце объяснил причину своего звонка.

- Как можно быстрее, Жак... Да, я знаю, что тебе нужно некоторое время. Я подожду. Позвони мне как только сможешь.

Тот позвонил через час. Встреча была назначена в четыре пополудни, сразу же по окончании послеобеденного отдыха Президента. На несколько секунд министра охватила волна протеста по поводу такого пренебрежения со стороны Президента. Он взглянул на бумаги и подумал, что сиеста могла бы подождать, однако вслух ничего не сказал, подавив возникшие эмоции. Как и любой человек из окружения де Голля, он понимал неразумность вступления в спор с человеком, имевшим помимо свободного доступа к Президенту еще и личную картотеку с весьма специфической информацией, о которой ходило больше слухов, чем подлинных сведений.

* * *

В тот же день, без двадцати четыре Шакал вышел из ресторана Каннингем на Керсон-стрит - одного из самых изысканных и дорогих из всех, специализирующихся на приготовлении блюд из даров моря Возможно, это его последний обед в Лондоне в ближайшее время, размышлял Шакал, сворачивая на Саут Адли-стрит. Такое событие стоило отметить.

* * *

В это самое время черный "Ситроен ДС 19"выехал из ворот Министерства Внутренних дел Франции на Пляс Бово. Полицейский в центре площади, предупрежденный знаком коллег у ворот дворца, остановил движение транспорта с прилегающих улиц и вытянулся, отдавая честь проезжающим машинам.

Проехав метров сто, лимузин свернул в сторону каменного серого портала Елисейского Дворца. Жандармы, стоявшие на страже, уже были предупреждены. Движение было остановлено, и машина без лишних помех вкатилась в удивительно узкие ворота. Два республиканских

гвардейца, стоявшие у своих будок по сторонам портала, взяли под козырек, и машина въехала во двор. Перед внутренней аркой машина затормозила, дежурный офицер - один из сотрудников Дюкре - заглянул в салон и, кивнув министру, дал знак опустить на землю цепь, висевшую поперек арки. Далее, за площадью, посыпанной темным гравием, находилось здание дворца. Робер, водитель министра, повернул направо и повел машину по кругу против часовой стрелки, остановившись у основания массивных гранитных ступеней у входа во дворец.

Дверцу машины открыл швейцар в черной посеребренной ливрее. Министр вышел из лимузина и взбежал по ступенькам наверх, где его встретил старший швейцар. Министр сухо поздоровался и проследовал за ним. Некоторое время им пришлось подождать в вестибюле, стоя под большим канделябром, подвешенным на длинной позолоченной цепи к высокому сводчатому потолку. Швейцар подошел к телефону и с кем-то переговорил. Положив трубку, он повернулся, коротко улыбнулся министру и проследовал своей величественной неторопливой походкой влево по коридору.

На втором этаже они прошли небольшую

площадку, с которой можно смотреть на расположенный внизу холл, и остановились перед дверью слева. Стоявший у входа служащий мягко постучал, и оттуда послышалось приглушенное "войдите".

Служащий плавно открыл дверь и отступил, давая министру войти в комнату, называющуюся Салон де Ордонанс. Когда Роже Фрей оказался внутри, дверь за ним бесшумно закрылась, и он услышал шаги удаляющегося швейцара.

Из огромных южных окон вливалось солнце, окутывая своим жаром ковер, устилающий пол комнаты. Одно из французских окон высотой во всю стену было открыто, и сквозь него доносилось воркование голубей. К нему примешивался приглушенный звук транспорта с Елисейских полей, на пути которого встала великолепная летняя листва окружающих дворец деревьев. Всякий раз, попадая в южные комнаты этого здания, Фрей, всю свою жизнь проведший в городе, обманывался этим ощущением удаленности, и ему казалось, будто он оказался в небольшой деревушке, затерянной в глубине страны. Шум машин, доходивший до северных комнат дворца из пригорода Сан Оноре, здесь был всего лишь воспоминанием. Насколько он знал, Президент

обожал природу. Адъютантом де Голля в этот день был полковник Тесье. При появлении Роже Фрея он, поднялся из-за стола.

- Господин министр...

- Полковник... - мсье Фрей движением головы показал в сторону двойных дверей с позолоченными ручками. - Меня ожидают?

- Конечно, господин министр. - Тесье пересек комнату, коротко стукнул в дверь, открыл одну половину и остановился у входа.

- Министр Внутренних дел, господин Президент.

Изнутри послышался какой-то едва различимый звук, очевидно, приглашение войти. Тесье повернулся к министру, улыбнулся, и тот прошел в личный кабинет Шарля де Голля.

Всякий раз, попадая сюда, он думал о том, что не найти ни одной детали обстановки этой комнаты, которая бы не свидетельствовала о характере человека, в ней обитавшем. С правой стороны находились три высоких окна, наподобие тех, что были в приемной. И здесь одно из окон было открыто, и также ворковали голуби, правда, несколько тише.

Где-то за окном, внизу, под липами и березами прятались незаметные люди с автоматическими

винтовками: настолько высокие профессионалы в стрельбе, что попадали в тузовую метку на карте с двадцати шагов. Но и им не позавидуешь, попадись они на глаза Президенту, когда тот выглядывает из окон второго этажа. Если он узнавал о предпринимаемых по его охране мерах или если эти меры случайно нарушали его уединение, гнев Президента уже стал во дворце легендарным и был направлен зачастую против тех людей, которые были готовы защищать его с фанатичным бесстрашием. Это был один из самых тяжелых крестов Дюкре, и никто не завидовал ему, поскольку у человека, которого он был призван обезопасить, все формы личной защиты вызывали лишь негодование и непонимание.

Слева, где у стены стоял застекленный шкаф с книгами, расположился стол времен Луи XV, на котором находились не менее старинные часы. Пол был устлан ковром Савонери[17], изготовленным на королевской ковровой фабрике в 1615 году. Президент когда-то рассказывал ему, что эта фабрика сначала была мыловаренной мастерской, и с тех пор это имя прикрепилось к выпускаемым коврам.

---

[17] Примечания: 17
SAVON - мыло *(фр.)*

В комнате не находилось ничего, что не несло бы в себе некоего достоинства, что не служило бы примером величия Франции, но, вместе с тем, было достаточно простым. Это, по мнению министра, относилось и к человеку, сидящему за столом, поднявшемуся поприветствовать Фрея в своей обычной безукоризненно вежливой манере.

Министр вспомнил, как Гарольд Кинг, старейшина британского журналистского корпуса в Париже и единственный представитель англосаксонской расы, являвшийся другом Шарля де Голля, однажды заметил* ему, что по своим манерам Президент скорее человек 18-го, нежели 20-го века. И с тех пор, встречая де Голля, министр всякий раз пытался представить его высокую фигуру, облаченную в шелковые и парчовые одежды, выделывающую свои приветственные "антраша". Фантазия ему не удавалась, хотя связь была явной. Но в то же время он не мог забыть несколько редких моментов, когда обычно спокойный и уравновешенный Президент ругался самыми черными словами такой выразительной силы, что приводил в недоуменный ступор то свое окружение, то кабинет министров.

Роже Фрею было хорошо известно, что одним

из таких моментов, с большой долей вероятности вызывающих гнев Президента, был вопрос обеспечения безопасности государственных институтов Франции, главным из которых был сам Президент. Они никогда не встречались с глазу на глаз по данному вопросу, и многое, что делал Фрей в этом направлении, осуществлялось тайно. Когда он вспомнил о документе, лежащем в папке, и о той просьбе, с которой он пришел к де Голлю, министр едва не вздрогнул.

- Мой дорогой Фрей.

Высокая фигура в темно-сером костюме обошла вокруг огромного рабочего стола, рука протянута в приветствии.

- Здравствуйте, господин Президент. - Фрей пожал поданную руку. По крайней мере, хоть у Старика хорошее настроение. Де Голль пригласил министра сесть в один из двух стульев с высокой спинкой, стоящих перед столом. Они были обиты тканью Бово времен Первой империи.

Отдав дань вежливости, Президент вернулся на свое место по другую сторону стола и сел, слегка откинувшись назад. Обе руки он вытянул к столу, положив на него лишь кончики пальцев, напоминая пианиста, приготовившегося к игре.

- Мой дорогой Фрей, мне сказали, что вы хотите

видеть меня по чрезвычайно срочному делу. Ну и что же вы мне сообщите?

Министр глубоко вздохнул и начал рассказывать. Он кратко и четко изложил суть, понимая, что де Голль вряд ли оценит витиеватую ораторию, если только она не исходит из его собственных уст. В частной беседе Президент ценил краткость, что, к своему удивлению, обнаружили некоторые из его наиболее болтливых подчиненных.

По мере того, как Фрей говорил, лицо Президента становилось похожим на маску. Все более откидываясь назад и как бы увеличиваясь на глазах, он смотрел на министра. Взгляд его выражал горькое разочарование, будто один из самых верных слуг притащил в дом некое мерзкое существо. Министр, однако, понимал, что близорукость Президента мешает ему разглядеть выражение мины на лице самого Фрея, и сейчас, на расстоянии четырех метров, он был для де Голля всего лишь размытым цветным пятном. Свою близорукость Старик не выставлял напоказ и на всех церемониях, кроме чтения речей, очки старался не надевать.

Министр Внутренних дел закончил свой монолог, длившийся чуть более минуты. Он также

сообщил о мнениях Дюкре и Роллана но данному вопросу и закончил словами:

- Доклад Роллана - у меня в портфеле.

Не говоря ни слова, Президент протянул руку через стол. Фрей вытащил доклад и подал Президенту.

Шарль де Голль достал очки из наружного кармана пиджака, надел их, развернул папку и стал читать. Голуби перестали ворковать, как будто осознавали всю деликатность момента. Взгляд Фрея скользнул по деревьям за окном, потом перешел на медный настольный светильник. Это был настоящий Фламбо де Вермай времен Реставрации, прекрасно выточенный, со встроенной электрической лампочкой и за пять лет президентства де Голля проведший с ним тысячи ночных часов, освещая государственные бумаги, ложившиеся на этот стол.

Президент читал быстро. Через три минуты он поднял глаза и, положив поверх папки скрещенные ладони, спросил:

- И что же вы хотите от меня?

Роже Фрей еще раз глубоко вздохнул и принялся сжато излагать шаги, которые он намеревался предпринять. Дважды в свою речь он вставлял фразу: "По моему мнению, это было бы необхо-

димо, господин Президент, чтобы предотвратить угрозу..." На тридцать третьей секунде своего экскурса он было начал: "Интересы Франции..." - и тут же был прерван.

Президент стал говорить, начав с повтора последней фразы Фрея. Грассирующее "р" в голосе де Голля поднимало слово "Франция" на божественную высоту, высоту, которой прежде не удавалось достичь никому.

- Интересы Франции, мой дорогой Фрей, требуют того, чтобы Президент Франции не бегал по кустам от какого-то несчастного выродка и... - он сделал паузу, и презрение к неизвестному убийце угрожающе повисло в воздухе, - ... и к тому же, иностранца.

Роже Фрей понял, что проиграл. Генерал не вышел из себя, как ожидалось. Он говорил ясно и точно, как человек, ни в коем случае не желающий быть непонятым собеседником.

До полковника Тесье, сидевшего в приемной, доносились лишь обрывки фраз.

- Франция не потерпит... величие и достоинство... от какого- то шакала...

Через две минуты министр уже покидал кабинет Президента. Он сдержанно кивнул полковнику Тесье, прошел через Салон де Ордонанс

и вниз по лестнице, к вестибюлю.

"Вот, - подумал старший швейцар, сопровождая министра к ожидающему "Ситроену", - идет человек с какой-то чертовски серьезной проблемой в голове. Интересно, что это такое наговорил ему Старик." Но, будучи старшим, он сохранил бесстрастное выражение лица, такое же непоколебимое, как и фасад дворца, в котором он прослужил двадцать лет.

* * *

- Нет, так не пойдет. Президент высказался однозначно по этому вопросу.

Роже Фрей отвернулся от окна своего кабинета и повернулся к человеку, которому была адресована ремарка. Через несколько минут по возвращении из Елисейского Дворца он вызвал к себе начальника канцелярии, или, как его еще называли, начальника кабинета. Александр Сангинетти был корсиканцем. Это был человек, которому Министр Внутренних дел за последние два года делегировал большие полномочия по формированию определенной идеологии в рядах французских сил безопасности. Репутация Сангинетти складывалась из спектра противоречивых мнений, зависевших от того, какими политиче-

скими воззрениями и понятием концепции прав человека обладал его оппонент.

Крайне левые ненавидели и боялись его за непоколебимое участие в формировании 45-тысячных полувоенных формирований по подавлению мятежей с их нешуточной тактикой ведения боя при столкновении с уличной демонстрацией, по чьей бы инициативе она ни затевалась - левых или правых...

Коммунисты называли его фашистом. Вероятно, по той причине, что многие из его методов поддержания общественного порядка напоминали те, которыми пользовались в пролетарских раях по ту сторону железного занавеса. Крайне правые, тоже называемые фашистами левыми, ненавидели его в равной степени, приводя те же аргументы о подавлении демократии и гражданских прав, но более вероятно потому, что он с жестокой последовательностью осуществлял свои методы, предотвращая полный хаос, приведший бы к правому перевороту, якобы направленному на восстановление того самого порядка, которого Сангинетти с таким упорством добивался.

У простых французов он тоже не вызывал симпатий, поскольку драконовские указы, вы-

шедшие из его офиса, коснулись и их: шлагбаумы на улицах, проверка документов на всех основных магистралях и перекрестках, заграждения на шоссе и обошедшие всю прессу фотографии молодых демонстрантов, сбитых на землю дубинками боевиков из спецформирований. Пресса окрестила его "месье анти-ОАС", и вся, кроме немногочисленных голлистских изданий, облаяла его вдоль и поперек. Если какие-то эмоции и владели им от осознания статуса самого презираемого человека Франции, он все же умело управлял собой, скрывая их под маской безразличия. Его верховное божество помещалось в Елисейском Дворце, и внутри этой религии Александр Сангинетти чувствовал себя главой курии. Он пожирал глазами пухлую папку, лежавшую перед ним на столе, в которой находился доклад Роллана.

- Это невозможно. Невозможно. Я не понимаю его. Мы хотим защитить его жизнь, а он не позволяет нам сделать этого. Я бы из-под земли достал этого Шакала. Но вы говорите, нам запрещено предпринимать контрмеры. Что же нам делать? Ждать, пока он нанесет удар? Сидеть и ждать?

Министр вздохнул. Он ничего другого и не ждал от главы своего кабинета, но это не облегчало

задачу. Он снова сел за стол.

- Послушай, Александр. Во-первых, у нас нет абсолютной уверенности в том, что доклад Роллана содержит реальную информацию. Это его собственные заключения, сделанные из бреда этого... как его... Ковальского, который к тому же теперь мертв. Возможно, Роллан ошибается. В Вене все еще ведутся поиски. Я связался с Жибо, он ожидает ответ к вечеру. К тому же, затевать общенациональный поиск иностранца, известного лишь под кодовым именем, не совсем реально. В этом вопросе я готов согласиться с Президентом. Кроме того, я повторяю инструкции... нет, абсолютно определенные указания Президента. Повторяю для того, чтобы ни у кого из нас не было по поводу них разногласий. Никакой огласки, никакого общенационального розыска, никакого упоминания о поступившей информации вне узкого круга доверенных лиц. Президент считает, что если секрет выйдет из стен правительственных учреждений, пресса разойдется вовсю и другие нации только посмеются над нами, а любые предпринятые меры предосторожности будут восприняты как здесь, так и за границей забавным зрелищем, которое устроил Президент Франции, прячась от убийцы-одиночки, к тому

же иностранца.

- Он, я повторяю, этого не потерпит. Фактически, - министр выделил сказанное поднятым указательным пальцем, - он ясно дал понять, что если в результате работы над этим делом хоть какие-то детали или просто общая информация выплывут на поверхность, падут головы. Поверьте, мой друг, я никогда не видел его более решительным.

- А как же насчет общественной программы, - настаивал корсиканец, - ее, без сомнения, необходимо изменить. Он больше не должен появляться в общественных местах, пока не будет пойман этот человек. Он, несомненно, должен...

- Он ничего не отменит. Не будет никаких изменений, ни на час, ни на минуту. Все должно происходить в абсолютной секретности.

В первый раз со времени февральского покушения в Военной Академии, закончившегося арестом заговорщиков, Александр Сангинетти почувствовал себя отброшенным к тому, с чего начинал. В последние два месяца, сражаясь против волны банковских ограблений и лихих налетов, он позволил себе надеяться, что худшее уже позади. Корсиканец считал, что крах аппарата ОАС под воздействием двойных ударов - Служ-

бы "Действие" изнутри и его боевиков снаружи - сопровождается предсмертными судорогами Секретной Армии и последними конвульсиями, направленными на финансовое обеспечение беззаботной жизни в изгнании.

Однако последняя страница доклада Роллана свидетельствовала о том, что его огромная армия двойных агентов, внедренных в святая святых ОАС, была обойдена с фланга умелым маневром неприятеля, заключавшемся в анонимности убийцы, известного лишь трем лицам, которые к тому же находились в Риме и были для него недостижимы. Он понимал, что огромные архивы, содержащие досье на всех, кто хотя бы отдаленно был когда-либо связан с ОАС, в данной ситуации оказались бесполезны по одной простой причине: Шакал был иностранцем.

- Если нам запрещают действовать, что же нам тогда остается?

- Я не сказал, что нам запрещено действовать, - поправил Фрей. - Я сказал, что нам запрещено действовать публично. Все должно проходить тайно. Это оставляет нам лишь один выбор. Личность убийцы должна быть установлена скрытным расследованием, где бы он ни находился - во Франции или заграницей, - он должен

быть выслежен и уничтожен без колебания. Это, господа, единственный путь, открытый для нас.

* * *

Министр Внутренних дел обвел глазами чиновников министерства, давая всем почувствовать вес своих слов. Кроме него самого, на заседании присутствовали четырнадцать человек.

Министр стоял во главе стола, справа от него сидел глава кабинета, слева - Префект, политический руководитель полицейских сил Франции.

Справа от Сангинетти находились генерал Жибо, глава Службы Безопасности SDECE, полковник Роллан, шеф Службы "Действие" и автор доклада, копии которого лежали перед каждым из присутствующих. Далее, за Ролланом, сидели: комиссар Дюкре, начальник охраны Президента и полковник Сен-Клер де Вибан, состоявший в штате Елисейского Дворца, - фанатичный голлист, но не менее известный в окружении Президента как человек, равно фанатичный в удовлетворении своих жизненных амбиций. Слева от месье Мориса Пагона, Префекта полиции, сидели месье Морис Гримо, директор французской национальной уголовной полиции Сюрете Насьональ, и далее в ряд пять руководителей отделов Сюрете.

Сюрете Насьональ была излюбленной темой новеллистов, в романах которых она неизменно наголову разбивала все преступные силы. Однако на самом деле сама по себе СН была небольшим заведением со скромным штатом сотрудников, в подчинении которого находились пять криминальных отделов, выполнявших в действительности всю работу. Функции Сюрете были чисто административными. Так же, как и у Интерпола, имеющего не менее грозную репутацию, в ее штате не было ни одного детектива.

Следом за Морисом Гримо сидел человек, под чьим руководством находились все детективы и органы расследования Франции. Это был Макс Ферне, директор Судебной Полиции. Кроме огромной штаб-квартиры на набережной Ки де Орфевр, во много раз превосходившей по размерам штаб-квартиру Сюрете Насьональ, находившуюся на Рю де Сосэ, 11, за углом Министерства Внутренних дел, Судебная Полиция располагала семнадцатью региональными отделениями, по одному на каждый из полицейских участков метрополии. В них входило 453 районных отделения полиции, подразделяющихся на 253 окружных комиссариата, 126 местных полицейских постов и 73 центральных комиссариата.

Вся эта сеть охватывает две тысячи городов и деревень Франции. Это силы борьбы с преступностью. В сельской местности и вдоль шоссе более общей задачей по поддержанию порядка занимаются Национальная Жандармерия и дорожная полиция Жандарм Мобил.

Во многих районах жандармерия и агенты полиции располагались в одних и тех же зданиях и совместно распоряжались наличными техническими средствами, что зачастую увеличивало общую эффективность сил охраны порядка. Общее количество людей, находившихся в 1963 году под руководством Макса Ферне в Судебной Полиции, составляло 20 тысяч человек.

Слева от Ферне сидели руководители четырех отделов Сюрете: Отдела Безопасности Республики, BSR, Главного Статистического Ведомства, RG, Корпуса Республиканской Безопасности CRS и Отдела Территориального Надзора, DST.

Отдел Безопасности Республики занимался, в основном, защитой зданий, коммуникаций, шоссе и других государственных объектов от диверсий и повреждений. Главное статистическое ведомство являлось памятью всех остальных отделов; в его Пантеоне - главном архиве - хранилось четыре с половиной миллиона досье

на различных людей, попадавших в поле зрения французской полиции со дня ее основания. Архив располагался на полках общей длиной около восьми километров и составлялся либо по категории совершенного преступления, либо по именам. Содержались здесь и досье на оправданных и на свидетелей. Хотя в те времена система еще не была компьютеризирована, служба за несколько минут могла выдать информацию, скажем, о поджоге, случившемся десять лет назад в маленькой деревушке, или же имена свидетелей забытого судебного процесса, почти не освещенного в газетах.

Вдобавок, в нем хранились отпечатки пальцев всех, кто когда-либо проходил данную процедуру во Франции, включая и такие, чьи владельцы никогда не были идентифицированы. Там были и десять миллионов карточек на туристов, пересекавших границы Франции, и карточки всех иностранных постояльцев отелей вне Парижа. Эти карточки постоянно заменялись новыми, что диктовалось причинами чисто технического характера. Карточки же, заполнявшиеся в отелях Парижа, поступали не в RG, а в Префектуру полиции на бульварё дю Палэ.

Отдел Территориального Надзора был и явля-

ется по сути силой, борющейся.со шпионажем во Франции, а также отвечающей за безопасность французских аэропортов, морских портов и границ. Перед тем как перейти в архив, въездные карточки иностранцев вначале сортируются служащими DST в месте въезда с тем, чтобы сразу определить лиц, за которыми следует вести наблюдение.

Последним в основании овального стола, рядом с министром внутренних дел сидел глава 45-тысячных полувоенных формирований боевиков Александр Сангинетти, заслуживший себе такую шумную, но крайне отрицательную репутацию во Франции. Между Сангинетти и полковником Сен-Клером сидел еще один человек. Это был крупный, флегматичный мужчина, чья дымящаяся трубка раздражала находившегося слева полковника. Министр сам попросил Макса Ферне пригласить этого человека. Им был комиссар Морис Бувье, глава криминального управления Судебной Полиции.

- Таково наше положение, господа, - резюмировал министр. - Каждый из вас прочел доклад полковника Роллана. Как вы поняли, в интересах Франции Президент значительно ограничил наши действия по его защите от возможного

покушения. Я еще раз подчеркиваю, должна быть абсолютная секретность в проведении расследования и любой последующей акции. Ни с кем вне этой комнаты вы не должны ничего обсуждать, если только этот человек не будет посвящен в дело в ходе расследования. Я созвал вас всех потому, что рано или поздно нам придется прибегнуть к возможностям всех присутствующих здесь служб, и у вас, их руководителей, не должно быть никаких сомнений в важности стоящей задачи. Выполнение ее потребует вашего личного участия на всех этапах. Ни о какой передаче дела подчиненным не может быть и речи, кроме тех случаев, когда не требуется разъяснения сути.

Наступила пауза. Одни продолжали напряженно смотреть на министра, другие задумчиво обозревали лежащее перед ними досье. Комиссар Бувье рассеянно глядел в потолок, выпуская изо рта клубы едкого дыма. Он был похож на индейца, подающего условные сигналы. При выходе очередной порции дыма находившийся рядом полковник морщился.

- А теперь, - сказал министр, - я бы хотел услышать ваши предложения. Полковник Роллан, как с вашим расследованием в Вене?

Глава Службы "Действие" поднял голову от доклада, покосился на шефа секретной службы, но тот сохранял бесстрастное выражение лица. Генерал Жибо все утро пытался урезонить руководителя отдела R3 (Западная Европа) в том, что решение Роллана воспользоваться услугами его венского отдела было продиктовано необходимостью.

- Да, - сказал полковник, - сегодня днем нашими людьми в Вене проводилось расследование вокруг небольшого частного отеля "Пеншн Кляйст" в Брукнералле. У них с собой были фотографии Марка Родена, Рене Монклера и Андре Кассона. У нас не было времени передать фотографию Виктора Ковальского, которой не оказалось в венской картотеке.

Портье узнал двоих. Однако имен он вспомнить не мог. После вручения ему некоторой суммы денег он проверил книгу регистрации за 12-18 июня, до того дня, как три оасовца обосновались в Риме. Портье вспомнил лицо Родена как человека, зарегистрировавшегося под фамилией Шульц. Утром к нему приходили двое, и у них состоялась встреча. Эти двое приходивших, вероятно, Кассон и Монклер. Он не был абсолютно уверен, что видел их раньше.

Портье сказал, что они просидели в комнате целый день, кроме одного случая, когда Шульц и сопровождавший его гигант, которого он называл Ковальский, выходили куда-то на полчаса. Они ничего не заказывали и не спускались вниз к обеду.

- Заходил ли к ним этот пятый или нет? - нетерпеливо спросил Сангинетти.

Роллан продолжал, не меняя интонации:

- Вечером к ним заходил на полчаса еще один человек. Портье сказал, что запомнил его, потому что тот так быстро прошел к лестнице, что разглядеть его не было никакой возможности. Он еще подумал, что это один из постояльцев, забывший ключи. Портье лишь увидел его спину в пальто на лестнице. Правда, через некоторое время человек вернулся. Это был, несомненно, он. Портье узнал его по пальто.

Он воспользовался телефоном, стоящим на стойке, для чего попросил соединить его с комнатой Шульца, номер 64, произнес два предложения по-французски, положил телефон и снова поднялся по лестнице. Наверху он провел полчаса, затем покинул гостиницу. Через час после его ухода по отдельности вышли те двое, которые весь день просидели у Шульца. Шульц и его ве-

ликан переночевали в гостинице, а утром после завтрака выехали.

Портье мог дать лишь следующее описание вечернего визитера: высокий, неопределенного возраста, светлые, зачесанные назад волосы, черты правильные, хотя трудно сказать наверняка, поскольку на нем были большие темные очки. Он бегло говорил по-французски.

- Мы можем как-то попросить портье помочь составить слайдовый портрет блондина? - спросил Префект полиции Пагон.

Роллан покачал головой.

- Мои... наши агенты проводили опрос в форме венской полиции. К счастью, один из них вполне сходит за венца. Однако мы не можем бесконечно продолжать этот маскарад. Портье можно опрашивать только на рабочем месте.

- И тем не менее, мы должны получить более тщательное описание, - запротестовал руководитель статистического ведомства. - Было ли упомянуто какое-нибудь имя?

- Нет, - сказал Роллан. - Все, что вы сейчас слышали, было получено после трехчасового опроса. Каждый момент тщательно прорабатывался. Он больше ничего не помнит. Мы выжали из него все, что можно.

- А нельзя ли его выкрасть, как Арго, чтобы он составил слайдовый портрет здесь, в Париже? - осведомился полковник Сен-Клер.

Вмешался министр.

- Похищений больше не будет. Из-за этого случая мы все еще на ножах с Германским министерством иностранных дел. Такие вещи два раза не проходят.

- В таком серьезном деле исчезновение портье можно было бы устроить с большими предосторожностями, - предложил шеф DST.

- В любом случае сомнительно, - сказал тихо Макс Ферне, - что поможет слайдовый портрет человека, да к тому же - в черных очках. Представьте, каков он будет, если учесть, что видели убийцу всего-то каких-то двадцать секунд два месяца назад и при пустяковых обстоятельствах. Такие картинки могут быть похожи на тысячи людей и зачастую только сбивают с толку.

- Итак, кроме мертвого Ковальского, который сказал бы все, - что знал, а знал он немного, есть только четыре человека, знающих Шакала, - сказал комиссар Дюкре. - Первый - это он сам, остальные находятся сейчас в Риме. Не попробовать ли нам заполучить одного из них?

Министр снова покачал головой.

- Никаких похищений. Это мое окончательное решение. Итальянцы взбесятся, если такое приключится на Виа Кондотти. К тому же, у меня есть сомнения, что это осуществимо технически. Генерал?

Генерал Жибо поднял глаза и оглядел собравшихся.

- Объем и качество оборонительного щита, который себе воздвиг Роден и двое его приспешников, согласно сообщениям моих агентов, держащих их под постоянным наблюдением, полностью исключают такую возможность, - сказал он. - У них в охране восемь первоклассных легионеров. Или семь, если Ковальского еще не заменили. Все лифты, лестницы - обычные и пожарные, крыша - все охраняется. Понадобится завязать целое сражение и, скорее всего, с использованием автоматов и газовых гранат, чтобы взять живьем одного из них. И даже тогда шансы вывезти его из страны у нас будут минимальны - до Франции пять сотен километров, на хвост сядут итальянцы. У нас есть отличные эксперты в этом вопросе, одни из лучших в мире, и все они в один голос говорят, что такая операция с использованием коммандос практически невозможна.

Комната вновь погрузилась в тишину.

- Господа, есть еще предложения? - нарушил молчание министр.

- Шакала необходимо найти. Здесь все ясно, - ответил полковник Сен-Клер.

Некоторые из сидящих переглянулись.

- Да, здесь действительно все ясно, - пробормотал министр. - Так что же мы все-таки предпримем в рамках дозволенного?

- Вероятно, нам прежде всего необходимо определиться, какие из присутствующих здесь служб наиболее подходят для выполнения возложенной задачи.

- Последней инстанцией защиты Президента республики, - произнес с апломбом Сен-Клер, - является Корпус охраны Президента и его персонального окружения. Если даже все другие силы безопасности страны окажутся неэффективными, то, смею вас заверить, господин министр, мы выполним свой долг с честью.

Некоторые, большей частью настоящие профессионалы, прикрыли глаза с нескрываемой неприязнью. Комиссар Дюкре бросил на полковника такой взгляд, что если бы глазами можно было убить, то полковник свалился бы тут же замертво.

- Надо бы ему сказать, что с нами нет Старика,

- шепотом проговорил Жибо Роллану. - А то Сен-Клер об этом, видно, не догадывается.

Роже Фрей посмотрел прямо в глаза полковнику, демонстрируя всем своим видом, почему является министром он, а не посредник Елисейского Дворца.

- Полковник Сен-Клер абсолютно прав, конечно, - лелейно проговорил он. - Мы все выполним свой долг. И я думаю, полковник, вы понимаете, что ждет тех лиц, которые, будучи облечены доверием по раскрытию заговора, не оправдают его или же в ходе расследования применят методы, приведшие к разглашению тайны вопреки воле Президента.

Угроза повисла в воздухе еще более ощутимо, чем клубы дыма из трубки Бувье. Худое лицо Сен-Клера вытянулось, и в его глазах появилось беспокойство.

- Вы все знаете об ограниченных возможностях Корпуса охраны Президента, - просто сказал комиссар Дюкре. - Все наше время мы проводим в непосредственной близости от генерала де Голля. А расследование же должно быть более широкомасштабным, и мой персонал не сможет справиться с ним без нарушения своих основных функций.

Никто не высказался против. Все понимали, что все сказанное главой охраны Президента было абсолютной правдой. И потому каждый прятал глаза, боясь, что выбор министра падет на него. Роже Фрей оглядел стол и остановился на комиссаре Бувье.

- Что скажете, Бувье? Вы пока молчали.

Детектив вынул трубку изо рта, умудрившись на выдохе вновь окутать облаком дыма повернувшегося к нему Сен-Клера. Он заговорил спокойно, как человек, выкладывающий одну-две простые мысли, которые только что пришли ему в голову.

- Мне кажется, господин министр, что служба безопасности не может раскрыть этого человека с помощью своих агентов в OAC, поскольку даже в OAC практически никто не знает о нем. Служба "Действие" не сможет уничтожить его ввиду отсутствия четкой цели. DST не сможет перехватить его на границе, поскольку неизвестно, кого нужно ловить, а Статистический отдел не в состоянии предоставить нам какую- либо документальную информацию, поскольку неизвестно, какие документы искать. Полиция не сможет его арестовать, а CRS не сможет его выследить. Все структуры сил безопасности Франции беспомощны по причине

отсутствия имени. Поэтому я считаю, что первым делом необходимо найти это имя. С именем мы получим его лицо,с лицом - паспорт, с паспортом его самого. Найти это имя, причем найти тайно, - это чисто детективная работа.

Он снова замолчал, восстановив трубку между зубов. Каждый из сидящих переваривал сказанное. Никто не мог оспорить его слова.

- Комиссар, а кто же лучший следователь Франции? - тихо спросил министр.

Бувье поразмышлял несколько секунд и снова вынул трубку.

- Лучший детектив Франции - мой заместитель, господа. Комиссар Клод Лебель.

- Вызовите его, - сказал министр.

Часть вторая. АНАТОМИЯ ОХОТЫ

Глава 10

Начиная с того момента, как Клод Лебель - помощник Бувье и лучший детектив Франции - вошел в конференц-зал и сел между своим шефом и главой CRS, и далее, пока читал доклад Роллана, он чувствовал пристальное, изучающее внимание четырнадцати человек, сидящих за столом.

Уже закончив чтение, Лебель начал ощущать неясное, смутное беспокойство. Оно усилилось после того, как стал говорить Министр Внутренних дел. Его речь была краткой и не оставляла детективу никаких сомнений по поводу абсолютной необходимости выполнения стоящей задачи. Тон выступления ни в коей мере не напоминал обращение за советом. Это была строжайшая директива, приказ. Лебель получит все необходимое: помещение, неограниченный доступ к любой информации. В его распоряжение поступает весь потенциал всех спецслужб Франции. Лишь одно условие ставилось перед ним - абсолютная секретность при проведении расследования. Министр повторил это несколько

раз и для пущей убедительности подчеркнул, что указание это исходит от самого Президента.

По мере выступления министра беспокойство Лебеля стало трансформироваться в отчаяние. Они просили - нет, не просили, а требовали - невозможного. Начинать было не с чего. Преступление, как таковое, еще не было совершено. Ни улик, ни состава преступления еще нет и в помине. Нет и свидетелей, кроме трех оасовцев, окопавшихся в Риме. Есть лишь имя, причем кодовое, и целый мир для поисков этого человека.

Клод Лебель был известен как опытный полицейский. Благодаря своим качествам - усердию, методичности, рассудительности - он быстро двигался вверх по служебной лестнице. Однако для того, чтобы заслужить славу не просто добросовестного служащего, а блестящего детектива, этого было мало. Требовалось некое вдохновение, вспышки подсознательного проникновения в суть вещей. И хотя такое вдохновение посещало Лебеля лишь эпизодически, он ничуть не смущался, поскольку считал, что работа в полиции на девяносто пять процентов состоит из непривлекательных, рутинных опросов, проверок и перепроверок, утомительного плетения прочной сети неопровержимых улик, которую в конце

концов можно было бы набросить на преступника. Причем так, чтобы дело не только попало в газеты, но и привело к свершению правосудия.

В Судебной Полиции некоторые считали его флегматичным занудой, презирающим известность. Он ни разу в жизни не организовал даже подобия пресс-конференции - в отличие от многих своих коллег, сделавших себе на этом репутацию. И все же, ему как-то удавалось продвигаться вверх: преступления раскрывались, преступники оказывались в тюрьме, а Лебель - одной ступенькой выше на служебной лестнице. Когда три года назад освободилось место главы Отдела Расследования Убийств, даже те его коллеги, которые претендовали на это место, согласились, что Лебель - наиболее достойный кандидат. После занятия поста у него был прекрасный послужной список, поскольку за три года у детектива не было ни одного случая, когда бы он не смог выявить, задержать и предать суду виновника преступления. Лишь один-единственный раз задержанный обвиняемый был оправдан, да и то по чисто техническим причинам.

Будучи главой Отдела Расследования Убийств, он попал в поле зрения Мориса Бувье, начальника Уголовной Полиции. И поэтому, когда

несколько недель назад неожиданно умер Дюпуа, его прежний заместитель, именно Бувье рекомендовал Лебеля на этот пост. Кое-кто в Судебной Полиции поговаривал, что Бувье возьмет себе неприметного и непритязательного старикашку предпенсионного возраста, чтобы тот тихо копался в делах, никоим образом не ущемляя славы своего начальника. Однако эти "кое-кто" были к Бувье явно несправедливы.

После того как совещание закончилось, все копии доклада Роллана легли в сейф Министра Внутренних дел. Только Лебелю было разрешено оставить у себя одну. Единственная просьба детектива - предоставить ему возможность обратиться к руководителям криминальных служб крупнейших стран с целью получения сведений, если таковые имеются, о профессиональном убийце, похожем на Шакала. Без такого взаимодействия, подчеркнул Лебель, у него не будет ни одной ниточки, за которую можно было бы ухватиться.

"Можно ли быть уверенным, что эти люди будут держать язык за зубами?" - поинтересовался Сангинетти. На это Лебель ответил, что у него, как и у большинства полицейских Запада, существуют обширные личные связи с криминальными

службами других стран и он постарается провести данную операцию неофициально в рамках этих связей. Он был уверен, что люди, которых он знает лично, не подведут. После некоторого раздумья министр дал свое согласие.

Через несколько минут детектив уже стоял в холле, ожидая Бувье. Главы отделов и служб, выходя из конференц-зала, слегка кивали ему на ходу и удалялись, не удостоив большим вниманием. Некоторые снисходили до сочувствующей улыбки и пожелания "спокойной ночи". Одним из последних вышел аристократичный полковник из штата Елисейского Дворца. "Сен-Клер", - вспомнил Лебель. Тот остановился перед комиссаром и с плохо скрываемым пренебрежением произнес:

- Я надеюсь, мсье, что вы успешно проведете расследование. И, что не менее важно - быстро. Мы во дворце будем внимательно следить за вашими действиями. А уж если вы не справитесь с возложенной задачей и бандит не будет пойман, то смею вас заверить, последствия будут очень серьезные.

Произнеся последние слова, полковник повернулся на каблуках и стал спускаться по лестнице, ведущей в фойе. Лебель озадаченно проводил его глазами.

Одним из факторов, способствовавших становлению и успеху Лебеля как детектива было его умение располагать к себе людей. Это качество проявилось еще тогда, когда двадцать лет назад невысокий и неприметный молодой следователь поступил на работу в полицию Нормандии.

Конечно, ему недоставало внушительности Бувье, олицетворявшего собой само правосудие. В нем не было и красноречия следователей нового поколения, которые могли застращать подследственного до смерти. И все же Бувье вполне успешно обходился без всего этого в своей практике.

Он прекрасно осознавал, что большая часть преступлений совершается либо против, либо в присутствии так называемых "маленьких людей": лавочников, продавцов, почтальонов, мелких служащих. А как раз с этими людьми он и умел ладить.

Лебель напоминал карикатурного, затюканного женой коротышку-мужа, что отчасти и вызывало к нему расположение "маленьких людей", распознававших в детективе одного из себе подобных.

Одевался он неряшливо: мятый костюм и какой-нибудь поношенный плащ. Разговаривал так

мягко и без нажима, что порой казалось, будто он чувствует неловкость и некоторую вину за то, что человек оказывался у него на допросе. Это настолько резко контрастировало с манерой поведения других следователей, их отношением к свидетелям, что те невольно тянулись к Лебелю в поисках покровительства и защиты от грубости его подчиненных.

Но было в нем и нечто большее. Еще до того, как Лебель возглавил Отдел Расследования Убийств самой могущественной уголовной полиции в Европе, он десять лет проработал в прославленной Судебной Полиции. За его внешней мягкостью и простотой скрывались проницательный ум и бескомпромиссность. Бывали случаи, когда Лебелю угрожали наиболее опасные мафиози Франции. Они жестоко ошиблись, недооценив его при беглом знакомстве и посчитав, что их угрозы возымели действие. Лишь позже, оказавшись за тюремной решеткой, они могли поразмышлять о том, что же в действительности представляет собой этот человек с добрыми карими глазами и невыразительной внешностью.

Дважды его запугивали финансовые воротилы и власть имущие. Первый раз, когда некий промышленник после недобросовестной, беглой

проверки и с подачи ревизора задумал осудить одного из своих служащих за якобы причастность к хищениям на его предприятии. Второй раз на Лебеля нажали, когда он вел расследование по делу о смерти от наркотиков одной молодой актрисы.

В первом случае расследование определило, что сам же промышленник оказался замешан в крупных финансовых махинациях, в результате чего тому пришлось ретироваться при первом же удобном случае в Швейцарию.

Во втором деле выяснилось, что в смерти актрисы был замешан хозяин некоего светского салона. Ему надолго пришлось оставить Францию в поисках убежища в одном из государств, о котором он вряд ли до этого много слышал, обитая в своем особняке на Авеню Виктор Гюго.

Поэтому реплика полковника Сен-Клера, конечно, немного озадачила Лебеля, но никак не была способна повлиять на ведение расследования.

Появился Морис Бувье. Детектив услышал, как министр пожелал ему удачи, пожал на прощание руку и направился к лестнице. Бувье подошел к Лебелю и похлопал его по плечу.

- Таким вот образом, мой дорогой Клод. Эти бы часами толкли воду в ступе, если бы я не пред-

ложил передать это дело Судебной Полиции. Пойдем, поговорим в машине.

Он спустился первым, Лебель едва поспевал за своим шефом.

Было уже начало десятого, когда они сели в "Ситроен", ожидавший у входа, и выехали на Авеню де Мариньи. Лебель ехал молча, не в силах оторвать глаз от широкой светящейся реки Елисейских полей. Прошло вот уже десять лет, как он переехал в Париж из провинции, но это зрелище по-прежнему притягивало и восхищало его своей грандиозностью и великолепием.

- Я освобождаю вас от всех текущих дел, - сказал Бувье, - от всех. С завтрашнего дня ни одна бумага из того, чем вы занимались ранее, не должна находиться у вас на столе. Самые важные дела передадите Фавье и Малкосте. Вам нужен новый кабинет?

- Нет, я бы предпочел остаться в своем.

- Хорошо. Но с настоящего момента он становится штабом операции "Поиски Шакала". Все. Вам дать кого-нибудь в помощь?

- Да. Карона, - ответил Лебель.

Карон был молодым инспектором, знакомым Лебелю еще по их совместной работе в Отделе Расследования Убийств и которого детектив взял

с собой помощником начальника Криминальной Бригады Судебной Полиции.

- Согласен. Еще кого-нибудь?

- Нет, спасибо. Но Карону придется все рассказать.

Бувье задумался.

- Хорошо. Чудес не бывает, и вам без осведомленного помощника не обойтись. Но пока в течение часа-двух воздержитесь от посвящения Карона в это дело. Я позвоню Фрею и узнаю его мнение на сей счет. Больше никто не должен знать. Если хоть какая-то часть информации просочится, все это будет в газетах уже через пару дней.

- Никто, кроме Карона, ничего знать не будет.

- Прекрасно. И последнее. Сангинетти предложил информировать всех присутствовавших на сегодняшнем совещании о ходе расследования. Фрей с ним согласился. Ферне и я пытались оспорить это решение, но у нас ничего не вышло. Каждый день в министерстве в десять вечера вы будете докладывать о состоянии дел.

- Бог мой! - воскликнул Лебель.

- Теоретически, - саркастично заметил Бувье, - все мы можем надавать вам кучу советов. Впрочем, не беспокойтесь, Клод, я буду рядом и в

случае чего помогу, если эти волки начнут лязгать зубами.

- Сроки? - спросил Лебель.

- Вся пакость в том, что ни сроков, ни графиков у нас нет. Убийцу нужно найти раньше, чем он доберется до Большого Шарля, вот и все. Мы сами не знаем, что у этого черта на уме. Может быть, он уже наметил день, а может, и нет. Покушение может произойти завтра утром или через месяц. Поэтому расследование необходимо провести в кратчайшие сроки. По крайней мере установить его личность и местонахождение. Потом обо всем позаботятся ребята из Службы "Действие".

- Банда головорезов, - пробормотал Лебель.

- Это уж точно, - непринужденно подхватил Бувье, - но и они для кое-чего сгодятся. Мой дорогой Клод, мы живем в такое ужасное время, что волосы становятся дыбом. Возьмите рост обычной преступности, добавьте появление политической - картина получится удручающая. Что-то необходимо делать. Надо отдать должное, Служба "Действие" порой бывает незаменима. Ну, да бог с ними. Найдите убийцу - это все, что я жду от вас.

Машина свернула на Ки де Орфевр и въехала в ворота Судебной Полиции. Десятью минутами позже Клод Лебель уже находился в своем ка-

бинете. Он распахнул окно и выглянул наружу. Неторопливо несла свои воды Сена. За ней, на левом берегу расположилась набережная Великого Августина. Детектив мог легко различить смех и звон бокалов на той стороне, доносившиеся из открытых ресторанов, которыми изобиловал остров Сите.

Будь Лебель устроен немного по-другому, он бы вообразил себя самым могущественным полицейским Европы. Для этого у него имелись все основания. Никто, кроме Министра Внутренних дел и самого Президента не мог наложить вето на его решения или ограничить полномочия. Лебель мог бы привлечь даже армию, если бы при этом можно было сохранить секретность.

Еще детектив мог бы подумать, что многое в предстоящем деле будет зависеть от удачи; если она будет сопутствовать ему, то он увенчает свою карьеру небывалым успехом. В случае провала - падет под меч, как давеча ему зловеще предсказал Сен-Клер.

Но Лебель был скроен совсем по-другому. Ни о чем таком он не думал. Детектив размышлял, как бы объяснить своей жене Амели столь позднее возвращение с работы. В этот момент в дверь постучали.

Вошли инспекторы Малкосте и Фавье, чтобы забрать папки с четырьмя делами, которые еще каких-то пару часов назад Лебель перебирал, задержавшись на работе.

Когда коллеги вышли, забрав с собой его прежние заботы, и дверь за ними закрылась, Лебель тяжело вздохнул. В дверь снова постучали. На этот раз пришел Люсьен Карон.

- Только что звонил комиссар Бувье, - начал инспектор, - он приказал мне срочно явиться к вам.

- Да, да, проходи. До особого распоряжения меня освободили от всех обязанностей и поручили расследование одного весьма специфического дела. Тебя назначили моим помощником.

Лебель мог бы, конечно, польстить Карону, сказав, что он сам попросил, чтобы молодой следователь стал его правой рукой, однако это было не в его правилах. В этот момент зазвонил телефон, детектив снял трубку и услышал голос своего шефа. Через минуту он снова обратился к Карону:

- Итак, я только что получил разрешение комиссара Бувье, дающее мне возможность посвятить тебя в суть дела. Для начала прочти вот это.

Пока Карон знакомился с содержанием доклада Роллана, Лебель очистил свой стол от оставшихся

бумаг, свалив их на обшарпанные полки позади стола. Его кабинет, даже при беглом взгляде, совсем не напоминал мозговой центр самой большой охоты на человека, которая когда-либо разворачивалась во Франции. . Впрочем, полицейские офисы редко отличаются от обычной чиновничьей конторы, и его не был в этом смысле исключением.

Комната, где работал Лебель, была размерами три на три с половиной метра. С юга окна выходили на реку и далее на медовые соты Латинского квартала, громоздящегося вокруг бульвара Сен-Мишель. В помещении стояло два стола - один для Лебеля, рядом с окном, другой - для секретаря, у одной из стен. Дверь располагалась как раз напротив окна. Из другой мебели в кабинете имелись: кресло с высокой спинкой; вдоль стены - шесть шкафов серого цвета с папками, справочниками и разнообразной юридической литературой.

Единственным предметом, создававшим подобие домашней обстановки, была вставленная в рамку фотография, на которой была запечатлена мадам Амели Лебель собственной персоной - полноватая женщина с решительным лицом - и двое детей: девушка с хвостиками и в круглых очках,

а рядом подросток с такими же мягкими, как у Лебеля, глазами.

Карон закончил чтение и поднял голову:

- Дерьмо собачье, - сказал он с чувством.

- Дерьмо, какого свет не видывал, - поддержал его детектив, редко вставлявший в свою речь крепкие словечки. Сотрудники Судебной Полиции давно закрепили за своими непосредственными начальниками какие-нибудь прозвища, такие как "Патрон" или "Старик". За Лебелем же, вероятно, потому, что он редко пил что-либо крепче, чем апперитив, не курил, не ругался и многим молодым следователям напоминал своих бывших учителей, закрепилось имя "Профессор". Если бы он не был таким замечательным сыщиком, то уж точно носил бы прозвище похлеще.

- Тем не менее, - продолжал Лебель, - сейчас, пока у нас есть еще немного времени, я хотел бы посвятить тебя в детали.

В течение 30 минут детектив рассказывал Карону о событиях, последовавших за докладом Роллана; о визите Роже Фрея к Президенту, о совещании в министерстве и, наконец, о предложении Мориса Бувье поручить расследование Лебелю. Карон молча слушал своего шефа.

- Черт побери, - сказал он, когда Лебель закон-

чил. - Ну и задачку они вам подкинули!

На мгновение Карон задумался и взглянул на шефа. В его глазах была тревога и озабоченность.

- Мой комиссар, а вы знаете, почему дело поручили именно вам? Просто потому, что больше никто за него не брался. Знаете, что они сделают, если вам не удастся вовремя поймать этого типа?

Лебель кивнул с видом обреченного человека.

- Увы, я знаю. Ничего не попишешь. Мне поручили работу, и я должен ее выполнить.

- Да, но с чего начинать? Хоть убейте, не могу себе представить.

- Начнем с того, что у нас самые большие полномочия, когда-либо предоставлявшиеся полицейским во Франции, - быстро ответил Лебель, - так почему бы не использовать их. Итак, для начала садись за стол и давай-ка запишем кое-что. Первое - необходимо отправить в отпуск моего секретаря, в крайнем случае - перевести его на время в другое место. Отныне ты становишься и помощником, и секретарем. Из аварийных запасов принесешь раскладушку, простыни и все прочее, а также принадлежности для бритья. Нам понадобятся кофеварка, молоко, сахар и много, очень много кофе.

- Свяжись с отделом связи и зарезервируй за нами десять внешних линий и одного оператора. Если начнут трепыхаться, сошлись на Бувье. И вообще, если нам что-нибудь будет нужно, не церемонься. Ты знаешь, на кого ссылаться. Подготовь циркуляр, по одной копии для шефа каждой из служб, присутствовавших сегодня на совещании. В нем должны быть уведомления о том, что ты являешься моим единственным заместителем и обладаешь полномочиями затребовать от них все, что потребуется для проведения расследования.

- Записал?

Карон кивнул.

- Понятно, шеф. Я сделаю все это за ночь. Что в первую очередь?

- Коммутатор. Посади на наши линии самого толкового оператора. Если нужно, поднимешь с постели шефа Административной Службы.

- Хорошо. Какие услуги нам потребуются от телефонистов утром?

- Для начала пусть соединят с Отделом по Расследованию Убийств уголовных полиций семи стран. Запишите страны: Соединенные Штаты - Федеральное Бюро Расследований, Вашингтон; Англия - помощник начальника Уголовного от-

дела Скотланд Ярда; Бельгия, Голландия, Италия, Западная Германия, Южная Африка. Тебе необходимо будет организовать серию телефонных звонков по всем этим адресам из комнаты связи Интерпола завтра между семью и десятью часами утра, с интервалами в 20 минут. Предварительно свяжись с главами отделов по расследованию убийств этих стран и выясни у каждого, сможет ли тот быть у телефона в назначенное время для разговора со мной. Беседовать только лично, использовать ВЧ-связь. Предупреди их, что завтрашний разговор будет посвящен чрезвычайно важному и секретному делу. Подготовь список с очередностью звонков к шести утра.

Я же сейчас займусь проверкой данных в картотеке Отдела Расследования Убийств. Хотя, впрочем, сомневаюсь, что имя этого иностранца всплывет в наших архивных делах. Ну, да ладно. Тебе все ясно?

- Да, шеф. Я сейчас же приступлю к работе. - Карон потянулся к телефону.

Лебель вышел из кабинета и направился к лестнице.

Через несколько минут часы на соборе Нотр-Дам пробьют полночь, оповестив мир о том, что наступило 12 августа.

Глава 11

Полковник Сен-Клер приехал домой незадолго до полуночи. Последние три часа он посвятил составлению доклада о совещании в Министерстве Иностранных дел Утром этот документ ляжет на стол Главного Секретаря Елисейского Дворца.

Работа доставила полковнику немало хлопот. Он трижды переписывал свое сочинение, прежде чем сел печатать окончательный вариант. Расчет Сен-Клера был прост: несмотря на те неудобства, которые он испытал, отказавшись от услуг секретаря, он добился секретности (что, впрочём, он не преминул упомянуть в докладе) и завидной оперативности, что, как он надеялся, не останется незамеченным наверху. Было бы совсем неплохо, если бы доклад попал к Президенту этим же утром.

Полковник особо выделил свою озабоченность по поводу того, что столь важное дело, коим является обеспечение безопасности главы государства, было поручено комиссару полиции, человеку, привыкшему иметь дело с весьма недалекими преступниками.

Однако Сен-Клер не собирался заходить в своем скептицизме слишком далеко: этот Лебель ведь мог и поймать убийцу. Тем не менее, необходимо было, на всякий случай, дать знать соответствующим лицам о своем особом мнении по поводу решения провести расследование силами детектива из Судебной Полиции.

Поразмыслив, полковник сделал вывод, что наиболее удобным в этой ситуации было бы согласиться, по крайней мере, на первом этапе, с назначением Лебеля ответственным за поимку убийцы. В противном случае, у него могут спросить о конкретных причинах несогласия с общим мнением, прозвучавшим на собрании. С другой стороны, отразив в докладе свое колебание, он тем самым подчеркнул необходимость постоянного контроля со стороны секретариата Президента.

Его размышления были прерваны телефонным звонком. Это был Сангинетти, который чрезвычайно обрадовал Сен-Клера, сообщив, что министр принял решение каждый день, в 10 вечера, проводить совещание и заслушивать Лебеля о ходе следствия. Проблема решилась сама собой. Сен-Клер представил себе, как с помощью заранее подготовленных коварных вопросов

продемонстрирует присутствующим, что президентский секретариат не дремлет и делает все от него зависящее в сложившихся экстремальных условиях.

По большому счету, полковник был почти уверен, что убийца, если таковой существует, - обречен. В обязанности Сен-Клера, как служащего секретариата Президента, входило планирование маршрутов де Голля и организация публичных появлений, поэтому полковник был хорошо осведомлен о великолепной организации охраны. Вряд ли этот иностранец сумеет миновать все с таким искусством расставленные ловушки.

В прекрасном настроении Сен-Клер открыл дверь своей квартиры. В комнатах горел свет, и полковник догадался, что его новая любовница решила осчастливить его своим посещением.

- Это ты, дорогой?

- Да, милая. Ты скучала?

Девушка появилась из ванной в короткой ночной рубашке со множеством оборок, от чего она была похожа на куклу. Сквозь прозрачную тонкую материю были прекрасно видны волнующие изгибы ее стройного тела.

При мысли о том, что такая обольстительная девушка была без памяти влюблена в него, Сен-

Клер испытал острый приступ самодовольства. При этом он был абсолютно уверен, что виной тому - его собственная неотразимость.

Девушка бросилась на шею полковнику и припала к его губам. Все еще продолжая сжимать папку, Сен-Клер неуклюже отвечал на поцелуи своей любовницы.

- Ну, ну, - пробормотал он, когда наступила секунда передышки, - иди в постель. Я скоро.

Он шлепнул девушку по попке, как бы помогая ей двинуться в сторону спальни. Когда через некоторое время Сен-Клер вошел к ней, она лежала на постели, всем своим видом демонстрируя любовное томление. Полковник пожирал глазами поле будущей битвы. Девушка игриво улыбнулась.

За две недели знакомства она уже успела изучить характер Сен-Клера. Лишь грубая страстность и вульгарная призывность еще могли возбудить желание в высохших чреслах этого придворного льстеца. В душе Жаклин ненавидела его с первого дня знакомства, однако то, что полковнику недоставало по части мужских достоинств, с лихвой компенсировалось его красноречием. Особенно, когда он начинал говорить о своем положении в Елисейском Дворце.

- Быстрее, - застонала Жаклин. - Я так ждала

тебя...

Не скрывая своего удовольствия, Сен-Клер улыбнулся и принялся развязывать шнурки. Он аккуратно поставил туфли около кровати, затем стал не спеша снимать пиджак, галстук, рубашку. Когда его брюки поползли вниз, стали видны худые, бледные ноги, покрытые такой же бледной редкой растительностью.

- Почему ты задержался, дорогой? - голос Жаклин слегка дрожал.

Полковник улыбнулся еще раз.

- Вряд ли тебе стоит засорять свою головку моими проблемами;

- Какой ты противный! - девушка резко повернулась к нему спиной и притворно поджала губы, изображая обиду.

Через пять минут, Сен-Клер был уже в постели, не забыв надеть пижаму. Он растянулся на кровати и примирительно провел рукой по талии Жаклин.

- Ну, что случилось... хватит дуться.

- Ничего. Отстань, - женщина играла свою роль профессионально.

- А я подумал, что ты была непрочь заняться любовью.

- Ты же мне ничего не рассказываешь. Звонить

на работу нельзя. Я уже начала беспокоиться, что с тобой что-нибудь приключилось.

Жаклин повернулась на спину и посмотрела на полковника. Тот одной рукой подпер голову, а вторую запустил под рубашку Жаклин.

- Послушай, дорогая, я просто был очень занят. У нас сейчас такой переполох. Перед уходом необходимо было принять некоторые решения. Я бы позвонил, но у меня в кабинете постоянно толпится народ. К тому же, многие знают, что моя жена в отъезде. Согласись, разговор с тобой выглядел бы странно.

Девушка наклонилась к Сен-Клеру и провела рукой по его сокровенному месту. Она была вознаграждена легким подрагиванием плоти...

- Нет ничего такого, о чем нельзя было бы рассказать мне, милый. Я так волновалась...

- Больше не о чем волноваться. Ну, иди ко мне...

Полковник задышал чаще, но Жаклин чувствовала, что он еще не готов. Она посильнее сжала неподатливый орган. На полковника это подействовало возбуждающе. Сен-Клер прижался к девушке еще сильней и стал искать губами ее губы. Жаклин развязала тесемку пижамных брюк и стала целовать ему грудь, опускаясь все

ниже и ниже...

- Похоже, что люди из ОАС опять устроили охоту за Президентом, - проговорил Сен-Клер. - Мы выявили заговор. Вот почему я задержался.

Жаклин оторвалась от своего занятия на несколько секунд.

- Глупости. Они уже давно прекратили все попытки.

- И тем не менее. Они наняли какого-то иностранного убийцу. Уу... не кусайся.

Через полчаса полковник уже спал, слегка похрапывая. Жаклин тихо лежала рядом и смотрела на блики уличных фонарей.

То, что она узнала, шокировало ее. Хотя Жаклин и не подозревала о заговоре, тем не менее она сумела оценить важность признаний Ковальского. Подождав до двух часов ночи, она соскользнула с кровати, отключила телефон в спальне, затем вернулась к постели и склонилась над Сен-Клером. Тот по-прежнему спокойно посапывал. Замечательно, что этот тип не из тех, кто любит спать в объятьях с подружкой, подумала Жаклин.

Девушка прошла в холл, тщательно закрыв за собой все двери. Она набрала номер МОЛИТОР. Через несколько минут ей ответил сонный голос.

Жаклин быстро стала рассказывать все, что ей удалось узнать. Когда она закончила, человек на другом конце поблагодарил и повесил трубку. А еще через минуту она была уже в постели, пытаясь уснуть.

* * *

Этой ночью шефы уголовных полиций семи стран Америки, Европы и Южной Африки были разбужены телефонными звонками. Все уже спали, поэтому первая фраза, которую услышал от них Карон, не вызвала у него особого энтузиазма. В Европе было то же время, что и в Париже. Последние драгоценные утренние часы. В Вашингтоне же было девять часов вечера, и шеф Отдела Расследования Убийств ФБР присутствовал на званом обеде. Только с третьей попытки Карону удалось с ним связаться. Их беседа была подпорчена болтовней гостей и звяканьем бокалов, доносившихся из соседней комнаты. Вечеринка была в самом разгаре. И тем не менее шеф Отдела Расследований Убийств ФБР понял, что хотел от него помощник Лебеля, и дал согласие быть в переговорной комнате в два часа ночи по вашингтонскому времени.

Шефы бельгийского, итальянского и немецкого

Отделов Расследования Убийств были, судя по всему, прекрасными семьянинами: звонок Карона застал их в постели, и все они дали согласие на личный разговор с Лебелем.

Ван Риз из южноафриканской службы выехал из города и не собирался появиться раньше утра. Поэтому Карон переговорил с его заместителем Андерсоном, что, впрочем, совсем не разочаровало Лебеля, когда тот позднее узнал о невозможности связаться с шефом. Детектив подозревал, что Ван Риз - фигура скорее политическая, в то время как Андерсон - настоящий профессионал.

Мистер Энтони Маллинсон, помощник начальника Уголовной полиции Скотланд Ярда, услышал у себя дома звонок около четырех утра. Он недовольно пробормотал что-то сквозь зубы и снял трубку.

- Маллинсон, - буркнул он.

- Мистер Энтони Маллинсон? - настаивал голос.

- Именно, - детектив из Скотланд Ярда сбросил с плеч одеяло и посмотрел на часы.

- Меня зовут инспектор Люсьен Карон. Я из французской Сюрете Насьональ. Звоню по поручению комиссара Клода Лебеля.

Человек прекрасно, но с сильным французским акцентом говорил по-английски. Его голос был слышен очень ясно. И все же, не могли они что ли подождать до утра?

- Я вас слушаю.

- Я полагаю, вы знаете комиссара Лебеля, мистер Маллинсон.

Англичанин задумался. Лебель? Ах, да - невысокий парень, шеф Отдела Расследования Убийств Судебной Полиции. Он мне еще чертовски помог по делу об убийстве этого английского туриста два года назад. Если бы они не сцапали убийцу так быстро, то мне бы житья не было от прессы.

- Да, я знаю комиссара Лебеля, - сказал он в трубку.

Рядом заворочалась разбуженная жена.

- Я помогаю комиссару Лебелю в одном весьма специфическом деле. Оно абсолютно неординарно. Его расследование требует повышенной осторожности и абсолютной секретности. Комиссар хотел бы лично побеседовать с вами завтра утром. Часов в девять вас устроит? Из комнаты для телефонных переговоров Интерпола.

Маллинсон задумался.

- Это обычный запрос по линии сотрудничества? - поинтересовался он. Они могли бы

позвонить и через обычную телефонную систему Интерпола. Девять часов для Скотланд Ярда весьма напряженное время.

- Нет, мистер Маллинсон. Это не рядовой запрос. Возможно, для Скотланд Ярда все ограничится этим звонком. Однако дело - чрезвычайно серьезное. Комиссар не хотел бы использовать официальные каналы, пока что-либо не прояснится.

Английский детектив был по природе осторожным человеком. У него не было никакого желания быть вовлеченным в тайные операции иностранной полиции. Если было совершено преступление и преступник скрылся в Англии, то совсем другое дело. Но в таком случае, почему такая секретность? Но тут он вспомнил, как его однажды послали на розыски распутной дочки одного из членов Кабинета министров, сбежавшей с каким-то молодым повесой. Девчонка была несовершеннолетней, и парня можно было привлечь к уголовной ответственности. Однако папаша не хотел огласки в прессе. Парочку нашли с помощью итальянской полиции в Вероне, где те играли в Ромео и Джульету. Итак, Лебель хотел сработать через сеть старых знакомых. Ну что ж, поможем, чем сможем.

- Хорошо. Пусть звонит. В девять.

- Спасибо, мистер Маллинсон.

- Спокойной ночи, - англичанин положил трубку, переставил будильник на шесть тридцать вместо семи и лег спать.

* * *

Пока Париж спал, в небольшой и неопрятной холостяцкой квартире беспокойно ходил по комнате школьный учитель средних лет. На столах, стульях и диване были навалены книги, газеты, журналы и рукописи. Раковина была полна грязной посуды.

Но не это омрачало мысли учителя в столь поздний час. После снятия его с поста директора Лицея Сади-бель-Аддес и потери прекрасного дома с двумя слугами он уже привык к такой жизни.

При появлении первых солнечных лучей он, наконец, сел на кровать и взял одну из газет. Учитель снова пробежал глазами передовицу с заголовком: "Шефы ОАС укрылись в римском отеле". Прочитав статью в очередной раз, он отшвырнул газету, набросил на себя легкий плащ и вышел из квартиры.

Недалеко от бульвара он поймал такси и попро-

сил водителя довезти его до Северного Вокзала.

Таксист остановился перед главным входом, однако учитель пошел в противоположную от вокзала сторону. Он пересек улицу и вошел в одно из ночных кафе.

Ранний посетитель заказал кофе и телефонный жетон. Оставив чашку на стойке, он подошел к автомату, висевшему рядом с входной дверью, и набрал номер. Оператор дал междугородку, и учитель попросил сообщить номер одного римского отеля. Через минуту ему сообщили номер, после чего он повесил трубку и вышел из кафе.

В другом кафе учитель снова позвонил в справочную и узнал, где находится переговорный пункт. Как он и ожидал, междугородка оказалась за углом, рядом с вокзалом.

Зайдя на переговорный пункт, он дал номер римского телефона и с беспокойством стал ждать.

- Я хочу говорить с синьором Пуатье, - сказал он, когда их соединили.

- Signor che? - спросил голос.

- II signor franeesi. Poitiers... Poitiers...

- Che? - спросил голос.

- Franeesi, franeesi... - повторил учитель.

- Ah, si, il signor franeesi. Momento, per

favore...[18]

После нескольких щелчков некто проговорил по-французски старческим голосом:

-Да...

- Послушайте, - настойчиво сказал учитель. - У меня мало времени. Берите ручку и записывайте. Начинаю. "Валми-Пуатье. Шакал засвечен. Повторяю. Шакал засвечен. Взяли Ковальского. Перед смертью раскололся. Конец". Вы записали?

- Да, - сказал голос, - я передам.

Валми повесил трубку, быстро оплатил счет и поспешил прочь из здания. Через минуту он уже смешался с толпой у вокзала. Воздух стал наполняться запахами молотого кофе и тостов. Через полчаса они растворятся в запахе выхлопных газов, пота и застоявшегося табачного дыма.

Через две минуты после того, как Валми вышел, к междугородке подкатила машина и из нее выпрыгнули два сотрудника DST. Они подошли к оператору и записали с его слов приметы звонившего, которые, впрочем, подошли бы и к тысяче других парижан, наполнявших улицы в

---

[18] Примечания: 18

- Да, сеньор...
- Мне француза. Пуатье...Пуатье...
- Что?
- Француза, француза...
- А, француза. Минутку, пожалуйста.

эти утренние часы.

* * *

Марк Роден проснулся в 7.45 от того, что телохранитель, дежуривший этой ночью на этаже, тряс его .за плечо. Он мгновенно стряхнул с себя остатки сна и, приподнявшись на кровати, сунул руку под подушку с пистолетом. Но, увидев своего человека, полковник расслабился и пробормотал что-то себе под нос. Он бросил взгляд на тумбочку, где стояли часы, и с сожалением отметил, что проспал. Годы, проведенные в тропиках, приучили его вставать гораздо раньше, а августовское солнце уже высоко висело над крышами. Недели вынужденной пассивности, игра в пике допоздна с Кассоном и Монклером, изрядное количество выпиваемого вина - все это расслабляло и делало организм сонным.

- Сообщение, господин полковник. Какой-то человек только что позвонил. Он очень спешил.

Легионер вырвал из своего блокнота лист с сообщением и протянул Родену. Тот быстро пробежал записку и резко встал с кровати. Накинув халат, он еще раз прочел сообщение.

- Хорошо. Можешь идти. - Легионер вернулся на место своего дежурства.

Роден тихо выругался, скомкав бумажку в руках. Чертов, чертов, чертов Ковальский. В первые два дня исчезновения легионера полковник решил, что тот просто дезертировал. Такое уже бывало, поскольку многие рядовые члены ОАС разуверились в способности организации убить де Голля и изменить политический строй во Франции. Но Роден всегда считал, что Ковальский до конца останется верным делу.

И вот полковник получил известие, что поляк по каким-то непонятным причинам вернулся во Францию. А может быть, его взяли здесь и перевезли через границу. Похоже, что он заговорил. Под пытками, конечно.

Родену было искренне жаль своего бывшего телохранителя. Причиной популярности полковника среди рядовых членов ОАС было его доверие и уважение к своим подчиненным. Что бы ни говорили военные теоретики, такие вещи всегда ценились в армии.

Теперь Ковальский был мертв, и Роден не строил иллюзий по поводу того, как погиб поляк.

Что же Ковальский мог знать? Встреча в Вене, название отеля. Трех людей, присутствовавших на встрече.

Все это не новости для SDECE. Но что он мог

знать о Шакале? Не слушал же он под дверью... Конечно, нет. Вероятно, он рассказал о визите высокого светловолосого иностранца. Но это еще ничего не значит. Это мог быть дилер по продаже оружия или финансист. Имена не упоминались.

Но в сообщении было слово "Шакал". Откуда? Откуда Ковальский мог его знать?

Чувствуя, как у него холодеет спина, полковник вспомнил сцену прощания. Он стоял на пороге с англичанином, Виктор находился рядом. Он все еще был раздражен тем, что Шакал "вычислил" его в коридоре. Профессионала перехитрил профессионал. Что же тогда сказал он, Роден? "Всего хорошего, мистер Шакал". Да, конечно, черт ее побери, эту фразу.

Прокручивая у себя в памяти все снова и снова, Роден понял, что Ковальский не мог знать настоящего имени Шакала. Только он сам, Монклер и Кассон знали его. Тем не менее, Валми был прав. Ковальский "засветил" англичанина. Теперь у них имеется название отеля, и, вероятно, секретная служба уже успела побеседовать с портье. Еще у них имеется общее описание Шакала и его кодовое имя. Они, как и Ковальский, несомненно догадаются, что блондин - убийца.

С этого момента охрана де Голля станет еще

более плотной, он перестанет посещать все публичные мероприятия, шансы убить его уменьшатся во много раз. Операция провалена. Следует отозвать Шакала и вернуть назад деньги. За минусом расходов и компенсации за беспокойство.

И это необходимо сделать быстро. Во-первых, предупредить Шакала и сказать, что операция отменяется. Роден бы никогда не послал человека на верную смерть.

Он вызвал и проинструктировал телохранителя.

В девять легионер был на почте и заказал лондонский телефонный номер. Оператор подозвал его через 20 минут и указал на кабину. Легионер поднял трубку и услышал длинные гудки.

* * *

Шакал встал рано, поскольку день предстоял напряженный. Все три чемодана и саквояж, купленные накануне, стояли у двери. Оставалось всунуть мочалку и бритвенные принадлежности.

Англичанин выпил, как обычно, две чашки кофе, принял душ и побрился. Затем приготовил завтрак, состоявший из яичницы, апельсинового сока и кофе. Будучи по природе весьма аккурат-

ным и методичным человеком, Шакал вылил остатки сока и молока в раковину, туда же вылил, разбив, несколько яиц, а остатки хлеба, яичную скорлупу и кофейную гущу выбросил в мусоропровод.

В завершение, Шакал оделся, выбрав для предстоящего путешествия шелковый джемпер, черные остроносые туфли и серый костюм, в кармане которого лежали бумаги на имя Александра Даггана и сто фунтов наличными.

В девять пятнадцать, взяв багаж, Шакал спустился по лестнице и, выйдя на Саут Одли стрит, поймал такси.

- Лондонский аэропорт, павильон номер два, - бросил он водителю.

В тот момент, когда англичанин садился в машину, в его квартире зазвонил телефон.

* * *

Человек Родена вернулся в отель в десять часов и проинформировал полковника, что его попытка дозвониться по лондонскому номеру не увенчалась успехом,

- Что случилось? - поинтересовался Кассон после ухода легионера.

Кроме Родена и Кассона в номере находился

и Монклер. Три лидера ОАС собрались в гостиной своего "люкса". Роден вынул из внутреннего кармана пиджака какую-то бумажку и протянул Кассону.

Кассон прочел и передал Монклеру. Затем оба вопросительно посмотрели на шефа. Было похоже, что они ждут от того ответа. Но ответа не последовало. Роден сидел у окна, задумчиво обозревая раскаленные от жары крыши соседних домов.

- Когда это поступило? - спросил, наконец, Кассон.

- Утром, - бросил, не поворачиваясь, Роден.

- Его нужно остановить, - сказал Монклер, - пол-Франции будет охотиться за этим человеком.

- Пол-Франции будет охотиться за высоким светловолосым иностранцем, - негромко возразил Роден. - В августе Франция кишит иностранцами. Насколько нам известно, у них нет ничего, за что можно зацепиться, - ни имени, ни паспорта, ни представления о внешности этого человека. Придется немало потрудиться, прежде чем они нападут на след. К тому же, скорее всего, Валми предупредит его - если Шакал позвонит, - и тогда англичанин сможет выйти из игры.

- Если он позвонит Валми, тот, конечно же, даст

указание остановить выполнение операции. Да Валми просто-напросто прикажет ему, - громко продекламировал Монклер.

Роден покачал головой.

- У Валми нет полномочий на это. Он просто курьер, справочник, если хотите. Конечно, он проинформирует Шакала обо всем, но не более того.

- Но не может же Шакал не догадаться, что все отменяется? - не унимался Монклер. - Я уверен, что после звонка англичанин немедленно смоется из Франции.

- Теоретически - возможно, - задумчиво произнес Роден. - Но в этом случае ему придется отдавать деньги. В конечном итоге все будет зависеть от того, насколько уверенно Шакал чувствует себя. Слишком многое поставлено на карту. Он это понимает.

- Как вы полагаете, сейчас... после того, что случилось, у него есть шансы? - спросил Кассон.

- Если честно - нет, - ответил Роден. - Но Шакал настоящий профессионал. Он не станет бросать им самим спланированное дело на полпути.

- Тогда нам во что бы то ни стало необходимо отозвать его, -запротестовал Кассон.

- Это невозможно. Я бы с радостью сделал это,

но это невозможно. Он уже в пути. Он сам выбрал свод путь и теперь стоит на нем. Что теперь Шакал будет делать - одному богу известно. Даже если я позвоню Валми и проинструктирую соответствующим образом, ничего не изменится. Слишком поздно. Шакала уже не остановить.

Глава 12

Появившись в своем кабинете около шести утра, комиссар Клод Лебель застал своего помощника сидящим за столом, где тот провел бессонную ночь. Перед Кароном лежало несколько листов бумаги, исписанных его рукой. Кое-что изменилось в обстановке. На полке, среди папок, журчала кофеварка, распространяя по комнате великолепный аромат свежеприготовленного напитка. Рядом лежала горка бумажных стаканов, банка сгущенного молока и пачка сахара. Все это переместилось за ночь в кабинет из столовой на первом этаже здания. В углу, между двумя столами, появилась раскладушка с постеленным поверх нее грубым одеялом. Мусорное ведро было опорожнено и теперь стояло рядом с креслом, у двери.

Окно было по-прежнему открыто, слабый дымок сигареты Карона таял в просвете. Занималась заря, но было еще прохладно. За окном солнечные блики играли на шпиле собора.

Лебель тяжело опустился за свой стол. Он не спал уже более суток и выглядел не менее устало,

чем Карон.

- Ничего, - со вздохом произнес он. - Перекопал все что можно за последние 10 лет. Дегелдр был единственным иностранцем, кто проходил по политическим убийствам, да и тот сейчас мертв. К тому же, он был оасовцем и числился в нашей картотеке. Надо полагать, Роден нашел человека вне ОАС, и здесь его позиция безупречна. Всего во Франции по найму за последние десять лет работали четыре убийцы - кроме, конечно, местных. Мы взяли троих. Четвертый отбывает пожизненное заключение где-то в Африке. Но все они были мелковаты для такого дела, как убийство Президента Франции. Я попросил Баргерона из Центрального архива провести полную проверку, но, думаю, это нам ничего не даст. При отборе кандидатов у Родена это наверняка было первое условие.

Карон прикурил еще одну Голуаз[19], выпустил клубы дыма и вздохнул:

- Тогда начнем с заграницы?

- Точно. Где-то же этот человек набирался опыта. Он наверняка уже зарекомендовал себя определенным количеством успешно завер-

---

[19] Примечания: 19
Марка сигарет.

шенных дел. Возможно, президенты ему еще не попадались, но вот другие шишки, те, что поважнее гангстерских боссов, - это уж точно. Не случайно же он попал в поле зрения... Ну, что там у нас за список?

Карон взял лист со списком имен и расписанием звонков.

- Все семеро согласились, - сказал он. - Первыми идут Штаты, в семь десять. По вашингтонскому времени - где-то в девять ночи. Затем Брюссель в полвосьмого, Амстердам - без четверти восемь, в восемь десять - Бонн. Связь с Йоханнесбургом будет в восемь тридцать, со Скотланд Ярдом - в девять. И, наконец, в девять тридцать - Рим.

- От Скотланд Ярда - мистер Энтони Маллинсон, заместитель начальника Отдела Уголовных Расследований. Похоже, в метрополии нет отдельной секции расследования убийств. Все остальные - шефы своих служб, кроме Южной Африки. Я не смог связаться с Ван Ризом, поэтому вы будете говорить с его заместителем Андерсоном.

- Прекрасно, - сказал Лебель после небольшой паузы. - Я бы предпочел иметь дело с Андерсоном, нежели с его шефом. Этот парень как-то помогал мне в одном деле. Теперь проблема языка. Трое говорят по-английски. Бельгиец - по-французски.

Остальные...

- Немец, Дитрих говорит по-французски, - перебил Карон.

- Хорошо, тогда с двумя я буду говорить лично, а с остальными ты сядешь на параллельный телефон и поможешь мне с переводом... Пора идти. Двинемся, пожалуй.

Без десяти семь полицейская машина, в которой сидели Карон и Лебель, въехала в неприметельные зеленые ворота на Рю Поль Валери, где в то время размещалась штаб-квартира Интерпола.

В течение трех часов детективы вели переговоры с каждым из семи самых могущественных полицейских в мире. Их слова, преобразованные в высокочастотные сигналы, передавались специальной антенной во все уголки земного шара. Антенна "стреляла" этими сигналами в высшие слои стратосферы, откуда они, отражаясь от тонкого слоя, направлялись к адресату.

Самое важное заключалось в том, что невозможно было определить длину волн и настроиться на радиоперехват передаваемых сообщений.

К каждому комиссар Лебель обращался примерно с одними и теми же словами:

- Нет, на данной стадии я бы не хотел посылать

запрос по официальным каналам... Да, конечно, я выступаю как официальное лицо... Дело в том, что сейчас мы еще не совсем уверены, действительно ли ведется подготовка к убийству... В настоящий момент мы проделываем чисто рутинную работу... Ну, мы ищем человека, о котором известно чрезвычайно мало... Нет даже имени... только самое общее описание внешности...

В каждом случае комиссару приходилось представлять свою скудную информацию об облике убийцы. В конце беседы было самое трудное. Каждый спрашивал, почему Лебель обращается именно к нему и что конкретно требуется сделать. В этот момент в беседе наступала пауза.

- Кто бы ни был этот человек, - говорил Лебель, - у него весьма специфическая профессия, которая неизбежно ставит на нем клеймо, что-то вроде торговой марки... Он один из самых лучших профессионалов в области организации убийств... Нет, не просто наемник из банды, а политический убийца, за плечами которого несколько успешных дел. Нам бы хотелось знать, есть ли у вас кто-либо похожий в картотеке. Даже если он никогда не работал в своей стране... Вообще, кто-нибудь вам приходит на ум?

Затем наступала продолжительная пауза, по-

сле которой человек на другом конце начинал говорить чуть тише и с оттенком озабоченности в голосе.

Лебель не строил иллюзий по поводу того, что истинная причина его туманных расспросов останется неясной для его коллег. Во Франции была только одна цель, которая могла бы заинтересовать первоклассного политического убийцу.

Во всех случаях ответ был один и тот же:

- Да, конечно. Мы просмотрим наши картотеки. Я попытаюсь дозвониться сегодня же до конца дня. Удачи, Клод.

Закончив последний разговор, Лебель положил трубку и подумал, что, вероятно, пройдет не так уж много времени, и обо всем узнают премьер-министры и министры иностранных дел этих семи стран. Полиции всегда приходилось докладывать политикам о столь серьезных вещах. Детектив был абсолютно уверен, что министры не проболтаются. Несмотря на политические разногласия, между власть имущими существует некая связь, обусловленная их членством в одном и том же клубе - клубе правителей. Им не привыкать бороться против общих врагов, а что может быть более враждебным для каждого из них, чем политический убийца? Тем не менее, если

расследование все-таки обнародуется и попадет в прессу, то карьера Лебеля как следователя будет закончена.

Больше всего детектива беспокоили англичане. Маллинсону, конечно же, можно было доверять, однако еще до конца суток тому придется передать информацию наверх. Всего семь месяцев назад Шарль де Голль отпихнул британцев, пытавшихся попасть в Общий рынок. И теперь, при приближении 14 января, когда должна была состояться пресс-конференция Президента Франции, английское Министерство Иностранных дел начало оголтелую кампанию против де Голля. Еще недавно такое чопорно-безразличное министерство возвысилось почти до поэтических высот в своем стремлении насолить неуступчивому Президенту. Неужели они воспользуются этим случаем, чтобы отомстить Старику?

- Пойдем, - сказал комиссар Карону, поднимаясь со стула, - перекусим сначала, а потом попытаемся хоть немного поспать. Больше ничего нам пока не остается.

* * *

Энтони Маллинсон, помощник начальника Отдела Уголовных Расследований Скотланд Ярда,

в задумчивости положил трубку и вышел из переговорной комнаты, не заметив у двери отдававшего ему честь молоденького полицейского, только что заступившего на смену. Продолжая хмуриться, он поднялся в свой просторный кабинет с видом на Темзу и подошел к окну.

Маллинсон прекрасно понимал, что за расследование ведет Лебель. Ему были видны и нити, приведшие в движение это дело. Французам где-то удалось разнюхать об этом типе, который якобы охотится за де Голлем. В августе 63-го во Франции это была единственная мишень, достойная такого убийцы.

- Бедняга, - сказал он вслух, все еще продолжая смотреть, как мутноватая Темза катит свои воды вдоль набережной у подножья здания.

- Сэр? - удивленно спросил помощник Маллинсона, вошедший следом за ним, чтобы отдать утреннюю почту.

- Нет, ничего, - пробормотал детектив.

Помощник удалился.

Маллинсон почувствовал нечто похожее на сочувствие к своему коллеге, пытающемуся защитить Президента, не имея полномочий начать официальное расследование. Однако и у самого Маллинсона было свое начальство. Рано или

поздно им все придется рассказать.

В десять, через полчаса, должно было состояться совещание руководителей отделов. Стоит говорить или нет? В конце концов, решил промолчать. Достаточно будет написать формальный, но секретный меморандум для шефа, вкратце описав просьбу Лебеля.

Позже, если понадобится, он объяснит это тем, что хотел проявить осторожность - не более того. Запрос же придется сделать без объяснения причин. Маллинсон сел за стол и нажал одну из кнопок коммутатора.

- Да, сэр?.. - услышал он в переговорном устройстве голос своего помощника.

- Зайди на минутку, Джон.

Помощник находился рядом, в соседнем кабинете, поэтому через полминуты он уже стоял перед своим начальником с блокнотом в руке.

- Джон, мне нужно получить кое-какие сведения из Центрального архива. Обратись лично к суперинтенданту Маркхэму. Скажешь, что запрашиваю я и что пока сейчас не могу объяснить причину запроса. Пусть проверит данные на всех профессиональных убийц, проживающих в стране.

- Убийц? - помощник посмотрел на шефа так,

будто тот просил навести справки о марсианах.

- Да, убийц. Но не этих головорезов, что по большей части участвуют в гангстерских войнах. Политических убийц, Джон. Человека, способного за деньги укокошить хорошо охраняемого государственного деятеля.

- Да, но это больше подходит на заказ для Специальной Службы, сэр.

- Да, я знаю. Я передам все Специальной Службе. Но сначала хочу провести обычную проверку. И, кстати, ответ мне нужен до обеда. О'кей?

- Да, сэр, я займусь этим прямо сейчас.

Через пятнадцать минут, ровно в 10 заместитель начальника Отдела Уголовных Расследований Маллинсон уже сидел на утреннем совещании.

По возвращении в кабинет он быстро просмотрел почту, сгреб ее в угол стола и попросил помощника принести печатную машинку. Оставшись один, он напечатал краткий рапорт начальнику Полиции. В нем он упомянул утренний звонок, конфиденциальный телефонный разговор в переговорной комнате Интерпола, а также свои выводы о природе запроса. Лебеля. Нижнюю часть страницы детектив пока оставил пустой, заперев рапорт в стол, чтобы приняться

за текущие дела.

Незадолго до двенадцати в дверь постучали, и вошел помощник.

- Я только что узнал результаты проверки в архиве. Маркхэм сообщил, что практически никто из зарегистрированных не подходит к вашему описанию. В списках - семнадцать наемных убийц, десять сейчас отбывают сроки, семь - на свободе. Но все они работают на гангстерские группировки, либо здесь, в Лондоне, либо в других городах. Суперинтендант говорит, что ни один не подходит для убийства политика, собирающегося посетить нашу страну. И он тоже предложил передать расследование Специальной Службе.

- Хорошо, Джон, спасибо. Это все, что я хотел знать.

Когда помощник ушел, Маллинсон снова вставил лист с незаконченным рапортом в печатную машинку и допечатал следующее:

"Поиски в Центральном архиве не принесли результатов за отсутствием лица, соответствующего описанию комиссара Лебеля. Расследование было передано начальнику Специальной Службы".

Маллинсон подписал рапорт, оставив лишь три копии из пяти. Остальные бросил в мусорное

ведро для сортируемых бумаг: впоследствии они будут порезаны на мельчайшие кусочки и уничтожены.

Одну из копий детектив вложил в конверт, адресовав своему начальнику. Второй поместил в папку "Секретная корреспонденция" и запер в стенном сейфе. Третий сложил и сунул во внутренний карман пиджака. В своем блокноте для заметок Маллинсон набросал послание.

"Комиссару Клоду Лебелю, заместителю начальника Судебной Полиции, Париж. От заместителя начальника Отдела Уголовных Расследований Энтони Маллинсона, Скотланд Ярд, Лондон.

Сообщение: Во исполнение вашего запроса от сегодняшнего числа, тщательная проверка в архиве не выявила лица, подходящего по приметам к вашему описанию точка Запрос передан Специальной Службе для дальнейшей проверки точка Любая полезная информация будет направлена вам немедленно точка Маллинсон.

Время отправления: 12.8.63".

Была половина первого. Детектив поднял трубку телефона и, когда оператор ответил, попросил соединить его с заместителем начальника Полиции, главой Специальной Службы, Диксоном.

- Привет, Алек... Тони Маллинсон. Уделишь

мне минутку?.. С удовольствием бы, но не могу. Перекушу сэндвичем... Да, когда-нибудь случится... Нет, всего на несколько минут... Прекрасно, сейчас подойду.

По пути детектив передал помощнику конверт, адресованный начальнику полиции.

- Я схожу в Специальную Службу. Хочу навестить Диксона. Передай письмо шефу, Джон. Лично. А вот это сообщение отправь по адресу. Напечатай сам так, как надо.

- Да, сэр.

Маллинсон еще немного постоял у стола помощника, пока тот читал послание в Париж. Закончив чтение, молодой инспектор с удивлением посмотрел на Маллинсона.

- Джон...

- Слушаю, сэр...

- Об этом никому ни слова.

- Конечно, сэр.

- Абсолютно никому.

- Понял, сэр.

Маллинсон улыбнулся коллеге и вышел в коридор. Помощник еще несколько раз пробежал глазами сообщение, вспомнил о сегодняшнем запросе в архив и пробормотал: "Черт возьми".

Маллинсон провел у Диксона 20 минут, чем

непринужденно сорвал его ленч. Он передал начальнику Специальной Службы третью копию своего рапорта и уже собрался было уходить, но в дверях повернулся и сказал:

- Извини, Алек, но это больше по твоей части. Что касается меня, думаю, что в нашей стране нет убийцы такого калибра. Поэтому запроси свои архивы для очистки совести, и мы с легким сердцем сообщим Лебелю, что ничем не можем помочь. Должен сказать, что не завидую его теперешнему положению.

Диксон, чья работа, кроме всего прочего, состояла и в том, чтобы держать в поле зрения всех маньяков и сумасшедших Британии, которые могли бы замыслить убийство политического деятеля, лучше кого-либо другого понимал отчаянность положения своего французского коллеги. Защищать политиков от неуравновешенных фанатиков нелегко, однако англичанин в своей работе мог всегда положиться на закаленных в боях профессионалов, к тому же противниками его были чаще всего любители. В отношении же Лебеля дело обстояло гораздо хуже: Президент Франции стал мишенью бывших солдат. И все же, надо отдать должное, французы нокаутировали ОАС. Как профессионал, Диксон восхищался их

работой. В данном же случае дело осложнялось еще и тем, что оасовцы наняли иностранного убийцу. Это сводило шансы отыскать его в картотеке практически к нулю. Диксон был почти уверен, что в архиве не будет сведений о человеке, который так интересует Лебеля.

После ухода Маллинсона начальник Специальной Службы прочел его рапорт. Затем вызвал своего помощника.

- Передай суперинтенданту Томасу, что я хотел бы видеть его здесь в... - он посмотрел на часы и прикинул, сколько осталось от ленча, - ровно в два часа.

* * *

Шакал прибыл в Национальный аэропорт Брюсселя в двенадцать с небольшим. Там же, в аэропорту, он запер три чемодана в автоматической камере хранения, оставив при себе лишь саквояж с туалетными принадлежностями, гипсом, бинтами и ватой. Затем перешел в главное здание, где в обычной камере хранения - на том же самом месте, где его неделю назад оставил англичанин, - лежал фибровый чемодан с винтовкой. Шакал отдал квитанцию, взял чемодан и вышел из аэропорта. Неподалеку он нашел

небольшой и довольно убогий отель, каких особенно много в непосредственной близости от крупных транспортных узлов по всему миру.

Англичанин снял одноместный номер, сразу заплатив наличными за весь срок проживания. Свой багаж он внес в номер сам, не доверив его гостиничному клерку. Заперев дверь, Шакал набрал в ванну холодной воды, вывалил на кровати гипс и бинты и принялся за работу.

Через два часа гипс застыл. Все это время Шакал курил сигарету за сигаретой, обозревая из окна лоскутное одеяло грязноватых крыш и периодически проверяя пальцем твердость гипса. Из фибрового чемодана уже было вынуто содержимое. Остатки бинта и немного гипса Шакал положил обратно в саквояж, рассудив, что они могут понадобиться для косметического ремонта. Когда все было готово, англичанин заткнул чемодан под кровать, проверил, не осталось ли в комнате чего-нибудь лишнего, и опустошил пепельницу, выбросив содержимое из окна.

Облачив свою ногу в гипсовую повязку, Шакал сделал так, что не хромать уже было невозможно. Спустившись по лестнице в холл, англичанин, к своему удовлетворению, обнаружил, что портье удалился в подсобку за стойкой. Было время

ленча, и неудивительно, что тот отсутствовал, оставив лишь приоткрытой дверь, чтобы видеть подходящих к стойке посетителей.

Бросив взгляд на парадный вход и убедившись, что никого нет, Шакал пригнулся и бесшумно пробежал по облицованному плиткой гостиничному холлу.

Из-за жары входная дверь была открыта. Оставшись незамеченным, Шакал вышел на ступеньки и выпрямился. Он прошел вниз по улице до пересечения с шоссе и через полминуты поймал такси. Шакал ехал в аэропорт.

Там он подошел к стойке "Алиталии" и вытащил паспорт. Девушка в окошке приветливо улыбнулась.

- Два дня назад я зарезервировал билет до Милана на имя Даггана, - обратился он к ней.

Девушка полистала записи.

- Да, действительно, мистер Дагган, - лицо ее сияло. - Билет был заказан, но не оплачен. Вы хотите его выкупить?

Англичанин снова рассчитался наличными, взял билет и отошел от стойки. При помощи благожелательно расположенного носильщика, повздыхавшего, над его загипсованной ногой, Шакал вынул три своих чемодана из автома-

тической камеры хранения, сдал багаж на рейс "Алиталии", прошел таможенный контроль, где у него лишь бегло взглянули в паспорт, и провел остаток времени в ресторане для вылетающих пассажиров - несколько поздновато для ленча, однако это с лихвой компенсировалось достоинствами кухни.

Все служащие, заметив его больную ногу, проявляли особое внимание. На специальной тележке его подвезли к самолету и с участием наблюдали, как он медленно поднимался по трапу, пока не скрылся в салоне лайнера. Милая итальянская стюардесса одарила англичанина особой улыбкой и усадила его на одно из лучших мест в середине салона.

В 4.15 самолет вырулил на взлетную полосу и вскоре уже летел по направлению к Милану.

* * *

Суперинтендант Брин Томас вышел из кабинета заместителя начальника Отдела Расследования Убийств приблизительно около трех. Вид у него был жалкий. Его беспокоила не только тяжелая простуда, которую он умудрился заработать летом, но и только что полученное задание, которое, без сомнения, похоронило его планы на

сегодняшний день. С самого утра его преследовали неудачи; сначала он узнал, что один из его сотрудников упустил человека из советской торговой делегации, которого должен был "пасти"; позднее Томас получил сообщение из MI-5[20] с вежливой просьбой сложить с себя полномочия и передать слежку за русскими самой MI-5. После обеда дела пошли еще хуже. Вряд ли найдется что-либо из всего спектра деятельности Специальной или другой службы, что вызывало такое же сильное неприятие, как политическое убийство. Но в данном случае еще и не было имени.

- Имя неизвестно, - сказал шеф. - Тебе придется как следует покопаться. Попытайся выяснить все до завтра.

"Покопайся", - проворчал Томас, входя в свой кабинет. Хотя список не должен был выйти длинным - просто по причине отсутствия большого выбора, - тем не менее задание обрекало его и персонал отдела на тяжелую работу: проверить подозреваемых, осужденных и просто переворошить похожие дела. Проверять придется все. Единственным светом в своем окне было то, что убийца был настоящим профессионалом, а не

---

[20] Примечания: 20

Отдел Интеллидженс Сервис (английский разведывательный орган), занимающийся контрразведкой.

одним из тех бесчисленных идиотов, которые доводили до сумасшествия всех сотрудников Специальной Службы в периоды визитов политических деятелей в страну.

Томас вызвал двух инспекторов, наименее занятых на текущий момент, приказал им оставить все дела и изложил задание, которое он сам только что получил от Диксона. Его речь была еще короче, чем речь шефа Специальной Службы. Томас объяснил, что нужно делать, не сказав, почему. Никого пока не должен волновать тот факт, что французская полиция подозревает этого человека в попытке покушения на Президента Франции.

Втроем детективы очистили столы от лишних бумаг и принялись за работу.

* * *

Самолет “Алиталии" приземлился в Миланском аэропорту в шесть с небольшим. Стюардесса помогла Шакалу сойти с трапа, и тот направился к зданию аэровокзала.

Здесь, проходя через таможню, Шакал был вознагражден за предусмотрительность, которую он проявил, достав из чемодана трубки с деталями винтовки, превратив их в менее подозрительный

объект транспортировки. Чиновники лишь бегло взглянули на паспорт, но когда его чемоданы вынырнули на ленточном конвейере из грузового отсека и были разложены на таможенной стойке, опасность стала возрастать.

Когда носильщик удалился, англичанин встал рядом с багажом, озираясь вокруг. Таможенник заметил прихрамывающего человека еще издали и поплелся к нему.

- Синьор? Это ваш багаж?

- Да, три чемодана и этот саквояж.

- У вас есть что-нибудь для заявления в декларации?

- Нет, ничего.

- Вы по делам, синьор?

- Нет, просто отдыхаю. Но надеюсь и поправить свое здоровье. Хочу поехать на озера.

На таможенника это явно не произвело впечатления.

- Разрешите взглянуть на ваш паспорт, синьор.

Шакал протянул паспорт. Итальянец тщательно изучил его и отдал обратно, не проронив ни слова.

- Пожалуйста, откройте этот чемодан.

Шакал вытащил кольцо с ключами и открыл один из трех больших чемоданов. К счастью, в

нем лежала одежда пастора и американского студента. Без особого любопытства таможенник перебрал белье, рубашки, костюм, туфли, носки. Не привлекла внимания и книга на датском языке. Хотя на обложке была цветная фотография собора Шартр - название читалось как и в английском эквиваленте, поэтому чиновник не стал интересоваться лингвистическими способностями Шакала.

Не нашел он и аккуратно зашитый разрез в подкладке со спрятанными в нем фальшивыми документами. Если бы таможенник действительно постарался, он бы, конечно, обнаружил их, но итальянец не проявлял особого рвения, поскольку чемодан англичанина не вызывал у него никаких опасений. Он просто выполнял служебный долг.

Компоненты снайперской винтовки находились в каком-то полуметре от него, однако таможенник ничего не заподозрил. Он закрыл чемодан. Работа была закончена. Его лицо расплылось в улыбке:

- Спасибо, синьор. Приятного отдыха.

Носильщик помог найти такси, за что получил хорошие чаевые. Вскоре Шакал уже въезжал в Милан. Улицы города были запружены маши-

нами. Экспрессивные итальянцы непрестанно гудели клаксонами. Такси доставило Шакала к центральному вокзалу.

И здесь англичанин направился к камере хранения. Еще сидя в такси, он переложил в карман брюк небольшие ножницы. В камере хранения Шакал оставил два чемодана и саквояж. Третий чемодан, с одной французской шинелью, он оставил при себе.

Отпустив носильщика, англичанин заковылял в туалет. Внутри был лишь один человек, задумчиво стоявший перед писсуаром. Шакал поставил чемодан на пол и долго мыл руки, пока тот не вышел. Затем англичанин вошел в одну из кабинок и запер дверь.

Поставив ногу на унитаз, он в течение 10 минут работал ножницами, ковыряя гипс, пока он не начал отваливаться, обнажив сначала ватную прокладку, а затем и ногу.

Освободившись от гипса, Шакал надел шелковый носок и изящный остроносый ботинок, который был прикреплен пластырем к икре, пока нога находилась в гипсе. Куски гипса, бинта и ваты англичанин собрал и швырнул в унитаз. Шакал дважды спустил воду, пока не убедился в том, что от гипса не осталось и следа. Потом он

поместил чемодан на крышку унитаза и, раскрыв его, уложил трубки между складками шинели. Теперь чемодан был полон. Затянув ремни на чемодане, Шакал тем самым плотно прижал друг к другу все трубки, чтобы они не лязгали при ходьбе. Затем выглянул из двери. Двое стояли у писсуаров, еще двое мыли руки. Англичанин вышел из кабинки, резко повернул в сторону двери и через несколько мгновений уже стоял в холле вокзала. Никто из находившихся в туалете его не заметил.

Поскольку англичанину не хотелось показываться в камере хранения - его загипсованную ногу могли запомнить, - то он подозвал носильщика, сказал, что очень торопится, и, сунув тому в руку тысячелировую бумажку, попросил забрать чемоданы и поймать такси. Отдав носильщику багажную квитанцию, Шакал показал, что будет у стойки обмена денег.

Итальянец радостно кивнул и отправился за чемоданами. Англичанин обменял последние двадцать фунтов на итальянскую валюту, вышел из здания вокзала к ожидавшему его носильщику и уже через пару минут ехал в такси по направлению к отелю" Континенталь".

Представ перед портье, восседавшим за стой-

кой регистрации в роскошном холле отеля, Шакал сказал:

- У вас забронирован номер на имя Даггана. Заказ был сделан по телефону из Лондона два дня назад.

Около восьми Шакал уже мылся в душе своего номера. Два чемодана были заперты в бельевой шкаф. Третий лежал раскрытый на кровати, из него был вынут темно-синего цвета шерстяной костюм, который теперь висел на дверце шкафа. Серый костюм англичанин отдал горничной, попросил вычистить его и хорошенько прогладить. Шакала ожидал приятный вечер с обедом и коктейлями. Тем не менее он должен был лечь спать пораньше, поскольку на следующий день, 13 августа, предстояла напряженная работа.

Глава 13

Ничего. Инспектор захлопнул последнюю папку и посмотрел на своего шефа. Его коллега уже закончил просмотр - с тем же результатом. Сам Томас стоял около своего кабинета и безучастно взирал на пробегающие внизу автомобили. Сумерки уже опустились на город. В отличие от кабинета Маллинсона, окна его кабинета находились гораздо ниже и вид из них был не столь привлекателен. У Томаса было отвратительное настроение. Глотка воспалилась от сигарет. Ему, конечно, не следовало курить с этой простудой, но и бросить было невозможно. На него разом свалились все несчастья. Томас, как и его молодые помощники, закончил просмотр дел Голова раскалывалась от беспрерывных звонков и запросов в другие отделы с целью проверки тех или иных лиц. Все было напрасно. Ни один из тех, кто поначалу заинтересовал Томаса, не был достаточно солидной фигурой по части политических убийств.

- Хорошо, - сказал он твердо, повернувшись спиной к окну, - мы сделали все, что могли. Вероятнее

всего, такого человека просто не существует.

- Может, он и существует, - заметил один из инспекторов, - да только не в наших архивах.

- В наших архивах есть все, - недовольно пробормотал Томас.

Ему совсем не импонировала мысль, что такая крупная "рыба" в одной картотеке. В конце концов, у детектива было просто скверное настроение, простуда - и это подливало масла в огонь. В таких случаях у него усиливался уэльский акцент. Даже тридцатилетнее проживание в Лондоне не вытравило из его речи курлыкающие звуки, свойственные жителям западной части Великобритании.

- В конце концов, - сказал второй инспектор, - политический убийца - птица довольно редкая. Может, в Англии их и нет совсем. На англичан это мало похоже.

Томас посмотрел на инспектора с раздражением. Он предпочитал слово "британцы", когда говорили о жителях Соединенного Королевства, а небрежно брошенное слово "англичане" могло подразумевать, что такого убийцу способны породить только ирландцы, шотландцы или жители Уэльса.

- Ладно, складывайте папки. Отнесите их обрат-

но в архив. Я доложу, что тщательная проверка не дала никаких результатов. Мы сделали все, что могли.

- От кого поступил запрос, шеф? - спросил один из инспекторов.

- Не суйся в это, дружок. Пусть у кого-то другого болит голова, только не у нас.

Инспекторы собрали папки и направились к двери. Обоих дома ждали семьи, один из них вот-вот должен был стать отцом. Он шел первым, второй задержался в дверях.

- Шеф, пока я рылся в папках, мне в голову пришла одна мысль. Если этот человек действительно существует и он британец по национальности, то вряд ли он станет заниматься своим промыслом внутри страны. То есть я думаю, что человек такого типа должен иметь базу. Нечто вроде убежища, места, куда бы он всегда мог приехать. Он может быть добропорядочным гражданином своей страны.

- Как у доктора Джекила и мистера Хайда?

- Да, что-то вроде этого. Человек, способный заварить такую кашу, человек, за которым охотятся лучшие полицейские кадры, - такой человек действительно фигура выдающаяся. А если так, то по роду профессии у него должно быть за плечами

несколько громких дел. Иначе откуда бы у него взялась такая солидная репутация, не так ли?

- Продолжайте, - заинтересованно проговорил Томас.

- Я подумал, что этот убийца может работать только вне страны. То есть он старается не привлекать к себе внимания внутренних сил безопасности. Может, у каких-нибудь служб и имеются косвенные данные о нем...

Томас поразмышлял над идеей, потом покачал головой.

- Забудьте об этом, идите домой: Я напишу рапорт. И вообще, забудьте обо всем, чем мы сейчас занимались.

Однако размышления инспектора крепко засели в голове Томаса, породив некоторые сомнения. Он сел за стол и стал сочинять рапорт. В нем он засвидетельствовал отрицательные результаты проверки. Да, они вытащили пустой билетик, подумал детектив, хотя расследование было проведено весьма тщательно. А если запрос из Франции действительно имеет под собой почву? А вдруг, как поначалу подумал Томас, французы не просто поверили слухам, что их драгоценному Президенту угрожает опасность, а на самом деле что-то пронюхали? Но тогда, если им не с чего

начинать, как они заявляют, и если нет никаких указаний на то, что убийца - англичанин, то они, пожалуй, должны проводить сходные проверки по всему миру. Скорее всего, никакого убийцы не существует, а если и существует, то вероятно, он родом из тех стран, которые имеют большой опыт в области организации политических убийств. А все же, что, если подозрения французов оправданны и человек окажется англичанином, пусть даже просто по национальности?

Томас всегда гордился результатами работы Скотланд Ярда и в особенности Специальной Службы. Никаких проблем. Ни один иностранный сановник не подвергался опасности во время своего визита. Не допускали даже и тени скандала.

Он сам лично присматривал за этим плюгавым русским, Иваном Серовым, шефом КГБ, когда тот появился в Англии для подготовки визита Хрущева. А ведь там было полно прибалтов и поляков, пытавшихся вцепиться этому русскому в горло. И хотя Серов окружил себя собственными агентами - у каждого из них был пистолет, готовый к использованию, - не было сделано ни единого выстрела.

Суперинтенданту Брину Томасу оставалось два

года до пенсии, а потом - небольшой уютный домик с видом на Бристольский пролив, который они с женой приобрели совсем недавно. Ох, лучше все проверить, подумал Томас.

В юности он был отличным регбистом, и многие, кто играл против "Гламоргана"[21], помнили его неудержимость, когда Томас находился на месте крайнего нападающего. Сейчас он уже был стар для таких забав, однако частенько захаживал в Олд Диэр Парк в Ричмонде, чтобы поболеть за "Лондон Уэлш"[22]. Томас хорошо знал всех игроков, часто оставаясь в клубе команды, чтобы поболтать с ними после матча.

Один из членов клуба был известен как "человек министерства иностранных дел". Томас знал о нем несколько больше. Тот работал на организацию, находящуюся под контролем. МИДа, но не слитую с ним... Барри Ллойд состоял в штате Секретной Разведывательной Службы, SIS, которую иногда именовали просто "Служба", а еще чаще, в простонародье - MI-6.

Томас поднял трубку телефона и назвал номер...

---

[21] Примечания: 21
Команда регби из Уэльса.

[22] Примечания: 22
Команда регби, составленная из валлийцев.

Они встретились в пабе, где-то между восемью и девятью вечера. Немного поговорили о регби. Пока Томас заказывал пиво, Ллойд подумал, что вряд ли приятель из Специальной Службы вызвал его только для того, чтобы поговорить о спорте. Тем более что до начала сезона оставалось еще два месяца.

Выпив по стаканчику, Томас кивнул в сторону террасы, спускавшейся к пристани» Там было значительно тише, нежели в самом пабе, куда то и дело забегали парочки, чтобы выпить и затем отправиться куда-нибудь поужинать.

- У меня кое-какие проблемы, - начал Томас, - может, поможешь?

- Ну... если смогу, - ответил Ллойд.

Томас рассказал о запросе из Парижа и о том, к каким результатам пришли Отдел Уголовных Расследований и Специальная Служба.

- Я подумал, что если такой убийца в действительности существует, да к тому же британец, то он, скорее всего, вряд ли станет пачкать руки внутри страны. Может, вам что-нибудь известно? Какие-нибудь косвенные сведения? Твоя служба...

- Служба? - удивился Ллойд.

- Брось, Барри. По роду профессии приходится

быть в курсе всего... Ты же понимаешь, - голос Томаса был едва слышен.

Со спины они были похожи на двух бизнесменов, обсуждающих дела в Сити.

- Во время расследования по делу Барри мы просмотрели кучу досье. Когда он пал под подозрение, ты работал в его отделе. Тогда же засветились многие из Форин Офис[23].

- Понятно, - сказал Ллойд.

- Теперь подумай вот о чем. Там, в Парке, я - Брин Томас. Но я ведь и суперинтендант Специальной Службы, так? Полная анонимность невозможна, понимаешь?

Ллойд задумчиво осматривал свой стакан.

- Это официальный запрос?

- Нет. Пока нет. Французский следователь Лебель по личным каналам вышел на Маллинсона. Маллинсон ничего не нашел в Центральном архиве и переговорил с Диксоном. Диксон, в свою очередь, вызвал меня и попросил проверить картотеку Специальной Службы. Все делалось без лишнего шума. Иногда обстоятельства требуют этого. Ничего не должно просочиться в прессу. Шансы, конечно, очень малы. Может статься, что

---

[23] Примечания: 23
МИД Великобритании.

мы ничем не сможем помочь Лебелю, но я все же решил покопаться для очистки совести. Ты - последнее звено в цепи.

- Человек охотится за де Голлем?

- Скорее всего. Это вытекает из уровня расследования. Но ясно, что французы не хотят огласки. Поэтому они так уклончивы.

- Да, пожалуй. А почему они не вышли на нас напрямую?

- Вероятно, потому, что между Секретными службами Франции и Англии нет столь тесных личных контактов, как у полицейских.

Если Ллойд и почувствовал намек на пресловутую неприязнь, установившуюся между SDECE и SIS, то не подал вида.

- Ну, что ты думаешь? - спросил Томас после некоторой паузы в разговоре.

Ллойд смотрел на реку.

- Помнишь дело Филби? - спросил он.

- Конечно.

- Все еще больное место нашего отдела.

Ллойд поразмышлял минуту и продолжал:

- Он вернулся из Бейрута в январе шестьдесят первого. Позже, когда все открылось, какое смятение это вызвало в "Службе"! Сколько людей полетело со своих мест. Он угробил весь наш

Арабский отдел. Другим тоже досталось. Пришлось убирать и нашего резидента в Карибском бассейне. До этого тот работал с Филби в Бейруте, затем перешел на Карибы. Приблизительно в это же время диктатор Доминиканской Республики был убит на выезде из Сьюдад Трухильо. Сообщили, что его застрелили партизаны - у него было много врагов. Тогда же наш человек вернулся в Лондон, и некоторое время мы с ним делили мой кабинет. Он рассказал, что ходили слухи, будто машина была сначала остановлена на ходу выстрелом по водителю из снайперской винтовки, а затем партизаны сделали свое дело. Но если так, то это был чертовски точный выстрел - со ста сорока метров, по движущейся машине. Пуля пробила маленькое окошко справа от водителя - единственное, которое было изготовлено из обычного, а не пуленепробиваемого стекла. Снайпер попал водителю в горло, и тот, как предполагают, врезался в дерево. И только после этого подоспели партизаны. Самое странное то, что, по слухам, убийцей был англичанин.

Наступила продолжительная пауза. Стаканы опустели, и мужчины стояли, задумчиво взирая на темные воды Темзы. У обоих в голове возникали картины ландшафта далекой и жаркой

страны, по дороге мчится машина со скоростью около ста километров в час, в ней сидит пышно одетый человек. В течение 30 лет он жестоко правил этой страной. Пройдет совсем немного времени, и диктатор окажется на обочине с простреленной головой.

- Этот человек... Про которого ходили слухи... У него было имя?

- Не знаю. Не помню. Я тогда не придал всему этому особого значения. Полно было других дел, да еще всякие неприятности... Карибский диктатор волновал нас меньше всего на свете.

- Тот коллега, который все рассказал, написал рапорт?

- Наверное. Как обычно. Но убийца - это ведь был всего лишь слух. Всего-навсего слух. Никто не стал прорабатывать эту версию. Мы занимаемся фактами, только фактами.

- А если покопаться в архиве? Там должны быть материалы?

- Думаю, что да, - сказал Ллойд.

- Но ведь ты бы мог взглянуть в папку. Может, всплывет какое-нибудь имя?

Ллойд повернулся спиной к Темзе.

- Иди домой, - сказал он, - я позвоню, если будет что-нибудь интересное.

Мужчины вернулись в паб, оставили стаканы и вышли на улицу.

- Я буду тебе очень признателен, - сказал Томас, когда они на прощанье пожимали друг другу руки.

* * *

В то же время, как Томас и Ллойд беседовали у Темзы, а Шакал допивал свое "Забальоне"в одном из миланских ресторанов, комиссар Клод Лебель сидел в конференц-зале Министерства Иностранных дел Франции на первом совещании, посвященном ходу его расследования.

Присутствовали те же лица, что и 24 часа назад. Во главе стола председательствовал сам Министр Внутренних дел по бокам - главы отделов и служб, напротив - Клод Лебель. Перед следователем лежала небольшая папка. Роже Фрей кивнул, давая указание начать совещание.

Первым выступил глава кабинета. В течение дня, сказал он, все таможенники Франции получили указания тщательно проверять багаж всех высоких светловолосых иностранцев. Особое внимание следовало обратить на паспорта, поскольку убийца наверняка имеет поддельные документы. Служба DST, осуществляющая пас-

портный контроль, уже предупреждена. (Шеф DST кивнул головой, подтверждая сказанное). Туристы и бизнесмены, вполне вероятно, заметят неожиданное ужесточение таможенного контроля. Тем не менее, сомнительно, что жертвы этой тщательной проверки догадаются, что все устроено ради поиска высокого блондина. Если пресса начнет копать, то мы объясним нашу активность как запланированную акцию. Но, похоже, все пройдет тихо.

Сангинетги предложил также рассмотреть возможность похищения одного из лидеров ОАО, скрывающихся в Риме. Ки де Орсе[24] выступила против этой идеи по дипломатическим соображениям (они пока ничего не знают о Шакале), и в этом их поддержал Президент. (Он знал причину). Таким образом, этот вариант следовало пока отставить.

Генерал Жибо из SDECE доложил, что была проведена всесторонняя проверка архивов службы, в результате которой не удалось выявить ни одного политического убийцы вне рядов ОАС и их сторонников.

Шеф Главного Статистического Управления RG

---

[24] Примечания: 24

Ки де Орсе - набережная в Париже, где находятся правительственные учреждения.

отметил, что в его ведомстве проверка также не дала никаких результатов, причем не только среди французов, но и среди иностранцев, которые когда-либо участвовали в подобных операциях во Франции.

Следующим выступил глава DST. Утром в 7 часов 30 минут был перехвачен телефонный разговор, осуществлявшийся из почтового отделения неподалеку от Северного Вокзала. Звонили по одному из номеров римского отеля, где проживают лидеры ОАС. С самого момента их поселения в Риме операторам на междугородке было дано задание фиксировать все разговоры, которые происходят между Францией и этим отелем. Телефонист, дежуривший сегодня утром, поздно сообразил, что это как раз номер из списка. То есть, он сначала соединил, а потом уже позвонил в DST. Тем не менее, оператор все же догадался прослушать разговор. Вот он: "Валми - Пуатье. Шакал засвечен. Повторяю, Шакал засвечен. Ковальского взяли. Раскололся перед смертью. Конец".

В комнате наступила гробовая тишина.

- Откуда они узнали? - тихо спросил Лебель с дальнего конца стола.

Все повернулись к нему, кроме полковника Рол-

лана. Тот сверлил взглядом противоположную стену конференц-зала. Казалось, он так глубоко задумался, что уже ничего не замечал.

- Проклятье, - громко произнес он, не отрывая взгляда от стены.

Теперь уже все смотрели на шефа службы "Действие".

Наконец полковник произнес:

- Марсель. Чтобы выманить Ковальского из Рима, мы использовали приманку. Его старого дружка по имени Йойо Гржибовский. У него есть жена и дочь. Осуществляя операцию, по захвату Ковальского, мы спрятали всю семью в надежном месте. Потом мы разрешили им вернуться домой. Все, что я хотел от Ковальского, - это информация о его хозяевах. В то время дело Шакала еще не всплыло. И поэтому не было причин скрывать от кого бы то ни было, что мы взяли Ковальского. Потом, конечно, все изменилось. Скорее всего поляк, Йойо информировал агента Валми. Моя ошибка.

- Люди из DST взяли Валми на почте? - осведомился Лебель.

- Из-за глупости оператора мы разошлись с ним всего на несколько минут, - ответил глава DST.

- Яркий пример неэффективности, - высокомер-

но произнес полковник Сен-Клер.

На него было брошено несколько недружелюбных взглядов.

- В этом расследовании мы движемся с завязанными глазами. Противник нам неизвестен, - ответил ему генерал Жибо. - И если полковник изъявит желание возглавить операцию и взять на себя всю ответственность...

Полковник из Елисейского Дворца усиленно изучал папки, всем своим видом демонстрируя, что в них содержится нечто более важное, чем скрытая угроза шефа SDECE. Про себя же он отметил, что поступил не совсем предусмотрительно, сделав эго замечание.

- В некотором смысле, - задумчиво произнес министр, - даже лучше, что наемник засветился. Я уверен, что теперь они отменят операцию. Как вы полагаете?

- Несомненно, - быстро ответил Сен-Клер, пытаясь поддержать свой пошатнувшийся авторитет. - Господин министр прав. Они же не сумасшедшие, чтобы продолжать в таких условиях.

- Нельзя сказать, что Шакал так уж сильно засвечен, - тихо произнес Лебель. Все уже забыли о его существовании. - Имя убийцы по-прежнему неизвестно. Он просто примет дополнительные

меры предосторожности. Фальшивые бумаги, изменение внешности...

Оптимизм, появившийся было после выступления министра, исчез без следа. Роже Фрей посмотрел на комиссара с уважением.

- Думаю, сейчас время послушать сообщение комиссара Лебеля, господа. Так или иначе, именно он ведет расследование. Мы здесь лишь для того, чтобы оказать ему посильную помощь.

Лебель начал с того, что рассказал обо всех действиях, предпринятых с прошлого вечера: проверки в картотеках показали, что если сведения на этого иностранца и содержатся в архивах, то только не во французских. Поэтому он и запросил соответствующие службы семи стран путем серии телефонных звонков через узел связи Интерпола. В заключение он произнес:

- В течение дня мы получили ответы. Вот они: Голландия - ничего, Италия - несколько наемных убийц, но все они работают на мафию. В результате тайного запроса, сделанного карабинерами в Капо де Рома[25], был получен ответ, что ни один убийца, связанный с ними, сам на такое дело не пойдет, а мафия бы никогда не дала своего

---

[25] Примечания: 25
Капо де Рома - руководство итальянской мафии.

согласия на убийство иностранного политического деятеля. Лично я считаю, что это похоже на правду. Британия. Ничего, но дело передали в Специальную Службу для перепроверки.

- Как всегда, медлительны, - вполголоса вставил Сен-Клер. Лебель посмотрел на него.

- Но весьма аккуратны. Не недооценивайте Скотланд Ярд. Итак, Америка. Два кандидата. Один - подручный крупного дельца из Майами, занимающегося продажей оружия. Бывший морской пехотинец, позже - сотрудник ЦРУ в Карибском бассейне. Уволен за убийство в драке кубинского противника Кастро. Этот кубинец должен был возглавить военное подразделение во время высадки десанта на остров.

Потом его подобрал этот делец, ранее связанный с ЦРУ, - помогал им с оружием в горячих точках. Американцы считают, что морской пехотинец был как-то связан с несчастными случаями, которые произошли с конкурентами майамского дельца. В этом бизнесе, похоже, без резни не обходится. Человека зовут Чарльз "Чак" Арнольд. ФБР определяет его местонахождение в настоящее время. Второго, предложенного ФБР кандидата, зовут Марко Вителлино, в прошлом - личный телохранитель Альберто Анастасиа,

нью-йоркского гангстерского босса. Его шеф был застрелен в парикмахерском кресле в октябре пятьдесят седьмого. Вителлино пришлось уехать из Америки, опасаясь за свою жизнь. Сейчас он находится в Каракасе, Венесуэла. Пытался самостоятельно заниматься рэкетом, но без особого успеха. Его прижали ребята из местной мафии. ФБР считает, что он вполне созрел для политического убийства - если цена будет подходящая.

Никто не проронил ни слова.

- Бельгия. Один кандидат. Психопат, служил у Чомбе в Катанге. Позже выслан, после ареста войсками Объединенных Наций в 1962-м. В Бельгию вернуться не может, на нем висят два убийства. Наемник, но очень умный. Зовут Жюль Беранже. Предполагают, что эмигрировал в Центральную Америку. Бельгийцы проверяют его местонахождение.

Германия. Ганс-Дитер Кассель, бывший майор СС, заочно осужден в двух странах за военные преступления. После войны жил в Германии под вымышленным именем, работал наемным убийцей на ODESSA, тайную организацию бывших эсэсовцев. Подозревается в убийстве двух левых социалистов, призывавших правительство интенсифицировать расследования военных

преступлений нацистов. Бежал в Испанию, за что один из полицейских чиновников лишился своего места. Сейчас отошел от дел, живет в Мадриде. Ему пятьдесят семь. Вряд ли бы он взялся за то дело, которое мы расследуем.

Наконец, Южная Африка. Один подозреваемый профессиональный наемник. Имя: Пит Схейпер. Тоже служил Чомбе. В самой ЮАР он ни в чем не замешан, но считается персоной нон-грата. Отъявленный убийца. Последний раз о нем были известия из Конго, когда после отделения Катанги тот был выслан из страны. Считается, что он все еще где-то в Западной Африке. Их Специальная Служба продолжает это выяснять.

Лебель остановился и оглядел собравшихся.

- Конечно, - продолжал он, - пока мы блуждаем во тьме, ожидая хоть какого-нибудь просветления. Я выбрал страны, откуда с наибольшей вероятностью мог бы происходить убийца. Хотя он может оказаться и шведом, и австрийцем, или еще кем-нибудь. Вполне возможно, что убийца окажется из одной из тех стран, куда поступили запросы, несмотря на отрицательные результаты проверок в архивах.

Будем надеяться, что в ближайшие дни что-нибудь прояснится.

- Надежда сама по себе не сможет нас далеко продвинуть по пути следствия, - скептически заметил Сен-Клер.

- Может, господин полковник, у вас есть более интересные предложения? - вежливо поинтересовался Лебель.

- Лично я считаю, что мы спугнули убийцу. В свете всего происшедшего он побоится продолжать операцию, - холодно сказал Сен-Клер. - После того, как о заговоре стало известно нам, он даже не сможет приблизиться к Президенту. Как бы ни сожалели Роден и его приспешники, но им придется отозвать Шакала и отменить операцию.

- Вы считаете, что мы спугнули убийцу, - вставил Лебель. - Но ваши личные ощущения, выразившиеся в вашем заявлении, не так уж далеки по своей неопределенности от моей надежды. Поэтому я бы предпочел продолжать расследование.

- Вы надеетесь получить из этих стран что-либо еще? - спросил министр.

- Я уже начал получать по телексу полные досье на названных лиц. Последнее будет у меня завтра к полудню. Некоторые из полицейских служб все еще продолжают поиски в картотеках, а также определяют местонахождение тех наемников,

которые вышли из их поля зрения.

- Они будут держать язык за зубами? - поинтересовался Сангинетти.

- Почему бы и нет... Сотни конфиденциальных запросов делаются каждый год старшими полицейскими чинами стран-членов Интерпола, многие из этих запросов проходят по личным каналам. К счастью, все страны вне зависимости от их политической ориентации относятся к преступности одинаково. У нас нет столь серьезных разногласий, как у наших политиков.

- И в области политической преступности? - спросил Фрей.

- Для полицейских нет разницы, господин министр. Для нас любые преступления остаются преступлениями. Поэтому я и предпочел войти в контакт со своими коллегами, нежели с людьми из министерств иностранных дел.

- Но, узнав о расследовании, политики могут быстро сообразить, о чем идет речь, и начнут втайне смеяться над нами, - снова вмешался Сен-Клер.

- Не вижу причин, которые бы заставили их смеяться. С каждым может случиться подобное, - возразил Лебель.

- Вы совсем не разбираетесь в политике, и ваши

представления об этих людях наивны. Многие из политиков, мсье Лебель, узнав о том, что за Президентом Франции охотится убийца, будут просто в восторге, - отпарировал Сен-Клер. - Вот почему Президент так хотел избежать огласки.

- Это совсем не огласка, - поправил Лебель, - информацией располагает лишь очень узкий круг людей. Причем таких людей, которые, если бы вдруг открыли хоть часть секретов, хранящихся в их головах, то половина политиков полетела бы со своих мест. Эти люди знают винтики, на которых держатся все западные демократии.

А знают они эти винтики потому, что им же приходится их защищать. Не умей хранить тайны, они не занимали бы свои столь высокие посты.

- Лучше позволить нескольким людям узнать о том, что мы ищем убийцу, чем потом им же рассылать приглашения на похороны, - проворчал Бувье. - Мы воюем с ОАС вот уже два года. Говоря о секретности, Президент имел в виду то, что эта борьба не должна становиться газетной сенсацией или предметом досужих обсуждений общественности.

- Господа, господа, - вмешался министр. - Хватит пререкаться. Я дал разрешение комиссару Лебелю

провести тайные запросы главам иностранных полицейских служб. Я сделал это после... - он бросил взгляд на Сен-Клера, - после консультации с Президентом.

Конфуз Сен-Клера вызвал всеобщее удовлетворение.

- Еще кто-нибудь хочет выступить? - поинтересовался Фрей.

Роллан поднял руку.

- У нас имеется свой офис в Мадриде, - сказал он. - В Испании сейчас полно бывших оасовцев. Мы можем проверить Касселя, не тревожа западных немцев. К тому же, наши отношения с немецким МИДом после известных событий весьма прохладны.

Многие улыбнулись, вспомнив дело о февральском похищении Арго.

- Спасибо, - сказал детектив. - Я буду вам очень признателен. И это, пожалуй, все, что мы можем пока сделать. Остается ждать ответов от коллег из-за границы. Тех, кто еще не закончил проверку или собирается сообщить адреса упомянутых убийц.

- Тогда, до завтра, господа, - поставил точку министр и поднялся, собирая бумаги.

Присутствующие стали расходиться.

Выйдя из здания, Лебель с удовольствием вдохнул глоток свежего ночного воздуха. Часы пробили двенадцать, возвестив о наступлении 13 августа.

* * *

Той же ночью где-то в районе двенадцати Барри Ллойд позвонил суперинтенданту Томасу домой в Чизвик. Томас уже собирался выключить свет, полагая, что приятель позвонит только утром.

- Я нашел подобие рапорта, о котором мы говорили, - сказал Ллойд. - Я был в общем-то прав. Описывается слух, ходивший по острову в те времена. Имеется гриф "Не для дальнейшего делопроизводства". Я же говорил, мы были очень заняты, чтобы этим заниматься.

- Там есть какие-нибудь имена? - тихо, чтобы не разбудить жену, поинтересовался Томас.

- Да, один английский бизнесмен, который исчез приблизительно в то время, когда было совершено преступление. Может, он и не имеет никакого отношения к убийству, но его имя связывали с событиями. Его звали Чарльз Калтроп.

- Спасибо, Барри. Утром я этим займусь, - он положил трубку и выключил свет.

Ллойд посидел немного в тишине и стал состав-

лять рапорт. Закончив, переслал его с посыльным секретарю Форин Офис. Человек, сидевший этой ночью на дежурстве, долго изучал документ сонными глазами и, поскольку бумага касалась Парижа, положил в папку "Франция". Завтра она должна была попасть в руки шефа французского отдела.

Глава 14

Шакал встал как обычно в 7.30, выпил чай, оставленный горничной, принял душ и побрился. Одевшись, вытащил из тайника в чемодане пачку банкнот в тысячу фунтов, сунул ее в карман пиджака и спустился к завтраку. В девять англичанин уже шагал по Виа Манцони - дороге, ведущей из отеля к деловому центру города. Там его интересовали исключительно банки, вернее возможность совершить некоторые финансовые операции. В течение двух часов Шакал заходил то в один, то в другой банк, меняя английские фунты. Две сотни были обменены на итальянские лиры, а оставшиеся восемьсот - на французские франки.

Часам к одиннадцати, он забежал на чашечку эспрессо в кафе, а затем отправился на поиски одного адреса.

После многочисленных расспросов он оказался на одной из улочек Порто Гарибальди, рабочего района рядом со станцией Гарибальди. Здесь англичанин нашел то, что искал, - ряд платных гаражей. Отыскав хозяина, Шакал сунул тому две

тысячи лир - гораздо больше, чем требовалось, - за двухдневную аренду одного из его гаражей.

В местной лавчонке Шакал купил комбинезон, пару ножниц по металлу, несколько метров тонкого стального провода, паяльник и припой. Все это он уложил в холщовую сумку, купленную в том же магазине, бросил в гараже, запер его и отправился обедать в один из фешенебельных миланских ресторанов.

После обеда, договорившись по телефону о встрече, Шакал взял такси и направился по адресу небольшой компании, дающей напрокат автомобили. Англичанин выбрал себе подержанную спортивную "Альфа-Ромео".

Его паспорт, британские и международные права были безукоризненны. Страховку выдала небольшая юридическая контора, находившаяся поблизости, которая время от времени оказывала небольшие услуги фирме по прокату автомобилей. Заплатив сумму, эквивалентную двумстам фунтам, Шакал получил машину на две недели.

Англичанин заранее поинтересовался в Автомобильной ассоциации Лондона о правилах пользования машиной, взятой напрокат. Он выяснил, что при передвижении в пределах стран Общего рынка не должно возникнуть никаких

сложностей при условии, если имеются водительские права, регистрационные документы, контракт на прокат и страховка.

Вступив во владение автомобилем, Шакал поехал на улицу Корзо Венеция, в Итальянский Автомобильный Клуб, где ему дали адрес весьма уважаемой страховой компании. Там, за дополнительную плату англичанин получил страховку, позволяющую ему выезжать за пределы Италии. Его заверили, что фирма поддерживает прекрасные отношения с крупной французской страховой компанией, поэтому у синьора не будет никаких проблем.

Вернувшись в "Континенталь", Шакал припарковал машину на стоянке рядом с отелем, поднялся в номер и вытащил чемодан с компонентами снайперской винтовки. Около пяти вечера он снова вернулся в арендованный гараж на задворках Милана.

Заперев дверь, англичанин включил в розетку паяльник, а рядом с машиной положил мощный фонарик так, чтобы тот освещал днище автомобиля. Два часа он старательно припаивал стальные трубки с частями винтовки к днищу "Альфа-Ромео". Одной из причин, по которой он выбрал "Альфу", явилось то, что среди всех итальянских

автомобилей у нее была самая подходящая рама.

Каждая трубка была обернута кусочком мешковины. Тонкий стальной провод, купленный в магазине, прочно прихватывал трубки к раме, а там где провод касался ее загибающихся вниз краев, Шакал припаял их друг к другу.

К моменту окончания работы комбинезон англичанина был весь заляпан масляными пятнами, а руки ныли от напряжения после двух часов возни со стальным проводом. Но дело было сделано. Трубки почти слились с поверхностью рамы и скоро станут совсем неразличимы - стоило лишь немного проехать, и они покроются толстым слоем грязи и пыли.

Шакал уложил грязный комбинезон, паяльник и остатки провода в сумку из мешковины и запихал под кучу лохмотьев, сваленных в углу гаража. Ножницы по металлу англичанин бросил в автомобиль.

Когда Шакал выехал из гаража, на город уже опускались сумерки.

Еще до наступления темноты он добрался до отеля и вновь, оставив машину на стоянке, поднялся в номер. С момента появления Шакала в Милане прошло около 24 часов, и вот он, так же как и сутки назад, стоял в душе, смывая с себя

дневную грязь вместе с усталостью. Перед тем, как одеться, Шакал долго отмачивал распухшие руки в тазике с холодной водой. В этот день англичанину предстоял приятный вечер с ужином и коктейлями.

Перед тем как войти в бар, он остановился у стойки портье и попросил подготовить счет за отель. Кроме того, Шакал дал указание разбудить его в пять тридцать утра и заказал завтрак в номер.

Выпив, по обычаю кампари с содовой и отлично поужинав, он снова подошел к портье, оплатил счет и около одиннадцати уже спал у себя в номере.

* * *

Сэр Джаспер Куигли стоял у окна своего кабинета и смотрел на безупречный строй конной стражи, двигавшийся колонной мимо Букингемского дворца.

Зрелище было и в самом деле восхитительное. Почти каждое утро сэр Джаспер наблюдал из министерства это самое английское из всех английских зрелищ.

Часто ему приходило на ум, что просто вот так стоять у окна и каждый день наблюдать,

как проезжает гвардия в синих мундирах, как похрапывают лошади, кусая упряжь, как солнечные зайчики пляшут на начищенных шлемах и восторженно кричит толпа, - все это стоило многих лет, проведенных в больших и малых посольствах. Порой он испытывал столь сильную гордость и волнение, что непроизвольно распрямлялись плечи и слегка приподнимался подбородок, разглаживая на шее старческие морщины.

Иногда, едва заслышав цокот копыт, сэр Джаспер поднимался из-за стола и спешил к высокому неоготическому окну, чтобы еще раз проводить взглядом это яркое зрелище. И лишь после того, как колонна исчезала за Мэлл-стрит, он вновь принимался за работу.

Но в это утро у него было совсем не романтическое настроение, Плотно сжав губы, сэр Куигли смотрел вниз невидящим взглядом. По его лицу можно было сказать, что он едва сдерживает сильный гнев, хотя в комнате никого, кроме него, не было.

Сэр Куигли возглавлял Французский отдел Форин Офис. Несмотря на свое название, отдел, конечно же, не обладал какой-либо юрисдикцией в отношении страны по другую сторону

Ла Манша. Название происходило из функций отдела, заключавшихся в изучении политики, намерений, деятельности и вообще любой информации, касавшейся Французской Республики, которая могла бы заинтересовать правительство, министерство и, в частности, Государственного Секретаря, главу британского Форин Офис.

Сэр Куигли обладал всеми качествами, необходимыми для занятия столь высокого поста: у него был длинный и безупречный послужной список после многолетней дипломатической работы во всех уголках мира - за исключением, увы, Франции; его политические суждения, хоть и небезупречные порой, всегда совпадали с мнением вышестоящих лиц. Удобство его существования заключалось и в том, что он никогда не оказывался публично неправ, или прав той правотой, которая часто стоит у начальства, как кость в горле. Сэр Куигли никогда не поддерживал модные, но сомнительные веяния, никогда его мнение не шло вразрез с тем, которое преобладало в высших эшелонах власти.

Его брак с, по меньшей мере, малопривлекательной дочерью главы канцелярии в Берлине, который позже стал помощником второго заместителя министра иностранных дел Великобри-

тании, принес сэру Куигли некоторые дивиденды. Единственное, что весьма серьезно подпортило карьеру, был пресловутый меморандум, написанный в 1937 из Берлина и констатировавший, что немецкое перевооружение никак не повлияет на судьбу Западной Европы в обозримом будущем.

Во время войны, вернувшись в Лондон, сэр Куигли начал работать в Балканском отделе, в ходе чего настоятельно рекомендовал британскому правительству поддержать югославского партизана Митковича. Когда Премьер-министр неразумно предпочел совет какого-то капитана Фитцроя Маклина, который ранее прыгал в этот район с парашютом и предлагал поддержать этого несчастного коммуниста Тито, молодой Куигли был переведен во Французский отдел.

Здесь он проявил себя как ярый сторонник действий генерала Жиро в Алжире, о помощи которому ходатайствовал перед британским правительством. Это, конечно, было мудро, однако сэр Куигли недооценил другого, французского генерала, не столь известного, который в это время жил в Лондоне, пытаясь собрать силу, названную Свободная Франция... Почему Уинстон тогда предпочел именно этого человека - многие профессионалы ломают головы до сих пор.

Впрочем, нельзя сказать, что сэру Куигли не хватало квалификации для руководства Французским отделом. За дипломатическую работу в 1961-м он был награжден Орденом Подвязки. Он всего-навсего не любил Францию и все, что с ней связано. А после того, как де Голль на своей известной пресс-конференции 14 января 1963 года поставил барьер перед Британией, стремящейся войти в Общий рынок, отношение сэра Куигли к Франции стало просто ничем по сравнению с его ненавистью к де Голлю, в особенности, когда на следующий день, 15 января, Премьер вызвал его к себе и целых двадцать минут промывал мозги главе Французского отдела.

В дверь постучали. Сэр Джаспер Куигли резко повернулся к столу, быстро взял какую-то бумагу, изобразив сосредоточенную работу, и только тогда проговорил:

- Войдите.

Вошел молодой человек и уверенно приблизился к столу шефа Французского отдела.

Сэр Джаспер посмотрел на него поверх узких очков.

- А, Ллойд. Я как раз просматривал ваш рапорт. Очень, очень интересно. Неофициальный запрос, сделанный важным полицейским чином Фран-

ции другому важному полицейскому чину, но уже Англии. Передано для рассмотрения старшему суперинтенданту Специальной Службы, который счел нужным проконсультироваться, опять же неофициально, с одним из рядовых сотрудников Интеллидженс Сервис. Так?

- Да, сэр.

Дипломат все еще стоял около окна и рассматривал документ так, будто в первый раз увидел его. Ллойд отметил про себя, что чиновник уже, должно быть, тщательно изучил рапорт, а его напускное безразличие - всего лишь поза.

- И этот рядовой сотрудник, - продолжал Куигли, - по своему разумению и не проконсультировавшись с начальством, помогает Специальной Службе и передает кое-какую информацию, более того - голословную информацию, о том, что некий гражданин Великобритании, занимающийся бизнесом, может в действительности являться хладнокровным убийцей. Так?

"Куда клонит эта старая вешалка?" - подумал Ллойд.

Ответ не заставил себя долго ждать.

- Что меня больше всего настораживает, мой дорогой Ллойд, так это то, что информация об этом неофициальном запросе попадает ко мне

лишь через 24 часа. И это к человеку, который более чем кто бы то ни было должен быть в курсе всего, что происходит во Франции. Странно, не правда ли?

Ллойд понял, куда дует ветер. Междепартаментская война. Он знал, что сэр Джаспер - достаточно могущественный человек. Сказывались годы борьбы за выживание с такими же, как он, чиновниками, карабкающимися наверх. Причем характер этой борьбы был таков, что ей приходилось уделять гораздо больше времени, чем государственным делам.

- Но, сэр... Запрос суперинтенданта Томаса был сделан вчера в девять вечера, рапорт я написал к двенадцати.

- Так-то оно так. Но примерно в то же время, а именно около двенадцати ночи вы позвонили ему и сообщили необходимую информацию. Как это могло случиться?

- Это - просто сотрудничество, взаимодействие между различными правительственными учреждениями, - ответил Ллойд. - Я чувствовал, что это может как-то помочь следствию.

- Но вы уж, конечно, не имеете в виду сотрудничество между вашей службой и Французским отделом? Не так ли? - от вкрадчивого инквизи-

торского тона сэр Джаспер перешел к прямым наскокам.

- У вас в руках - мой доклад, сэр.

- Поздновато, Ллойд, поздновато.

Ллойд решил сделать ответный выпад. Особой вины за собой он не чувствовал« а если и был промах, так только в том, что, вероятно, следовало доложить в первую очередь своему шефу, а не сэру Джасперу Куигли.

Подчиненные любили главу SIS, а чиновники Форин Офис недолюбливали, в частности за то, что тот запретил кому бы то ни было, кроме себя, наказывать своих сотрудников.

- Слишком поздно для чего, сэр?

Куигли резко посмотрел на Ллойда. Нет, он не попадется в ловушку, сказав, что слишком поздно, чтобы помешать Томасу получить ответ на запрос.

- Вы, надеюсь, понимаете, что в этом деле фигурирует имя английского бизнесмена? А что вы имеете против этого человека? Его вина доказана? Не считаете ли вы, что ради какого-то запроса годится марать имя порядочного человека?

- Я сомневаюсь в том, что обычное рассмотрение одной из версий при расследовании, вовлекающее при этом имя какого-либо челове-

ка, является маранием его имени.

Дипломат до белизны сжал губы, пытаясь совладать с собой. "Наглый щенок", - подумал он, - "да еще какой хитрый".

- Так-так, Ллойд. И все же, несмотря на ваше искреннее желание помочь Специальной Службе, весьма похвальное желание, не считаете ли вы, что прежде, чем идти на нарушение инструкций, следовало бы прежде проконсультироваться?

- Вы спрашиваете, сэр, почему я не проконсультировался с вами?

Куигли покраснел.

- Да, именно это я и имел в виду.

- Сэр, при всем моем уважении к вашему чину, я все же должен обратить ваше внимание на то, что состою в штате Службы. Если вы неудовлетворены моими действиями прошлой ночью, мне кажется, будет более логичным обратиться к моему непосредственному начальнику, нежели ко мне лично.

"Логично? Не собирается ли этот молодой выскочка учить его, сэра Джаспера, главу Французского отдела, что более, а что менее логично?"

- Не сомневайтесь, - рявкнул Куигли, - не сомневайтесь. Ваше начальство еще будет уведомлено.

Не спрашивая разрешения, Ллойд повернулся и

покинул кабинет. Он был уверен, что получит нагоняй от своего Старика, а все, что он мог сказать в свое оправдание, это то, что дело было чрезвычайно срочным, судя по тому, каким образом был сделан запрос Брина Томаса. Если Старик скажет, что следовало провести расследование по официальным каналам, то выговора не миновать. Но, по крайней мере, он получит его от шефа, а не от Куигли. Ох, чертов, Томас.

Однако сэра Джаспера терзали сомнения - написать докладную или нет. Технически он был прав: информацию о Калтропе следовало вначале проверить и согласовать в правительстве, не обязательно с ним самим.

И все же, будучи главой Французского отдела, он являлся одним из клиентов Секретной Службы, получая от нее необходимую информацию. Поэтому, пожаловавшись на Ллойда, он мог бы добиться его наказания, однако в то же время ему совсем не хотелось попадать на язык шефа SIS, который, конечно же, никак не одобрит вызова своего офицера в Министерство Иностранных дел.

К тому же, ходили слухи, что глава Секретной Службы весьма близок к высшему руководству страны. Играет с ними в карты в Бленде; охотится

в Йоркшире. Шефу Французского отдела приходилось только мечтать о таких приглашениях. Лучше все оставить так, как есть. Он вновь повернулся к окну и стал смотреть на парад Конной гвардии.

* * *

- Я решил не лезть в это дело, - заметил сэр Джаспер своему компаньону во время обеда, рассказав в общих чертах об утреннем происшествии. - Пусть они помогают французам, сколько хотят. Надеюсь, далеко они не зайдут, а?

Это была хорошая шутка, сэру Джасперу она понравилась. К несчастью, он недооценил связи своего компаньона в высших правительственных кругах.

* * *

Об этой остроте сэра Джаспера Премьер-министр узнал как раз перед четырьмя, когда вернулся на Даунинг Стрит 10[26] после ответов на вопросы в Парламенте. Тогда же ему поступил

---

[26] Примечания: 26
Резиденция Премьер-министра Великобритании.

рапорт комиссара Столичной полиции[27].

В 16.10 в кабинете суперинтенданта[28] Томаса зазвонил телефон. Весь день Томас пытался напасть на след человека, d котором ничего, кроме имени и фамилии, не было известно. Как обычно, в случаях, когда заведомо знали, что разыскиваемый бывал за границей, запросы вначале посылались в паспортный отдел на Петти Франс.

Нанеся туда визит в 9 часов утра, Томас заполучил фотокопии заявлений на получение паспорта от шести различных Чарльзов Калтропов. К сожалению, у них еще и средние имена, причем все разные. Ему также удалось раздобыть фотографии каждого, при условии, что, как только будут сделаны фотокопии, их незамедлительно возвратят в архив Паспортного отдела.

Заявление на один из паспортов поступило еще в январе 1961-го, но это ровным счетом ничего не значило. Хотя, нет... отсутствие данных по более ранним запросам от этого Чарльза Калтропа, уже давало Томасу основания, поставить его в самый низ своего списка шести подозреваемых. Если тот и был в Доминиканской республике под

---

[27] Примечания: 27
Официальное название полиции Лондона.

[28] Примечания: 28
Чин, следующий после старшего инспектора полиции.

другим именем, тогда почему убийство Трухильо связывали по слухам с неким Калтропом?

Из остальных пяти, один был слишком стар: в августе 1963-го ему уже стукнуло шестьдесят пять. Четверо же других вполне могли сойти за того, кого разыскивали. И неважно, походят ли они на описанного Лебелем высокого блондина, ведь перед Томасом стоит задача: методом исключения постараться выйти на Шакала. Если же все шестеро окажутся вне подозрений, тем лучше. Он с чистой совестью предоставит Лебелю исчерпывающую информацию по этому поводу.

В первых двух заявлениях стояли лондонские адреса, двое других, подавших документы на оформление паспортов, были из провинции. Конечно же, недостаточно было просто позвонить мистеру Чарльзу Калтропу и справиться у того, находился ли он в 1961 году в Доминиканской республике. Он может запросто ответить "нет", даже если и был там.

То, что четверо из этого списка подозреваемых в графе "профессия" указали "бизнесмен", тоже ничего не значило. Хотя из рапорта Ллойда следовало, что, по слухам, убийцей был именно бизнесмен. Но это могло оказаться и ошибкой.

Все утро после телефонного звонка Томаса,

полиция графств пыталась выйти на тех двух Калтропов из провинции. Один все еще был на работе, но уже собирался отправиться с семьей на уик-энд. Его проводили домой, где внимательно изучили предъявленный паспорт. Въездных и выездных виз с печатями Доминиканской республики за период с 1960 по 1961 год в нем не было; Там было всего две записи, указывающих, что владелец паспорта посетил однажды Майорку и Коста-Брава. К тому же, на запросы по месту работы этого Чарльза Калтропа, администрация фабрики по производству супов в пакетиках сообщила, что в январе 1961 года тот не покидал бухгалтерию, где работал вот уже десять лет.

Другой провинциал был найден в отеле в Блэкпуле. Не имея с собой паспорта, ему пришлось созвониться с полицией своего городка и дать им разрешение воспользоваться ключом, находящимся в данный момент у соседа: "паспорт лежит в верхнем ящике стола в его кабинете".

Печатей Доминиканской полиции в нем также не оказалось. На его работе узнали, что он, работая мастером по ремонту пришущих машинок, в 1961 году никуда не уезжал, разве что летом - в отпуск. Табели и страховые документы подтверждали эхо.

Один из Чарльзов Калтропов, живущих в Лондоне, оказался владельцем овощного магазина в Катфорде. Когда два джентльмена зашли поболтать с ним и попросили предъявить паспорт, ему понадобилось всего несколько минут, чтобы принести его, так как жил он здесь же, над магазином. Как и в остальных случаях, в паспорте не было никаких записей, указывающих на то, что владелец бывал в Доминиканской республике. Посетители же, спросив самого зеленщика, быстро уверились в этом, так как тот честно признался им, что даже не знает, где находится этот остров.

С четвертым и последним Калтропом было гораздо сложнее. Обратившись по адресу, указанному в заявлении на получение паспорта четыре года назад, выяснили лишь, что тот покинул жилые кварталы Хайгейта в декабре 1960 года. Куда он съехал, ни в каких документах не значилось.

Но Томас, по крайней мере, узнал его среднее имя. Поиски в телефонном справочнике ничего не дали. Но, представившись полицейским из Специальной Службы[29], Томас разузнал на главпочтамте, что у некоего Ч. Г. Калтропа из

[29] Примечания: 29

Отдел департамента уголовного розыска, осуществляющий функции политической полиции, а также охраны членов королевского семейства, британских и иностранных государственных деятелей.

Уэст-Лондона есть телефон, номер которого не указан в справочнике. Инициалы совпадали с именем разыскиваемого Калтропа - Чарльз Гарольд. Оттуда же Томас позвонил в отдел регистрации избирателей этого района.

- Да, - сообщил голос в трубке, - некий мистер Чарльз Гарольд Калтроп действительно проживает по данному адресу и внесен в списки избирателей района.

Тогда же ему и был нанесен визит. Но квартира была закрыта и на настойчивые звонки никто не открывал. Ни один человек в округе не мог сказать, где в данный момент находится господин Калтроп. Вернувшись в Скотланд-Ярд, суперинтендант Томас решил действовать иначе. В Налоговое Управление поступил запрос на некоего Чарльза Гарольда Калтропа, адрес прилагается. Полицию интересовало, где он в настоящее время работает и работал в течение трех предыдущих лет.

Как раз в этот момент и зазвонил телефон. Томас взял трубку, представился, а через несколько секунд глаза поползли на лоб от удивления:

- Меня, лично? Да, конечно, я приду. Минут через пять? Спасибо, до встречи.

Он вышел из здания и, громко сморкнувшись,

направился через Парламентскую площадь. Несмотря на теплые летние дни, Томас все еще никак не мог оправиться от простуды, которая, казалось, и не собиралась отступать. С Парламентской площади он зашагал по Уайтхоллу, а затем свернул налево, на Даунинг Стрит. Как всегда, там было темно и уныло. Солнце никогда не проникает в этот глухой переулок, где находится резиденция Премьер-министра Великобритании. Перед дверьми дома номер 10 была небольшая толпа. Люди, сдерживаемые двумя бесстрастными полицейскими, повидимому тешили себя надеждой хотя бы одним глазком увидеть в окнах известное всему миру лицо.

Томас сошел с дороги и, свернув направо через небольшую лужайку, очутился перед задним входом дома номер 10. Он позвонил. Дверь сразу же открыл громадный полицейский в форме. Сержант узнал его и отдал честь:

- Добрый день, сэр. Господин Харроуби попросил меня провести вас сразу к нему.

Джеймс Харроуби, а именно он звонил Томасу несколько минут назад, был шефом личной охраны Премьер-министра. Это был красивый мужчина, выглядевший моложе своих сорока с небольшим лет, выпускник одной из престиж-

ных школ Королевства. Перед тем как попасть на Даунинг Стрит у него была прекрасная карьера полицейского. Он, как и Томас, имел звание суперинтенданта. Когда Томас вошел, тот встал:

- Заходи, Брин. Рад тебя видеть.

Он кивнул сержанту,

- Спасибо, Чалмерс. Сержант вышел, закрыв за собой дверь.

- Зачем меня вызывают? - спросил Томас.

Харроуби удивленно взглянул на него.

- А я думал ты сам знаешь. Он позвонил 15 минут назад и, назвав твою фамилию, сообщил, что хочет немедленно с тобой встретиться. Чем ты там занимаешься?

Томас мог только догадываться, что заинтересовало Премьера. Но он никак не ожидал, что это дело могло так быстро дойти до самого верха. И если Премьер-министр не посчитал нужным сообщать что-либо об этом шефу своей охраны, значит, на то у него были свои соображения.

- Да вроде ничем особенным, - ответил Томас.

Харроуби взял трубку и попросил кабинет главы правительства. Раздался щелчок, и голос на том конце провода ответил: "Да, я вас слушаю".

- Это Харроуби, господин Премьер-министр. Суперинтендант Томас уже здесь... Да, сэр. Сейчас

же. Он положил трубку, - заходи. И все же, что там у тебя такое? Пришли уже два министра. Ждут тебя.

Харроуби провел Томаса из кабинета, и они направились по коридору к обитой зеленым сукном двери. Оттуда как раз выходил секретарь, но, увидев их, он отступил в сторону, придерживая дверь. Харроуби прошел вперед, чеканно произнес:

- Суперинтендант Томас, господин Премьер-министр, - и удалился, тихо прикрыв за собой дверь.

Томас очутился в очень тихой комнате с высокими потолками и элегантной мебелью. Повсюду были разбросаны книги, какие-то бумаги. Пахло деревом и табаком для трубок. Комната скорее напоминала профессорский кабинет, нежели офис Премьер-министра.

Человек у окна повернулся:

- Добрый день, суперинтендант. Пожалуйста, присаживайтесь.

- Добрый день, сэр, - Томас выбрал стул, стоящий у стола, и сел на самый краешек. Ему никогда не представлялось случая так близко увидеть Премьера, не говоря уже о том, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз.

В тишине комнаты Премьер-министр подошел к своему столу и уселся в кресло. Томас уловил печальное выражение его утомленных глаз; как у гончей, пробежавшей не одну милю, но не получившей от этого абсолютно никакой радости. Полицейский слыхал (конечно же, только в Уайтхолле), что у Премьера неважно со здоровьем и то, каких усилий стоило ему уладить только что завершившееся отвратительное дело Келера-Уорда. О котором, кстати, сейчас только и говорили. Но все равно суперинтендант был поражен, увидев эти изможденные глаза.

- Суперинтендант Томас, мне стало известно, что в данный момент вы занимаетесь расследованием по просьбе старшего детектива французской Судебной полиции, позвонившего вам из Парижа вчера утром.

- Да, сэр... господин Премьер-министр...

- И просьба заключается в следующем: французские силы безопасности полагают, что у нас где-то гуляет на свободе человек... профессиональный убийца, нанятый, предположительно ОАС, для выполнения определенной миссии во Франции?

- Нам об этом ничего не сообщили, господин Премьер-министр. Просьба заключалась лишь в том, чтобы мы дали им список известных нам

лиц и данные по каждому профессиональному убийце Великобритании. Разъяснений, зачем это им понадобилось, представлено не было.

- И тем не менее, что, вы думаете, вытекает из самого факта этой просьбы?

Томас слегка пожал плечами.

- То же, что и вы, господин Премьер-министр.

- Совершенно верно. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что послужило единственной причиной, заставившей французские власти обратиться к нам с просьбой установить личность... этого субъекта. И если человек такого типа заинтересовал французскую полицию, кто, вы думаете, должен стать его мишенью?

- Ну, господин Премьер-министр, мне кажется, французы опасаются, что этот тип нанят, чтобы убить Президента.

- Совершенно верно. Да это, по-моему, и не первая попытка такого рода?

- Нет, сэр. Их было уже шесть.

Премьер-министр задумчиво рассматривал бумаги перед собой, как будто в них мог быть ответ на вопрос, что же случилось с миром за последние годы.

- А вы уверены, суперинтендант, что у нас в стране могут быть люди, занимающие далеко не

последние посты, которые не опечалятся, если ваше расследование будет не слишком расторопным?

- Нет, сэр.

Томас был неподдельно удивлен: откуда, черт возьми, Премьер узнал об этой шуточке?

- Не могли бы вы изложить мне положение дел на сегодняшний день?

Томас начал с самого начала, подробно останавливаясь на следах, ведущих от Департамента криминальных расследований, о разговоре с Ллойдом и упоминании им некоего Калтропа. В общем, обо всех шагах, предпринятых к этому часу.

Когда он закончил, Премьер-министр поднялся и подошел к окну, выходящему на залитый солнцем двор.

"Интересно, о чем он думает? - Томас глядел на ссутулившегося человека, молча стоявшего у окна. - Может быть, вспоминает пляж в окрестностях алжирской столицы, где он когда-то прогуливался и разговаривал с надменным французом, который сейчас находится в другом кабинете за 300 миль отсюда, управляя делами своей страны. Тогда они были двадцатью годами моложе, и между ними еще ничего не стояло.

"Может быть, он думает все о том же французе из Елисейского Дворца, который восемью месяцами раньше сокрушил в своих высокопарных речах надежды британского Премьера увенчать свою политическую карьеру вступлением Великобритании в Европейское Сообщество, перед тем как, осуществив свою мечту, самому уйти со сцены.

Или, может, вспоминает те недавние мучительные дни, когда показания сводника и куртизанки едва не послужили причиной отставки британского правительства".

Он был уже немолодым человеком, воспитанный в духе норм и правил своего времени, плохих или хороших. Но он верил в них и старался всегда их придерживаться. Сейчас же все по-другому, новые люди с новыми идеями. А он - он просто человек из прошлого. Понимает ли он, что сейчас другие правила? Наверное, Премьер уже догадывался, глядя на залитую солнцем лужайку, что его ждет впереди. Уже нельзя больше тянуть с хирургической операцией. А за ней, естественно, и отход от руководства. Скоро, очень скоро миром будут управлять новые люди. Да и сейчас уже многие вышли на политическую сцену. Но неужели *с* ними миром будут править сутенеры

и проститутки, шпионы и убийцы?

Пожилой человек вдруг выпрямился и отвернулся от окна:

- Суперинтендант Томас, мне бы хотелось, чтобы вы знали, что генерал де Голль - мой друг. И если будет хоть малейшая опасность для жизни этого человека, а угроза будет исходить от гражданина нашей страны, то вы обязаны немедленно пресечь действия убийцы. Начиная с этого момента, вы будете проводить расследование с максимальной отдачей. Через час ваше руководство получит мое личное распоряжение оказывать вам всяческое содействие. Вы уполномочены набрать себе специальную группу. Вам будет разрешен доступ к любым официальным документам страны, способным хоть как-то повлиять на продвижение поисков. Вы можете, по моему личному приказу, контактировать с французскими властями. Только полностью уверившись, что человек, которого разыскивают французы, не является британским подданным и не замышляет свой план, находясь на территории нашей страны, лишь тогда вы можете прекратить свои поиски, отчитавшись лично мне о проделанной работе.

В случае, если у вас будут достаточно веские

основания считать этого Калтропа или какого-либо другого человека с британским паспортом именно тем, кого разыскивают французы, вы задержите его. Его следует пресечь, кем бы он ни был. Я ясно выражаюсь?

Яснее не могло и быть. Томас наверняка знал, что до ушей Премьера дошла кое-какая информация, послужившая поводом для таких подробных указаний. Полицейский подозревал, что это как-то связано с загадочной ремаркой по поводу кое-каких лиц, не заинтересованных в быстром продвижении расследования. Но он не был уверен.

- Да, сэр, - ответил суперинтендант.

Премьер-министр склонил голову, подчеркивая тем самым, что беседа окончена. Томас встал и направился к двери.

- Мм... господин Премьер-министр?

-Да.

- Один небольшой вопрос, сэр. Я не совсем понял, следует ли мне обратить внимание французов на слухи об этом Калтропе в Доминиканской республике?

- А у вас есть веские основания считать, что прошлое этого человека указывает на то, что именно его ищут французы?

- Нет, господин Премьер-министр. У нас нет ничего против какого бы то ни было Чарльза Калтропа, кроме слухов двухлетней давности. Мы все еще не знаем, был ли тот Калтроп, поисками которого занимались весь день, в Карибском регионе в январе 1961-го. Если же нет, то нам придется начинать все с самого начала.

Премьер-министр задумался на несколько секунд:

- Мне бы не хотелось, чтобы ваши французские коллеги тратили свое время на предположения, основанные лишь на неподтвержденных слухах двухлетней давности. Суперинтендант, я подчеркиваю, "неподтвержденных". Продолжайте ваши поиски. В тот момент, когда вы почувствуете, что у вас достаточно информации относительно этого или какого другого Чарльза Калтропа, подтверждающей слухи о его причастности к делу генерала Трухильо, вы немедленно сообщите об этом французам и найдете этого человека, где бы он ни находился.

- Да, господин Премьер-министр.

- Не могли бы вы позвать мистера Харроуби. Я дам ему распоряжения касательно вас.

Остальную часть дня события в кабинете Томаса развивались стремительно. Он подобрал

себе группу из шести самых лучших детективов Специальной Службы. Одного даже отозвали из отпуска. Двое были освобождены от наблюдения за домом человека, подозреваемого в передаче секретной информации с Королевского Артиллерийского завода, где тот работал, военному атташе одного из восточноевропейских государств. Двое других полицейских были из тех, которые помогали Томасу еще накануне, просматривая данные Специальной Службы в поисках безымянного убийцы. У последнего помощника был выходной. Он работал у себя в парнике, когда вдруг раздался телефонный звонок с приказом срочно явиться в управление Службы.

Постоянно отвлекаясь на многочисленные телефонные звонки, Томас подробно проинформировал всех из своей группы о задании и взял с них клятву о неразглашении. Было уже 18.00, когда Налоговое Управление разыскало все данные на Чарльза Гарольда Калтропа. Один детектив сразу же поехал за этими документами, четверо других сели за телефон. Последний полицейский был послан по домашнему адресу Калтропа, чтобы опросить каждого человека в округе, "куда же мог отправиться их сосед". Фотографии, прилагавшиеся к заявлению на получение паспорта, были

размножены и розданы каждому инспектору.

Документы Налогового Управления указывали на то, что разыскиваемый последний год нигде не работал, а перед этим он почти целый год пробыл за границей. Большую часть 1960-1961 финансового года Ч. Г. Калтроп был служащим фирмы, в названии которой Томас сразу же узнал одного из ведущих английских производителей и экспортеров стрелкового оружия. Через час у него уже было имя управляющего директора фирмы и адрес его загородного дома в Суррее[30].

По телефону Томас договорился о немедленной встрече. Когда сумерки уже начали спускаться над Темзой, его полицейский "Ягуар" несся через реку по направлению к деревеньке Виргиния Уотер.

Патрик Монсон едва ли был похож на торговца оружием.. Но в общем-то, Томас подумал, такое бывает нередко. От Монсона, он узнал, что Калтроп работал на фирме меньше года. Более того, в декабре 1960-го - январе 1961 года он был послан фирмой в Сьюидад Трухильо, чтобы продать шефу тамошней полиции партию автоматов.

Томас с неприязнью глядел на Монсона.

---

[30] Примечания: 30

Дальние живописные предместья Лондона, где находятся особняки состоятельных лиц.

- "И неважно, как ими там воспользуются позже. Эх, парень..." - подумал суперинтендант. Но попытался никак не высказать своей неприязни.

- Почему Калтроп так спешно покинул Доминиканскую республику?

Казалось, Монсон удивился вопросу. Ну, потому что Трухильо был убит. Весь режим пал за несколько часов. А чего можно было ожидать от нового режима человеку, который прибыл на остров продавать оружие прежнему правительству? Конечно же, ему нужно было сматываться.

Томас задумался. Ну что ж, в этом был смысл. Монсон добавил, что позже Калтроп рассказывал, как он вел переговоры с шефом полиции диктатора, когда зазвонил телефон и стало известно, что генерал убит в засаде за городом. Шеф полиции побелел и немедленно отбыл к себе на виллу, где постоянно дежурил его личный самолет. Буквально через несколько часов на улицах бушевали толпы в поисках приспешников бывшего диктатора. Калтропу даже пришлось дать взятку рыбаку, чтобы тот вывез его на лодке с острова.

А почему, наконец спросил Томас, Калтроп оставил фирму? Он был уволен, последовал ответ. Почему? Мойсон задумался, затем произнес:

- Господин суперинтендант, в торговле подер-

жанным оружием очень жестокая конкуренция. Можно сказать, не на жизнь, а на смерть. Узнать, что и по какой цене продают другие, может оказаться жизненно важным для конкурента, самого пытающегося заключить сделку с тем же покупателем. Скажем так, мы были не совсем довольны лояльностью Калтропа.

Уже в машине Томас обдумывал то, что сообщил ему Монсон. Объяснение Калтропа по поводу его спешного бегства из Доминиканской республики было логичным. Оно не подтверждало, а скорее опровергало слухи, переданные резидентом SIS в Карибском регионе о том, что имя Калтропа связывали с этим убийством.

С другой стороны, по Монсону, Калтропу не была чужда двойная игра. Мог ли он, прибыв туда представителем компании по продаже стрелкового оружия, получить деньги от революционеров за устранение диктатора?

Лишь одно из того, что сказал Монсон, беспокоило Томаса. Он упомянул, что Калтроп при поступлении на работу ровным счетом ничего не смыслил в оружии. Естественно, первоклассный стрелок должен превосходно разбираться в оружии. Но тогда, конечно же, он поднатаскался всему, уже работая в фирме. Но если же

Калтроп был новичком в стрельбе, почему тогда партизаны наняли его, чтобы убить одним-единственным выстрелом Трухильо, едущего в машине на большой скорости. И нанимали ли они его вообще? Было ли то, что рассказал сам Калтроп, правдой? Томас пожал плечами. Эта беседа абсолютно ничего не подтверждала, да и ничего не опровергала. "Опять вернулись к тому, с чего начинали," - подумал он с горечью.

Но в кабинете уже ожидали новости, полностью изменившие его мнение. Вернулся инспектор, ездивший по адресу Калтропа. Он нашел соседку, которая рассказала, что мистер Калтроп уехал несколько дней назад и упоминал, что собирается попутешествовать по Шотландии. Сзади в багажнике его машины она видела что-то похожее на удочки для рыбной ловли.

Удочки? Суперинтендант Томас неожиданно почувствовал озноб, хотя в кабинете было тепло. Когда инспектор закончил свой доклад, в кабинет вошел еще один детектив.

- Шеф!
- Да.
- Мне кое-что пришло в голову.
- Выкладывай.
- Вы говорите по-французски?

- Нет, а ты?

- Да, у меня мать француженка. Этот убийца, которого ищет Судебная полиция, имеет кодовое имя Шакал, так?

- Ну и что дальше?

- Шакал по-французски будет "Chacal" CH-AC-AL Видите? Может быть, это просто совпадение. Он должен быть глуп как сто тысяч пробок, чтобы выбрать себе кодовое имя, пусть даже по-французски, первые три буквы которого обозначают его собственное имя Charles, а последующие три - его...

- Черт возьми, - перебил его Томас и громко чихнул. Потом быстро потянулся к телефону.

Глава 15

Из-за опоздания министра третье совещание в Министерстве Внутренних дел Франции началось в одиннадцатом часу. Он застрял в дорожной пробке, возвращаясь с дипломатического приема. Заняв свое место, министр подал знак, и совещание началось.

Первым был доклад генерала Жибо. Шеф SDECE был краток. Бывший нацистский преступник Кассель выслежен агентами Секретной службы в Испании. Он преспокойно живет себе в Мадриде и, как установлено, не имеет никаких связей с ОАС. Принимая во внимание возраст бывшего эсэсовца, участившиеся приступы ревматизма, все больше сказывающиеся на его ногах, и чрезмерное потребление алкоголя, Касселя можно смело вычеркивать из списка как предполагаемого Шакала.

Едва генерал закончил свой отчет, все взгляды устремились на комиссара Лебеля. Но и его доклад тоже был неутешительным. За день поступили ответы из трех других стран, сутками раньше предоставивших информацию о воз-

можных подозреваемых. Из Америки пришло сообщение о Чаке Арнольде, торговце оружием, в данный момент находящемся в Колумбии для заключения сделки от имени одной из американских компаний с начальником Генерального штаба страны о продаже партии винтовок "AR-10". В Боготе ЦРУ установило за ним постоянное наблюдение. Но он явно ничего не замышлял помимо заключения этой сделки, не одобряемой официальным Вашингтоном. И тем не менее досье на него было передано телексом в Париж, а вместе с ним и описание некоего Вителлино, хотя, как сообщалось, местонахождение бывшего убийцы из Коза Ностры еще не установлено: Вителлино - рост 160 см, приземистей, широкоплечий, смуглый, цвет волос - черно-смоляной.

Ввиду явного несоответствия внешности Шакала, описанной гостиничным клерком в Вене, Лебель вычеркнул и этого Вителлино.

Из Южной Африки пришел ответ, что Пит Схейпер в данный момент командует подразделением охраны алмазной корпорации в одной из западноафриканских стран Британского Содружества. В обязанности его армии входит патрулирование границ владений компании и сдерживание нелегального вывоза алмазов. С него не спрашивали,

какими методами он борется с контрабандистами, и руководство компании высказывало свое одобрение работой Пита Схейпера, подтвердив, что тот в указанный период никуда не отлучался. В Западной Африке, Пит Схейпер действительно был на своем месте.

Бельгийская полиция проверила своего наемного убийцу. Как следовало из сообщений одного из бельгийских посольств в Карибском регионе, бывший "советник" в Катанге был убит в драке в одном из баров Гватемалы тремя месяцами раньше.

Лебель окончил чтение последнего рапорта из папки, лежащей перед ним. Подняв глаза, он увидел, что все присутствующие холодно, с вызовом глядят на него.

- Еще что-нибудь есть? - вопрос, произнесенный полковником Ролланом, казалось, исходил ото всех, собравшихся на этом совещании.

- Боюсь, что нет, - ответил Лебель. - Ни одно из сообщений, кажется, нам не подходит.

- Кажется, не подходит? - язвительно отозвался Сен-Клер. - И это то, к чему вы пришли в результате "чисто детективной деятельности"? "Ничего, кажется, не подходит"?

Он зло уставился на двух детективов Бувье и

Лебеля, понимая, что выражает общее настроение собравшихся.

- Кажется, господа, - министр употребил множественное число, подчеркивая, что имеет в виду обоих комиссаров, - мы вернулись к тому, с чего и начинали. К исходной точке, если можно так выразиться.

- Да, боюсь, что так, - ответил Лебель.

Бувье решил заступиться:

- Мой коллега ведет поиски самого неуловимого человека в мире, в сущности не имея никакой информации и улик. Такие типы никогда не афишируют свои способности и, уж тем паче, свое местонахождение.

- Мой дорогой комиссар, мы все это прекрасно знаем, - холодно возразил министр. - Вопрос в том...

Его речь неожиданно прервал стук в дверь. Министр нахмурился. Он приказал, чтобы их беспокоили только в случае крайней необходимости.

- Войдите.

В дверях стоял смущенный швейцар.

- Извините, господин министр. Комиссара Лебеля просят к телефону. Из Лондона. - И чувствуя враждебное настроение, царящее в кабинете, он

добавил, как бы оправдываясь: - Очень срочно...

Лебель поднялся:

- Вы позволите, господа?

Он вернулся через пять минут. Все та же холодная, натянутая атмосфера. Очевидно, в его отсутствие продолжались споры, "что же делать дальше?" Когда он вошел и снова занял свое место, полковник Сен-Клер прервал свою обвинительную речь. В руке у маленького Комиссара был небольшой исписанный конверт.

- Я думаю, господа, у нас есть имя разыскиваемого человека, - начал он.

Совещание продлилось еще полчаса, но атмосфера была более непринужденной. Когда Лебель пересказал содержание телефонного разговора с Лондоном, все собравшиеся дружно вздохнули, как поезд, прибывающий на станцию после дальней дороги. Наконец каждый увидел, чем конкретно может помочь продвижению расследования. Они пришли к мнению, что, не придавая дело огласке, человека по имени Чарльз Калтроп вполне можно выследить и, если необходимо, уничтожить.

Более полные сведения о Калтропе будут переданы по телексу из Лондона утром. Ну, а пока Главное Статистическое Управление может по-

копаться у себя в архивах в поисках посадочного талона этого человека или карточки проживания в отеле. Префектура же проверит свои собственные архивы, чтобы убедиться, не останавливался ли он в парижских отелях.

DST может сообщить его имя и описание на все пограничные посты, морские порты и аэровокзалы с инструкциями, что этот человек должен быть немедленно задержан по прибытии на французскую территорию.

Если же он еще не прибыл во Францию, неважно. Все должно сохраняться в полной тайне, пока он не прибудет, а уже потом он от них никуда не денется.

* * *

Этот гнусный тип Калтроп уже у нас на крючке, - сказал полковник Рауль Сен-Клер де Вийбан своей любовнице ночью, в постели. Часы над камином пробили двенадцать, и наступило уже 14 августа, когда полковник наконец завершил свои любовные утехи и удовлетворенный заснул.

* * *

Суперинтендант Томас откинулся за своим сто-

лом в кабинете, заслушивая доклады шестерых инспекторов, которых он собрал после звонка в Париж. Биг Бен пробил полночь. Стояла тихая летняя ночь.

Совещание длилось час. Одному из инспекторов поручалось тщательно изучить юношеские годы Калтропа; где сейчас живут его родители, если они есть; в какую он ходил школу; его оценки по стрельбе, если таковые имеются; отличительные черты, особые приметы и т.д. Второму поручалось установить подробности его жизни после школы, прохождения службы, служебные характеристики, результаты стрелковой подготовки и места работы после окончания воинской службы до того времени, как он был уволен за преднамеренное разглашение секретов и обман из фирмы, занимающейся продажей оружия.

Третий и четвертый детективы должны были проследить за его деятельностью после увольнения из фирмы в октябре 1961 года. Где он был, кого видел, его доходы, их источники; с того момента данных у полиции не было и, соответственно, не было отпечатков его пальцев. Томасу нужна его любая последняя фотография.

Двое оставшихся инспекторов должны были установить местонахождение Калтропа в на-

стоящий момент. Обыскать его квартиру, найти отпечатки пальцев, выяснить, где он приобрел машину, узнать в Лондонском муниципалитете, когда он приобрел водительские права, и если права выдавались в провинции, начать поиски там. Установить модель машины, возраст, цвет, регистрационный номер. Обратиться в его гараж и расспросить, собирался ли он в длительное путешествие на машине, проверить на паромах, соединяющих материк с Великобританией, и авиакомпаниях, было бронирование мест на имя этого человека.

Все шестеро сделали подробные записи. Когда Томас закончил, они встали и вышли из кабинета. В коридоре двое последних косо переглянулись:

- Чертова работенка, столько перелопатить, - сказал один.

- Самое смешное, - заметил другой, - Старик не говорит нам, что этот парень вытворил или собирается вытворить.

- Можно быть уверенным лишь в одном. Чтобы все так завертелось, приказ должен исходить с самого верха. Можно подумать, этот ублюдок готовит покушение на короля Сиама.

* * *

Ушло немного времени, чтобы разбудить судью и заполучить его подпись на ордере на обыск. Поздно ночью, когда обессиленный Томас дремал в кресле у себя в кабинете, а еще более изможденный Клод Лебель пил очередную чашечку крепкого черного кофе, двое из Специальной Службы миллиметр за миллиметром обыскивали квартиру Калтропа.

Оба были мастерами своего дела. Полицейские начали с ящиков, последовательно вытряхивая содержимое на простыню, и подвергая все тщательной проверке. Когда ящики были пусты, полицейские принялись за стол. Расправившись с деревянной мебелью, они перешли к мягкой. Когда и с той было покончено, квартира напоминала птицеферму, на которой потрудилась стая волков. Затем один детектив занялся гостиной, а другой спальней. После этого настала очередь кухни и ванной. Наконец, перевернув всю квартиру, они взялись за полы, стены **и** потолки.

К шести часам утра квартира стала чистой. Соседи, перешептываясь друг с другом, собрались на лестничной площадке, когда вдруг квартира Калтропа открылась и из дверей появилось двое

полицейских.

Один из них нес большой чемодан, набитый личными вещами и бумагами Калтропа. Выйдя на улицу, он сел в полицейскую машину и направился прямиком к суперинтенданту. Другой принялся за опрос соседей, имея в виду, что через час-другой те уйдут на работу. Местные торговцы должны были появиться чуть позже.

Несколько минут Томас разглядывал коллекцию различных вещей, вываленных прямо на пол в его кабинете. Из этой кучи детектив выудил небольшую синюю книжечку и, подойдя к окну, начал разглядывать записи в ней.

- Шеф, взгляните-ка на это, - он поводил пальцем по одной из страниц в паспорте. - Смотрите. "Republika de Dominica, Aeroporto Ciudad Trujillo, декабрь 1960, въезд..." Он был там. Похоже он тот, кого мы ищем.

Томас взял паспорт, взглянул на него, а затем уставился в окно.

- Да-а, точно, тот, кого ищем. Но, держа паспорт этого типа в руках, тебе ничего не приходит в голову?

- Вот, сука, - вырвалось у инспектора, когда он понял, в чем дело.

- Если, как ты говоришь, эта... этот тип, - ответил

Томас, чье воспитание не позволяло ему так выражаться, - разъезжает без своего паспорта, тогда по каким же документам он выехал за границу? Дай-ка мне телефон и закажи Париж.

* * *

К тому часу Шакал уже был в пути 50 минут. Милан лежал так далеко позади. Автострада номер 7 "Милан-Генуя" купалась в утренних лучах солнца. Откинув назад крышку "Альфы", он гнал машину со скоростью более 80 миль в час. Прохладный ветер развевал его светлые волосы, а глаза были защищены темными очками.

По карте до французской границы в Вентимильи было 210 км, что-то около 130 миль. Через два часа он планировал быть на месте. Но около семи он попал в небольшую пробку из грузовиков, следующих из Генуи в порт. В 7.15 Шакал был уже на автостраде А10, направляясь к границе через Сен-Ремо.

Движение на дороге становилось довольно интенсивным, когда в без десяти восемь он прибыл на самый тихий пограничный пост. Уже начинало припекать.

После получасового ожидания в очереди ему было предложено отогнать машину на стоян-

ку для таможенного досмотра. Полицейский, тщательно изучив его паспорт, пробормотал "момент, мсье" и скрылся в будке таможенников. Спустя несколько минут он появился в сопровождении человека в штатском с паспортом Шакала в руке.

- Бонжур, мсье.

- Бонжур.

- Это ваш паспорт?

- Да.

Человек к штатском снова внимательно изучил паспорт.

- Какова цель вашего визита во Францию?

- Туризм. Я еще никогда не бывал на Лазурном берегу.

- Да, да. Машина ваша?

- Нет. Я ее взял напрокат. Я был по делам в Италии, и перед возвращением в Милан совершенно неожиданно у меня оказалась свободная неделька. Я решил взять напрокат машину и немного попутешествовать.

- Да, да. У вас есть документы на машину?

Шакал протянул международные водительские права, контракт о прокате машины и два страховых свидетельства. Человек в штатском все внимательно изучил.

- У вас есть багаж, мсье?

- Да, три чемодана в багажнике и саквояж.

- Пожалуйста принесите все в зал таможенного досмотра.

Он ушел. Полицейский помог Шакалу выгрузить чемоданы и саквояж, и они вместе понесли все на досмотр.

Перед тем как выехать из Милана, Шакал вытащил старую шинель, грязные брюки и ботинки Андре Мартена, несуществующего француза, чьи документы были зашиты в подкладке третьего чемодана, скатал все эти вещи и бросил в багажник. Остальное было аккуратно разложено по трем чемоданам. Медали он засунул в карман.

Два таможенника принялись осматривать его багаж. Шакал тем временем заполнял стандартный бланк декларации для туристов, въезжающих во Францию. Ничего в чемоданах не привлекло внимания таможенников. Шакал лишь на минуту почувствовал беспокойство, когда таможенники взяли бутылочки с краской для волос. Он предусмотрительно слил краску в пустые бутылочки из-под лосьона после бритья. В то время лосьоны после бритья не были популярны по Франции, они лишь недавно появились в продаже, да и то в Америке. Он увидел, как два

таможенника переглянулись, но все же положили их в саквояж.

Краем глаза Шакал видел через окно, как другой человек внимательно изучал багажник "Альфы". К счастью, он не осмотрел низ машины. Таможенник развернул шинель и брюки в багажнике и с отвращением посмотрел на них, предположив, что шинель предназначалась для утепления капота в холодные зимние ночи, а старая одежда - на случай ремонта в пути. Он снова сложил все на место и закрыл багажник.

Когда Шакал заполнил бланк, два таможенника, закрыв его чемоданы, кивнули человеку в штатском. Тот еще раз просмотрел заполненную въездную карточку, сверил ее с данными паспорта и вернул его владельцу:

- Мерси, мсье. Счастливого пути!

Десятью минутами позже "Альфа" уже стремительно неслась по направлению к восточным предместьям Ментона. Спокойно позавтракав в кафе с видом на старый порт и бухту для яхт, Шакал направился в сторону Монако, через Ниццу и Канны.

* * *

Сидя у себя в кабинете в Лондоне, суперинтендант Томас помешивал густой черный кофе. Он провел рукой по небритому подбородку. Перед ним сидели два инспектора, которым была поставлена задача узнать местонахождение Калтропа. Все трое ждали прибытия еще шестерых сержантов Специальной Службы, освобожденных от выполнения своих непосредственных обязанностей в результате телефонных звонков Томаса часом раньше.

Вскоре, после девяти, как только эти люди появились на работе и узнали, что направляются в распоряжение Томаса, они начали струйкой стекаться в кабинет. По прибытии последнего Томас начал совещание.

- Так, мы ищем человека. Я не буду останавливаться на том, зачем он нам нужен, вам это необязательно знать. Нам необходимо задержать его и как мбжно быстрее. Итак, мы знаем, или думаем, что знаем, что в данный момент он находится за границей. Мы уверены почти наверняка, что он разъезжает по фальшивому паспорту.

- Вот... - он раздал светокопии фотографий Калтропа с заявления на получение паспорта... - так

он выглядит. Он может быть загримирован и поэтому вряд ли будет отвечать этому описанию. Вы должны пойти в Паспортный отдел и получить полный список всех заявлений на паспорт, поданных за последние пятьдесят дней. Если не будет никакого результата, берите еще пятьдесят дней назад. Придется много попотеть.

Он продолжал, описывая обычные способы получения фальшивого паспорта, кстати, одним из которых и воспользовался Шакал.

- Главное, - сказал он в заключение, - не полагаться только на свидетельство о рождении. Проверяйте все свидетельства о смерти. После того как у вас будет список лиц из Паспортного отдела, сразу же направляйтесь в Сомерсет Хаус[31], где, разбив список между собой, начинайте работать со свидетельствами о смерти. Если найдете заявление на получение паспорта, поданное человеком, которого давно нет на этом свете, можете не сомневаться, что этот мошенник как раз тот, кого мы ищем. Ну что, вперед за работу.

Восемь человек вышли из кабинета, а Томас позвонил по телефону в Паспортный отдел, а затем в Бюро регистрации рождений, браков

---

[31] Примечания: 31

Большое здание на берегу Темзы в Лондоне, в котором размещены государственные учреждения.

и смертей, чтобы те были готовы к визиту его людей и оказали им всяческую поддержку.

Двумя часами позже он брился одолженной электробритвой, когда позвонил старший инспектор, руководивший этой группой: за последние 100 дней было подано восемь тысяч сорок одно заявление на получение паспорта.

- Лето, - объяснил он, - время отпусков, поэтому так много заявлений.

Брин Томас повесил трубку и высморкался в платок:

- Чертово лето.

* * *

Этим же утром около одиннадцати Шакал свернул в Канн. Как обычно, он начал искать самый лучший отель, и через несколько минут подъехал к "Маджестику". Причесавшись, он вошел в фойе.

Уже был полдень, и в холле почти никого не было. Его элегантный светлый костюм и уверенные манеры выдавали в нем английского джентльмена. Никто не удивился, когда он обратился к портье с вопросом, где находятся телефонные кабинки. Когда он подошел, дама, сидевшая за стойкой, взглянула на него.

- Дайте мне, пожалуйста, Париж, МОЛИТОР 5901.

Через несколько минут она жестом пригласила его в кабинку, глядя, как он закрывает за собой звуконепроницаемую дверь.

- Алло, это Шакал.

- Это Валми. Слава богу, что вы позвонили. Мы уже два дня ждем вашего звонка.

Любой, глядящий через стеклянную дверь кабинки, увидел бы, что внутри нее англичанин нахмурился. Все 10 минут разговора он слушал. Лишь иногда его губы двигались, когда он задавал короткие вопросы. Но никто не смотрел. Девушка-оператор была занята чтением романа. Она оторвалась от своего занятия, лишь когда увидела, что гость в темных очках подошел к стойке и уставился на нее. После чего он заплатил за разговор.

Шакал заказал чашечку кофе на террасе, выходящей на сверкающее море, где плескались и веселились загорелые отдыхающие. Глубоко задумавшись, он затянулся сигаретой.

Насчет Ковальского он еще мог понять, англичанин вспомнил здорового поляка в венском отеле, но он абсолютно не понимал, как телохранитель за дверьми узнал его кодовое имя и то,

что поручалось выполнить Шакалу. Наверное, французская полиция сама додумалась до этого. А может, Ковальский, сам будучи убийцей, хоть и немного придурковатым, почувствовал, кто англичанин есть на самом деле. Валми посоветовал Шакалу сворачивать все и возвращаться домой, хотя прямых указаний Родена прекратить операцию не было. Все, что случилось, подтвердило серьезные опасения Шакала об ослаблении мер предосторожности в ОАС. Но он знал то, чего они не знали, и чего не могла знать французская полиция. Он разъезжал под чужим именем, имея все необходимые документы, включая два иностранных паспорта, в любой момент готовый изменить свою внешность.

Ну что есть у французской полиции, у этого человека, которого Валми назвал комиссаром Лебелем? Приблизительное описание: высокий, блондин, иностранец. В августе во Франции должно быть тысячи таких. Они же не могут арестовать каждого.

Его вторым преимуществом было то, что французская полиция охотилась за человеком с паспортом на имя Чарльза Калтропа. Ради бога, пусть ищут. Он же - Александр Дагган, и может это доказать.

Сейчас, когда Ковальский уже мертв, никто, даже Роден и его приспешники, не знает, кто он и где находится. Наконец Шакал остался один на один с порученным ему заданием, и это то, к чему он всегда стремился.

И тем не менее, несомненно, его стало подстерегать больше опасностей. Когда открыт сам замысел покушения, ему придется осуществлять свою миссию, прорываясь через сотни оборонительных препонов. Вопрос заключается в том, может ли его попытка увенчаться успехом, несмотря на все предпринимаемые меры предосторожности? Немного поразмыслив, он пришел к выводу, что сможет.

Но еще один вопрос требовал ответа. Вернуться или продолжать? Вернуться означало вступить в споры с Роденом и его сворой головорезов по поводу четверти миллиона долларов, в данный момент находящихся на его счету в Цюрихе. Если он откажется возвращать их назад, они без излишних колебаний выследят его, под пытками заставят подписать поручение о снятии денег со счета, а потом просто убьют. Для того, чтобы они его не настигли, потребуется много денег, наверняка в дело пойдут все имеющиеся. Продолжать - значит, дальше бороться с трудностями и опас-

ностями, подстерегающими его до тех пор, пока работа не будет выполнена. С каждой минутой, по мере того как приближается этот день, все труднее становится повернуть назад.

Подали счет, взглянув на него, он вздрогнул. Боже, ну и цены! В этой жизни нужно быть богатым, иметь доллары и еще доллары, очень много долларов. Он посмотрел на сверкающую, как драгоценный камень, гладь моря, на изящных загорелых девушек прогуливающихся по пляжу, проносящиеся со свистом "Кадиллаки", урчащие "Ягуары", медленно барражирующие вдоль Круасет.

Бронзовые от загара молодые парни, сидящие за рулем, стреляли глазами по тротуарам в поисках симпатичных попутчиц. Он так долго мечтал об этом, еще с тех времен, когда будучи коммивояжером прижимался носом к окнам пригородной электрички, разглядывая рекламные щиты, показывающие другую жизнь, другой мир. А сам в то время довольствовался лишь холодным чаем, скрепками и квитанциями в трех экземплярах. За последние три года он почти приблизился к заветной цели. Шакал привык к хорошей одежде, дорогим ресторанам, шикарной квартире, спортивной машине, элегантным женщинам.

Вернуться - означало расстаться со всем этим.

Шакал оплатил счет и оставил щедрые чаевые. Сев в свою "Альфу", он направился от "Маджестика" прямо в глубь страны.

* * *

Комиссар Лебель сидел за столом. Ему казалось, что он не спал всю свою жизнь и вряд ли когда-нибудь еще уснет. В углу на раскладушке громко храпел Люсьен Карон, который всю ночь руководил поисками Чарльза Калтропа. Лебель сменил его на заре.

Перед ним сейчас лежала большая стопка ответов из различных служб, в чьи обязанности входила регистрация иностранцев, прибывающих и находящихся во Франции. Но во всех этих ответах содержалось одно и то же. Ни один человек под такой фамилией не пересекал границу с начала года. Данные за более ранний период проверяются. Ни в одном отеле страны, в провинции ли, Париже, гость под такой фамилией не останавливался. Он не был ни в одном из списков нежелательных лиц для посещения Франции; французские власти ничего о нем не знают.

При поступлении каждого ответа, Лебель устало приказывал не прекращать проверки, пока

не обнаружатся следы посещения Калтропом Франции. Из этого возможно будет установить место, где он обычно останавливался, будь то адрес друга или любимого отеля, где он и сейчас может находиться под чужим именем.

Утренний звонок суперинтенданта Томаса почти развеял все надежды быстрой поимки скользкого, как уж, убийцы. Опять прозвучала фраза "мы вернулись к тому, с чего начинали", к счастью на этот раз в беседе с Кароном. Участники вечернего совещания еще не знали, что эта ниточка по делу Калтропа оборвалась. Об этом он и собирался сообщить им вечером в 22.0. Если он не сможет предложить другое имя Калтропа, можно представить себе насмешки Сен-Клера и немой укор остальных.

Сейчас только две вещи могли успокоить его. Первое то, что по крайней мере у них есть описание Калтропа и его фотография анфас. Наверняка он изменил свою внешность, если пользуется фальшивым паспортом. Но и то это лучше, чем ничего.

И второе, вряд ли кто-нибудь из собравшихся мог предложить что-либо лучше того, чем он сейчас занимался: полная проверка всех и вся.

Карон предположил, что, наверное, британская

полиция спугнула Калтропа, когда тот занимался своими делами в городе; что у него есть другой паспорт и он наверняка залег на дно, решив поставить крест на операции.

Лебель вздохнул:

- Хорошо бы, - обратился он к своему адъютанту. - Но на это рассчитывать нельзя. Британская Специальная Служба сообщила, что из его ванной пропали все банные и бритвенные принадлежности. А в разговоре с соседями он упоминал, что собирается попутешествовать и порыбачить. Если Калтроп оставил свой паспорт, это значит только то, что ему он больше не нужен. И не следует думать, что этот человек будет делать много ошибок. Я даже начинаю уважать этого Шакала.

* * *

Человек, которого разыскивала полиция двух стран, решил избежать мучительные заторы на ужасной дороге из Канн в Марсель и держаться подальше от юга, где автострада RN7 из Марселя в Париж сворачивает к северу. Он знал, что обе дороги в августе представляют собой ад, сошедший на землю.

Чувствуя себя в безопасности с документами на имя Даггана, он решил прокатиться от побережья

через приморские Альпы, где высокогорный воздух намного прохладнее, и дальше через холмы Бургундии. Ему некуда было спешить, так как он прибыл во Францию слегка опережая свой график, и до запланированного дня убийства было еще далеко.

Из Канн Шакал отправился на север по дороге RN85 через живописный городок Грас и дальше в сторону Кастеллан, где бурная река Вердон, смиренная дамбой несколькими милями выше, уже покорнее текла от Савойи, чтобы слиться с Дюране в Кадараше.

Отсюда он направился в Баррем и небольшой курортный городок Динь. Изнурительная жара Провансальской равнины осталась далеко позади. Горный воздух был сладок и прохладен даже при палящем солнце. Жара ощущалась лишь при остановках, но, мчась на автомобиле, казалось, что находишься под прохладным душем, а ветер пах хвоей и дымом костров из деревень.

После Диня он пересек Дюране и позавтракал в небольшой, но симпатичной таверне, стоящей на берегу реки. Еще через сотню миль Дюране превратился в серую скользкую змею, шипящую на мелководье Кавайон и Оргонской равнины. Но здесь в горах это была все еще река, прохладная,

кишащая рыбой с приятной тенью по берегам. После обеда он ехал по RN85 через Систерон, двигаясь по левому берегу Дюранса до развилки, где RN85 уходила дальше на север. Когда спустились сумерки, он въехал в небольшой городок Гап. Шакал мог двигаться дальше в сторону Гренобля, но решил, имея достаточно времени в запасе, что в небольшом городке больше шансов в августе найти место для ночлега. Как раз на выезде из города он приметил отель Дю Серф, с остроконечной крышей. В прошлом году это была охотничья резиденция одного из герцогов Савойских, до сих пор сохраняющая атмосферу загородного комфорта и превосходной кухни.

Несколько номеров все еще оставались свободными. Он понежился в ванной, нарушив свою обычную привычку принимать душ, оделся в светло-серый костюм, шелковую рубашку и галстук и, приятно улыбаясь, попросил застенчивую горничную почистить и отгладить клетчатый костюм, в котором он находился весь день. Она пообещала, что к утру все будет готово. Ужин проходил в небольшом зале с видом на лесистые горы, наполненные треском цикад. Был теплый вечер, и в середине ужина одна из дам в открытом платье с декольте попросила метрдотеля

прикрыть окна, так как она немного озябла.

Шакал повернулся, когда метрдотель обратился к нему с вопросом: "Не возражает ли мсье, если по просьбе вон той дамы, - он указал в ее сторону, - я закрою окно, рядом с которым сидит господин". Сидящей в одиночестве даме было за тридцать. У нее были мягкие, нежные руки и манящая грудь. Шакал кивнул метрдотелю и слегка поклонился женщине. Она ответила сдержанной улыбкой.

Ужин был превосходным. Он выбрал речную форель, поджаренную на гриле, и говяжье филе под соусом с фенхелем[32]и тимьяном[33]. Вино было местное "Cotes On Rhone[34], превосходное и густое. Его подали в бутылке без этикетки. Наверное, разливали из бочек в подвале, из личных запасов владельца гостиницы. У большинства из присутствующих на столах стояло как раз это вино.

Покончив с мороженым, он услышал низкий властный голос женщины позади него, обращающейся к метрдотелю. Та просила, чтобы ее кофе

---

[32] Примечания: 32
Сладкий укроп.

[33] Примечания: 33
Семена чебреца.

[34] Примечания: 34
"Берега Роны".

отнесли в гостиную, и человек с поклоном обращался к ней "мадам баронесса". Через несколько минут Шакал так же заказал свой кофе в гостиную и не спеша направился вслед за баронессой.

* * *

В четверть одиннадцатого в кабинете суперинтенданта Томаса раздался звонок из Сомерсет Хауса. Он сидел у открытого окна и глядел вниз на пустынную улицу, где не было манящих, сверкающих огнями ресторанов. Здания контор между Мильбанком и Смит Скуэр были холодны, безжизненны и неприветливы. Только в одном неизвестном никому крыле здания как обычно по ночам светили окна кабинетов Секретной Службы.

В миле отсюда, на шумной Странде[35] так же светились окна в той части Сомерсет Хаус, где хранились свидетельства о смерти миллионов усопших подданных Великобритании. Здесь люди Томаса трудились над грудами бумаг, то и дело сверяясь с одним из клерком, оставшимся в столь поздний час на работе, чтобы проверить

---

[35] Примечания: 35

Одна из главных улиц центральной части Лондона. На ней расположены фешенебельные гостиницы и театры.

следующую фамилию среди документов на громадных стеллажах. Звонил старший инспектор, руководивший этой группой. В его голосе слышались усталость и легкие нотки оптимизма, как у человека, надеющегося, что то, что он сообщит, позволит им разойтись наконец по домам.

- Александр Джеймс Квентин Дагган, - коротко бросил он в трубку, когда Томас ответил.

- Ну, и что там?

- Родился 3 апреля 1929 года в Самбурн Фишли, в приходе Святого Марка. Подал заявление на паспорт 14 июля этого года. Паспорт выписан на следующий день и отправлен 17 июля по адресу, указанному в заявлении. Наверняка окажется липовый адрес.

- Почему? - спросил Томас. Ему не нравилось, когда его заставляли ждать.

- Потому что Александр Джеймс Квентин Дагган погиб в автомобильной катастрофе в своей деревне в возрасте двух с половиной лет, 8 ноября 1931 года.

Томас на минуту задумался.

- Сколько еще паспортов, выданных за последние сто дней, осталось проверить? - спросил он.

- Около трехсот, - ответил голос в трубке.

- Пусть остальные продолжают проверять на

случай, если окажется кто-нибудь еще, - приказал Томас. - Передай руководство группой другому инспектору, а сам поезжай по адресу, по которому был выслан паспорт. Как только найдешь, доложи по телефону. Если окажется, что там кто-нибудь живет, допроси владельца квартиры. Привезешь мне все данные этого липового Даггана, и фотографию, которую он подал вместе с заявлением. Хочу взглянуть на парнишку Калтропа в новом обличье.

Только около одиннадцати позвонил старший инспектор. По нужному адресу находилась табачная лавка в Паддингтоне, в витринах которой было множество карточек с адресами проституток. Владелец, живущий там же над магазинчиком, был разбужен и подтвердил, что за небольшую плату получал корреспонденцию людей, у которых нет своего постоянного адреса. Среди его клиентов не было ни одного по имени Дагган. По-видимому, тот появлялся у него всего дважды. Первый раз договориться с владельцем лавочки, а второй раз получить свой пакет. Инспектор показал ему фотографию Калтропа, но тот не узнал его. Полицейский также показал и фотографию Даггана с заявления на получение паспорта. Того владелец лавки вроде бы узнал,

хотя и не был уверен наверняка. Может, он был в темных очках. Большинство из заходящих в лавочку за эротическими журналами, кои здесь также продавались, носят темные очки.

- Привези его сюда, - приказал Томас. - И возвращайся сам.

Затем он потянулся к телефону и заказал Париж.

И второй раз во время вечернего совещания раздался звонок. Комиссар Лебель объяснил, что Калтроп вне сомнения не находится во Франции под своим собственным именем. Разве что он мог попасть в страну нелегально на рыбацкой лодке. Но лично сам Лебель думает, что профессионал так бы не поступил, так как во время любой обычной полицейской проверки его задержали бы из-за отсутствия печати в паспорте.

Так же никакой Чарльз Калтроп не регистрировался ни в одном отеле Франции под своим собственным именем. Эти факты были подтверждены главой Центрального Статистического Управления, руководителем DST и Префектом парижской полиции, поэтому сомнении ни у кого не вызывали. Два других варианта, продолжал рассуждать Лебель, заключались в том, что этот человек не припас себе фальшивый паспорт,

совершенно не подозревая, что находится на крючке. В таком случае, полицейский налет на его квартиру в Лондоне, должно быть, застиг того врасплох. Но, Лебель объяснил, что не верит этому, так как люди суперинтенданта Томаса нашли в его квартире полупустой гардероб, а банные и бритвенные принадлежности исчезли с полок. Это указывает на то, что преступник покинул свою лондонскую квартиру, не в спешке, а задолго запланировав свой отъезд. Это подтверждается показаниями соседа, которому Калтроп сообщил, что намеревается попутешествовать на машине по Шотландии. Ни у британской, ни у французской полиции не вызывало сомнения то, что путешествовать по Шотландии он явно не собирался.

Второй вариант заключался в следующем. Калтроп мог получить фальшивый паспорт. Кстати, это сейчас и расследовала британская полиция. В таком случае, в данный момент он может находиться либо за пределами Франции, завершая свои приготовления, либо он мог уже беспрепятственно, никем не подозреваемый, въехать в страну.

В этот момент несколько из присутствующих взорвались.

- Вы хотите сказать, что он может быть сейчас здесь, во Франции, вероятно, даже в центре Парижа? - недоуменно воскликнул Александр Сангинетти.

- Понимаете, - начал свои объяснения Лебель, - у него свой график, и только сам преступник знает его. Наше расследование длится 72 часа. И неизвестно, на какой стадии графика этого человека мы вступили в игру. Мы можем быть уверены лишь в одном: заговор с целью убийства Президента существует. Но убийца не может знать, на какой стадии находится наше расследование. Поэтому у нас есть вполне реальный шанс перехватить ничего не подозревающего убийцу сразу же, как только будет установлено его новое имя.

Но это сообщение не успокоило никого из собравшихся. Только одна мысль, что убийца сейчас может быть в миле от них, а назначенной датой совершения покушения на жизнь Президента может оказаться завтрашний день - вселяла в них беспокойство.

- Хотя, конечно, - размышлял полковник Роллан, - узнав от Родена через неизвестного агента Валми, что сам замысел покушения раскрыт, этот Калтроп уехал из своей квартиры, чтобы

избавиться от предметов, свидетельствующих о подготовке. Например, оружие с патронами сейчас может находиться в одном из шотландских озер. А сам Калтроп по возвращении предстанет перед своей полицией кристально чистым.Тогда действительно будет трудно выдвинуть какие-нибудь обвинения.

Находившиеся в кабинете задумались над версией Роллана, подавая все признаки одобрения сказанного.

- Тогда ответьте нам, полковник, - министр обратился к Роллану, - если бы вас наняли для выполнения этой работы, и вы узнали, что заговор раскрыт, хотя ваша личность еще остается загадкой для полиции, поступили бы вы точно так же?

- Конечно, господин министр, - ответил Роллан. - Если бы я был опытным убийцей, то не сомневался бы, что где-то на меня заведено досье. И когда заговор раскрыт, визит полиции с обыском просто дело времени. Поэтому я захочу избавиться от улик, а что может быть лучше, чем пустынное шотландское озеро?

Со всех сторон засияли улыбки, свидетельствующие о том, что собравшимся рассуждения показались убедительными.

- Однако это не означает, что мы должны отстать от него. Я все еще уверен, что мы просто обязаны... мм... позаботиться об этом мсье Калтропе.

Улыбки исчезли, и на несколько минут воцарилось молчание.

- Я не понимаю вас, господин полковник, - произнес генерал Жибо.

- Все очень просто, - объяснил Роллан. - Нам было приказано обнаружить и уничтожить этого человека. Он может действительно отказаться от выполнения своего задания, на время, но не выбросить свое "снаряжение", а просто спрятать его, чтобы британская полиция ничего не нашла. После этого убийца может опять приняться за свое дело на той стадии, на которой ему пришлось прервать его. Но в этот раз новые приготовления окажутся гораздо более изощренными.

- А вы уверены, что, если он все еще в Британии, местная полиция точно задержит его? - спросил кто-то.

- Необязательно. Я даже сомневаюсь в этом. У них, наверняка, не будет доказательств, только подозрения. А наши друзья в Англии известны своим отношением к тому, что они так любят называть "гражданскими свободами". Я подозре-

ваю, что они просто найдут его, допросят, а затем отпустят из-за отсутствия улик.

- Конечно же, полковник прав, - вставил Сен-Клер. - Британская полиция напала на след этого человека совершенно случайно. Они поступят невероятно глупо, оставив такого опасного преступника на свободе. Службе полковника Роллана следует поручить раз и навсегда обезвредить этого Калтропа.

Министр заметил, что комиссар Лебель во время обсуждения молчал и хмурился.

- Ну, комиссар, а что вы думаете? Вы согласны с рассуждениями полковника Роллана о том, что Калтроп отказался от выполнения своего плана и пытается скрыть улики?

Лебель взглянул на наполненные ожиданием лица людей, сидевших по обе стороны стола.

- Я надеюсь, - тихо произнес он, - что все сказанное полковником верно. Но боюсь, что это может быть и не так.

- Почему? - спросил министр.

- Потому что, - спокойно начал Лебель, - его теория, хотя и довольно логичная, решил ли Калтроп в действительности отложить операцию, основана лишь на предположении, что он-таки принял это решение. А что если нет? Предположим, он

или не получил сообщение Родена, или, получив его, тем не менее решил продолжить начатое.

Со всех сторон посыпались возражения и протесты. Только Роллан не принимал участия в разгоравшейся дискуссии. Он думал о том, что присутствующие явно недооценивали способности невысокого полицейского. Идеи и замыслы комиссара, признал Роллан, такие же реалистичные, как и его собственные.

Как раз в это время Лебеля и пригласили к телефону. На этот раз его не было более двадцати минут. Вернувшись, он еще раз выступил с десятиминутной речью в абсолютной тишине.

- Ну и что мы будем делать сейчас? -спросил министр, когда Лебель закончил. Спокойно, не торопясь, Лебель начал отдавать приказы, как генерал, командующий своими войсками. И никто из собравшихся в кабинете не высказал и слова против, хотя все по рангу были выше него .

- Итак, господа, - сказал он в заключение, - мы проведем скрытую, широкомасштабную операцию по поискам Даггана в его новом обличье, пока британская полиция занимается проверкой билетов на самолеты и на паромы через Ла-Манш. Если они первые обнаружат преступника, то либо схватят его, либо сообщат нам, если он уже

отбыл из Великобритании. Если мы обнаружим убийцу во Франции, мы немедленно арестуем его. Если он будет обнаружен в третьей стране, мы можем либо обождать, пока он, ничего не подозревая, пересечет границу, а затем схватить его, либо... предпримем другие действия. В таком случае, я думаю, моя задача будет выполнена. Но до этого времени, господа, я буду благодарен, если вы согласитесь с моим планом.

Его натиск был таким смелым, а заверения такими полными, что никто не мог сказать ничего против. Все только кивали. Даже Сен-Клер не проронил ни слова.

И лишь вернувшись после полуночи домой, он нашел собеседника, готового выслушать потоки гнева по поводу того, что этот смешной, плюгавый полицейский был прав, а лучшие эксперты страны заблуждались.

Любовница с пониманием и симпатией выслушала его, нежно поглаживая ему затылок, когда они лежали в постели. Незадолго до рассвета, когда тот уже спал беспробудным сном, она тихонько выскользнула из кровати в гостиную и быстро набрала телефонный номер.

* * *

Суперинтендант Томас взглянул на два бланка заявлений на получение паспортов и две фотографии, разложенные под лампой.

- Давай еще раз пробежимся, - приказал он старшему инспектору, сидевшему рядом, - готов?

- Да, сэр.

- Калтроп: рост метр восемьдесят. Так?

- Да, сэр.

- Дагган: рост метр восемьдесят три.

- Подбитые каблуки, сэр. При помощи специальных туфель можно увеличить рост на шесть-семь сантиметров. Многие невысокие люди из шоубизнеса прибегают к этому из-за уязвленного самолюбия. Кроме того, при получении паспорта никто не смотрит на ноги.

- Хорошо, - согласился Томас. - Туфли на высоком каблуке. Калтроп: цвет волос коричневый. Но это еще ничего не значит. Это может быть и светло-коричневый, и каштановый. На фотографии, кажется мне, у него темно-каштановые волосы. У Даггана тоже стоит цвет волос коричневый. Но на фотографии он - темный блондин.

- Точно, сэр. Но обычно волосы на фотографиях выглядят темнее. Все зависит от освещения, где

стоят лампы и прочее такое. А потом, опять же, он мог воспользоваться краской и стать Даганом.

- Ладно, принимается. Дальше, Калтроп: цвет глаз карий, Дагган: цвет глаз серый.

- Контактные линзы, сэр, все очень просто.

- О'кей. Калтропу тридцать семь, Даггану в апреле было тридцать четыре.

- Он вынужден был написать 34, - объяснил инспектор, - потому что настоящий Дагган, умерший в возрасте двух с половиной лет, родился в апреле 1929. А это изменить нельзя. И никто не начнет расспрашивать человека, почему он выглядит на 37, а в паспорте стоит 34. Просто поверят записям в паспорте.

Томас взглянул на две фотографии. Лицо Калтропа было полнее, да и сам он казался здоровее и крепче. Но, чтобы стать Даганом, он мог изменить свою внешность. Да и наверняка изменил ее еще при первой встрече с оасовскими главарями, и оставался Даганом до момента получения паспорта. Обычно, если такие люди хотят, чтобы их не опознали, они месяцами живут с измененной внешностью. Наверное, будучи очень осторожным и щепетильным, Калтроп умудрился не попасть в картотеки ни одной полиции мира. Если бы не этот слух в Карибском регионе, мы бы

никогда не вычислили его.

Но с этого момента он превратился в Даггана, выкрашенные волосы, контактные линзы, высокие каблуки, слегка похудевший. Как раз-таки это описание Даггана с его паспортными данными и фотографией он передал в Париж. Лебель, он высчитал, глядя на часы, должен получить их к двум часам ночи.

- В конце концов, остальное уже за ними, - начал быстро инспектор.

- Да нет, парень. У нас как раз-таки еще очень много работы, - злобно сказал Томас. - Первым делом, утром мы начнем проверять билеты на самолеты, паромы, поезда... работы еще порядком. Мы не только должны выяснить, кто он такой, но и где он сейчас.

В этот момент раздался звонок из Сомерсет Хаус. Все заявления на получение паспортов проверены. Все в порядке.

- Отлично, поблагодарите служащих и расходитесь. Ровно в 8.30 у меня в кабинете, все без исключения.

Зашел сержант с копией показаний владельца лавки, куда пришли документы на имя Даггана. Его доставили в местный полицейский участок и там допросили. Томас просмотрел подписанные

показания: "Нам не за что его задерживать. Передай ребятам в Паддингтоне, чтобы отпустили его домой, к его мерзким фотографиям и журналам".

Сержант ушел, а Томас, устроившись в кресле, попытался немного вздремнуть.

Когда он отдавал распоряжения сержанту, наступило 15 августа.

Глава 16

Мадам баронесса де ла Шалонье остановилась в дверях своей комнаты и повернулась к сопровождавшему ее англичанину. В полумраке коридора она не могла различить выражение его лица.

Вечер был приятный, и она все еще не решила, будет ли настаивать, чтобы он закончился на пороге дверей ее комнаты, или нет. Этот вопрос мучил баронессу уже целый час.

С одной стороны, хотя у нее и раньше были любовники, она была уважаемой замужней женщиной, остановившейся на одну ночь в провинциальном отеле, и не в ее привычках было позволять абсолютно незнакомым мужчинам соблазнять себя.

С другой стороны, ей так нужна была ласка, и она откровенно признавалась себе в этом.

Баронесса провела день в военной академии в Барселонетте, высоко в Альпах, посетив выпускной парад своего сына, которому было присвоено звание лейтенанта, в прежнем полку его отца. Хотя она была несомненно самой привлекательной родительницей на параде, вид сына,

получившего офицерское звание французской армии, заставил ее с горечью осознать, что она является матерью взрослого мужчины и ей уже скоро сорок.

Хотя она и выглядела пятью годами моложе, а самой казалось, что ей нет еще и тридцати, сам факт того, что ее сыну уже 20, и у него наверняка уже есть свои женщины, и он больше не будет приезжать на каникулы поохотиться в лесах фамильного поместья, заставил баронессу задуматься о своем будущем.

Она приняла неуклюжие ухаживания скрипучего старого полковника, командира академии, и видела восхищенные взгляды розовощеких однокашников своего сына, и вдруг почувствовала себя очень одинокой. Ее замужество, она многие годы знала это, не дало ей ничего, кроме титула, так как барон был слишком занят преследованием молоденьких парижских куколок и не считал необходимым появиться на лето ни в фамильном замке, ни даже на выпускном параде сына.

Находясь в этом провинциальном отеле в окрестностях Гапа, она вновь почувствовала себя привлекательной, но очень одинокой женщиной. И ничего, кроме внимания и ухаживаний стареющих кавалеров, таких, как этот полковник из

академии, и легких, никак не утоляющих страсть флиртов с мальчиками, уже не оставалось на горизонте. Баронесса поклялась, что не собирается посвятить свою жизнь благотворительности.

Но Париж был беспощаден: одни смеялись над Альфредом, гоняющимся за молоденькими юбками, другие над ней.

Сидя в гостиной за чашечкой кофе, она думала о будущем. И желание услышать, что она не только мадам баронесса, но и женщина, причем красивая, переполняло ее, когда англичанин подошел и спросил у нее, можно ли ему выпить кофе за ее столиком, так как в гостиной, кроме них, никого не было. Этот вопрос застиг баронессу врасплох, и она была так удивлена, что не могла сказать "нет”.

Баронесса могла уйти немного позже, и спустя 10 минут она не сожалела, что осталась. В конце концов, ему было между 33 и 35, по крайней мере ей так показалось. А это был самый лучший возраст у мужчин. Он свободно говорил по-французски, хотя был англичанином. Мужчина был довольно-таки красив, даже привлекателен. Ей нравились его искусные комплименты, и она даже сама стала напрашиваться на них.

Только около полуночи баронесса встала, ска-

зав, что уезжает рано утром. Он проводил ее по ступенькам и, остановившись перед окном, показал на заросшие лесом склоны, купающиеся в ярком лунном свете. Несколько минут она смотрела на спящую природу, пока вдруг, глянув на него, не увидела, что его взгляд направлен не на окно, а на глубокий вырез в платье. В лунном свете ее кожа казалась матово белой.

Увидев, что раскрыт, он наклонился к ее уху и прошептал:

- Лунный свет превращает даже самого порядочного человека в дикаря.

Она повернулась и направилась вверх по ступенькам, делая вид, что слегка раздражена, но внутри у нее от этого нескромного восхищения незнакомца все затрепетало.

- Вечер был просто превосходен, мсье.

Держась за ручку двери, она ждала, что мужчина попытается ее поцеловать. Ей так хотелось этого. Несмотря на банальность ситуации, она вдруг почувствовала страстное желание. Наверное, это вино или горячий кальвадос, заказанный вместе с кофе, или лунный свет, но она никак не ожидала, что вечер закончится именно так.

Баронесса почувствовала, как руки незнакомца скользнули по ее спине, а его губы приблизились

к ней.

- С этим пора кончать, - говорил ей внутренний голос. Но секунду спустя она ответила на поцелуй. Все поплыло в голове, наверное, из-за вина. Баронесса почувствовала, как сильные руки еще крепче обняли ее. Прижавшись к нему бедром, она почувствовала сквозь платье его возбужденную плоть. Вырвавшись из объятий, она открыла дверь и отступила в комнату: "Пойдем, мой дикарь".

Шакал вошел и закрыл за собой дверь.

* * *

Всю ночь напролет кипела работа во всех полицейских архивах страны. На этот раз искали человека по фамилии Дагган. Поиски были успешны. Нашли карточку, указывающую на то, что Александр Джеймс Квентин Дагган прибыл во Францию на Брабан-экспресс из Брюсселя 22 июля. Через час поступило другое донесение с того же самого пограничного поста, что имя Даггана найдено среди пассажиров Экспресса Этуаль дю Норд, следовавшего из Парижа в Брюссель 31 июля. Из префектуры полиции пришла гостиничная регистрационная карточка, заполненная на имя Даггана, в которой был указан тот же самый

номер паспорта, как и в информации из Лондона. В ней говорилось, что тот останавливался в небольшом отеле близ площади Мадельин с 22 по 30 июля включительно.

Инспектор Карон собирался организовывать рейд в отель, но Лебель предпочел нанести визит туда поздно ночью и поболтать с владельцем. Он был удовлетворен тем, что разыскиваемый человек не находится среди постояльцев отеля в данный момент. А владелец был благодарен комиссару за то, что тот не стал будить всех гостей.

Лебель приказал поселить в отель переодетого детектива на тот случай, если Дагган появится снова. Владелец был просто счастлив оказать такую услугу.

- Июльский визит, - сказал Лебель Карону, вернувшись в кабинет в 4.30 утра, - был разведкой. Что бы он ни замыслил, все уже четко спланировано.

Затем комиссар откинулся в своем кресле и, уставившись в потолок, начал размышлять. Почему он остановился в отеле? Почему не в доме одного из симпатизирующих ОАС, как все другие агенты Секретной Организации, находящиеся в бегах? Потому что он не уверен, что оасовцы будут держать язык за зубами. И в этом Шакал со-

вершенно нрав. Итак, он работает один, никому не доверяя своих планов, пользуясь фальшивым паспортом и ведя себя совершенно нормально и вежливо, не вызывая никаких подозрений. Владелец отеля подтвердил это, назвав того "настоящим джентльменом". Джентльмен и опасный как змея убийца. Эти настоящие джентльмены больше всего причиняют неудобств полиции: никто даже не может подозревать их.

Он взглянул на две фотографии, поступившие из Лондона, Калтропа и Даггана. Калтроп стал Дагганом, изменив рост, цвет глаз, возраст и, наверное, манеры. Он попробовал воссоздать психологический портрет этого человека. Каков он? Самонадеянный, заносчивый, уверенный в своей неприкосновенности. Опасный, хитрый, продумывающий все до мелочей, никогда не полагаясь на случай. Конечно, вооруженный, но чем? Пистолет под мышкой? Нож для метания? Винтовка? Но куда он мог все это спрятать, проходя через таможню? Как он надеется приблизиться к генералу де Голлю, неся с собой оружие, когда даже дамские сумочки в двадцати местах от Президента привлекали к себе пристальное внимание охраны, а людей с длинными свертками просто без всяких церемоний убирали оттуда, где

собирался появиться генерал?

Бог мой, и этот полковник из Елисейского Дворца думает, что это еще один безмозглый головорез! Лебель был уверен, что у него есть одно преимущество: он знал новое имя убийцы, а тот не подозревал об этом. Это был единственный его козырь. Все остальные козырные карты были у Шакала. И никто на вечернем заседании не мог этого понять.

Если тому удастся узнать об этом и в очередной раз сменить внешность и документы, да, Клод, подумал он, ты точно влип.

Вслух он произнес - влип наверняка.

Карон взглянул на него:

- Вы правы шеф, у него нет шанса.

И Лебель вдруг взорвался, резко обругав Карона, что было весьма необычно. Должно быть, стало сказываться недосыпание.

* * *

Струящийся из окна лунный свет едва выхватывал скомканное покрывало на полу, сатиновое платье у кровати, лифчик и чулки, разбросанные на ковре. Две лежащие фигуры были окутаны тенью.

Коллет лежала на спине, глядя в потолок и

теребила волосы блондина, голова которого покоилась у нее на животе. Она широко улыбнулась при воспоминании о проведенной ночи. Он был просто великолепен, этот английский дикарь. Пять раз за ночь она испытала неописуемое блаженство. Ах, его нежные пальцы, его язык, его... Она все еще могла чувствовать ослепляющую до беспамятства жару, когда он, находясь в ней, вдруг замирал и силы покидали ее. Баронессе нужна была эта ночь. Уже много лет она не получала такого наслаждения.

Баронесса взглянула на маленькие часы, стоящие на столике у кровати. Четверть шестого. Она потянула его за волосы: "эй"... Англичанин что-то пробормотал в полудреме. Откинув одеяло, они лежали на кровати обнаженные, В комнате было тепло. Высвободив голову из ее объятий, англичанин принялся целовать низ ее живота. Коллет чувствовала его горячее дыхание и ищущий язык.

- Нет, хватит.

Она быстро сдвинула ноги, поднялась и, потянув его за волосы, заглянула в лицо. Освободившись, он приник к ее грудям, осыпая их поцелуями.

- Я сказала, нет. Достаточно. Мне надо вставать

через два часа, а тебе возвращаться к себе в номер. Сейчас, мой маленький англичанин, сейчас.

Он кивнул и, соскочив на пол с кровати, принялся искать свои вещи. Укутавшись в одеяло, она начала вытаскивать беспорядочно валявшиеся здесь же в кровати предметы его туалета. Одевшись, он взглянул на нее, и в полумраке Коллет увидела промелькнувшую у него на лице улыбку. Англичанин присел на край кровати и, обхватив рукой ее затылок, привлек к себе. Его лицо было в нескольких сантиметрах от нее:

- Тебе понравилось?

- Мм... мм. Очень, а тебе?

Он опять улыбнулся.

- А как ты думаешь?

Она засмеялась:

- Как тебя зовут?

Блондин на секунду задумался:

- Алекс, - соврал он.

- Алекс, все было просто превосходно, но тебе пора уже возвращаться к себе в номер.

Он наклонился и поцеловал ее в губы:

- В таком случае спокойной ночи, Коллет.

Секунду спустя англичанин ушел, закрыв за собой дверь.

* * *

В 7 утра, когда солнце уже взошло, местный жандарм подъехал на велосипеде к отелю де Серф и зашел в холл. Хозяин уже суетился за стойкой, организуя утренний кофе для постояльцев:

- Уже, так рано?

- Как обычно, - ответил жандарм, - добираться до вас на велосипеде одно мучение, и визит к вам в отель я откладываю до последнего момента.

- Ну что вы, - улыбнулся владелец, - у нас самый лучший кофе в округе. Мари-Луиза, принеси мсье кофе, и несомненно он не откажется от стопочки яблочной водки.

Сельский констебль заулыбался.

- Вот карточки, - сказал владелец, протягивая заполненные накануне вечером бланки новых постояльцев.

- Только трое прибывших за эту ночь.

Констебль взял карточки и засунул их в кожаную сумку на поясе.

- Из-за этого и не стоило появляться здесь, - снова улыбнулся он, но уселся в ожидании своего кофе и кальвадоса. Только около восьми полицейский вернулся в комиссариат Гапа с полной сумкой регистрационных карточек. За-

тем их быстро просмотрел инспектор и сложил на полочку, чтобы позже днем отправить их в региональное управление в Лионе, а уже оттуда в архивы Статистического Управления в Париж. Во всей этой процедуре он не видел абсолютно никакого смысла. В то время когда инспектор складывал все карточки на полку, мадам Коллет де ла Шалонье, оплатив счет, села за руль своей машины и укатила в западном направлении.

На втором этаже Шакал спал до 9 часов утра.

* * *

Суперинтендант Томас дремал, когда вдруг раздался звонок. Это был внутренний телефон из комнаты снизу, где после утреннего совещания работали шесть сержантов и два инспектора.

Он взглянул на часы. Десять, черт возьми, не может быть, чтобы я так отключился. Затем он вспомнил, сколько часов он спал, точнее не спал после того, как Диксон вызвал его в понедельник после обеда. Сегодня был уже четверг. Телефон снова зазвонил. В трубке послышался голос старшего инспектора.

- Наш друг Дагган, - начал тот без предисловии, - вылетел из Лондона в понедельник утром. Билет заказал в субботу. Имя то же. Александр Дагган. В

аэропорту за билет заплатил наличными.

- Куда? В Париж?

- Нет, шеф. В Брюссель.

В голосе Томаса прояснилось.

- Так слушай. Он, может быть, уехал, но скоро вернется. Продолжай проверять все заказы на авиабилеты на это имя. В частности заказы на рейсы, еще не вылетевшие из Лондона. Проверь все предварительные заказы. Если он вернулся из Брюсселя, я должен это знать. Впрочем, сомневаюсь. Наверняка мы потеряли его, хотя, конечно же, он вылетел из Лондона за несколько часов до начала нашего расследования. Так что, это не наша вина.

- Ясно. А как насчет поисков настоящего Калтропа? Наша провинциальная полиция по уши завязла в этом деле, и в Ярде говорят, что они жалуются.

Томас на секунду задумался.

- Хорошо. Отставить. Я твердо уверен, что в стране его нет.

Он потянулся к другому телефону и попросил дать ему кабинет комиссара Лебеля.

* * *

Инспектор Карон подумал, что после того, что произошло в четверг утром, он обязательно попадет в сумасшедший дом. Сначала в пять минут одиннадцатого позвонили англичане. Он ответил сам, но суперинтендант Томас сказал, что хочет говорить только с Лебелем. Карон пошел будить комиссара. Лебель выглядел так, будто умер неделю назад. Но все же ответил. Как только он представился Томасу, Карону снова пришлось взять трубку из-за языкового барьера. Он переводил сообщения Томаса и ответы Лебеля.

- Скажи ему, - сказал Лебель, переварив полученную информацию, - что мы привлечем бельгийцев сами. Передай ему мою самую искреннюю благодарность за помощь, и что если убийца будет найден на континенте, я немедленно сообщу об этом Томасу, чтобы он дал отбой своим людям.

Повесив трубку, оба полицейских откинулись за своими столами.

- Соедини меня с Сюрете в Брюсселе, - сказал Лебель.

* * *

Шакал проснулся, когда солнце было уже высоко над горами, обещая еще один прекрасный летний день. Он принял душ и оделся. Его костюм в клетку, прекрасно выглаженный, уже принесла горничная Мари-Луиза, которая снова покраснела, когда англичанин благодарил ее.

Около 10.30 он выехал на своей '"Альфе" в город и подъехал к почте, чтобы заказать разговор с Парижем. Когда 20 минут спустя Шакал вышел оттуда, он был нахмурен и очень спешил. В хозяйственном магазине поблизости он купил литровую банку блестящего синего лака, двухсот-пятидесяти граммовую банку белой краски и две кисточки, одну широкую с мягкой щетиной, другую тонкую из верблюжьего волоса, предназначенную для нанесения букв и цифр. Он также купил и отвертку. Засунув все в машину, Шакал опять отправился к отелю де Сёрф и попросил счет.

Пока его готовили, англичанин поднялся наверх упаковать вещи, которые сам вынес к машине. Когда три чемодана были уже в багажнике, а саквояж на переднем сиденье рядом, он вернулся в фойе и оплатил счет. Клерк, стоявший

за стойкой, позже сказал, что англичанин, казалось, спешил и протянул для оплаты счета новую стофранковую купюру.

Чего он не упомянул просто потому что не видел было то, что когда он пошел в заднюю комнату, разменивать банкноту, светлый англичанин, развернув журнал регистрации постояльцев отеля, пролистал назад одну страницу и увидел вчерашнюю запись: мадам баронесса де ла Шалонье, деревня Верхний Шалонье, Коррез.

Через несколько минут после того, как счет был оплачен, с улицы послышался рев "Альфы", возвещающий о том, что англичанин уехал.

* * *

Ближе к полудню в кабинет Клода Лебеля начали поступать новые сообщения. Позвонили из брюссельской Сюрете и сообщили, что в понедельник Дагган провел в городе только 5 часов. Прибыв из Лондона утром, в полдень он вылетел рейсом Алиталии в Милан. Он заплатил наличными. Билет был заказан по телефону из Лондона в субботу, накануне.

Лебель сразу же связался с миланской полицией.

Не успел он положить трубку, как снова зазво-

нил телефон. На этот раз была DST с сообщением о том, что вчерашним утром среди всех прибывших во Францию из Италии через пограничный пункт Вентимилья был и Александр Дагган.

Лебель взорвался.

- Около 30 часов, - заорал он в телефон, - больше суток...

Он бросил трубку, и Карон удивленно взглянул на него.

- Карточка, - устало начал Лебель, - столько добиралась из Вентимильи в Париж. Сейчас они разбирают вчерашние въездные карточки со всей Франции. Говорят, что больше 25 тысяч. Заметь, за один день. Мне не стоило так орать. По крайней мере мы определенно знаем одно - он здесь, внутри Франции. Если у меня ничего не будет для вечернего совещания, они спустят с меня шкуру. Ах, да, позвони суперинтенданту Томасу и поблагодари его. Скажи, что Шакал во Франции, и здесь мы уже сами начнем заниматься им.

Не успел Карон положить трубку после разговора с Лондоном, как раздался телефонный звонок из регионального управления Судебной полиции в Лионе. На этот раз ответил Лебель. Слушая сообщение из Лиона, он ликующе глядел на Карона, и произнес, зажав трубку ладонью: "Мы нашли его.

Вчера вечером он остановился на два дня в Гапе в отеле дю Серф. - Затем продолжил в телефонную трубку. - Послушайте, комиссар, я не собираюсь объяснять вам, почему мы ищем этого Даггана. Но поверьте мне на слово, это очень важно. Я хочу, чтобы вы выполнили следующее..."

Он говорил еще 10 минут, а когда закончил, зазвонил телефон на столе у Карона. Опять звонили из DST, чтобы сообщить, что Дагган прибыл во Францию на взятой напрокат белой "Альфа-Ромео", двухместной спортивной машине, регистрационный номер MI-61741.

- Объявлять тревогу по всем постам? - спросил Карон.

Лебель на секунду задумался:

- Нет, еще не надо. Если сейчас он где-то на загородных дорогах, его наверняка остановит какой-нибудь деревенский полицейский, думающий, что пришел приказ найти украденную спортивную машину. А тот убьет любого, кто окажется на его пути. Оружие должно быть где-то в машине. Самое главное то, что он заказал гостиницу на две ночи. Когда он вернется, целая армия должна уже окружать отель. Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь пострадал, тем более если этого можно избежать. Нам, наверное, понадо-

бится вертолет. Давай, действуй!

В тот момент, когда он произносил эти слова, полиция Гапа подготавливала и устанавливала стальные заграждения на всех выездах из города и в районе отеля. Приказы поступили из Лиона. В Гренобле и Лионе вооруженные автоматами и винтовками полицейские усаживались в машины. На базе в Сатори, в предместье Парижа, стоял наготове вертолет, предназначенный для полета комиссара Лебеля в Гап.

* * *

Даже в тени деревьев полуденная жара была невыносимой. Раздевшись по пояс, чтобы без необходимости не пачкать одежду, Шакал в течение двух часов работал над своей машиной.

Выехав из Гапа, он направился на запад через Вайен и Аспресюр-Беш. Дорога была под гору и лентой петляла среди гор. Он жал на полную, и дважды встречные машины едва не срывались в пропасть. После Аспре он поехал по автостраде RN93, следующей вдоль реки Дрома на восток, где та сливалась с Роной.

Следующие 18 миль дорога многократно пересекала речку. Сразу же за Люкан-Дюа он подумал, что пора сворачивать. Там было множество до-

рог, ведущих в горные деревеньки. Он свернул на одну из них и через полторы мили выехал на тропку, уходящую в лес.

Около 3-х часов дня Шакал закончил покраску и отошел немного назад, чтобы взглянуть на проделанную работу. Темно-синяя машина сверкала в пробивающихся сквозь листву лучах солнца, краска уже почти высохла. Хотя "Альфа" была выкрашена и непрофессионально, это вряд ли можно было заметить, особенно в сумерках. Номера были сняты и лежали на траве лицевой стороной вниз. Белой краской были выведены вымышленные французские номера, оканчивающиеся на 75, регистрационный код Парижа. Шакал знал, что это самые распространенные номера на дорогах Франции.

Документы о прокате машины, как, впрочем, и страховки, уже не подходили для синей французской "Альфы", и, если его остановят, то без бумаг он пропал. Шакал обмакнул тряпку в бак для бензина, стал вытирать ею испачканные руки. Его мучал вопрос, ехать ли сейчас, когда в лучах солнца можно было увидеть, что машина выкрашена непрофессионально, или подождать до сумерек.

Англичанин рассчитал, что уж если его фаль-

шивое имя было раскрыто, то вскоре обязательно узнают, в каком месте он въезжал во Францию, а там уж начнутся поиски машины. До намеченной даты у него в запасе было еще несколько дней, и ему нужно было место, где можно залечь на дно. Необходимо быстро добраться до департамента Коррез в 250 милях отсюда. Это было, конечно, рискованно, но он решил, что попробовать стоит. Ладно, и чем быстрее, тем лучше, пока каждый полицейский на дорогах страны еще не получил указание задержать "Альфа-Ромео" со светлым англичанином за рулем.

Он прикрутил новые номера, выбросил оставшуюся краску и кисточки, натянул свой трикотажный свитер и пиджак и завел машину. Выскочив на RN93, Шакал взглянул на часы. Было 15.41.

Высоко над головой он увидел вертолет, направляющийся на восток. До деревни Die[36] оставалось еще 7 миль. Он хорошо знал, как читается название этой деревни по-французски, но сейчас он вспомнил это английское слово. Конечно же совпадение. Хотя Шакал и не был суеверным, но, подъезжая к центру деревушки, он

---

[36] Примечания: 36
Die - умирать *(англ.)*

внутренне напрягся. На главной площади, рядом с памятником жертвам войны, поперек дороги стоял здоровенный, в кожаной куртке полицейский на мотоцикле и показывал англичанину, чтобы тот остановился и прижался к обочине. Его винтовка все еще находилась в трубках под низом машины. С собой не было ни пистолета, ни ножа. Мгновение он колебался, остановиться, или промчаться мимо, ударив полицейского крылом машины, чтобы потом, через несколько десятков километров бросить "Альфу" и без зеркала и воды попробовать превратиться в пастора Йенсена. А куда девать четыре громадных чемодана?

Но полицейский сам помог ему принять решение. Полностью игнорируя притормозившую "Альфу", он развернулся и стал останавливать встречные машины. Шакал съехал на обочину и заглушил мотор.

С дальней стороны деревни он услышал вой сирен. Что бы ни случилось, предпринимать что-либо было уже поздно. В деревню въехала колонна из четырех полицейских "Ситроенов" и шести "Черных Марий"[37]. Полицейский на дороге отпрыгнул на обочину и замер по стойке

---

[37] Примечания: 37
"Черная Мария" - полицейский фургон.

"смирно", когда машины проследовали мимо припаркованной "Альфы" и направились в ту сторону, откуда Шакал только что приехал. Через зарешеченные окна фургонов, из-за чего французы прозвали их корзинками для зелени, он видел ряды полицейских с автоматами на коленях.

Колонна исчезла так же быстро, как и появилась. Полицейский направился к мотоциклу рядом с памятником и вяло махнул Шакалу, указывая, что путь свободен. Он все еще пытался завести стартер, когда синяя "Альфа" скрылась за поворотом дороги, уходящей на запад.

* * *

Было 16.50, когда отель дю Серф подвергся полицейской облаве. Вертолет приземлился на другом конце города. Подъехав к отелю на полицейской машине, Клод Лебель подошел к входной двери отеля вместе с Кароном, у которого под плащом, накинутым на правую руку, был заряженный автоматический карабин MAT49. Указательный палец лежал на спусковом крючке. К тому времени уже все в городе, кроме владельца отеля, знали, что что-то случилось. Гостиница была окружена в течение 5 часов.

Портье вызвал владельца, трудившегося над

счетами в своем кабинете. Лебель слушал его ответы на вопросы Карона, а тот отвечал, время от времени с опаской поглядывая на странный предмет, находящийся в руках у инспектора.

Через 5 минут отель был заполнен полицейскими. Они допрашивали обслуживающий персонал и обыскивали все помещения. Лебель вышел на улицу и уставился на окружающие отель горы. К нему подошел Карон:

- Как вы думаете, шеф, он смылся?

Лебель кивнул:

- Да.

- Но он заказал номер на 2 дня. Может, владелец с ним заодно?

- Нет. Он и его служащие не лгут. Тот просто утром изменил свои планы и уехал. Вопрос сейчас в том, куда, черт возьми. Неужели он подозревает, что мы знаем, кто он такой?

- Но как? Откуда он может знать об этом? Должно быть, это просто совпадение.

- Мой дорогой Люсьен, будем надеяться, что это так.

- Но мы знаем номер его машины и должны действовать.

- Да, это была моя ошибка. Мы должны были объявить розыск машины. Вызови по рации до-

рожную полицию Лиона и объяви его сейчас. Белая "Альфа-Ромео", итальянский номер MI-61741. Быть осторожными при задержании, преступник может быть вооружен и очень опасен. Ну и так далее, ты знаешь процедуру. Да, и еще никаких сообщений прессе. Включи в сообщение приказ, что преступник не знает, что его разыскивают, и я спущу шкуру с каждого, кто позволит узнать об этом по радио или в прессе. Я собираюсь оставить все здесь на попечение комиссара Болларда из Лиона. А мы возвращаемся в Париж.

* * *

Около 6 часов вечера синяя "Альфа" появилась в небольшом городке Балансе, где вдоль берегов Рона проходят автострада RN7, соединяющая Лион и Марсель, и шоссе, по которому непрерывным потоком течет движение из Парижа на Лазурный берег. "Альфа" пересекла дорогу, ведущую на юг, и направилась к мосту через реку в сторону RN533 к Сент-Перею на западном берегу. Внизу под мостом мощная раскаленная под полуденным солнцем река, игнорируя маленьких стальных насекомых, спешащих на юг, медленно, но уверенно несла свои воды к Средиземному морю.

Проехав Сент-Перей, когда сумерки спустились

на оставшуюся позади долину, Шакал все гнал свою спортивную машину выше и выше в горы Центрального Массива, к провинции Овернь. После Ле-Пюи склоны стали круче, а горы выше, и почти каждый городок представлял собой курорт с минеральными источниками, привлекающий толпы людей с различными недугами. Хитрые местные крестьяне, с удовольствием окунувшись в курортный бизнес, делали на них свое состояние.

После Бриуда долина реки Алье осталась позади, и в ночном воздухе стоял запах вереска и сена с горных пастбищ. Шакал остановился в Исуаре, чтобы залить бак, а затем двинулся через городок Мондор, известный своим казино, и курорт ля Бурдуль. Около полуночи он добрался до истоков реки Дордонь, где та течет на юго-запад через десятки дамб, чтобы в Бордо излить себя в Атлантику.

Из ля Бурдуль он направился по RN39 в Иссель, столицу департамента Коррез.

* * *

- Вы глупец, господин комиссар, просто глупец. Он был у вас почти в руках, а вы позволили ему уйти. - Сен-Клер поднялся и уставился на Лебеля.

Детектив, склонив голову изучал документы из досье, продолжая заниматься своим делом, как будто Сен-Клер и не существовал вообще.

Он решил, что только таким способом можно общаться с заносчивым полковником из Дворца, а Сен-Клер, со своей стороны, не был уверен, означает ли склоненная голова чувство стыда и раскаяния или наглое безразличие. Закончив речь, полковник снова опустился в кресло, а Клод Лебель поднял голову.

- Если вы взглянете на рапорт, лежащий перед вами, мой дорогой полковник, вы увидите, что в руках он у нас еще не был, - спокойно произнес комиссар, - рапорт из Диона, что человек под фамилией Дагган поселился прошлой ночью в гостинице Гапа, только сегодня в 12.15 поступил в Судебную полицию. Сейчас мы знаем, что Шакал неожиданно покинул гостиницу в 11.05. И какие бы меры мы ни предпринимали после, он все же на час опередил нас. Более того, я никак не могу принять ваше обвинение по поводу неэффективности работы полиции. Позволю себе напомнить вам, что Президент распорядился, чтобы вся операция проходила в тайне, поэтому не было абсолютно никакой возможности поднять по тревоге всю сельскую жандармерию для поисков

человека по фамилии Дагган, не привлекая внимания прессы.

Регистрационная карточка Даггана была отправлена должным порядком и поступила в Региональное Управление в Лионе. Только там обнаружилось, что Дагган в розыске. Эта задержка была неизбежной, если не превращать нашу операцию в широкомасштабный розыск, который как вы понимаете, привел бы к рассекречиванию всей операции. И последнее, Дагган собирался остановиться в отеле на 2 дня. Мы не знаем, что побудило его изменить свое мнение сегодня в 11 утра.

- Наверное, шатание вашей полиции вокруг отеля, - бросил Сен-Клер.

- Я, по-моему, уже объяснил, что никакого, как вы выразились, шатания полиции до 12.15 не было и в помине, а Шакал уже 70 минут находился в пути, - ответил Лебель.

- Ладно, ладно, нам просто очень не повезло, - вставил министр. - Но все же возникает вопрос, почему немедленно не начались поиски машины. Комиссар?

- Принимая во внимание дальнейший оборот дела, господин министр, это была ошибка. У меня были причины полагать, что Шакал останется в

отеле и проведет там ночь. Если бы он, разъезжая в разыскиваемой машине, был остановлен патрульным, то наверняка застрелил бы ничего не подозревающего полицейского и, будучи предупрежденным таким образом, ударился бы в бега...

- Так он и поступил, - съязвил Сен-Клер.

- Правильно, но у нас нет доказательств, чтобы предположить, что он был предупрежден, как это могло случиться, если бы его попытался задержать дорожный патруль. Просто, может быть, он решил поехать куда-нибудь еще. Если это так, то он решит остановиться на ночь в другом отеле, и мы сразу же узнаем об этом. Если обнаружат его машину, нам также незамедлительно сообщат.

- Когда был объявлен розыск белой "Альфы" ? - спросил шеф Судебной полиции.

- Я отдал этот приказ в 17.15 из отеля, - ответил Лебель. - К семи он должен был поступить на все основные посты дорожной полиции, и полицейские, заступившие в ночную смену, во всех городах были наверняка проинформированы. Имея в виду ту опасность, которую представляет этот человек, было указано, что машина краденая, и даны распоряжения, что в случае ее обнаружения необходимо незамедлительно

сообщить в Региональное управление. Но приближаться к человеку, находящемуся в машине, одиночным патрульным строго запрещается. Если собравшиеся здесь решат изменить эти приказы, тогда я смею просить о том, чтобы ответственность за все, что может произойти вследствие их изменения, была возложена на присутствующих.

Наступила долгая тишина.

- К сожалению, защищая Президента Франции, нельзя жертвовать жизнью простого полицейского, - тихо произнес полковник Роллан. Со всех сторон посыпались возгласы одобрения.

- Совершенно верно, - согласился и Лебель, - при условии, если простой полицейский может задержать этого человека. Но большинство полицейских и патрульных далеко не отлично владеют оружием. А вот Шакал... Да, в этом деле он профессионал. Если его попытаются задержать, пристрелит одного-двух полицейских, а потом просто исчезнет, а перед нами возникнут две проблемы: первая - убийца будет полностью предупрежден и наверняка попытается сменить внешность и документы, превратившись в человека, о котором мы ровным счетом ничего не знаем. И второе - эта история, вряд ли минует

первые полосы всех газет страны, тут уж мы ничего не сможем поделать. И если через 48 часов после появления сообщений об этих убийствах в газетах настоящие мотивы, приведшие Шакала во Францию, останутся все еще в тайне, я буду очень удивлен.. Не пройдет и пары дней, как пресса узнает, что он охотится за Президентом. Если здесь есть желающие объяснить все это генералу, я готов охотно передать все дела им.

Но желающих не было. Совещание, как всегда, окончилось около полуночи. И через полчаса наступила пятница, 16 августа.

Глава 17

Около часу ночи синяя "Альфа-Ромео" въехала на привокзальную площадь Исселя. Кафе у входа в вокзал все еще оставалось открытым, и немногочисленные отъезжающие попивали там свой кофе в ожидании поезда. Шакал причесался и, выйдя из машины, направился сквозь перевернутые стулья на столах к стойке бара. Ему было холодно, так как при скорости более 130 км в час воздух в горах уже не казался теплым, а даже напротив. Из-за многочисленных крутых поворотов его руки и ноги болели. Он был голоден, так как не ел ничего, кроме бутербродов, с того ужина 28 часов назад.

Шакал заказал две большие французские булки с маслом и четыре яйца вкрутую. Ну и, конечно же, большую чашку кофе с молоком. Пока готовили его заказ, он оглянулся в поисках телефона.

- У вас есть справочник местных телефонов? - спросил Шакал у бармена. Не проронив ни слова, бармен указал на стопку справочников, лежащих на полочке рядом с прилавком.

Имя барона в справочнике стояло на букву "Ш":

Шалонье, барон де ла... а дальше шел адрес замка в Верхнем Шалонье. Это Шакал знал, но деревни на его карте не было. Однако телефонный номер был указан как Эглетон, дальше было проще, замок был в 30 км за Исселем по дороге RN89. Шакал отправился есть свои бутерброды и яйца.

Около 2 часов ночи он проехал знак "Эглетон 6 км" и решил оставить машину в лесу у дороги. Вокруг были густые леса, наверняка принадлежащие кому-нибудь из местной знати, где когда-то устраивалась конная охота на кабанов. Наверное, и сейчас там еще водятся кабаны. Казалось, что эти края так и остались нетронутыми со времен Луи, короля Солнца.

В нескольких стах метров он нашел дорожку, ведущую в лес, перегороженную шестом, рядом с которой была табличка "частные владения". Он съехал в лес, а после вылез из машины, чтобы установить шест на место.

Проехав около полумили в глубь леса с включенными фарами, выхватывающими из темноты диковинные очертания деревьев, похожих на призраков, пытающихся своими ветками преградить путь постороннему, вторгшемуся в их владения, он остановил машину, выключил фары и взял фонарик и ножницы по металлу.

Целый час Шакал провел под машиной, спина уже намокла от росы. Наконец стальные трубки, в которых находилась снайперская винтовка, были вытащены из тайника и упакованы в чемодан со старой одеждой и шинелью. Напоследок он еще раз осмотрел машину, проверяя, не забыл ли ничего, что могло указать что-либо о ее водителе. А затем загнал "Альфу” в заросли дикого рододендрона.

Пользуясь ножницами по металлу он потратил еще час, обрезая ветки с других кустарников, чтобы полностью закрыть ими машину. Затем Шакал привязал один конец галстука к ручке одного чемодана, а второй - к другому. Таким образом, перекинув через плечо галстук, один чемодан был у него на груди, другой висел сзади. Два остальных чемодана он взял в руки и направился в сторону дороги.

Англичанин шел медленно. Через каждые 100 метров он останавливался, ставил чемоданы на землю, возвращался назад, чтобы замести веткой малейшие следы, свидетельствующие о том, что здесь проезжала "Альфа”. Через час выйдя на дорогу, он прошел еще полмили от того места, где "Альфа" свернула в лес.

Его костюм в клетку был весь заляпан грязью,

а свитер прилипал от пота к спине. Ему казалось, что мышцы не перестанут болеть никогда. Опустив чемоданы, Шакал уселся на один из них и стал ждать. Автобусы, как он помнил, начинали ходить только рано утром.

Но ему повезло, небольшой грузовичок, везущий прицеп с сеном, появился в 5.50, направляясь в сторону города.

- Поломалась машина? - проревел водитель, притормаживая.

- Нет. Еду на выходные домой. Вчера вечером доехал до Исселя; но потом решил двинуть в Тюль. У меня там дядя, он мне поможет с грузовиком до Бордо. Сюда-то только и смог добраться автостопом..

Он улыбнулся смеющемуся водителю.

- Сумасшедший. Ночью брести здесь пешком? После наступления темноты по этой дороге никто не ездит. Прыгай в кузов, доброшу тебя до Эглетона. А дальше ты уж сам.

Они въехали в небольшой городок без четверти семь. Шакал поблагодарил фермера, довезшего его до станции, и направился в кафе.

- В городе есть такси? - спросил он у бармена за кофе.

Бармен дал ему телефон, и он позвонил в гараж.

Ему сказали, что машина будет через полчаса. Ожидая, Шакал зашел в туалет и умылся холодной водой. А затем переоделся в свежий костюм и почистил зубы, изо рта после стольких сигарет и кофе шел неприятный запах.

Такси прибыло в 7.30. Это была старая колымага "Рено".

- Вы знаете деревню Верхний Шалонье? - спросил он у водителя.

- Конечно.

- Сколько до нее?

- 18 км, - водитель указал большим пальцем наверх, - в горах.

- Отвезите меня туда, - сказал Шакал и уложил чемоданы в багажник на крыше машины. Саквояж он взял с собой в кабину.

Он попросил, чтобы его высадили перед кафе де ла Пост на деревенской площади. Таксисту из города не было необходимости знать, что он направляется в замок. Когда "Рено" скрылся из виду, Шакал перенес свой багаж в кафе. Уже начало припекать. Два вола, запряженных в телегу, задумчиво жевали траву, а жирные черные мухи нагло прогуливались по их добрым спокойным глазам.

В кафе было темно и прохладно. Он скорее

почувствовал, чем увидел, как посетители скосились на незнакомца и старая крестьянка в черном платье поднялась от группы фермеров и подошла к стойке бара.

- Мсье? - прокряхтела она.

Он поставил багаж и облокотился на стойку. Шакал заметил, что все пили красное вино.

- Стаканчик красного, мадам.

Когда вино было налито, он вновь обратился к ней:

- А далеко ли до замка, мадам?

Она бросила на него косой взгляд.

- Два километра, мсье.

Англичанин устало вздохнул:

- Этот глупец водитель доказывал мне, что тут нет никакого замка, поэтому и выбросил меня на площади.

- Он был не из Эглетона? - спросила она.

Шакал кивнул.

- Они там все чокнутые, - ответила женщина.

- Мне нужно добраться до замка, - сказал англичанин.

Никто из крестьян, слушавших разговор, и не пошевелился.

Ни один даже и не посоветовал, как туда можно доехать. Шакал вытащил новую стофранковую

купюру.

- Сколько за вино, мадам?

Женщина уставилась на деньги. Позади Шакала послышалось шуршание и возбужденный шепот.

- У меня нет сдачи, - наконец ответила женщина.

Шакал вздохнул:

- Если бы у кого-нибудь здесь был фургон, он бы и получил всю сдачу.

Сзади кто-то встал и подошел к англичанину.

- Мсье, фургон есть в деревне, - раздался грубый голос.

Шакал изобразил на лице удивление:

- И наверняка он принадлежит тебе, мой друг?

- Нет, мсье, но я знаю владельца. Он может отвезти вас туда.

Шакал закивал, словно прицениваясь к такому предложению.

- Ну, а чего бы ты хотел за услугу?

Крестьянин кивнул на старуху, наливающую красное вино.

- А твои друзья? Сегодня жаркий день. Наверняка всех мучает жажда.

Небритое лицо крестьянина растянулось в улыбке. Он опять кивнул женщине, и та вынесла

два полных бутыля с вином группе, сидящей за большим столом.

- Бенуа, сходи-ка за фургоном, - приказал крестьянин. И один из сидевших, залпом прикончив свое вино, вышел из кафе.

Ценным качеством крестьян из провинции Овернь, как показалось Шакалу, когда он ехал по ухабистой дороге к замку, было то, что они не очень болтливы, особенно с посторонними.

* * *

Коллет де ла Шалонье, сидя в постели и попивая свой кофе, снова принялась перечитывать письмо. Гнев, охвативший ее, уже пропал, уступив место отвращению.

Она задумалась о том, чему посвятит оставшуюся жизнь. После вчерашней поездки в Гап ее встретили старая Эрнестина, служанка в замке со времен отца Альфреда, и садовник Луизон, который когда-то, еще будучи крестьянским мальчишкой, женился на Эрнестине.

На них и лежала забота о замке, две трети комнат которого были сейчас заперты. А мебель в них накрыта, чтобы не собирать пыль.

Только сейчас она поняла, что была просто хозяйкой пустого замка, в парках которого еще

не играли дети, а хозяин не разъезжал верхом на лошади по окрестностям.

Она оторвалась от вырезки из парижского журнала, которую прислали ей заботливые друзья. С картинки на нее глядел муж, широко улыбаясь в камеру. Глаза его были скошены на высокую грудь молоденькой восходящей звезды, из-за плеча которой он и выглядывал. Как было написано, эта танцовщица из кабаре, некогда хозяйка бара, сказала, что надеется "когда- нибудь" выйти замуж за барона, который был ее "самым близким другом".

Глядя на морщинистое лицо стареющего барона, она никак не могла понять, что же случилось с молодым капитаном из Сопротивления, в которого она влюбилась в 1942 году. А год спустя, уже ожидая сына, вышла замуж.

Тогда она была молоденькой девушкой и передавала записки для Сопротивления, когда впервые встретилась с ним в горах. Ему было за тридцать, и все называли его Пегас. Худощавый, с ястребиным лицом, командир быстро покорил сердце молодой девушки. Их поженил в пещере святой отец, тоже из Сопротивления. А когда родился сын, она оставила его в доме своего отца.

Затем, после войны, ему вернули все его земли

и собственность. Его отец умер от сердечного приступа, когда союзные армии освободили Францию, и с гор капитан вернулся уже бароном Шалонье. Но вскоре ему надоели владения, а против соблазнов Парижа и желания наверстать упущенные годы молодости было невозможно устоять.

Сейчас ему было 57, но выглядел он на все 70.

Баронесса швырнула вырезку и сопроводительное письмо на пол. Соскочив с кровати, она подошла к зеркалу в дальнем углу комнаты и развязала бантики пеньюара. Она стала на цыпочки, чтобы напрячь мускулы ног.

Неплохо, подумала она, могло быть гораздо хуже. Немного полноватая фигура, тело уже зрелой женщины. Бедра широки, но, слава богу, талия сохранила пропорции из-за многих часов, проведенных в седле и длительных прогулок в горах. Она обхватила свои груди. Да, немного великоваты и тяжеловаты для настоящей красавицы, но все еще способны возбуждать мужчин в постели.

Ну что ж, Альфред, - подумала она, - я тоже могу играть в те же игры, что и ты. Когда она тряхнула головой, черные волосы рассыпались по плечам, прикрыв груди. Баронесса вспомнила мужчину, с которым сутки назад провела восхитительную

ночь. Как он был хорош. Жаль, что она не осталась в Гапе. Они бы могли вместе попутешествовать, как убежавшие влюбленные, под чужими именами. Какого черта она вернулась домой?

Во дворе послышался грохот старого фургона. Запахнув пеньюар, она подошла к окну, выходящему во двор. Внизу стоял фургон из деревни, задние двери были открыты. Двое мужчин что-то выгружали из фургона. Оторвавшись от своих занятий, Луизон направился в сторону машины, чтобы помочь выгрузиться.

Один из мужчин подошел к кабине, пряча что-то в карман. Забравшись внутрь, он завел машину. Кто, интересно, заказал все эти вещи для замка? Когда фургон отъехал, она была просто шокирована. Рядом с чемоданами стоял Он. Баронесса узнала эти светлые волосы и радостно улыбнулась:

- Мой прекрасный дикарь, ты приехал ко мне.

Она поспешила в ванную, чтобы одеться. Выйдя оттуда, баронесса услышала голоса в холле внизу. Эрнестина спросила у мсье, чего он желает.

- Мадам баронесса дома?

Через секунду Эрнестина спешила по лестнице так быстро, насколько позволяли ее старые больные ноги.

- Госпожа, вас хочет видеть какой-то мсье.

* * *

Вечернее совещание в министерстве в эту пятницу было короче обычного. Единственным сообщением было то, что ничего нового нет. За прошедшие сутки описание разыскиваемой машины было без лишнего шума разослано по всей Франции. Но машина не была найдена. Также каждое Региональное Управление Судебной Полиции разослало приказы по всем городским и сельским комиссариатам о том, что все регистрационные карточки из отелей должны самое позднее к 8 утра находиться в Управлении. Там их немедленно просматривали, ища среди десятков тысяч одну с фамилией Даггана. Но ничего не было найдено. Следовательно, прошлую ночь преступник не останавливался в отеле, по крайне мере под фамилией Дагган.

- Мы вынуждены принять одно из двух, - обратился Лебель к присутствующим, - либо он все еще думает, что на его след не напали, другими словами, его быстрый отъезд из отеля Дю Серф был непреднамеренным и оказался просто совпадением. В таком случае у него нет никаких оснований не разъезжать открыто в "Альфа-Ро-

мео" и останавливаться в отелях под фамилией Дагган. Тогда рано или поздно мы обязательно его найдем. Либо он решил избавиться от машины и дальше полагаться только на себя. Из этого вытекает следующее - либо у него нет других фальшивых документов, и он не сможет долго продержаться, не регистрируясь в отелях или пытаясь выехать из Франции. Либо у него есть фальшивые документы и он ими воспользовался. В этом случае он становится еще более опасным.

- А почему вы думаете, что у него могут быть еще одни фальшивые документы? - спросил полковник Роллан.

- Можно предположить, - ответил Лебель, - что человек, которому ОАС предложила очень большие деньги за выполнение задания, должен быть одним из самых лучших профессиональных убийц в мире. Это значит, что у него очень богатый опыт. И все же ему удалось избежать каких-либо подозрений и полицейских досье. А этого можно достичь, только выполняя свою миссию под вымышленным именем и измененной внешностью. Другими словами, он мастер перевоплощения.

- Мы знаем, сравнивая две фотографии, что Калтроп, чтобы стать Дагганом, увеличил свой рост

за счет высоких каблуков, похудел на несколько килограммов, изменил цвет глаз и волос. Если он сделал это однажды, мы не можем даже позволить себе думать, что он не повторит это еще раз.

- Но у убийцы нет никаких причин подозревать, что он будет раскрыт перед тем, как приблизится к Президенту, - запротестовал Сен-Клер, - почему он принял такие тщательные меры предосторожности, подготовив себе несколько фальшивых документов.

- Потому что иначе, - сказал Лебель, - он был бы уже у нас в руках.

- В досье Калтропа я обратил внимание на то, что он проходил службу в десантных войсках. Может быть, он использует свой опыт и скрывается в горах, - предположил шеф Судебной полиции.

- Возможно, - согласился Лебель.

- В таком случае, он уже не представляет собой никакой опасности.

Лебель на секунду задумался:

- Я бы не говорил так об этом человеке, пока он не окажется за решеткой.

- Или пока он жив, - сказал Роллан.

- Если у него есть здравый смысл, он попытается, пока жив, исчезнуть из Франции, - вставил

Сен-Клер.

На этой ноте окончилось совещание.

- Жаль, что нельзя рассчитывать на это, - обратился Лебель к Карону в кабинете. - Но он еще жив, находится на свободе и вооружен. Мы продолжим поиски. У него с собой три чемодана, и пешком он далеко не уйдет. Мы должны найти машину, а уж потом примемся за дело дальше.

* * *

Разыскиваемый человек лежал на чистых простынях в замке в самом сердце департамента Коррез. Он принял ванну, плотно поел, закусив грубое красное вино паштетом и зайчатиной. И запил все это кофе с бренди.

Глядя на раззолоченный потолок, он обдумывал свои планы на те дни, которые отделяли его от выполнения своей миссии в Париже. Через неделю, подумал он, придется сматываться отсюда, и уж тогда появится масса трудностей. Но это выполнимо. Нужно придумать причину, чтобы выбраться из замка. Дверь открылась, и в комнату вошла Коллет с распущенными волосами. На ней был пеньюар, распахивающийся при ходьбе. Под ним - ничего, кроме чулок и туфель на высоком каблуке.

Шакал приподнялся на локте, когда она, закрыв дверь, подошла к постели.

Он потянулся и развязал тесемки ее пеньюара, бесшумно упавшего на пол, обнажая полные груди. Прижав его руки к подушке, она верхом уселась на него. Ее колени плотно сжимали его грудь. Коллет улыбнулась, глядя вниз на англичанина.

- Ну что, мой дикарь, давай посмотрим, на что ты способен.

Она подвинулась вплотную к любовнику, пока его голова не скрылась у нее между ног.

* * *

Прошло уже три дня, а Лебель все еще не мог напасть на след убийцы, и каждым вечерним заседанием у присутствующих крепла уверенность в том, что Шакал уже давно покинул Францию и, поджав хвост, поспешил скрыться. К 19 августа комиссар был единственным, кто продолжал настаивать на своем мнении, что убийца все еще находится в стране и просто затаился, выжидая определенного момента.

- Ну и чего же он выжидает? - срывался на крик Сен-Клер. - Единственное, чего может выжидать убийца, если, конечно, он все еще во Франции,

так это удобного случая, чтобы прорваться к границе. Но мы не собираемся делать ёму такой подарок. Он будет схвачен сразу же, как только обнаружит себя. Если верно ваше предположение насчет того, что Шакал действительно полностью лишен контакта с ОАС и ее сторонниками, то ему сейчас просто некуда деваться. Ему негде даже спрятаться. Вся страна против него.

Среди присутствующих прокатилась волна одобрения. Все начинали понемногу склоняться к мысли, что первоначальное заявление Бувье о том, что поиск убийцы является чисто детективной задачей, оказалось ошибочным.

Лебель упрямо покачал головой. За последние несколько дней он очень устал. Его измучило постоянное недосыпание и огромное напряжение, но главное - постоянная необходимость отстаивать свою точку зрения и защищать себя и своих коллег от колких нападок государственных чиновников. У комиссара было достаточно здравого смысла, чтобы понимать: если он ошибается, то для него все кончено. Некоторые из присутствующих уж обязательно позаботятся об этом. Ну, а если он все-таки прав? Если Шакал действительно не отказался от своего намерения? Если ему удастся проскочить все ловушки и все же при-

близиться к Президенту? Тогда все, кто собрался сейчас за этим столом, обязательно сделают его, комиссара Лебеля, козлом отпущения. И на этом карьера будет окончена. Если только... Если только он не найдет и не остановит убийцу. Да, лишь в этом случае никто не станет спорить, что он был прав. Но у него нет доказательств. А профессиональное чутье подсказывает, что человек, за которым они охотятся. - тоже профессионал и постарается выполнить свою работу во что бы то ни стало.

За те восемь дней, которые Лебель занимался этим делом, он начал испытывать невольное уважение к таинственному, непредсказуемому убийце, который, казалось, продумал все до последней детали, предусмотрел все случайности и непредвиденные обстоятельства.

Но комиссар предпочитал держать свои чувства при себе. Разве он сможет объяснить их этому сборищу напыщенных политиканов? Он бросил быстрый взгляд на Бувье. Тот втянул голову в плечи и свирепо уставился в свои бумаги. И все же его огромная фигура придавала Лебелю немного храбрости. В конце концов, он ведь тоже детектив.

- К сожалению, мне неизвестно, чего он выжи-

дает, - как можно спокойнее произнес Лебедь, - может, какого-то определенного дня. Но я просто уверен, что он где-то здесь, рядом. Не могу объяснить, почему, но я чувствую, что мы уже очень скоро снова услышим о нем.

- Чувствую! - Сен-Клер скривил губы в презрительной усмешке. - Я вижу, вы начитались романтических детективов, комиссар. Но это не детектив, мой дорогой. Мы живем в реальном мире. Он удрали это факт. - Самодовольно улыбнувшись, он опустился на свое место.

- Хотелось бы надеяться, что вы правы... - задумчиво произнес Лебель. - Ну что ж, в таком случае, господин министр, я прошу вашего разрешения прекратить дальнейшие поиски и вернуться к исполнению своих прямых обязанностей по расследованию уголовных преступлений.

Министр взглянул на комиссара с некоторой неуверенностью.

- Вы настаиваете на продолжении розыска, мсье Лебель? -спросил он. - Значит, вы уверены, что реальная угроза жизни Президента все еще существует?

- Что касается вашего второго вопроса, господин министр, то я затрудняюсь ответить на него определенно. Но тем не менее я считаю, что нам

просто необходимо продолжать поиски убийцы.

- Хорошо. Итак, господа, расследование продолжается. Жду вас завтра на очередном заседании.

* * *

Утром 20 августа в департаменте Коррез между Эглетоном и Исселем лесник Маркан Калле отстреливал хищных птиц в угодьях своего хозяина. Раненая цесарка забилась в заросли дикого рододендрона, и разыскивая ее, лесник углубился в заросли. Там он и обнаружил птицу, бьющуюся на переднем сидении явно брошенного спортивного автомобиля.

Сворачивая цесарке шею, он вначале подумал, что машина оставлена какой-нибудь любовной парочкой, уединившейся в лесу, несмотря на указатель "Частное владение", прибитый на столбе на въезде в угодья. Но присмотревшись повнимательнее, лесник заметил, что вокруг машины воткнуты в землю ветки кустарника, а срезы на ближайших кустах аккуратно замазаны землей, чтобы не привлекать внимания. По птичьему помету на сиденьях нетрудно было догадаться, что машина находится здесь уже несколько дней.

Подхватив ружье и отстрелянную дичь, лесник

поспешил домой, решив непременно сообщить о находке деревенскому констеблю, когда позже поедет на базар, чтобы прикупить несколько кроличьих капканов.

Было уже около полудня, когда констебль накрутил ручку домашнего телефона и сообщил в комиссариат Исселя о найденном автомобиле.

- Какого цвета машина? - спросили его. - Белая?

Констебль заглянул в блокнот.

- Никак нет, синяя.

- Итальянская?

- Номера французские, а марка... Марки я не знаю.

- Хорошо, - произнес голос на том конце провода. - В течение дня пришлем вам тягач, покажете водителю место. Да не задерживайтесь долго, у нас и так не хватает людей. Получено распоряжение парижского начальства срочно разыскать белый спортивный автомобиль с итальянскими номерами.

Констебль пообещал никуда не отлучаться и ждать прибытия тягача.. Лишь к четырем часам машина была доставлена в Иссель. Спустя еще час механик, проводящий осмотр, заметил, что она перекрашена, причем довольно неумело. Под синей краской оказался еще один слой, белый.

Удивленный механик снял один из номерных знаков и обнаружил, что он тоже перевернут и перекрашен, а на лицевой стороне прочитал четкие цифры настоящего номера MI-61741. Через пять минут, ошарашенный сообщением механика, инспектор уже поспешно накручивал телефон.

* * *

Клод Лебель получил сообщение около шести. Его передал по телефону комиссар Валентин из регионального управления Судебной полиции в Клермон-Ферран, столице провинции Овернь. Привстав со стула, Лебель молча слушал рассказ Валентина.

- Слушай внимательно, - наконец произнес он. - Не могу пока объяснить, почему, просто поверь мне на слово. Тебе необходимо выполнить мои распоряжения. Да, я знаю, что это не по уставу, но так нужно... Да, конечно, ты такой же комиссар, но если ты хочешь подтверждения моих полномочий, можешь получить их непосредственно у шефа Судебной полиции. Так вот, нужно срочно выслать в Иссель большую группу. Самых опытных людей. Начинайте розыск с того места, где была обнаружена машина. Отметьте его на карте как центр поиска и прочешите все вокруг

по квадратам. Заходите в каждый дом, опросите всех местных жителей, которые часто ездят по этой дороге. Не пропускайте ни одного кафе, магазина или отеля. Ищите высокого блондина, англичанина, свободно говорящего по-французски. Хорошо одет, имеет с собой три чемодана и саквояж, а также крупную сумму наличных денег. Выглядит так, как будто долго не спал. Нужно узнать, где его видели, куда он направляется, что покупал. Да, и еще. Ни в коем случае ничего не сообщайте прессе... Что значит невозможно? Я понимаю, местные писаки обязательно начнут интересоваться, что это тут происходит? Придумайте что-нибудь. Скажите им, что произошла автомобильная катастрофа и один из пассажиров удрал и блуждает по окрестностям в шоковом состоянии.. Да, что-то вроде акта милосердия со стороны полиции...

В общем, говори что угодно, только отведи их подозрения. Скажи, что у них все равно не примут статью об автокатастрофе, в сезон отпусков у нас ежедневно случаются сотни дорожных происшествий. Короче, замни это дело. И последнее. Если наткнетесь на этого типа, ни в коем случае не пытайтесь его схватить. Даже не приближайтесь к нему. Просто окружите и держите в поле

зрения. Я подскочу сразу, как только освобожусь.

Лебель бросил трубку и повернулся к Карону.

- Срочно позвони министру и попроси перенести вечернее заседание на 20 часов. Понимаю, что это время ужина. Ничего, я их долго не задержу. Затем свяжись с Сатори, пусть подготовит вертолет к ночному вылету в Иссель. Да, и пусть скажут, где предполагается место посадки, чтобы заранее выслать туда машину. А тебе пока придется остаться здесь за главного.

* * *

На закате дня полицейские фургоны из Клермон-Ферран и Исселя уже были на месте, образовав походный штаб на площади небольшой деревушки недалеко от того места, где был обнаружен автомобиль. Из фургона-радиостанции Валентин давал указания патрульным машинам, рассредоточенным по окрестным деревням. Он принял решение в течение ночи прочесать весь район в радиусе 8 км от того, места, где была найдена машина. Ночью наиболее вероятно застать дома всех местных жителей. Хотя, с другой стороны, в темноте его люди могут заблудиться в лесу или не заметить какую-нибудь одинокую хижину, в которой может скрываться преступник.

Существовало также еще одно обстоятельство, которое Валентин не мог объяснить по телефону и даже боялся сообщить Лебелю при личной встрече. Это было отношение местных жителей к полиции.

Перед полуночью группа полицейских опрашивала крестьянина, живущего в трех километрах от центра поиска.

Тот вышел на крыльцо в ночной рубашке, освещая лица полицейских мерцающим светом парафиновой лампы и не проявляя ни малейшего желания пригласить в дом незваных гостей.

- Ну, Гастон, ты же довольно часто ездишь по этой дороге на рынок. Ты проезжал по ней в направлении Эглетона в пятницу утром?

Прищурившись, крестьянин подозрительно посматривал на полицейских.

- Может, и проезжал.

- Так проезжал или нет?

- Не помню.

- Хорошо, ты видел на дороге человека?

- У меня свои дела, мне некогда глазеть по сторонам.

- Да мы не о том спрашиваем. Ты видел человека?

- Никого и ничего я не видел.

- Ну, Гастон. Блондина. Высокого, крепкого. С тремя чемоданами и саквояжем?

- Говорю вам, никого я не видел.

Так продолжалось минут двадцать. В конце концов полицейские ушли, подробно записав в блокнот результаты беседы. Крестьянин подождал, пока их машина скроется из виду, потом захлопнул дверь, отпихнул в сторону любопытную козу и тяжело опустился на край кровати.

- Кого они там ищут? - спросила жена. - Не того ли парня, которого ты подвозил? Что им от него нужно?

- Черт их знает, - ответил он. - Но никто и никогда не упрекнет Гастона Гросжана в том, что он выдал человека этим легавым.

Он откашлялся и сплюнул на тлеющие в печке угли.

Затем погасил лампу, забрался в кровать и придвинулся поближе к теплому боку жены.

- Удачи тебе, парень, кто бы ты ни был.

* * *

Лебель сложил бумаги и повернулся к собравшимся:

- Итак, господа, после окончания заседания я сразу же вылетаю в Иссель, чтобы лично просле-

дить за ходом операции.

В воздухе повисла долгая напряженная тишина.

- Как вы считаете, комиссар, какие выводы можно сделать из всего этого?

- Можно сделать два вывода, господин министр. Первое. Для того чтобы перекрасить машину, ему необходимо было сначала купить краску. Скорее всего, он вел машину из Гапа в Иссель ночью с четверга на пятницу. И к этому времени она уже была перекрашена. Расследование в этом направлении ведется, и оно наверняка подтвердит мое предположение. Из этого следует, что убийца приобрел краску в Гапе. А если это действительно так, то не возникает сомнения в том, что его предупредили. Либо кто-то позвонил ему, либо он сам позвонил куда-то, но ему сообщили, что имя Дагган раскрыто. Он понял, что уже к полудню мы сможем выйти и на него, и на его машину. Поэтому и поторопился скрыться.

Лебель умолк. Смысл сказанного постепенно доходил до собравшихся. Казалось, потолок вот-вот треснет от нависшей тишины.

- Скажите, - откуда-то издалека донесся до Лебеля чей-то голос, - вы что, действительно считаете, что утечка информации происходит прямо отсю-

да, из этого кабинета?

- Не могу утверждать наверняка, господа. Есть еще телефонисты, телеграфисты, да и просто рядовые исполнители приказов. Один из них вполне может оказаться тайным агентом ОАС. Но совершенно ясно одно: в первый раз Шакала предупредили о раскрытии самого плана покушения, но он все же решил продолжать двигаться вперед. И во второй раз он был предупрежден о разоблачении его как Александра Даггана. У него есть по крайней мере один связник. Им вполне может оказаться этот Валми, чье сообщение в Рим было перехвачено DST.

- Черт побери, - зло выругался шеф DST. - Мы просто обязаны были схватить эту сволочь тогда на почте.

- А каков же второй вывод, комиссар? - спросил министр.

- Узнав, что имя Даггана раскрыто, убийца не отказался от своего плана, не оставил надежды на удачный исход покушения. Другими словами, Шакал бросил вызов всём нам.

Министр встал и собрал со стола бумаги.

- Не будем вас больше задерживать, комиссар. Найдите его. Сегодня же ночью. Найдите и уничтожьте, если будет нужно. Это мой приказ.

Приказ от имени Президента Франции.

С этими словами он покинул комнату.

Часом позже вертолет с комиссаром Лебелём на борту поднялся со взлетной площадки в Сатори и, продираясь сквозь гущу облаков, взял курс на юг.

* * *

- Наглая свинья! Да как он только посмел обвинить нас, высших чиновников Франции! Нет, я обязательно отмечу это в своем следующем докладе.

Жаклин опустила с плеч тонкие бретельки рубашки, и легкая прозрачная ткань складками легла вокруг бедер. Она сжала руки, и ее пышные груди сомкнулись, образуя глубокую ложбинку посередине. Обхватив голову любовника, она нежно прижала ее к своей груди.

- Милый, - проворковала она, - расскажи мне все, что тебя тревожит...

Глава 18

Утро 21 августа было ярким и солнечным, как, впрочем, и все предыдущие дни этого на редкость жаркого лета. Из окна замка Шалонье, выходящего на поросшие вереском холмы, все выглядело тихо и умиротворенно, ничем не выдавая напряженных поисков полиции, охвативших уже город Эглетон в 18 км отсюда.

Шакал в халате на голое тело стоял у окна в кабинете барона и набирал парижский номер телефона. Хозяйка спала в своей комнате, утомленная бурно проведенной ночью.

Когда, наконец, дали связь, Шакал произнес обычное:

- Это Шакал.

- Это Валми, - отозвался голос на том конце провода. - Обстоятельства снова изменились. Они нашли машину...

Еще две минуты Шакал слушал, изредка задавая короткие вопросы. Наконец, бросив "мерси", он положил трубку и полез в карман за сигаретами и зажигалкой. То, что он услышал, в корне меняло все его дальнейшие планы. Шакал соби-

рался задержаться в гостеприимном замке еще на пару дней, но теперь необходимо было уходить, и чем скорее, тем лучше.

Что-то насторожило Шакала в работе телефона, но он никак не мог понять, что именно. Во время разговора он не обратил на это особого внимания, но, доставая сигареты, это "что-то" вдруг всплыло в памяти, пробуждая смутное беспокойство. Докурив, Шакал выбросил окурок в открытое окно, и внезапно беспокойство переросло в определенную догадку. Он вспомнил тихий щелчок вскоре после того, как снял трубку. За последние три дня он услышал его впервые. В спальне был параллельный телефон, но когда он уходил, Коллетт еще крепко спала. А если... Шакал круто повернулся и, тихо ступая босыми ногами по ступенькам лестницы, быстро поднялся наверх и распахнул дверь спальни.

Трубка телефона неровно лежала на рычаге. Все три его чемодана лежали открытые на полу, ключи от них валялись рядом.

Баронесса стояла на коленях среди разбросанных вещей. Вокруг нее лежали тонкие стальные трубки со снятыми колпачками. Из одной виднелась часть оптического прицела, из другой - глушитель. Коллетт держала в руках ствол и

затвор винтовки, с ужасом рассматривая эти страшные предметы.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Первым пришел в себя Шакал:

- Ты подслушивала.

- Я... хотела узнать, кому ты все время звонишь по утрам...

- Я думал, ты спишь.

- Нет, я всегда просыпаюсь, когда ты встаешь с постели. Послушай, эта... штука... Это же винтовка. Винтовка убийцы.

Это был полувопрос-полуутверждение. Но она произнесла его с надеждой, что, возможно, сейчас он объяснит ей, что она ошибается, что это нечто совсем другое, какой-нибудь совсем безопасный предмет. Шакал взглянул на баронессу сверху вниз, и впервые Коллетт заметила серые безжизненные крапинки вокруг его зрачков.

Мертвым, леденящим душу взглядом на нее смотрели холодные глаза убийцы, жестокие и беспощадные. Она положила на пол детали винтовки и медленно поднялась на ноги.

- Ты хочешь застрелить его, - прошептала она. - Ты один из этих, оасовцев, ты собираешься убить де Голля.

Молчание Шакала было выразительнее любого

ответа. Баронесса бросилась к двери, но он легко догнал ее и швырнул на кровать. Коллетт приподнялась на мятых простынях и открыла рот, чтобы позвать на помощь. Шакал подскочил к ней тремя большими прыжками. Удар ребром ладони по сонной артерии не позволил крику вырваться наружу. Левой рукой он схватил ее за волосы и подтащил к краю кровати. Перед глазами баронессы мелькнул узор ковра на полу, и страшный удар обрушился сзади на ее шею...

Подойдя к двери, Шакал прислушался. Снизу не доносилось ни звука. Эрнестина, скорее всего, готовит булочки и утренний кофе на кухне в другом конце замка. Луизон, наверное, собирается на базар. К счастью, оба туговаты на ухо.

Шакал вставил детали винтовки обратно в трубки и вместе с одеждой Андре Мартена упаковал их в третий чемодан, прощупав подкладку, чтобы убедиться, что документы на месте. Второй чемодан с вещами датского пастора тоже был открыт, но все содержимое оставалось нетронутым.

Несколько минут Шакал провел в примыкающей к спальне ванной комнате. Он побрился, принял душ и занялся прической. Немного подрезав свои длинные белокурые волосы, он зачесал

их наверх и перекрасил в серо-стальной цвет. После окраски волосы стали немного мягче, что позволило ему зачесать их так же, как и на фотографии Пера Йенсена. Внимательно осмотрев результаты своей работы, Шакал вставил голубые контактные линзы.

Тщательно стерев с ванны пятна красителя и смыв в раковину обрезки волос, он собрал бритвенные принадлежности и вернулся в спальню, не обращая никакого внимания на лежащее на полу обнаженное тело.

Облачившись в купленную в Копенгагене пасторскую одежду, Шакал завершил свой наряд черной манишкой и жестким высоким воротником. Наконец, он надел обычные повседневные туфли, засунул в нагрудный карман очки в золотой оправе и переложил в саквояж туалетные принадлежности, бросив сверху датскую книгу о французских соборах. Во внутренний карман Шакал сунул паспорт пастора и пачку банкнот. Английская одежда вернулась на свое прежнее место в чемодане.

Было уже около восьми, когда Шакал закончил сборы. С минуты на минуту должна была появиться Эрнестина с утренним кофе. Баронесса старалась скрывать их роман от слуг, так как те

обожали барона, зная его еще с тех пор, когда он был маленьким мальчиком.

Взглянув в окно, Шакал увидел Луизона, направляющегося к воротам замка. К багажнику велосипеда была привязана большая корзина для покупок.

В дверь постучали. Шакал не ответил. И через несколько секунд стук повторился.

- Ваш кофе, мадам, - проговорила Эрнестина сквозь закрытую дверь.

Сдерживая внутреннее напряжение, Шакал ответил по-французски сонным голосом:

- Оставь его у двери. Мы заберем, когда будем готовы.

- О! - приглушенно вскрикнула служанка. - Боже, какой скандал! И все это в спальне хозяина!

Старуха поспешила вниз, чтобы поделиться новостями с мужем, но тот уже уехал, и она отвела душу, прочитав длинную лекцию о развращенности современной молодежи раковине на кухне. Старый барон никогда не позволил бы себе ничего подобного.

За вздохами и причитаниями служанка не услышала глухого звука, когда из открытого окна спальни на клумбу под окном были спущены на простыне три чемодана.

Обмякшее тело хозяйки замка было уложено в кровать и укрыто простыней. Через минуту окно спальни захлопнулось, и седой человек легко спрыгнул с подоконника на лужайку.

Эрнестина услышала рев мотора автомобиля мадам и, выглянув из окна кухни, увидела, как "Рено" круто развернулся и устремился через двор к воротам замка.

- Что там еще задумала эта молодая особа? - проворчала служанка и поспешила наверх.

Поднос с кофе все еще стоял нетронутым под дверью спальни. Постучав несколько раз, она дернула ручку, но дверь была заперта изнутри. Комната гостя тоже была на замке, и никто не ответил на ее стук.

Служанка решила посоветоваться с Луизоном. Он, должно быть, уже на базаре, и кто-нибудь из кафе на площади может позвать его. Но для этого нужно было позвонить в кафе. Она не понимала, как работает телефон, и была уверена, что если снять трубку, то можно сразу же поговорить с тем, кто тебе нужен. Приложив трубку к уху, она прождала минут десять, но телефон молчал. Старуха, конечно, не заметила, что у двери в библиотеку телефонный провод был перерезан.

* * *

Утром Клод Лебель вернулся на вертолете в Париж. Позже он рассказал Карону, что Валентин первоклассно выполнил возложенную на него задачу, несмотря на ослиное упрямство этих чертовых крестьян. К утру он уже вычислил маршрут Шакала до кафе в Эглетоне, где тот завтракал, и сейчас ищет таксиста, который отвозил англичанина из кафе. Кроме того, полиция перегораживает все дороги в радиусе 20 км вокруг Эглетона, так что к полудню ловушка захлопнется.

Польстив самолюбию Валентина, Лебель слегка намекнул ему о важности успешного завершения охоты на Шакала, и Валентин пообещал обложить Эглетон таким кольцом, которое, по его словам, "будет меньше мышиной пуковой дырочки".

* * *

Маленький "Рено" мчался по извилистой горной дороге на юг в направлении Тюля. Шакал прикинул, что если полиция ведет поиски со вчерашнего вечера, увеличивая радиус вокруг

того места, где был обнаружен его "Альфа-Ромео", то к рассвету они уже должны были достигнуть Эглетона. Они опросят бармена, разыщут таксиста и уже к обеду будут в замке. Но Шакал верил в свою удачу. Ведь полиция ищет светловолосого молодого англичанина, никто еще не знает о том, что он может превратиться в седого священника. Но все равно, кольцо вокруг Эглетона будет очень плотным.

Пронесшись по проселочной горной дороге, Шакал выскочил, наконец, на трассу RN8 в 18 км юго-западнее Эглетона и помчался по направлению к Тюлю. Часы показывали 9.40.

Как только "Рено" исчез за поворотом, на дороге послышался шум моторов: из Эглетона прибыла полицейская колонна, состоящая из патрульной машины и двух закрытых фургонов. Колонна остановилась, и шесть полицейских принялись перегораживать дорогу стальным шлагбаумом.

* * *

- Что значит его нет? - наседал Валентин на всхлипывающую жену таксиста из Эглетона. - Куда же он делся?

- Я не знаю, господин. Не знаю. Каждое утро муж ожидает на вокзале поезда из Асселя. Если

пассажиров нет, он возвращается в гараж и занимается ремонтом. Если сегодня он не вернулся, значит нашел клиента.

Валентин мрачно осмотрелся. Зря он накричал на эту женщину. Ее муж был единственным таксистом в округе. К тому же ему приходилось еще и ремонтировать машины.

- Скажите, а он подвозил кого-нибудь в пятницу утром? -спросил комиссар, немного смягчившись.

- Да, господин. На станции никого не было, и он вернулся в гараж, как обычно. Но позвонили из кафе и сказали, что одному из посетителей срочно понадобилось такси. Он еще сильно ругался, потому что ему нужно было сменить колесо. Минут через 20 он уже уехал. Он-таки взял клиента, но куда отвез его, я не знаю, - женщина всхлипнула. - Муж вообще не очень-то разговорчив со мной.

Валентин погладил ее по плечу.

- Хорошо, мадам. Не стоит так расстраиваться. Мы подождем, пока ваш муж вернется.

Он повернулся к одному из сержантов:

- Пошлите одного человека на вокзал, другого в кафе на площади. Вы знаете номер такси. Как только он объявится - срочно доставьте его ко мне.

Комиссар вышел из гаража и зашагал к своей машине.

- В комиссариат, - бросил он шоферу. Валентин перенес штаб поисков в полицейский участок Эглетона. Это место давно уже не видело такой кипучей деятельности.

* * *

В десяти километрах от Тюля Шакал сбросил в ущелье чемодан с вещами и паспортом Александра Даггана. Они отслужили свое. Чемодан перелетел через перила моста и исчез в кустах на дне пропасти.

Приехав в Тюль, англичанин отыскал железнодорожную станцию и оставил машину в трех кварталах от здания вокзала. Он вытащил свой багаж и зашагал к билетным кассам.

- Будьте добры, один билет до Парижа во втором классе, пожалуйста, - обратился Шакал к приветливому кассиру.

- 97 новых франков, мсье.

- А когда ближайший поезд?

- В 11.40. Вам придется подождать около часа. У первой платформы есть ресторан. Приятного путешествия.

Шакал подхватил багаж, закомпостировал

билет у стойки и вышел на платформу. Тут ему преградил путь человек в голубой форме.

- Ваши документы, пожалуйста, - сотрудник CRS был очень молод, но старался выглядеть серьезным и значительным. С плеча его свисал автоматический карабин.

Шакал опустил чемодан и вытащил из кармана датский паспорт. Молодой человек уставился на документ, не понимая ни слова.

- Вы из Дании? - спросил он по-французски.

- Пардон?

- Вы... из... Дании? - солдат постучал пальцем по обложке паспорта.

- Danske... ja, ja, - улыбнулся Шакал, кивая седой головой. Молодой человек вернул паспорт и указал в направлении платформы. Через секунду он шагал уже к другому пассажиру, появившемуся на перроне.

* * *

Луизон вернулся только около часу дня, задержавшись в деревне, чтобы пропустить с приятелями по паре стаканчиков. Рассвирепевшая жена обрушила на него волну проклятий и причитаний. Тогда Луизон решил сам проявить инициативу.

- Я залезу на окно и посмотрю, что там делается.

Упрямую Лестницу почему-то водило из стороны в сторону.

Но, наконец, она была приставлена к стене под окном спальни баронессы, и Луизон неуверенно вскарабкался по ступенькам.

- Мадам баронесса спит, - объявил он через пять минут, спустившись вниз.

- Странно, она никогда не спит так долго, - пыталась протестовать Эрнестина.

- Никогда не спит, а сегодня, видишь, дрыхнет, - ответил Луизон. - И не вздумай ее будить.

* * *

Парижский поезд немного опаздывал. Лишь в час дня он прибыл в Тюль. Среди пассажиров, спешивших на посадку, был седой протестантский пастор. Он устроился в купе рядом с двумя пожилыми женщинами, водрузил на нос очки в золотой оправе, вынул из саквояжа книгу о французских церквях и соборах и углубился в чтение. Поезд должен был прибыть в Париж в 20.10.

* * *

Шарль Бобе стоял на обочине, смотрел на часы, на чем свет стоит ругал свою старую колымагу. Уже половина второго, пора бы и перекусить, а он застрял на этой безлюдной дороге между Эглетоном и Ламазьер. Проклятый кардан. Не везет так не везет. Он мог бы, конечно, оставить машину, дойти пешком до ближайшей деревни и добраться до Эглетона на автобусе, а вечером вернуться сюда с тягачом. Но это будет стоить ему недельного заработка. К тому же, двери машины не запираются. Нет, лучше не бросать ее на растерзание этих малолетних деревенских бандитов. Лучше успокоиться и подождать, пока проедет какой-нибудь грузовик и за небольшое вознаграждение оттащит его старушку в Эглетон. Шарль не захватил с собой никакой еды, но в машине лежала, как всегда, заветная бутылочка. Сейчас она была, правда, почти пустая после того, как он целый час безуспешно пытался починить машину. Таксист забрался на заднее сидение и стал ждать. Но глупо было надеяться, что кто-то проедет по этой дороге раньше, чем спадет полуденный зной. Шарль устроился поудобнее и быстро заснул.

* * *

- Что значит, он еще не вернулся? Куда же подевался этот сукин сын? - ревел в трубку комиссар Валентин.

Из своего штаба в Эглетоне он разговаривал с полицейским, ожидающим таксиста в его доме. В ответ с другого конца провода раздавалось только жалкое бормотание. Комиссар со злостью швырнул трубку на рычаг.

Все утро по рации поступали сообщения от патрулей, блокирующих дороги. Но никто, даже отдаленно напоминающий высокого светловолосого англичанина, не пересекал кордонов вокруг Эглетона. Сейчас, в эти жаркие часы, городок словно вымер, не замечая двух сотен полицейских из Исселя и Клермон-Ферран, лихорадочно снующих по улицам.

Около четырех часов дня Эрнестина не выдержала.

- Ты должен еще раз подняться наверх и разбудить мадам, - убеждала она мужа. - Это противоестественно, спать целый день.

- Как раз об этом я только сейчас и мечтал, - проворчал старый Луизон.

Но зная, что бесполезно спорить с женой, если

она что-то решила, он снова приставил лестницу и полез наверх. Открыв окно, старик забрался в комнату. Эрнестина наблюдала снизу.

Через пару минут из окна показалась голова Луизона.

- Эрнестина, - позвал он хриплым голосом. - Похоже, мадам мертва.

Старик уже собирался спускаться вниз, но Эрнестина крикнула ему открыть дверь изнутри.

Вдвоем они приподняли простыни и заглянули в остекленевшие глаза своей хозяйки.

- Луизон, - пересилив страх, произнесла Эрнестина.

- Да, дорогая.

- Беги в деревню и позови доктора Матье, быстро.

Спустя несколько минут Луизон уже изо всех сил своих дрожащих ног нажимал на педали велосипеда.

Доктор Матье вот уже 40 лет лечил всех обитателей замка. Разыскав его спящим под абрикосовым деревом в саду, Луизон поведал ему о случившемся. Доктор выехал немедленно. В половине пятого его машина уже остановилась у ворот замка. Несколько минут спустя доктор закончил осмотр и повернулся к слугам, переминающимся

с ноги на ногу у двери.

- Мадам мертва. У нее сломана шея, - дрожащим голосом сообщил он. - Нужно позвать констебля.

Жандарм Калло был человеком методичным. Он осознавал всю серьезность работы служителя закона и знал, как важно правильно представить все факты. Он уселся за кухонный стол и, слюнявя карандаш, записал показания Эрнестины, Луизона и доктора Матье.

- Не сомневаюсь, что это убийство, - заключил он. - Первым под подозрение падает, конечно, этот светловолосый англичанин, который гостил в замке, а сейчас удрал на машине мадам. Я немедленно доложу обо всем в полицейское управление Эглетона.

С этими словами он покинул замок.

* * *

В 18.30 Клод Лебель позвонил из Парижа комиссару Валентину.

- Ну, что там у тебя нового, Валентин?

- Пока ничего. Еще с полудня мы заблокировали все дороги. Он должен быть где-то внутри кольца, если, конечно, не выехал раньше и сбросил машину под откос. Этот проклятый таксист, который вез его из Эглетона в пятницу утром, все

еще не объявился. Мои ребята обыскали уже все дороги... Минуту, по-моему, еще одно сообщение.

Наступила пауза. Лебель слышал, как Валентин с кем-то быстро переговаривается по рации.

В трубке снова послышался его голос:

- Ну и дела творятся, черт меня подери! Здесь убийство.

- Где? - встрепенулся Лебель.

- В замке поблизости. Только что получен рапорт от местного деревенского констебля.

- Кого убили?

- Хозяйку замка. Подожди минуту... Баронессу де ла Шалонье.

Карон заметил, как побледнел Лебель.

- Слушай меня, Валентин. Это он. Он, конечно, уже смылся из замка?

В полицейском участке Эглетона снова посовещались.

- Да, - наконец ответил Валентин. - Он удрал утром на машине баронессы. Небольшой "Рено". Садовник обнаружил труп только сегодня днем. Он думал, что она спит, но потом залез в окно и нашел тело.

- Есть описание и номер машины? - спросил Лебель.

- Конечно.

- Тогда начинай ее поиски. Больше нет смысла соблюдать секретность. Сейчас это уже охота за обыкновенным убийцей. Я объявлю общенациональный розыск, а ты попытайся взять след на месте убийства. Попробуй выяснить, в каком направлении он улизнул.

- Хорошо, постараюсь. Наконец-то начинается настоящее дело.

Лебель повесил трубку.

- О боже, - пробормотал он. - Что-то я стал туговато соображать. Старею. Имя баронессы де ла Шалонье значилось в списках постояльцев отеля Дю Серф в ту ночь, когда там останавливался Шакал.

* * *

Небольшой "Рено" был обнаружен в 19.30 на глухой улочке Тюля во время полицейского обхода. Когда патруль вернулся в участок, было 19.45. И лишь в 19.55 сообщение было передано комиссару Валентину. В 20.05 тот позвонил Лебелю:

- Около полукилометра от вокзала, - сообщил он.

- У тебя есть под рукой расписание поездов?

- Да, где-то должно быть.

- Когда отошел утренний поезд на Париж? Во

сколько он должен прибыть на вокзал Аустерлиц? Быстрее, ради всего святого, быстрее.

На том конце провода послышался приглушенный разговор.

- Только два поезда в день ходят на Париж, - ответил, наконец, Валентин. - Утренний отходит в 11.40 и прибывает в Париж... ага, вот. В 8.10 вечера...

Швырнув на стол телефонную трубку, Лебель уже бежал из кабинета, увлекая за собой Карона.

В 20.10, нагнав упущенное время, парижский экспресс величественно подкатил к перрону вокзала Аустерлиц. Едва он остановился, как блестящие двери распахнулись, и пассажиры высыпали на платформу. Некоторых весело приветствовали встречающие, другие же через арки и переходы главного зала направлялись к стоянке такси. Среди них был высокий седой человек в пасторском костюме с высоким жестким воротником. Он одним из первых подошел к стоянке и вскоре уже укладывал свои чемоданы в багажник подкатившего "Мерседеса". Водитель включил счетчик, и такси плавно скользнуло по подъездной эстакаде вниз на улицу. Стоянка такси была полукруглой. Машины подъезжали к остановке с одной стороны и, не разворачиваясь, выезжали

на улицу с другой. "Мерседес" направился в сторону выезда. Такси уже выехало на улицу, когда водитель и пассажир услышали нарастающий шум сирен и оглянулись на толпу пассажиров на остановке. С другого конца эстакады на стоянку въехали три патрульные полицейские машины и два черных фургона. Описав дугу, колонна остановилась перед зданием вокзала.

- Что-то они расшумелись сегодня, - хмыкнул таксист - Вам куда, святой отец?

Пассажир назвал адрес небольшого отеля на набережной Великого Августина.

* * *

В девять часов вечера Клод Лебель вернулся в свой кабинет и нашел записку с просьбой срочно позвонить в Тюль комиссару Валентину. Через пять минут их соединили, и Лебель принялся делать пометки по ходу беседы.

- Вы сняли отпечатки пальцев с машины? - спросил он.

- Конечно, и с машины, и в его комнате в замке Сотни отпечатков, и все подходят. Срочно отправьте мне образцы.

- Будет сделано. А что с этим парнем из CRS, упустившим его на вокзале в Тюле? Хочешь пого-

ворить с ним лично?

- Нет, не стоит. Он все равно не сможет сообщить ничего, кроме того, что я уже рассказал вам. Спасибо за помощь, Валентин. Можешь давать отбой своим парням. Теперь он на нашей территории, мы сами с ним разберемся.

- Ты уверен, что он теперь датский пастор? - спросил Валентин. - Может, просто случайное совпадение?

- Нет. Это он. Точно. Он выбросил один чемодан. Вы его еще найдете в каком-нибудь ущелье по дороге от замка к Тюлю. Но остальные три места багажа при нем. Конечно, это он.

Лебель повесил трубку.

- На этот раз пастор, - задумчиво сообщил он Карону, - датский пастор. Имя неизвестно, этот салага из CRS не может вспомнить, что было написано в паспорте. Человеческий фактор, снова человеческий фактор. Таксист отдыхает на глухой дороге, садовник боится разбудить свою спящую целый день хозяйку, полицейский не помнит имени, записанного в паспорте... Единственное, что я могу сказать тебе, Люсьен, это мое последнее дело. Старею, становлюсь вялым, медлительным... Ну, да ладно. Вызови мою машину. Пора ехать на вечернюю экзекуцию.

Встрёча в кабинете министра была нервной и напряженной. В течение сорока минут собравшиеся слушали доклад Лебеля. Он подробно рассказал все с самого начала, сообщив об обнаружении машины в лесу под Эглетоном, о пропаже таксиста, об убийстве в замке и, наконец, о высоком седом датчанине, севшем на парижский экспресс в Тюле.

- Другими словами, - холодно произнес Сен-Клер, когда Лебель закончил доклад, - убийца сейчас преспокойно разгуливает по Парижу с новым лицом и новым паспортом. Похоже, вы опять сели в лужу, дорогой комиссар.

- Оставим упреки, господа, - оборвал его министр. - Сколько датчан сейчас находится в Париже?

- Примерно несколько сотен, господин министр.

- Можем мы их оперативно проверить?

- Только утром, когда в префектуру поступят записи регистрации из отелей, - ответил Лебель.

- Я могу организовать проверку каждого отеля уже ночью, в полночь, в два и в четыре часа, - предложил префект полиции. - Под каким бы именем он ни зарегистрировался, ему все равно придется поставить в графе "профессия" слово

"пастор", чтобы не вызвать подозрений у администратора.

- Он может намотать шарф поверх воротника или вообще снять его и зарегистрироваться под любым именем, - мрачно возразил Лебель.

Присутствующие сердито взглянули на комиссара.

- В таком случае, остается только одно, господа, - произнес министр, - я буду просить Президента отложить все публичные выступления до того момента, пока мы не найдем и не обезвредим убийцу. А сейчас до утра нужно проверить всех датчан, вселившихся в парижские отели за последние 12 часов. Могу я поручить это вам, комиссар, и вам, мсье префект?

Лебель и Пагон молча кивнули.

- Тогда на этом и закончим сегодня, господа.

* * *

- Главное, что меня убивает, - жаловался позже Лебель Карону, вернувшись в кабинет, - это то, что все они упрямо продолжают считать, что наши беды происходят из-за его чертовского везения и нашей с тобой тупости. Конечно, ему везет, но он еще к тому же и дьявольски умен. А нам не везет, мы допускаем ошибки. И я допускаю ошибки.

Да, допускаю. Но есть и еще кое-что. Уже дважды мы опаздывали буквально на какой-нибудь час. В первый раз он улизнул на перекрашенной машине из Гапа. Теперь он смылся из замка, убив в придачу хозяйку. Причем, снова буквально через несколько часов после того, как была найдена его "Альфа-Ромео". И оба раза на следующее утро после того, как на заседании, в министерстве я объявлял, что он у нас в руках и в течение 12 часов мы схватим его. Знаешь, Люсьен, я, наверное, все же применю свою неограниченную власть и устрою небольшой телефонный перехват.

Он облокотился на подоконник и через мутные воды Сены задумчиво посмотрел на Латинский квартал, где сверкали огни и звуки веселого смеха отражались от освещенной прожекторами поверхности реки.

А в трехстах метрах от него другой человек смотрел в окно, пристально вглядываясь сквозь летнюю ночь в огромное здание Судебной полиции. Он был одет в черные брюки, повседневные туфли и теплый свитер поверх белой рубашки с черной манишкой. Человек курил дорогую английскую сигарету. Его молодое лицо никак не вязалось с седыми волосами.

Два человека стояли друг против друга, а стрел-

ки часов на башнях Парижа шагнули уже в новый день, 22 августа.

Часть третья. АНАТОМИЯ УБИЙСТВА

Глава 19

Клод Лебель беспокойно ворочался в постели. Лишь в половине второго его все ж сморил тяжелый сон, но Карон сразу же разбудил комиссара.

- Прошу прощения, шеф, но у меня возникла интересная идея. Этот наш красавчик, Шакал, у него ведь датский паспорт, верно?

Лебель с трудом заставил себя проснуться.

- Ну, ну, малыш, продолжай.

- Так вот, он же должен был где-то раздобыть этот документ. Либо он его подделал, либо просто стащил. Но поскольку, имея на руках паспорт, он перекрашивал волосы, то похоже, что Шакал его все же где-то украл.

- Ну что ж, логично. Дальше.

- Кроме своей разведывательной поездки в Париж, он все время находился в Лондоне. Поэтому, скорее всего, он стащил его либо в Лондоне, либо в Париже. А что, по-вашему, будет делать датчанин, у которого пропал паспорт? Он сразу же обратится в свое консульство.

Лебель вскочил с раскладушки.

- Иногда, дорогой Люсьен, я думаю, что ты

далеко пойдешь. Соедини меня с домом суперинтенданта Томаса, а потом с датским консульством в Париже.

Следующие полчаса комиссар провел на телефоне, уговаривая обоих чиновников срочно вернуться на работу. Только около трех часов ночи Лебель снова прилег. В четыре его уже разбудил телефонный звонок префекта, сообщившего, что между 12 и 2 часами собрано уже 980 карточек датчан, заселившихся в Парижские отели. В настоящее время их сортируют по категориям как "возможных" и "вероятных" и "прочих".

В шесть часов, когда Лебель пил кофе, ему позвонили инженеры из DST, которым сразу после полуночи он отдал несколько распоряжений. Ловушка сработала. Вместе с Кароном комиссар сел в машину и по утренним парижским улицам отправился в Управление Департамента Территориального надзора.

В подвале лаборатории связи их ждала магнитофонная запись. Она начиналась с громкого щелчка и серии звуков, похожих на набор телефонного номера из семи цифр. Затем был длинный гудок и еще один щелчок: абонент снял трубку.

- Алло, - раздался хриплый мужской голос.

Ему ответила женщина.

- Это Жаклин, - тихо произнесла она.

- Это Валми, - отозвался мужчина.

- Они знают, что он датский пастор, - скороговоркой начала женщина. - Проверяют всех датчан, заехавших ночью в парижские отели. Собирают регистрационные карточки в полночь, в два утра и в четыре утра. Потом начнут трясти всех, кто попадет под подозрение.

После небольшой паузы мужчина сказал "мерси", и они положили трубки.

Лебель не мог оторвать взгляда от вращающихся катушек магнитофона.

- Вы узнали номер, по которому она звонила?

- Да, мы определили это по длительности вращения диска при наборе номера. МОЛИТОР 5901.

- Адрес нашли?

Сотрудник протянул комиссару листок бумаги.

- Пойдем, Люсьен. Нанесем визит нашему загадочному мсье Валми.

- А как быть с женщиной?

- О ней позаботятся без нас.

* * *

В семь часов утра в дверь постучали. Учитель как раз готовил себе завтрак на газовой горелке.

Нахмурившись, он выключил газ и подошел к двери. Перед ним стояли четверо мужчин. Он без слов понял, кто они и зачем пришли. Двое в форме готовы были броситься на него, но невысокий человек жестом приказал им оставаться на своих местах.

- Мы перехватили ваш телефонный разговор, - спокойно произнес он. - Вы Валми.

Учитель ничем не выдал своих чувств. Он тихо отошел в сторону, пропуская в комнату незваных гостей.

- Вы разрешите мне одеться?

- Да, конечно.

Пока двое полицейских стояли у него за спиной, учитель за несколько минут натянул брюки и рубашку, не потрудившись даже снять пижаму. Молодой человек в штатском стоял у двери. Тот, что постарше, обошел квартиру, рассматривая сваленные повсюду книги и бумаги.

- Понадобится, пожалуй, лет сто, чтобы разобрать все это, а, Люсьен? - обратился он к своему молодому коллеге.

- Слава богу, это уже не наша работа, - улыбнулся тот.

- Ну что, готовы? - маленький человек повернулся к учителю.

- Да.

- Ведите его вниз, к машине.

Все вышли, комиссар задержался, рассматривая бумаги, над которыми бывший директор школы, очевидно, трудился прошедшей ночью. Но все они оказались обычными школьными контрольными. Скорее всего, он работал дома, чтобы всегда быть на месте, ожидая звонка Шакала.

В десять минут восьмого зазвонил телефон. Несколько секунд Лебель нерешительно взирал на аппарат, затем протянул руку и снял трубку.

- Алло?

- Это Шакал, - произнес бесстрастный голос на другом конце провода.

Лебеля охватила глухая ярость.

- Это Валми, - ответил он и замолчал, не зная, что говорить дальше.

- Что нового? - спросил голос в трубке.

- Ничего. Они потеряли след в Коррезе.

На лбу комиссара выступили капельки пота. "Хотя бы еще несколько часов ты оставался там, где сейчас находишься", - хотелось крикнуть в трубку. Но раздался щелчок, и телефон замолчал. Лебель бросил трубку и помчался вниз к ожидающей машине.

- В контору, - крикнул он шоферу.

* * *

В телефонной кабине небольшого отеля на берегу Сены Шакал озадаченно рассматривал телефонный аппарат.

"Ничего? Но этого просто не может быть. Он совсем не дурак, этот комиссар Лебель. Они уже должны были выйти на таксиста Эглетона, а через него добраться до замка, найти там тело хозяйки и заметить пропажу "Рена". Они уже должны были обнаружить машину в Тюле и опросить работников вокзала. Они уже должны были..."

Он вышел из телефонной будки и подошел к стойке портье:

- Приготовьте, пожалуйста, счет. Я спущусь через 5 минут.

* * *

Звонок суперинтенданта Томаса раздался как раз в тот момент, когда в 7.40 Лебель входил в кабинет.

- Извините за задержку, - проговорил английский детектив. -Потребовалось немало времёни, чтобы разбудить персонал датского консульства

и упросить их вернуться на работу. Вы оказались совершенно правы. 14 июля один датский пастор действительно заявил о пропаже паспорта. Он подозревает, что паспорт украли из номера отеля в Уэст Энде, но не мог доказать этого. К радости директора отеля, он не подал официальную жалобу. Имя этого пастора - Пер Йенсен из Копенгагена. Рост 180 см, голубые глаза, седые волосы.

- Как раз то, что нужно. Благодарю вас, суперинтендант.

Лебель положил трубку.

- Соедини меня с префектурой, - обратился он к Карону.

В 8.30 четыре черных полицейских фургона подкатили к небольшому отелю на набережной Великого Августина. После обыска номер 37 выглядел так, как будто сквозь него только что пронесся ураган.

- Извините, господин комиссар, - виновато проговорил владелец отеля маленькому, невзрачному детективу, который командовал группой. - Пастор Йенсен съехал от нас час назад.

* * *

Шакал взял маршрутное такси и снова вернулся на вокзал Аустерлиц, куда прибыл только

вчера вечером. Вряд ли они будут искать его здесь, - рассудил он. Сдав чемодан с винтовкой и одеждой несуществующего Андре Мартена в камеру хранения, Шакал оставил при себе чемодан с вещами и документами американского студента Марти Шульберга и саквояж с гримерными принадлежностями и с этим багажом, все еще одетый в черный клерикальный костюм, но в свитере, скрывающем высокий воротничок рубашки, направился в третьеразрядную гостиницу за углом. Портье попросил его заполнить регистрационную карточку, но не удосужился сверить ее с паспортными данными, как того требовали инструкции, и в результате она была заполнена на вымышленное имя.

Оказавшись в номере, Шакал запер дверь и принялся за грим и прическу. С помощью растворителя он смыл седую краску, и волосы приняли свой прежний вид. Шакал перекрасил их в темно-каштановый цвет, как у Марти Шульберга, и, оставив голубые контактные линзы, заменил очки с золотой оправой на внушительные роговые. Черные повседневные туфли, носки, рубашка, манишка и клерикальный костюм отправились обратно в чемодан. Там же занял свое место и паспорт на имя Пера Йенсена из Копенгагена.

Надев теннисные туфли, джинсы, носки, футболку и нейлоновую куртку, Шакал превратился в студента из города Сиракузы штат Нью-Йорк.

Через пару часов с американским паспортом в одном нагрудном кармане и пачкой французских франков в другом он уже был готов к дальнейшим действиям. Закрыв в шкаф чемодан с вещами пастора Йенсена, он смыл ключ в унитаз, спустился по пожарной лестнице и исчез, чтобы никогда больше не появиться в этом отеле. Через несколько минут он уже сдал саквояж в камеру хранения и, сунув номерок в задний карман брюк, взял такси до банка "Лефт". На углу бульвара Сан Мишель и улицы Рю де ля Ушет он вышел из машины и смешался с толпой студентов и молодых людей из густонаселенного Латинского квартала.

Сидя за завтраком в дешевом прокуренном кафе, Шакал ломал голову над тем, где ему можно было бы сегодня переночевать. Он не сомневался, что к этому времени Лебель уже разоблачил его как пастора Пера Йенсена, да и Марти Шульберг не сможет продержаться больше суток.

- Черт бы побрал этого Лебеля, - со злостью подумал Шакал, но тут же заставил себя улыбнуться подошедшей официантке:

- Спасибо, золотко.

* * *

В 10 часов вечера Лебель дозвонился до Томаса. Услышав его новую просьбу, тот тяжело вздохнул, но вежливо ответил, что сделает все возможное. Положив трубку, Томас вызвал старшего инспектора, помогавшего ему в этом деле всю прошедшую неделю.

- Садись. Снова звонили наши французы. Похоже, они опять потеряли своего Шакала. Сейчас он где-то в центре Парижа, и они предполагают, что у него очередное обличье. Нужно обзвонить все иностранные консульства в Лондоне и запросить данные паспортов, которые были потеряны или украдены у иностранцев начиная с 1 июля. Исключайте негров и азиатов. В каждом случае нужно обязательно знать рост. Все выше 173 см попадают под подозрение. Действуй.

* * *

Ежедневное заседание в министерстве было перенесено на 2 часа дня.

Под холодными взглядами собравшихся Лебель доложил обстановку.

- Проклятье, - пробормотал министр. - Этому

Шакалу просто чертовски везет!

- Нет, господин министр, здесь дело не в везении. Вернее не только в везении. Просто Шакала постоянно информировали о каждом шаге наших поисков. Именно поэтому он так спешно покинул Гап, по этой же причине, убив баронессу де ла Шалонье, он скрылся из замка еще до того, как захлопнулась наша ловушка. Каждый вечер на заседаниях я докладывал о ходе расследования. Трижды он ускользал у нас буквально из рук. Сегодня утром мы арестовали Валми, а я неправильно ответил за него по телефону, и Шакал снова скрылся, изменив внешность. Но в первых двух случаях его предупреждали поздно ночью, вскоре после окончания наших заседаний

За столом воцарилось холодное молчание.

- Смею заметить, комиссар, что вы уже второй раз делаете это предположение, - с напускным спокойствием произнес министр. - Надеюсь, сейчас вы сможете обосновать свое подозрение.

Вместо ответа Лебель положил на стол небольшой портативный магнитофон и нажал кнопку В напряженной тишине зазвучала запись телефонного разговора Когда она закончилась, присутствующие в изумлении уставились на магнитофон. Лицо полковника Сен-Клера стало

вдруг пепельно-серым. Дрожащими руками он принялся собирать со стола свои бумаги и запихивать их обратно в папку.

- Чей это голос? - наконец смог произнести министр.

Лебель не ответил. Сен-Клер медленно поднялся, и сразу же в него впились взгляды всех присутствующих.

- К сожалению, должен сообщить вам, господин министр Это был голос одной моей, подруги. Она сейчас находится у меня дома... Извините.

Он выскочил из зала и направился обратно во Дворец писать прошение об отставке.

Собравшиеся задумчиво молчали.

- Хорошо, - как можно более спокойным тоном произнес министр, - продолжайте, комиссар.

Лебель возобновил свой доклад, сообщив о просьбе к суперинтенданту Томасу собрать данные обо всех пропавших паспортах иностранцев за последние 50 дней.

- Я надеюсь уже к вечеру получить список лиц, подходящих под описание Шакала. Думаю, таких найдется всего несколько человек, может быть, даже один или два. Я попросил Томаса запросить фотографии людей, чтобы можно было установить его теперешний облик, несомненно,

достаточно отличающийся от Калтропа, Даггана и Йенсена. Если все будет хорошо, я получу фотографии завтра к полудню.

- Со своей стороны, могу вам доложить о результатах моей беседы с Президентом, - взял слово министр. - Он наотрез отказался изменить план своих публичных выступлений. Честно говоря, ничего другого я и не ожидал от него услышать. Но, тем не менее, генерал согласился на одну уступку. Сейчас Шакал является обыкновенным убийцей. Он убил баронессу де ла Шалонье в ее собственном замке с целью похищения бриллиантов. После этого он бежал и сейчас скрывается в Париже. Все ясно, господа? Это сообщение появится сегодня в дневных газетах. Комиссар, как только выясните его новую внешность, сразу же сообщите подробные описания в прессу. Это даст возможность еще раз опубликовать сообщение об убийце в утренних газетах. Когда завтра получите фотографию туриста, потерявшего паспорт в Лондоне, немедленно передайте ее в вечерние газеты и на телевидение для еще одного сообщения. Кроме всего этого, Как только станет известно его новое имя, полиция и CRS должны сразу же начать проверку документов у каждого подозрительного.

Префект полиции, шефы CRS и Судебной полиции лихорадочно делали у себя соответствующие пометки. Министр продолжал:

- DST при поддержке Главного Статистического ведомства проверить каждого известного нам сочувствующего OAC. Понятно?

Шефы Служб с готовностью кивнули.

- Судебной Полиции приостановить все дела и бросить всех детективов на поиски убийцы.

Макс Ферне утвердительно кивнул.

- Что касается охраны дворца, то начиная с настоящего момента мне понадобятся подробные сообщения о каждом шаге Президента. Но сам он ни в коем случае не должен быть информирован об этих экстренных мерах предосторожности, в конце концов они предпринимаются в его же интересах. Это один из тех случаев, когда мы рискуем навлечь на себя гнев нашего генерала, действуя на его же благо. И конечно, я полагаюсь на Корпус безопасности Президента. Комиссар Дюкре, необходимо окружить Президента таким плотным кольцом телохранителей, чтобы сквозь него не смогла пролететь даже пылинка.

Жан Дюкре, начальник службы охраны Президента, склонил голову в знак согласия.

- Бригаде криминальной полиции... - министр

нашел глазами комиссара Бувье, - срочно связаться с дельцами из преступного мира. Обещайте любую плату. Сейчас каждый должен участвовать в охоте. Сообщите им описание внешности Шакала. Все понятно?

Морис Бувье хмуро кивнул, пытаясь скрыть нервное напряжение. Он повидал на своем веку уже немало облав, но на этот раз масштабы поисков были поистине грандиозны. Как только Лебель будет располагать именем и паспортными данными убийцы, не дожидаясь фотографий, на охоту выйдут в общей сложности около ста тысяч человек, начиная от службы безопасности и кончая отпетыми уголовниками. Они будут искать в ресторанах, барах, отелях и просто на улицах столицы всего лишь одного-единственного человека.

- Есть еще кто-нибудь, кого я упустил из виду и оставил незадействованным в операции? - спросил министр.

Полковник Роллан быстро взглянул на генерала Жибо, затем перевел взгляд на комиссара Бувье и нервно кашлянул:

- Есть еще "Союз чести", - несмело предложил он.

Генерал Жибо задумчиво изучал свои ногти.

Бувье бросил на полковника гневный взгляд. Большинство из собравшихся выглядели смущенными. "Союз чести" - братство корсиканцев, потомков братьев Аяччо, детей вендетты - был и остается крупнейшим преступным синдикатом Франции, заправляющим в Марселе и на южном побережье. Некоторые специалисты считают эту организацию намного старше и опаснее знаменитой мафии. Не эмигрировав, подобно ей, в начале века в Америку, члены "Союза чести" старались не придавать свое существование огласке, которая превратила американскую мафию в притчу во языцех.

Уже дважды голлисты были вынуждены обращаться за помощью к этой организации, и оба раза ее помощь оказывалась ценной, хотя и обходилась довольно дорого. "Союз чести" всегда требовал ослабить полицейский контроль за их преступной деятельностью. В августе 1944 года корсиканцы помогли союзникам высадиться на юге Франции, и с тех пор они практически завладели Марселем и Тулоном. После апрельских событий 1961 г. они снова помогли французскому правительству, сражаясь против ОАС и алжирских поселенцев, протянув после этого свои щупальцы дальше на север Франции и даже

в Париж.

Как полицейский Бувье ненавидел эту братию, но знал, что Служба "Действие" часто пользуется услугами корсиканцев.

- Думаете, они могут нам чем-нибудь помочь? - спросил министр.

- Если этот Шакал действительно так хитер, - ответил Роллан, - то мне кажется, что уж если кто-то в Париже и сможет отыскать его, так это "Союз чести".

- Сколько их сейчас находится в Париже? - все еще нерешительно спросил министр.

- Около 80 тысяч. Некоторые из них служат в полиции, на таможне, в CRS, Секретной Службе. Но большая часть, конечно, находится в подполье. И организованы они действительно по-настоящему.

- Хорошо, - согласился министр. - Попробуйте задействовать их. Но будьте предельно осторожны.

Больше предложений не последовало.

- Тогда на сегодня все. Комиссар Лебель, все, что от вас сейчас требуется, это только его имя, описание внешности и фотография. А уж после этого я не позволю ему гулять на свободе больше шести часов.

- Вообще-то у нас есть еще три дня, - проговорил Лебель, оторвав взгляд от окна.

Все присутствующие испуганно посмотрели на него.

- Откуда вам это известно? - спросил Макс Ферне.

Лебель смущенно заморгал.

- Я должен извиниться, господа. С моей стороны было глупо не догадаться об этом раньше. За прошедшую неделю я убедился в том, что у Шакала есть свой определенный план и он заранее рассчитал день покушения на Президента. Что помешало ему превратиться в пастора Йенсена сразу же после того, как он покинул Гап? Почему он сразу не отправился в Валенсию и не сел на парижский поезд? Почему после прибытия во Францию он вот уже целую неделю болтается здесь без дела?

- Так почему же? - нетерпеливо поинтересовался кто-то.

- Да потому, что он наметил определенный день, - ответил Лебель. - Он знает, когда лучше всего можно нанести удар. Комиссар Дюкре, не намечено ли у Президента каких-нибудь публичных мероприятий за стенами дворца на сегодня, завтра или субботу?

Дюкре отрицательно покачал головой.

- А как насчет воскресенья, 25 августа?

Присутствующие ахнули.

- Ну конечно, - выдохнул министр. - Это же День освобождения! С ума сойти, ведь многие из нас были вместе с ним в этот день еще в 1944 году.

- Конечно, - согласился Лебель. - Наш Шакал неплохой психолог. Он рассчитал абсолютно точно. Это единственный день в году, когда Генерал, несмотря ни на что, всегда выступает перед народом. Это, так сказать, ЕГО день. Этого-то и ждет убийца.

- В таком случае, он у нас в руках, - произнес министр с некоторым облегчением. - Он лишился своего единственного источника информации. Нет такого уголка в Париже, где он мог бы сейчас спрятаться. Никто из парижан даже непреднамеренно не укроет его. Он наш. Комиссар, дайте нам его имя.

Клод Лебель встал и направился к двери. Следом за ним поднялись и остальные. Близилось время ленча.

- Да, еще кое-что, господин комиссар, - остановил Лебеля министр. - Как вы догадались установить подслушивающее устройство на домашнем телефоне полковника Сен-Клера?

Лебель обернулся и пожал плечами.

- Все очень просто. Вчера вечером я установил их на все ваши телефоны. Всего хорошего, господа.

* * *

В пять часов вечера, сидя на террасе кафе на площади Пляс де л'Одьон за кружкой пива, Шакал с безразличным видом рассматривал посетителей сквозь стекла темных очков, таких же, какие были на всех прохожих в этот солнечный день. Неожиданная мысль пришла ему в голову, когда взгляд его упал на двух молодых парней, прогуливающихся по площади. Он уплатил за пиво и вышел из кафе. Пройдя по улице, в сотне метров от кафе он обнаружил то, что искал, - дамский салон красоты. Шакал вошел внутрь и сделал необходимые покупки.

* * *

В шесть часов вечера первые страницы вечерних газет уже пестрели броскими заголовками: "Убийца баронессы скрывается в столице!" Ниже помещалась фотография баронессы де ла Шалонье, сделанная пять лет назад на балу в Париже.

Фотография была найдена в Агентстве Печати. В 18.30, держа в руке последний выпуск "Франс суар", полковник Роллан вошел в небольшое кафе на улице Вашингтона. Чернобородый бармен посмотрел на него пристальным взглядом и сделал знак мужчине, сидевшему в глубине зала. Тот подошел к стойке и обратился к шефу Службы "Действие":

- Полковник Роллан?

Полковник кивнул.

- Пожалуйста, идите за мной.

С этими словами он направился к двери в глубине кафе. Вскоре они очутились в небольшой гостиной на втором этаже. Очевидно, это была квартира хозяина заведения. Дверь закрылась, и навстречу им из кресла поднялся еще один человек и протянул руку полковнику:

- Полковник Роллан? Рад познакомиться с вами. Я - Капо "Союза чести". Как я понял, вы ищете одного человека...

* * *

В 20.00 суперинтендант Томас позвонил Лебелю из Лондона. Голос его казался усталым. Денек выдался не из легких. С некоторыми консульствами, правда, удалось договориться довольно легко,

но достичь взаимопонимания с другими было чрезвычайно сложно.

Кроме женщин, негров, азиатов и мужчин ниже среднего роста, за последние 50 дней в Лондоне пропали паспорта у восьми иностранных туристов. Он медленно и отчетливо продиктовал их полные имена, паспортные данные и описания внешности..

- А сейчас давайте действовать методом исключения, - предложил он Лебелю. - Трое потеряли свои паспорта как раз в то время, когда Шакал, он же Дагган, находился за пределами Лондона. Кстати, мы проверили все заказанные и проданные билеты начиная с 1 июля. Согласно полученным сведениям, вечером 18 июля мистер Дагган вылетел в Копенгаген. Там он купил билет до Брюсселя, расплатился наличными. И лишь вечером 6 августа возвратился в Англию.

- Да, все совпадает. По нашим данным, часть своего путешествия, а именно с 22 по 31 июля, он провел в Париже.

- Итак, - протрещал в трубке голос Томаса, - три паспорта были потеряны в то время, когда убийцы не было в Лондоне. Их можно исключить, правильно?

- Думаю, что да, - согласился Лебель.

- Из пятерых оставшихся один слишком высокий. 6 футов 6 дюймов, или около двух метров по-вашему. Кроме того, он итальянец, а это значит, что его рост указан в паспорте в сантиметрах, и первый же французский полицейский сразу же заметит разницу, если только Шакал не будет пользоваться ходулями.

- Согласен, исключаем и этого великана. А как насчет оставшихся четырех?

- Один очень толстый, 242 фунта, то есть, что-то более ста килограммов. Если Шакал превратится в такого бегемота, он будет едва передвигать ноги.

- Исключаем. Следующий.

- Следующий слишком стар. Рост, правда, подходит, но ему за 70. Чтобы так "состариться", Шакалу придется прибегнуть к услугам опытного театрального гримера.

- Тоже отпадает. Осталось двое.

- Да, двое. Один - норвежец, другой - американец. Оба подходят под параметры Шакала. Высокие, широкоплечие, одному 40 лет, другому 20. Но два факта свидетельствуют против кандидатуры норвежца. Во-первых, он блондин. Не думаю, что после разоблачения Дагеана Шакал оставит прежний цвет волос. Он был бы слишком

похож на Даггана. Во-вторых, норвежец заявил в консульство, что паспорт выпал у него из кармана, когда он одетым свалился в Серпантин, катаясь на лодке со своей подружкой. Он клянется, что когда упал в воду, паспорт был при нем, а исчез, когда он через четверть часа выбрался на берег. С другой стороны, американец клятвенно утверждал в полицейском участке лондонского аэропорта, что саквояж, в котором находился паспорт, украли, когда он собирался выходить из главного зала. Что вы на это скажете?

- Вышлите мне все данные об американце. Его фотографию я запрошу в Паспортном отделе Вашингтона. И еще раз огромное вам спасибо, дружище.

* * *

В 10 часов вечера в министерстве состоялось второе за этот день заседание. Оно оказалось на редкость коротким. За час до этого все управления и отделы Службы безопасности получили подробное словесное описание и приметы Марти Шульберга, разыскиваемого по обвинению в убийстве. Его фотографию ждали рано утром ко времени выхода первых выпусков вечерних газет, которые появляются на улицах Парижа в

10 часов.

Министр встал:

- Господа, на нашем первом заседании мы все согласились с мнением комиссара БуВье, что идентификация убийцы, известного под кодовым именем Шакал, является чисто детективной задачей. И сегодня, оглядываясь назад, я не могу не согласиться с этой точкой зрения. Нам повезло, что в течение 10 дней расследование возглавлял такой человек, как комиссар Лебель. Несмотря на то, что убийца трижды менял свое обличье, превращаясь из Калтропа в Даггана, из Даггана в Йенсена и, наконец, в Марти Шульберга, а также несмотря на постоянную утечку информации из этого кабинета, комиссар не только всякий раз распознавал его, но и в конце концов выследил и припер к стене. Позвольте выразить ему нашу глубокую благодарность.

Министр склонил голову перед смутившимся комиссаром.

- Однако сейчас, - продолжал министр, - мы все должны включиться в завершающую стадию операции. У нас есть имя, описание внешности, паспортные данные, национальность. Через несколько часов мы получим фотографию. Я уверен, располагая такими огромными силами и

средствами, мы схватим его уже через несколько часов. Каждый парижский полицейский, каждый детектив и патрульный CRS получил его краткое описание. К утру, в крайнем случае к полудню завтрашнего дня ему уже негде будет укрыться. А теперь разрешите еще раз поблагодарить и поздравить вас, комиссар, и сиять с ваших плеч нелегкое бремя этого расследования. Надеюсь, в ближайшие часы нам не потребуется ваша помощь. Вы выполнили свою задачу. Еще раз большое спасибо.

Лебель часто заморгал, поднялся со своего места и с достоинством поклонился этому собранию могущественных людей, командующих тысячами чиновников и распоряжающихся миллионами франков. Все ответили ему теплыми улыбками. Комиссар повернулся и покинул кабинет Впервые за эти десять дней Клод Лебель шел спать домой Когда он повернул ключ в двери своей квартиры и услышал первые упреки жены, часы как раз пробили полночь. Наступило 23 августа.

Глава 20

В 11 часов вечера Шакал вошел в бар. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы в полумраке как следует разглядеть зал. У левой стены находилась длинная стойка, позади которой поблескивали, отражаясь в зеркалах, разнокалиберные бутылки. Дверь за Шакалом закрылась, и бармен уставился на него с нескрываемым любопытством.

Помещение было узким и длинным, с небольшими столиками у правой стены В дальнем конце зал расширялся, здесь располагались столики побольше, на четыре и на шесть человек У стойки в ряд стояло несколько высоких табуретов. Большинство посетителей были постоянными клиентами этого заведения.

Беседа за столиками у двери резко оборвалась, и все взглянули на вошедшего. Те, кто сидел в глубине зала, тоже не могли оторвать взглядов от атлетически сложенного молодого человека, стоящего у входа. Некоторые шепотом обменялись репликами и хихикнули.

Шакал прошел между столиками и спокойно

уселся на свободный табурет у дальнего конца стойки. Позади него раздался быстрый шепот. Ты только посмотри, какие мускулы! О, дорогой, я просто с ума сойду!

Бармен подошел поближе, чтобы получше рассмотреть нового посетителя... Его накрашенные губы расплылись в улыбке.

- Бонжур, мсье, - вкрадчиво произнес он.

Позади раздались приглушенные смешки.

- Виски, - заказал Шакал.

Восхищенный бармен отошел вихляющей походкой. "Вот это да! Мужчина! Настоящий мужчина! Веселенький будет вечерок."

В глубине зала "голубая" братия наводила маникюр. Большинство ожидали своих постоянных кавалеров, но некоторые были свободны и с вызовом поглядывали по сторонам.

"Этот парень произведет сегодня настоящую сенсацию ", - подумал бармен.

Сосед Шакала повернулся и стал рассматривать его с неприкрытым любопытством. Его тщательно завитые золотистые волосы локонами падали на лоб, придавая ему сходство с молодым древнегреческим богом. Но на этом сходство и кончалось. Глаза были сильно накрашены, губы лоснились от помады, на щеках лежал толстый

слой пудры. Однако весь этот грим не мог скрыть ни усталого лица стареющего дегенерата, ни пустых глаз, горящих похотливым, голодным блеском.

- Ты меня угостишь? - пропищал он женским голосом.

Шакал отрицательно покачал головой. Сосед кокетливо фыркнул, изображая обиду, и вновь повернулся к своему приятелю.

Они продолжили прерванный разговор, вздыхая и попискивая в притворном страхе.

Шакал снял куртку и потянулся за принесенным барменом стаканом. Мускулы под тонкой футболкой заиграли и напряглись.

Бармен не мог оторвать от посетителя восторженного взгляда. "Просто решил пропустить пару стаканчиков? Нет, не может быть. Он пришел бы не сюда. И уж, конечно, не "мальчик", ищущий себе молоденькую "девчонку". Иначе он неотшил бы бедняжку Коррину, которая попросила угостить ее. Скорее всего, он... Очаровательно! Прелестный молодой принц ждет, чтобы его пригласила домой какая-нибудь старая опытная королева. Нет, сегодня определенно будет весело!"

Сразу после полуночи "голубые" начали раз-

биваться на пары. Откинувшись на стульях и стреляя глазами, они время от времени знаком подзывали бармена и что-то шептали ему на ухо. Тот возвращался за стойку и кивал одной из "девчонок":

- Дорогуша, господин Пьер приглашает тебя на пару слов. Постарайся быть с ним поласковее. И, ради бога, не пищи так громко, как в прошлый раз.

Вскоре сделал свой выбор и Шакал. Уже несколько минут два престарелых гомосексуалиста строили ему глазки из дальнего конца зала. Они сидели за разными столиками и время от времени бросали друг на друга злобные взгляды. Один из них был толстяк с заплывшими жиром маленькими поросячьими глазками и двойным подбородком. Складки на шее переваливались через воротник рубашки. Всем своим видом он напоминал огромную, раскормленную свинью. Другой же, наоборот, был поджарым и щеголеватым, с тонкой цыплячьей шеей и лысиной на макушке, тщательно замаскированной зализанными на нее жидкими волосами. Он был одет в прекрасно сшитый костюм с узкими брюками. Из-под рукавов пиджака виднелись кружевные манжеты рубашки. Вокруг шеи был повязан тон-

кий шелковый платок, делающий его немного похожим на артиста или модельера. "Скорее всего, парикмахер", - решил Шакал.

Толстяк поманил бармена и что-то прошептал ему на ухо, сунув в карман крупную купюру. Бармен возвратился к стойке и обратился к Шакалу:

- Мсье спрашивает, не будете ли вы так любезны составить ему компанию и выпить вместе с ним по бокалу шампанского, - игриво подмигнул он.

Шакал поставил стакан на стойку.

- Передайте мсье, - отчетливо произнес он, так, чтобы его услышали и посетители, - что он не в моем вкусе.

По залу прокатился вздох ужаса. Несколько молодых парней сползли со своих табуретов и пододвинулись поближе, чтобы не пропустить ни одного слова.

Глаза бармена расширились от страха:

- Мсье просто предлагает тебе бокал шампанского, дорогуша. Мы все хорошо знаем и уважаем его. Не стоит быть таким дикарем.

Не ответив, Шакал встал с табурета, взял свой стакан и не спеша направился к другой "старой королеве":

- Разрешите присесть за ваш столик? - спросил он. - Этот тип меня раздражает.

Щеголь едва не потерял сознание от счастья.

Через несколько минут толстяк, задыхаясь от обиды, покинул бар. Его счастливый соперник положил свою костлявую морщинистую руку на руку молодого американца и принялся рассказывать своему новому другу, какие ужасные манеры бывают у некоторых людей.

Во втором часу ночи Шакал вместе со своим спутником вышел из бара. Несколькими минутами раньше щеголь, чье имя было Жюль Бернар, спросил Шакала, где тот остановился. Смутившись, американец ответил, что, по правде говоря, ему негде ночевать, он всего лишь бедный студент, у которого кончились деньги.

Бернар просто не верил своему счастью. Он несмело сообщил молодому другу, что у него есть чудесная уютная квартирка, красиво оформленная и очень тихая. Он живет один, и никто не будет надоедать им. Со своими соседями он не общается, потому что "они ужасно грубые люди" Он будет очень рад, если Марти согласится погостить у него, пока будет находиться в Париже. Расчувствовавшись, американец горячо поблагодарил и согласился.

Перед тем как покинуть бар, Шакал заскочил в туалет (единственный в заведении) и через

несколько минут вышел оттуда с ярко накрашенными глазами, напудренными щеками и толстым слоем помады на губах. Бернару это совсем не понравилось, но он сдерживался, пока они находились в баре. На улице же француз не выдержал:

- Знаешь, тебе не идет грим. Он делает тебя похожим на этих - дешевых кукол из бара. Ты и без косметики очень красивый парень.

- Извини, Жюль. Я думал, тебе понравится. Хорошо, сотру, когда приедем домой.

Немного успокоившись, Бернар направился к машине. Он согласился отвезти своего нового друга сначала на вокзал Аустерлиц, чтобы забрать багаж.

На первом же перекрестке их остановил полицейский. Когда он наклонился к окошку водителя, Шакал включил внутренний свет. Несколько секунд полицейский в недоумении разглядывал странную парочку, затем с отвращением отвернулся.

- Проезжайте, - скомандовал он без расспросов, и когда машина отъехала, тихо добавил: - Педики вонючие.

Возле самого вокзала их снова остановили, и на этот раз полицейский попросил предъявить

документы. Шакал кокетливо захихикал:

- И это все, что тебе нужно, милашка? - игриво спросил он.

- Заткнись, голубизна, - буркнул полицейский и отошел.

- Тебе не следует так раздражать их, - взмолился Бернар. - Они могут нас арестовать.

Вызвав гримасу омерзения у дежурного клерка, Шакал забрал свой багаж из камеры хранения и запихал в багажник автомобиля Бернара.

За несколько сот метров до дома их остановил еще один патруль. На этот раз это были сотрудники CRS, сержант и рядовой. Солдат обошел машину и вгляделся в лицо Шакала:

- О, Господи. Куда это вы направляетесь?

- А ты сам как думаешь, душечка? - подмигнул Шакал. Солдат поморщился.

- Просто тошнит от вашей братии. Проваливайте.

- Нужно было проверить у них документы, - обратился сержант к рядовому, когда машина Бернара скрылась из виду.

- Да брось ты, Серж, - возразил солдат. - Мы ищем мужика, который соблазнил и угрохал баронессу, а вовсе не парочку этих паршивых педиков.

К двум часам ночи Шакал и Бернар уже были

дома. Шакал настоял на том, чтобы переночевать на диване в кабинете Бернара, и тому пришлось подавить в себе желание, хотя он и подсматривал сквозь стеклянную дверь, как раздевается "американец". "Несомненно, будет нелегко соблазнить этого мускулистого нью-йоркского студента".

Ночью Шакал тихо пробрался в прекрасно оборудованную кухню и проверил содержимое холодильника. "На три дня еды вполне достаточно, - решил он, - но только для одного, а не для двоих".

Проснувшись, Бернар собрался было в магазин за молоком, но Шакал остановил его, заверив, что предпочитает кофе со сгущенными сливками. Все утро они провели за беседой. В полдень Шакал включил телевизор, чтобы послушать новости.

Первый же сюжет был посвящен поискам убийцы баронессы де ла Шалонье. Бернар взвизгнул от страха:

- О, Боже! Терпеть не могу насилия!

Затем на экране появилась фотография молодого человека в роговых очках с приятными чертами лица и каштановыми волосами. Как объявил диктор, этот американский студент по имени Марти Шульберг и был убийцей. "Если кто-нибудь видел этого человека или знает о его

местонахождении..."

Бернар повернул голову и взглянул на своего нового друга. Последнее, что он подумал, было то, что диктор был не прав, объявив, что у Шульберга голубые глаза. Глаза, смотревшие на него сверху вниз, были серыми и беспощадными. В следующее мгновение железные руки "студента" уже словно клещами сжали его тонкую цыплячью шею...

Через несколько минут Жюль Бернар с перекошенным лицом, спутанными волосами и вывалившимся языком был заперт в стенном шкафу. Шакал взял с полки первый попавшийся журнал и поудобнее устроился в кресле. Ждать оставалось два дня.

* * *

За эти два дня Париж был обшарен вдоль и поперек. Полиция обыскала каждую гостиницу, начиная от лучших фешенебельных отелей и заканчивая самыми низкопробными борделями. Были проверены все пансионаты, общежития и ночлежки. Люди в штатском заходили в рестораны, ночные клубы, кабаре и кафе, показывая фотографию убийцы официантам, барменам и вышибалам. Квартиры всех известных полиции

сторонников и сочувствующих ОАС были перевернуты вверх дном. Более семидесяти молодых людей, внешне похожих на убийцу, были схвачены, допрошены и отпущены. Всем им были принесены глубочайшие извинения, поскольку задержанные оказались иностранцами и требовали более вежливого обращения, чем простые французы.

Сотни тысяч людей были остановлены на улицах, в автобусах и такси для проверки документов. На всех главных магистралях, ведущих в Париж, были выставлены полицейские кордоны, и водители подвергались нескольким проверкам на каждом километре.

Корсиканцы прочесывали подпольный мир французской столицы, обшаривая притоны, опрашивая сутенеров, проституток, воров-карманников, грабителей, жуликов и просто уличных хулиганов, предупреждая, что всякий, кто скроет какую-либо информацию об убийце, навлечет на себя гнев "Союза чести" со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Сто тысяч человек, начиная от старших детективов и заканчивая солдатами и жандармами, принимали участие в поисках. Около пятидесяти тысяч воротил преступного мира и подпольно-

го бизнеса вглядывались в проходящие мимо лица. Служащие сферы туризма день и ночь не смыкали глаз. Студенческие кафе, бары, дискуссионные клубы, политические кружки и союзы были напичканы молодыми детективами. Не обошли стороной и агентства, специализирующиеся на размещении во французских семьях иностранцев, прибывающих в страну по линии студенческого обмена.

Вечером 24 августа, когда комиссар Клод Лебель проводил субботний день за работой в саду, ему позвонили по телефону и срочно вызвали в Министерство. Машина заехала за ним в 18.00.

Увидев министра, комиссар был поражен происшедшей с ним переменой. Всегда энергичный шеф аппарата безопасности выглядел усталым и утомленным. За последние двое суток он заметно постарел и осунулся, под глазами появились темные круги.

Министр предложил Лебелю стул напротив своего письменного стола, а сам уселся на вращающееся кресло, на котором раньше он так любил время от времени поворачиваться, чтобы полюбоваться из окна прекрасным видом на Елисейский Дворец.

- Мы не можем его найти, - коротко сообщил ми-

нистр. - Он пропал, исчез с лица земли. Я убежден, что даже сами оасовцы не знают, где он. "Союз чести" считает, что его вообще нет в городе.

Министр замолчал и вздохнул, с надеждой глядя на сидящего напротив него маленького комиссара. Тот быстро заморгал, но не проронил ни слова.

- Следует признать, что мы так до конца и не осознавали, какого человека преследовали все эти две недели. Что вы думаете по этому поводу, комиссар?

- Он где-то здесь, - произнес Лебель. - Какие меры предприняты по поводу завтрашнего дня?

По лицу министра можно было предположить, что он ощущает невыносимые физические страдания.

- Сегодня утром я встречался с Президентом. Он не желает и слушать о том, чтобы хоть что-то изменить в процедуре завтрашнего праздника. Итак, его маршрут остается обычным. В 10 часов утра генерал будет зажигать Вечный огонь под Триумфальной Аркой. В 11 - Торжественная месса в соборе Нотр-Дам. Посещение могилы павших борцов Сопротивления в 12.30. Затем Президент возвращается во Дворец на ленч и небольшой отдых. После обеда - церемония вручения медалей

"Освобождения" группе ветеранов Сопротивления, признание заслуг которых запоздало по ряду обстоятельств. Награждение будет проходить в 16 часов на площади перед вокзалом Монпарнас. Президент сам выбрал это место. Как вы, наверное, знаете, уже начались работы по строительству нового здания вокзала, которое будет возведено в полукилометре от нынешнего. Место старого здания займут офисы и торговый центр. Если реконструкция будет проходить по плану, то это может быть последний День Освобождения, который проходит перед зданием старого вокзала.

- А как предполагается изолировать зрителей?

- Мы все работали над этой проблемой. Завтра толпа будет отодвинута немного дальше, чем во время предыдущих праздников. За несколько часов до начала каждой церемонии полиция установит металлические барьеры. Зона внутри ограждения будет тщательно осмотрена, включая канализационные люки. Наши люди обыщут каждый дом, каждую квартиру. Во время церемоний на крышах прилегающих зданий засядут вооруженные наблюдатели, осматривая крыши и окна домов напротив. Кроме официальных лиц и участников церемонии никто не сможет

проникнуть за ограждения. Предприняты также и другие дополнительные меры. На крышах, карнизах и башнях собора Нотр-Дам будут скрываться полицейские. Все принимающие участие в мессе священники, служки и певчие будут подвергнуты обыску. На случай, если убийца вдруг решит переодеться в солдата безопасности, все полицейские и сотрудники CRS завтра утром получат специальные значки, которые будут прикреплены на отворотах кителей. За прошедшие сутки мы тайно установили на президентском " Ситроене" пуленепробиваемые стекла. Кстати, никому ни слова об этом. Даже Президент ничего не должен знать, иначе нам не поздоровится. За рулем, как всегда, будет Маро, но он проинструктирован вести машину быстрее, чем обычно, на случай, если нашему "другу" взбредет в голову выстрелить в машину на ходу. Дюкре подобрал для охраны самых рослых полицейских и чиновников, которые незаметно все время будут окружать генерала.

Кроме того, всякий, без исключения, кто приблизится к президенту ближе, чем на 200 метров, будет подвергнут тщательному обыску. Это, конечно же, вызовет большой шум протеста среди дипломатического корпуса и представителей

прессы. Все пропуска у дипломатов и корреспондентов будут завтра рано утром неожиданно заменены, если вдруг Шакал попытается украсть или подделать такой пропуск. Само собой, всякий, у кого в руках будет замечен длинный предмет или подозрительный сверток, будет немедленно задержан. Ну что, есть ли у вас еще предложения?

Лебедь на минуту задумался, зажав ладони между коленей, как школьник, пытающийся оправдаться перед учителем. По правде говоря, меры, предпринятые Пятой Республикой, просто ошеломили полицейского, который привык всю свою жизнь ловить преступников только благодаря своей наблюдательности и логическому мышлению.

- Не думаю, что он станет подвергать себя такому риску, - наконец произнес комиссар, - это было бы равносильно самоубийству. Он наемник, он убивает за деньги. И для того, чтобы иметь возможность их тратить, ему необходимо сначала скрыться. Убийца разработал план заранее, во время своей июльской разведывательной поездки. Если бы у него возникли сомнения насчет успешного завершения операции или насчет шансов скрыться, то он уже давно должен был

отказаться от покушения. Поэтому я считаю, что Шакал приготовил нам какой-то сюрприз. Он вычислил, что в этот единственный день в году, День Освобождения, гордость де Голля не позволит ему остаться дома, невзирая ни на какую опасность. Вероятно, убийца предвидел все перечисленные вами меры, которые будут предприняты после того, как нам станет известно о его намерении. И тем не менее, он не отступил.

Лебель встал и, забыв о правилах этикета, нервно зашагал взад и вперед по комнате.

- Да, он не отступил. И не отступит. Почему? Потому что уверен, что ему все же удастся совершить убийство и безнаказанно скрыться. Скорее всего, Шакал придумал что-то совершенно неожиданное, что-то такое, о чем мы не сможем догадаться. Это может быть мина с дистанционным управлением или винтовка. Но мину легко обнаружить и сорвать этим все его планы. Значит, винтовка. Поэтому нашему мистеру Даггану и необходимо было въехать во Францию на автомобиле. Винтовка была в машине, вероятнее всего, приварена к раме или спрятана под обшивкой.

- Но он не сможет подобраться к де Голлю с винтовкой! - вскричал министр. - Никто не сможет

приблизиться к нему, кроме узкого круга лиц, да и те будут подвергнуты обыску Каким образом сможет он пробраться с оружием за ограждения?

Лебель перестал мерить шагами комнату, взглянул на министра и пожал плечами:

- Не знаю. Но он думает, что сможет. А за все это время он не допустил еще ни одного промаха, кроме того, что в чем-то ему везло больше, а в чем-то меньше. Несмотря на то, что его преследуют две лучшие в мире полицейские службы, убийца здесь. И с ним винтовка. Он надежно скрывается где-то, возможно, уже с новым лицом и новыми документами. Но в одном можно быть уверенным, господин министр, где бы он ни был, завтра он обязательно объявится. А из этого следует, что нужно смотреть в оба, как говорят детективы. Что же касается предпринимаемых мер безопасности, то я, к сожалению, не могу предложить вам ничего нового, господин министр. Они более чем достаточны. На мой взгляд, они просто непреодолимы. Поэтому я прошу вашего разрешения просто лично присутствовать на каждой церемонии и попробовать вычислить убийцу прямо на месте. Это единственное, что нам остается.

Министр был явно разочарован. Он надеялся,

что на человека, которого две недели назад Бувье представил как лучшего детектива Франции, должно было снизойти вдохновение или великое озарение. А вместо этого его единственным советом было "смотреть в оба". Министр встал.

- Конечно, - холодно произнес он, - Пожалуйста, присутствуйте, господин комиссар.

* * *

В этот же вечер в спальне Бернара Шакал занимался последними приготовлениями. На кровати лежала пара истоптанных черных ботинок, серые шерстяные носки, брюки и рубашка с открытым воротом, длинная солдатская шинель и черный берет ветерана войны Андре Мартена. Сверху были разложены изготовленные в Брюсселе фальшивые документы, удостоверяющие личность нового обладателя этой видавшей виды одежды.

Рядом лежал кусок тесьмы, купленной в Лондоне, а также 5 стальных трубок, вмещающих в себя приклад, затвор, ствол, глушитель и оптический прицел винтовки. Там же находился и кусок черной резины, в который были вставлены пять патронов с разрывными пулями.

Шакал вытащил два патрона и с помощью

плоскогубцев, которые нашел под раковиной в ящике с инструментами, аккуратно вытащил пули и вытряхнул из гильз порох. Ненужные теперь гильзы и пули он выбросил в мусорное ведро. Оставалось еще три патрона. Этого было вполне достаточно.

Шакал не брился уже двое суток, и его лицо было покрыто жесткой светлой щетиной. Он прошел в ванную и поскреб его опасной бритвой, купленной сразу же по приезде в Париж. Поскреб неровно и неаккуратно. На полке стояли флаконы из-под лосьона, в которых на самом деле находился краситель. Шакал уже использовал его однажды, превращаясь в пастора Йенсена. Рядом стоял флакон с растворителем. Шакал уже смыл каштановый цвет волос Марти Шульберга и теперь, сидя перед зеркалом, обрезал свои белокурые волосы все короче и короче, пока концы не начали торчать неровными пучками.

Закончив последние приготовления, Шакал поджарил себе омлет и уселся перед телевизором, чтобы посмотреть перед сном развлекательную программу.

* * *

Воскресенье 25 августа 1963 года выдалось на редкость жарким. Стоял такой же зной, как и ровно год и три дня тому назад, когда подполковник Жан-Мари Бастьен-Тери предпринял со своими людьми очередную попытку совершить убийство Шарля де Голля у перекрестка Пти-Кламар. Сами того не подозревая, в тот августовский вечер 1962 года заговорщики положили начало длинной цепи событий, которые должны были завершиться раз и навсегда лишь этим душным летним днем.

Весь Париж вышел на празднование Дня освобождения Франции от немецких захватчиков, и 75 тысяч полицейских выбивались из сил, пытаясь поддерживать общий порядок Все население города устремилось на красочно разрекламированные церемонии, проводимые в День Освобождения Хотя большинству горожан так и не удалось увидеть главу правительства, гордо шествующего в окружении охраны, полиции и свиты.

Кроме рослых офицеров и чиновников, специально приглашенных в свиту Президента в качестве живого заслона (о чем те даже и не подозревали), все четыре телохранителя де Голля

постоянно находились рядом с ним.

Благодаря близорукости и упорному нежеланию носить очки на публике Президент не замечал мощных фигур Роже Тесьера, Поля Комити, Раймонда Сасла и Анри де Жубера, не отходивших от него ни на шаг.

Пресса окрестила этих людей "гориллами" и многие думали, что такое прозвище дано им за грозный и свирепый внешний вид. В действительности же дело было в их своеобразной походке. Каждый из телохранителей был специалистом во всех видах боевых искусств, с огромными мышцами, широкими плечами и объемной грудной клеткой Когда мышцы напрягались, руки растопыривались в стороны Кроме этого, у каждого под мышкой постоянно был пистолет, который он мог легко выхватить из кобуры и открыть огонь в случае малейшей опасности.

Но опасности не было. Церемония у Триумфальной Арки прошла точно по плану, в то время как на всех домах, амфитеатром прилегающих к площади Звезды, засели сотни вооруженных наблюдателей с биноклями и, прячась за печными трубами, следили за ходом праздника. Когда президентская колонна выехала, наконец, на

Елисейские Поля и двинулась в направлении собора Нотр-Дам, все облегченно вздохнули и начали спускаться вниз.

Торжественная месса тоже прошла спокойно. Ее возглавлял кардинал Архиепископ Парижа. Его окружали прелаты и священники, каждого из которых обыскали во время облачения. В хорах органа засели двое снайперов (даже сам архиепископ не знал об этом) и сверху наблюдали за собравшимися. Среди участников богослужения добрую половину составляли полицейские в штатском. Они не преклоняли колени и не закрывали глаза, но не менее неистово, чем все остальные, шептали про себя старую полицейскую молитву: "Боже, прошу тебя, только не сейчас, когда я на службе..."

Нескольких зрителей, несмотря на то, что те стояли на расстоянии двухсот метров от входа в собор, моментально оттеснили в сторону, когда полицейские заметили, что они сунули руки под пиджак. Оказалось, один хотел почесать под мышкой, а другой полез за сигаретами.

Но ничего не происходило. Не раздалось ни выстрела с крыши, ни взрыва бомбы. Полицейские уже начали коситься друг на друга, проверяя наличие у своих коллег необходимого значка,

выданного только сегодня утром, чтобы Шакал не мог подделать его и переодеться стражем порядка. Одного сотрудника CRS, потерявшего свой значок, сразу же арестовали, разоружили и запихнули в полицейский фургон. Только к вечеру, после того, как 20 сослуживцев подтвердили его личность, несчастный был освобожден.

В Монвалерьен атмосфера накалилась до предела. Но даже если Президент и замечал это, то не подавал вида. По мнению сотрудников безопасности, в этом рабочем пригороде лишь внутри самого мемориала Президент мог быть в относительной безопасности. На узких же улочках, ведущих к тюрьме, машина Президента, вынужденная сбрасывать скорость на поворотах, вполне могла подвергнуться нападению убийцы.

Но Шакал в это время находился совсем в другом месте.

* * *

Пьер Вальреми был сыт по горло. Он задыхался от жары, мокрая от пота форменная рубашка прилипла к телу, ремень автоматического карабина тер плечо. Мучала нестерпимая жажда. Было время ленча, но Пьер знал, что сегодня ему не придется поесть до самого вечера. Он уже начал

жалеть, что вообще пошел служить в CRS.

Когда в Руане он был уволен с фабрики по сокращению штата, служащий биржи труда указал ему на плакат, с которого улыбался веселый, бравый парень в форме сотрудника CRS, сообщая всему миру о том, что у него интересная жизнь и перспективная работа. Новая с иголочки форма сидела на солдате как влитая. И Вальреми принял решение.

Но бравый парень с плаката не мог рассказать ему ни о жизни в казармах, похожих на тюремные казематы, ни об изнурительной муштре, ни о ночных марш-бросках, ни о томительном уличном патрулировании на пронизывающем холоде или палящем зное. Пьер ожидал от своей службы Великого Случая, но ничего не происходило. Документы у проверяемых всегда были в полном порядке, род занятий - мирный и безобидный, а кроме нескольких выпивших водителей, преступников больше не попадалось.

И вот Париж. Впервые в своей жизни он оказался в столице. Пьер представлял себе сверкающие огни огромного города. Но перед его глазами снова мелькало лишь лицо сержанта Барбини, командира взвода. И снова повторилось то же самое.

- Видишь это ограждение, Вальреми? Стой здесь, наблюдай. Следи, чтобы его не сдвинули, и не пускай никого без специального пропуска. Вопросы есть?

Да уж, ответственное задание, нечего сказать. В этот День Освобождения парижское начальство просто с ума посходило. Вызвали несколько тысяч полицейских со всей страны для оказания помощи столичным воякам. Вчера вечером, когда их разместили по казармам, вместе с ним ночевали парни еще из десяти городов. Ходят слухи, что кто-то кого-то ловит. Но все это слухи, одни только слухи. Все равно не произойдет ничего интересного.

Вальреми обернулся и посмотрел на улицу Рю де Рене. Заграждение, которое он охранял, перекрывало дорогу поперек от одного здания до другого в 250 метрах от Площади 18 июня. В сотне метров за площадью виднелся фасад железнодорожного вокзала, перед которым должна была проходить праздничная церемония. Он мог разглядеть людей, размёчающих места, где должны будут стоять ветераны, официальные лица и отряды республиканской гвардии. Еще целых три часа. Боже, кажется, это пекло никогда не кончится!

За линией заграждения начали собираться первые зрители. "У них просто фантастическое терпение, - подумал про себя Вальреми. - Подумать только, три часа париться на такой жаре только для того, чтобы с расстояния трехсот метров увидеть толпу людей и знать, что где-то в середине этой массы стоит де Голль". Но народ всегда собирался, когда должен был выступать Большой Шарль.

У барьера столпилась уже добрая сотня зевак, когда Вальреми заметил старика. Тот ковылял по улице с таким жалким видом, что, казалось, вот-вот упадет. Струйки пота стекали из-под черного берета, длинная шинель свисала ниже колена. На груди блестели и позвякивали медали. Толпа зрителей у барьера смотрела на беднягу с чувством жалости и сострадания.

"Эти престарелые ветераны вечно носятся со своими медалями, как будто это самое главное, что у них есть в жизни, - подумал Вальреми. - Хотя, может быть, только это у них и осталось. Особенно если на войне тот лишился ноги." Старик, хромающий навстречу Вальреми, напомнил ему старую подбитую чайку, которую он видел однажды на морском побережье Кермаде. Трудно было даже представить, что когда-то этот человек

тоже был молодым. "Подумать только, прожить остаток своих дней вот так, хромая на одной ноге в обнимку с алюминиевым костылемI"

Старик подковылял, наконец, к Вальреми.

- Вы разрешите мне пройти? - робко спросил он.

- Давай сначала проверим твои документы, папаша.

Старый ветеран суетливо полез в карман давно не знавшей стирки рубашки и протянул Вальреми две замусоленные книжечки. Тот открыл их и прочел: Андре Мартен, гражданин Франции, 53 года, родился в г. Кольмар, Эльзас, житель Парижа. Второй документ был выписан на то же имя. Сверху было написано "Инвалид войны".

"Да, здорово тебе досталось," - подумал Вальреми.

Он рассмотрел фотографии на документах. На них был изображен один и тот же человек, хотя и в разное время. Вальреми поднял голову.

- Снимите берет, - мягко попросил он.

Старик поспешно стащил с головы берет и скомкал в руке. Вальреми сравнил лицо ветерана с изображениями на фотографиях. Конечно, это был он. Хотя человек, стоящий перед ним, выглядел еще более болезненно. Он, видимо, порезался

во время бритья, и сейчас места порезов были залеплены маленькими кусочками туалетной бумаги, сквозь которые проступали пятнышки крови. Лицо было землисто-серым и влажным от пота. Седые волосы пучками торчали в разные стороны.

Вальреми вернул документы.

- Зачем тебе нужно туда, отец?

- Я там живу, - ответил старик. - Я сейчас на пенсии, и мне дали квартиру в мансарде.

Вальреми снова взял удостоверение личности и прочел адрес: шестой парижский район, улица Рю де Рене, 154. Он взглянул на номер ближайшего дома, 132. "Все понятно, - подумал Вальреми, - дом 154 находится дальше по улице. Что ж, он не получал приказов не пускать людей в свои собственные квартиры."

- Хорошо, папаша, можешь проходить. Но поторапливайся, через несколько часов здесь будет Большой Шарль.

Старик улыбнулся, поспешно спрятал в карман документы и едва не упал, потеряв равновесие. Но Вальреми вовремя поддержал его под локоть.

- Я знаю, - произнес ветеран. - Один мой старый фронтовой друг тоже получил медаль уже после войны. А мне вручили мою два года назад, - он

указал на медаль на груди. - Но я получил ее от командующего ВВС.

Вальреми посмотрел на медаль. "Медаль Освобождения", -прочел он. - Ну и что? Неужели этот паршивый кусочек металла стоит того, чтобы на всю жизнь остаться за него калекой?"

Вспомнив, что он на службе, Вальреми сделал старику знак проходить. Тот молча заковылял по улице, а солдат повернулся уже, чтобы остановить какого-то слишком прыткого зеваку, попытавшегося проскользнуть за ограждение:

- Тише, тише, бросай эти фокусы, приятель. Если хочешь посмотреть, спокойно стой за барьером, - строго прикрикнул он.

Старый солдат уже скрылся из виду в дальнем конце улицы, прилегающей к площади.

* * *

Мадам Берте вздрогнула, заметив, что на нее упала чья-то тень. День сегодня выдался на редкость суматошный. Полиция обыскала утром все квартиры. Что сказали бы жильцы, если бы были дома? К счастью, все они уехали в отпуск.

Когда полиция ушла, старушка смогла, наконец, усесться на свое обычное место у дверей и более-менее спокойно заняться вязанием. Це-

ремония, которая должна была начаться через два часа в сотне метров отсюда, нисколько не интересовала ее.

- Простите, мадам.,. Можно попросить у вас стакан воды. Сегодня так жарко... Боюсь, что не смогу дождаться начала церемонии...

Старушка подняла голову и взглянула на стоящего перед ней старого ветерана. На нем была такая же форма, какую носил когда-то ее покойный муж. Слева на груди поблескивали на солнце медали. Старик тяжело опирался на костыль, из-под длинной шинели виднелась его единственная нога. Лицо было потным и изможденным. Мадам Берте собрала вязание и сунула в карман фартука.

- Бедняга. Вы пришли так рано. Церемония начнется только через два часа. А вы без ноги... И на такой жаре... Ну, заходите, заходите...

Она засеменила к стеклянной двери в свою каморку. Ветеран заковылял следом.

Сквозь шум льющейся из крана воды мадам Берте не услышала, как захлопнулась дверь в коридор. Она почувствовала только, как пальцы человека схватили ее сзади за нижнюю челюсть и зажали рот. Совершенно неожиданно раздался хруст суставов под правым ухом. Струйка воды

и стакан в руке вдруг рассыпались в глазах на тысячи мелких разноцветных осколков, и ее обмякшее тело беззвучно опустилось на пол.

Шакал расстегнул шинель и потянул тесьму, освобождая привязанную сзади согнутую ногу. Он попытался выпрямить ее, и лицо его исказилось от бели. Несколько минут Шакал растирал бедро и голень, дожидаясь притока крови.

Через пять минут мадам Берте была связана по рукам и ногам. Рот был заклеен большим куском пластыря.

Ключи от квартир лежали в ящике стола. Снова застегнув шинель, Шакал поднял костыль, тот самый, на который опирался двадцать дней назад в аэропортах Милана и Брюсселя, и осторожно выглянул наружу. В подъезде никого не было. Он запер дверь каморки и быстро поднялся вверх по лестнице.

На шестом этаже Шакал остановился и постучал в дверь квартиры мадмуазель Беранже. Оттуда не доносилось ни звука. Он постучал снова. Но и на этот раз ответом ему была полная тишина. За дверью квартиры мсье и мадам Шарье тоже было тихо. Отыскав в связке ключ от квартиры Беранже, Шакал вошел внутрь и запер за собой дверь.

Он подошел к окну и осторожно выглянул наружу. Через дорогу, на крышах стоявших напротив домов люди в голубой униформе занимали исходные позиции. Он успел как раз вовремя. Вытянув руку, Шакал тихо открыл окно и отступил в глубь комнаты. Сквозь оконный проем в комнату падал луч света, ярким квадратным пятном освещая ковер на полу. Благодаря контрасту света и тени остальная часть помещения казалась темной и, когда Шакал стоял вне освещенного участка, наблюдатели с дома напротив не могли видеть его.

Внизу на расстоянии 130 метров находилась площадь. В двух метрах от окна Шакал установил обеденный стол, уложив на него пару подушек с кресла, образовав таким образом упор для стрельбы.

Убийца снял шинель и закатал рукава рубашки. Затем взял костыль и начал разбирать его на составные части. Он открутил снизу резиновый колпак, и в нем блеснули капсюли трех оставшихся патронов. Тошнота и потливость после съеденного пороха из двух разобранных патронов начала немного проходить.

Шакал открутил еще одну часть костыля и вынул из нее глушитель. Затем появился оптический прицел. Из утолщенной части костыля

были извлечены ствол и затвор.

Из V-образной рамы Шакал выдвинул два стальных стержня, собрав из них приклад. Осталась обшитая мягкой тканью верхняя часть. В ней не было ничего, кроме спускового крючка, спрятанного под обшивкой. Сама же обшитая часть превратилась в упор приклада.

Аккуратно, не торопясь, Шакал собрал винтовку. Затвор, ствол, нижняя и верхняя части приклада, упор, глушитель и, наконец, спусковой крючок. Последним с легким щелчком встал на свое место оптический прицел.

Присев на стул и положив ствол винтовки на верхнюю подушку на столе, Шакал взглянул в оптический прицел. В перекрестье появилась голова одного из распорядителей праздника. Шакал подкрутил винты. Голова приблизилась и стала видна отчетливее. Совсем как та дыня в Арденском лесу.

Как солдат в окопе, Шакал выложил на край стола 3 патрона и, взведя затвор, вогнал один из них в ствол винтовки. Одного будет вполне достаточно. Остальные два - просто на всякий случай. Затем он закрыл затвор и бережно положил винтовку на стол. Достав спички и сигареты, Шакал откинулся на стуле и с удовольствием закурил.

Ждать осталось ровно 1 час 45 минут.

Глава 21

Комиссар Лебель чувствовал себя так, как будто жажда мучала его с самого рождения. Во рту было сухо, язык прилип к небу. И все это не только из-за проклятой жары. Впервые за много лет комиссар по-настоящему испугался. Он был уверен, что сегодня что-то обязательно должно произойти. А он все еще не знал, как и когда.

С утра Лебель был у Триумфальной Арки, у собора Нотр-Дам и в Монвалерьен. Но ничего не произошло. После ленча было последнее заседание в министерстве, и комиссар почувствовал, что еще недавняя тревога и нервное напряжение сменились чувством настоящей эйфории, овладевшей всеми собравшимися. Оставалась последняя церемония, и все в один голос заверяли, что преступнику никогда не удастся пробраться на надежно охраняемую Площадь 18 июня.

- Он удрал, - заявил полковник Роллан. - Да, струсил. И поступил, кстати, очень мудро. Но он не сможет скрываться долго, мои парни очень скоро схватят его.

Сейчас Лебель угрюмо бродил среди собравших-

ся на бульваре Монпарнас зрителей, оттесненных так далеко от места церемонии, что вряд ли кому-либо из них удастся увидеть то, что должно было происходить на площади. Все полицейские и сотрудники CRS, дежурившие у заграждений, получили одно и то же задание. Никто не должен проникнуть за барьер до окончания церемонии.

Все главные дороги были блокированы, боковые улицы и аллеи - тоже. На крышах засели вооруженные наблюдатели.

Здание вокзала было забито полицейскими, мансарды, выходящие на площадь, - переполнены сотрудниками безопасности, которые засели и на крышах ангаров, возвышающихся над пустыми платформами, поезда с которых были переправлены сегодня на вокзал Сен-Лазар. Все прилегающие к площади здания были прочесаны вдоль и поперек. Большинство квартир пустовало: жильцы уехали отдыхать к морю или путешествовать в горы.

Короче, сквозь кольцо вокруг Площади 18 июня не мог бы "протиснуться и мышиный зад", как сказал когда-то комиссар Валентин.

Лебель усмехнулся, вспомнив своеобразный язык своего коллеги. Но улыбка вдруг исчезла с его лица. В свое время Валентин так и не смог

остановить Шакала.

Предъявив удостоверение, комиссар прошел по узким боковым улочкам и оказался на Рю де Рене. Там была все та же картина. Дорога заблокирована в двухстах метрах от площади, за ограждением толпился народ. Улица перед барьером была пуста, если не считать патрульного CRS. Лебель снова начал расспросы.

Кто-нибудь проходил? Нет, мсье. Совсем никто? Нет, мсье. На площади перед зданием вокзала оркестр республиканской гвардии уже настраивал инструменты. Лебель взглянул на часы. Генерал должен был появиться с минуты на минуту. Кто-нибудь проходил? Нет, мсье. Здесь не проходил никто. Хорошо, продолжайте патрулировать.

Вдали раздался звук громкого приказа, и с бульвара Монпарнас на Площадь 18 июня вылетел президентский кортеж. Лебель увидел, как он развернулся у входа в вокзал и полицейские застыли, вытянувшись в струнку. Взгляды парижан, столпившихся за барьером, устремились на сверкающие на солнце лимузины, толпа напряглась и пододвинулась вплотную к заграждению. Лебель поднял голову и посмотрел на крыши домов. Молодцы ребята. Наблюдатели не обращали никакого внимания на спектакль,

начинающийся внизу. Их взгляды скользили по окнам и крышам зданий на другой стороне улицы, готовые уловить малейшее движение.

Лебель перешел на западную часть улицы Рю де Рене. Молодой сотрудник CRS стоял в проеме между стальным барьером и стеной дома № 132. Комиссар предъявил удостоверение, и солдат застыл по стойке "смирно".

-Кто-нибудь проходил здесь? - начал Лебель.

- Никак нет, мсье.

- Сколько ты уже здесь стоишь?

- С 12 часов, мсье. Заступил сразу же после того, как перекрыли улицу.

- И никто не проходил?

- Никак нет, мсье. Правда... Прошел один старик. Калека. Но он живет на этой улице.

- Какой калека? - встрепенулся Лебедь.

- Старик, мсье. Больной как собака. Я проверил удостоверение личности и документ инвалида войны. Он живет в доме 154 по Рю де Рене. Мне пришлось пропустить его, мсье. Он был совсем немощным. Да еще прямо парился в своей шинели. И это в такую-то жару. Какой-то чокнутый...

- В шинели?!

- Так точно, мсье. В длинной шинели. Солдатской. А сегодня такое пекло.

- А что с ним такое?

- Он совсем запарился, мсье. Жарко.

- Ты сказал, что он был калека. Я спрашиваю, что с ним такое?

- А, он без ноги, мсье. Без одной ноги. Ковылял, опираясь на костыль.

С площади раздались первые звуки оркестра. Толпа за барьером хором подхватила знакомую мелодию "Марсельезы".

- Костыль?!! - Лебедь не узнал собственного голоса. Ничего не понимая, сотрудник CRS смотрел на комиссара.

- Так точно, мсье, костыль. Как и у всех одноногих. Алюминиевый костыль.

- За мной! - крикнул Лебель и ринулся вниз по улице.

* * *

Остановившись на площади, лимузины выстроились друг за другом перед зданием вокзала. Прямо напротив них стояли в ряд десять ветеранов, которым должен был вручать медали глава правительства. Справа расположилась группа официальных лиц и представителей дипломатического корпуса, то там, то здесь в массе темно-серых костюмов мелькали красные ленты

Орденов Почетного Легиона.

Слева, в сверкающих шлемах с красными перьями, плечом к плечу застыл отряд Республиканской Гвардии. Немного в стороне от почетного караула выстроился оркестр.

Вокруг одного из стоящих у здания вокзала лимузинов собралась группа официальных лиц и штат Елисейского Дворца. Оркестр заиграл "Марсельезу".

Шакал поднял винтовку и в оптический прицел рассмотрел площадь. Стоящий ближе к нему ветеран должен был первым получить медаль. Это был низенький коренастый человек с напряженным лицом. Вся его голова помещалась в прицел. Через несколько минут напротив этого лица, но на сантиметров 30 выше, в прицеле появится лицо еще одного человека, гордое и надменное, в кепи цвета хаки, увенчанной спереди двумя золотыми звездами.

Смолкли последние аккорды государственного гимна, и их сменила полная тишина. Затем по площади эхом разнесся голос командира отряда гвардейцев:

- Смирноо-о! На караул!

Солдаты в белых перчатках четко отсалютовали оружием и щелкнули каблуками. Группа у

лимузина расступилась, и из машины появился высокий человек и зашагал в сторону выстроившихся ветеранов. Следующая за Президентом группа остановилась в 50 метрах от них, кроме Министра по делам ветеранов, который будет представлять награждаемых де Голлю, и чиновника с алой бархатной подушечкой, на которой были разложены десять медалей с разноцветными ленточками. Де Голль величественно шел впереди.

* * *

- Здесь?

Лебель остановился, переводя дыхание, и указал на вход в подъезд.

- Кажется, здесь, мсье. Да, точно, этот, второй от конца. Он вошел именно сюда.

Маленький детектив заскочил внутрь. Вальреми последовал за ним, обрадованный возможностью покинуть свой пост, где их странное поведение вызвало недовольный взгляд стоявшего поодаль старшего офицера. Ничего, если его вызовут на ковер, он всегда сможет сказать, что этот маленький смешной человечек выдавал себя за комиссара полиции, а он пытался задержать его.

Оказавшись в подъезде, детектив подскочил к каморке консьержки и рванул дверь.

- Где консьержка? - крикнул комиссар.

- Не знаю, мсье.

Но не успел солдат ответить, как коротышка уже вышиб локтем дверное стекло, просунул руку и открыл дверь изнутри.

- За мной, - приказал он и бросился в каморку.

- Как же, разбежался, - буркнул Вальреми. - По-моему, ты спятил, приятель...

Но войдя в каморку и заглянув через плечо детектива, Пьер увидел связанную консьержку, все еще без сознания лежащую на полу.

- Ну и ну, - пронеслось в голове у солдата. - Похоже, этот коротышка не шутит. Он и вправду комиссар, а они действительно преследуют настоящего преступника. Наконец-то. Вот он, его случай, его великий шанс, о котором он так долго мечтал. Но почему-то ему захотелось сейчас оказаться в казармах.

- Верхний этаж, - крикнул детектив и устремился по лестнице, удивляя своей прыткостью следующего за ним Вальреми, на ходу снимающего с плеча карабин.

* * *

Президент Франции остановился перед первым ветераном и слегка наклонился, слушая министра, рассказывавшего о его заслугах перед отечеством. Когда министр закончил, Президент склонил голову перед ветераном, затем повернулся к чиновнику и взял с подушечки первую медаль. Оркестр заиграл туш. Де Голль торжественно прикрепил медаль на грудь ветерана, отступил на шаг назад и отдал честь. В ста тридцати метрах от него на шестом этаже Шакал бережно взял в руки винтовку и приложил глаз к оптическому прицелу. Он четко различал черты лица, густые брови под козырьком кепи, внимательные глаза, длинный нос, видел руку, приложенную к козырьку. Мягко, плавно Шакал нажал на курок.

Спустя мгновенье, не веря своим глазам, он смотрел вниз на площадь. Не успела еще пуля выйти из ствола, как Президент Франции нагнул голову. Он не пытался уклониться от выстрела. Нет, де Голль торжественно приложился губами к щеке ветерана. А так как он был выше сантиметров на 30, то ему пришлось наклониться для этого традиционного поцелуя, так популярного у фран-

цузов и других народов, исключая англо-саксов.

Позже было установлено, что пуля прошла в двух сантиметрах от головы Президента. Услышал ли он свист или нет, так и осталось загадкой. Во всяком случае, он не подал виду. Министр и чиновники не услышали ничего, не говоря уже о группе, стоящей в 50 метрах от главы правительства.

Пуля вошла в раскаленный асфальт, ее разрушительная сила не причинила никакого вреда. Снова зазвучал туш. Запечатлев второй поцелуй, Президент выпрямился и степенно перешел к следующему ветерану.

Шакал злобно выругался. Впервые в жизни он не попал в неподвижную цель с расстояния 130 метров. Но постепенно он взял себя в руки и постарался успокоиться. Ничего, еще есть время. Он оттянул затвор и выбросил пустую гильзу на ковер, затем вставил второй патрон и щелкнул затвором.

Задыхаясь, Клод Лебель взбежал, наконец, на шестой этаж. Сердце было готово выскочить из груди и запрыгать вниз по лестнице. На площадке было две квартиры. Комиссар невольно замешкался, переводя взгляд с одной двери на другую. Сжимая карабин, на площадке появился

Вальреми. Вдруг из-за одной из дверей донесся приглушенный, но отчетливый хлопок. Лебель указал на дверной замок.

- Стреляй, - приказал он и отступил в сторону.

Сотрудник CRS широко расставил ноги и дал короткую очередь. Куски металла и дерева разлетелись в разные стороны. Дверь медленно отворилась вовнутрь. Вальреми первым ворвался в комнату. Лебель устремился вслед за ним. Солдат узнал торчащие в разные стороны пучки седых волос. На этом сходство кончалось. Человек стоял на двух ногах. Шинели не было, сильные молодые руки сжимали винтовку. Не дав солдату опомниться, убийца круто развернулся и выстрелил с бедра. Тихий хлопок эхом отозвался в ушах Вальреми. Пуля пробила грудь и разорвалась. Пьер почувствовал, как внутренности начали лопаться и растекаться. Дикая боль прошла по телу. Но вскоре она исчезла, свет померк, лето превратилось в зиму.

Ковер вдруг поднялся и ударил по лицу. Но нет, это он упал на пол и уткнулся лицом в ковер. Исчезло чувство боли в бедрах, в животе, в груди и шее. Последнее, что он почувствовал, был соленый вкус во рту, такой же вкус он уже чувствовал однажды после купания в море в Кермаде, где

и увидел старую подстреленную чайку. Затем наступила темнота. Стоя над его телом, Клод Лебель неотрывно смотрел в глаза убийцы, сердце больше не беспокоило его. Похоже, оно вообще перестало биться.

- Шакал, - произнес он.

- Лебель, - отозвался тот и открыл затвор винтовки.

Лебель увидел, как упала на ковер стреляная гильза. Человек взял со стола патрон и не спеша вставил его в ствол. Серые глаза, не отрываясь, смотрели на Лебеля.

- Он пытается загипнотизировать меня, - подумал комиссар, словно все происходящее касалось не его, - он собирается стрелять. Он хочет убить меня.

Но усилием воли детектив заставил себя опустить глаза и посмотреть на пол. Парень из CRS упал на бок, карабин выскользнул у него из рук и лежал прямо у ног Лебеля. Комиссар опустился на колени и поднял орудие. Держа его одной рукой, он другой пытался нащупать курок. Шакал закрыл затвор. Лебель нашел спусковой крючок карабина и с силой надавил на него. Грохот выстрелов заполнил комнату и прорвался на улицу.

Позже дотошным представителям прессы пришлось объяснять, что шум издавал мотоцикл без глушителя, который какой-то чудак решил завести в двух кварталах от места церемонии. Пол-магазина девятимиллиметровых пуль ударили Шакалу в грудь. Его перевернуло в воздухе и отбросило в угол, тело рухнуло на пол рядом с диваном, снеся на своем пути настольную лампу. Внизу оркестр заиграл туш.

* * *

В 6 часов этого же вечера суперинтенданту Томасу позвонили из Парижа. После короткого разговора он послал за старшим инспектором своего отдела.

- Все в порядке, они его прикончили, - сообщил он. - В Париже. Как говорится, нет проблем. Но все же еще раз сходите к нему на квартиру и осмотрите все хорошенько.

В 20 часов инспектор уже заканчивал осмотр квартиры Калтропа и вдруг услышал, как кто-то вошел в незапертую дверь. Инспектор обернулся. В комнате стоял незнакомый мужчина и оглядывал инспектора сердитым взглядом.

- Что вы здесь делаете? - спросил инспектор.

- Позволю задать вам тот же вопрос. Что здесь

делаете вы, черт вас подери?

- Тише, приятель, успокойся. Твое имя и документы.

- Калтроп. Чарльз Калтроп, - отчетливо произнес мужчина. - И это моя квартира. Так что же все-таки вам здесь нужно?

Инспектор пожалел, что не взял с собой оружие.

- Ну что ж, - произнес он как можно спокойнее. - В таком случае, я думаю, нам лучше проехать в Скотланд Ярд. Там тебе все объяснят.

- Чертовски правильная мысль, - согласился Калтроп. - Думаю, вам есть что объяснить.

Но на самом деле объясняться пришлось самому Калтрону. Его продержали целые сутки, пока из Парижа не пришло три подтверждения смерти Шакала, а пятеро хозяев шотландских отелей не удостоверили, что Чарльз Калтроп действительно провел прошедшие три недели на севере Сазерленд Каунта, где ловил рыбу и бродил по горам.

- Если Шакал не Калтроп, - спросил Томас инспектора, когда Калтроп был освобожден и отпущен домой, - то кто же он тогда, черт возьми?

* * *

- Здесь не может быть двух мнений, - произнес комиссар Столичной полиции своему помощнику Диксону и суперинтенданту Томасу. - Правительство Ее Величества не может допустить и мысли, что этот так называемый Шакал вообще может быть англичанином. Тем не менее, как вы знаете, известный вам англичанин находился некоторое время под подозрением. Но сейчас все выяснилось, и он полностью оправдан. Нам известно также, что во время своего задания во Франции Шакал выдавал себя за англичанина, имея на руках фальшивый британский паспорт. Но он выдавал себя также и за датчанина, и за американца, и за француза, используя два украденных паспорта и поддельные удостоверения. Нас же касается только то, что убийца въехал во Францию под фальшивым паспортом на имя Даггана и под этим именем проживал в этом городке... Гапе. Только и всего. Итак, дело можно считать закрытым, джентльмены.

На следующий день тело неизвестного было похоронено на кладбище в пригороде Парижа. На надгробье не было никакой надписи. В свидетельстве о смерти говорилось, что 25 августа

1963 года неизвестный иностранный турист был сбит мотоциклом на окраине столицы. Водитель скрылся. На процедуре погребения присутствовали священник, полицейский, стряпчий и двое землекопов. Никто не выразил никаких чувств, когда простой гроб был опущен в могилу. Кроме одного неприметного человечка, со стороны наблюдавшего за похоронами. Когда все было кончено, он повернулся и, отказавшись назвать себя, медленно зашагал прочь по узкой кладбищенской тропинке, пока его одинокая маленькая фигура не скрылась из виду. Он возвращался домой, к жене и детям.

День Шакала окончился.